ЭНЕИДА

ВИРГИЛІЯ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОДЛИННИКА
Н. КВАШНИНЪ-САМАРИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

1893.

ЭНЕИДА

ВИРГИЛІЯ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОДЛИННИКА

Н. КВАШНИНЪ-САМАРИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

1893.

2042

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 12 декабря 1892 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Публій Виргилій (правильнѣе Вергилій) Маронъ, величайшій изъ римскихъ поэтовъ, родился въ 70 году до Р. Х. въ Венетіи, въ Мантуанскомъ округѣ. Старинные венеты были, по наиболѣе правдоподобному мнѣнію, славянами; впрочемъ, населеніе Мантуи было издревле весьма смѣшаннаго происхожденія: заключая въ себѣ и венетовъ, и этрусковъ, и галловъ, а во времена Виргилія уже успѣло достаточно олатиниться. Но какого бы происхожденія ни былъ Виргилій, то несомнѣнно, что по духу своей поэзіи онъ сильно отличается отъ другихъ римскихъ поэтовъ и во многомъ напоминаетъ сѣверянина. Въ его произведеніяхъ нерѣдко замѣчается нѣчто романтическое и, пожалуй, даже сентиментальное, а въ описаніяхъ природы онъ не имѣетъ соперника между классическими поэтами, которые въ этомъ отношеніи далеко не отличались наблюдательностью.

Отецъ Виргилія былъ достаточный землевладѣлецъ и далъ хорошее воспитаніе сыну. Виргилій съ молодыхъ лѣтъ занимался поэзіей, но изъ его юныхъ произведеній сохранилось немногое, да и то, что уцѣлѣло, совершенно блѣднѣетъ передъ работами зрѣлаго возраста.

Въ 41 году земли многихъ мантуанцевъ были конфискованы для раздачи ветеранамъ Октавіана Августа, овладѣвшаго верховной властью. При этомъ пострадалъ и Виргилій, который по сему случаю долженъ былъ нѣсколько разъ ѣздить въ Римъ и, благодаря покровительству сильныхъ людей, успѣлъ получить назадъ похищенное. Послѣ этого онъ поселился въ Римѣ, пользуясь дружбой Авгу-

стова любимца Мецената и самого Августа. Въ Римѣ были имъ написаны главныя его произведенія: Эклоги, пастушескія идилліи, въ которыхъ онъ вполнѣ поравнялся со своими греческими образцами, Георгики, въ которыхъ онъ воспѣвалъ сельское хозяйство и сдѣлалъ изъ довольно неподходящаго для поэзіи предмета все, что только можно было изъ него сдѣлать и, наконецъ, Энеида. За послѣднюю Виргилій принялся съ полнымъ сознаніемъ важности и трудности предпринятаго имъ дѣла, состоявшаго въ томъ, чтобы дать римлянамъ національную эпопею, соотвѣтствующую величію Рима. Потому и работа тянулась очень долго, тѣмъ болѣе, что Виргилій вообще трудился медленно и имѣлъ привычку обдумывать по долгу каждый стихъ. Между тѣмъ его здоровье разстроилось и онъ умеръ еще не старымъ въ 19 году. По его плану Энеида должна была имѣть 24 пѣсни: 12 для описанія подвиговъ Энея до побѣды надъ Турномъ и 12 для остальной жизни Энея. Но изъ этихъ пѣсней, ко дню смерти Виргилія, была написана только первая половина; причемъ первыя шесть пѣсней имѣли отдѣлку почти полную (хотя и въ нихъ встрѣчаются недописанные стихи), а слѣдующія шесть были, по мнѣнію Виргилія, совсѣмъ неотдѣланы. Потому онъ завѣщалъ сжечь свой неоконченный трудъ, но этого, разумѣется, не исполнили и—хорошо сдѣлали.

Энеида, даже и въ неотдѣланномъ видѣ, возбудила общій восторгъ. Знатоки признали Виргилія равнымъ Гомеру, иные находили, что онъ выше Гомера. Энеида сдѣлалась священной книгой римскаго народа. По ней гадали въ храмахъ, если не вся поэма, то нѣкоторыя ея мѣста были положены на музыку. Явились обширные комментаріи, въ которыхъ, какъ водится, комментаторы открывали въ Энеидѣ такія премудрости, которыя и самому автору не снились.

Такъ продолжалось до паденія имперіи, но и затѣмъ Виргилій не проигралъ, а скорѣе выигралъ, ибо не съ кѣмъ было его сравнивать, разъ что была забыта греческая литература. Но когда западные европейцы опять познакомились съ эллинскимъ міромъ, то многіе изъ нихъ, увлекшись Гомеромъ, стали принижать передъ нимъ Виргилія, находя, что, въ концѣ-концовъ, это не самостоятельный поэтъ, а только талантливый подражатель Гомера. Впрочемъ на западѣ Виргилій и теперь стоитъ высоко, у насъ же не малая часть образованныхъ людей позволяютъ себѣ смотрѣть на него сверху внизъ и готовы поставить Энеиду рядомъ съ Вольтеровской Ген-

ріадой, а первенствующаго классическаго поэта обвинять въ томъ, что онъ писалъ въ ложно-классическомъ родѣ.

На это двѣ причины: во-первыхъ, значительно меньшее, чѣмъ въ западной Европѣ, знакомство съ латинскимъ языкомъ, а во-вторыхъ, отсутствіе популярныхъ переводовъ. Хотя Энеиду переводили уже не разъ, но ни одинъ изъ этихъ переводовъ не занялъ въ литературѣ того мѣста, которое сразу заняли гомерическія эпопеи въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго. При этомъ мы не говоримъ о переводѣ Г. Фета, который вышелъ еще недавно и съ которымъ въ настоящую минуту мы еще незнакомы, ибо боялись какихъ-нибудь невольныхъ заимствованій. А затѣмъ, полагаемъ, что большая часть этихъ ходячихъ обвиненій противъ Виргилія не выдерживаетъ критики. Въ чемъ только его не обвиняли! Говорятъ, зачѣмъ онъ начинаетъ Энеиду словомъ «пою». Но что же дѣлать, если классическая декламація и сама мало чѣмъ отличалась отъ пѣнія, а Энеида была даже положена на музыку. Зачѣмъ онъ вводитъ въ свою поэму боговъ, въ которыхъ онъ самъ не вѣрилъ? Но большинство населенія вѣрило, да и значительная часть образованныхъ людей не были атеистами, хотя многіе изъ нихъ и старались отыскать философскій смыслъ въ старинныхъ миѳахъ. А рядомъ съ ними встрѣчались и такіе, которые были готовы вѣрить самымъ страннымъ преданіямъ. Впрочемъ, главное обвиненіе состоитъ въ томъ, что Энеида не имѣетъ нѣкоторыхъ достоинствъ Иліады. Но зачѣмъ же сравнивать несравнимое?

Вѣдь это все равно, что сравнивать Пушкина съ пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ и затѣмъ развѣнчивать Пушкина, что и дѣлали нѣкоторые, черезъ-чуръ оригинально мыслившіе люди. Мы полагаемъ, что былины хороши въ своемъ родѣ, а Пушкинъ въ своемъ; то же самое слѣдуетъ сказать объ Иліадѣ и Энеидѣ.

Иліада есть былина, никѣмъ не сочиненная, а много, много что приведенная въ порядокъ особенно талантливымъ рапсодомъ; Энеида— это сознательный трудъ великаго поэта; какое же тутъ можетъ быть сравненіе? Есть въ Иліадѣ красоты, которыхъ не найдемъ въ Энеидѣ, но бываетъ и наоборотъ. Конечно въ Энеидѣ есть искусственность, но вѣдь то же можно сказать о всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ, кромѣ народныхъ пѣсней. Иные возразятъ, что всякая искусственная поэма есть ложный родъ искусства, что поэмѣ подобаетъ быть простой и непосредственной, какъ Иліада и Одиссея. Но есть поэмы и поэмы.

Если Энеиду не хотятъ признавать поэмой, пускай ее называютъ хоть романомъ въ стихахъ: во всякомъ случаѣ она породила всѣ позднѣйшія поэмы, начиная отъ Освобожденнаго Іерусалима, столь близкаго къ ней, и кончая поэмами Байрона и Пушкина, въ концѣ-концовъ все-таки отъ Энеиды ведущихъ свою родословную. Гомерическая простота, конечно, великое дѣло, но если герои Гомера сильно чувствуютъ, то съ другой стороны ихъ чувства представляются слишкомъ уже простыми и первобытными, напротивъ того, у Виргилія мы встрѣчаемъ и болѣе тонкія чувства и болѣе тонкій анализъ чувствъ.

Можетъ быть это не совсѣмъ вѣрно для героическаго період, но во всякомъ случаѣ Виргилій открылъ для поэтовъ новый рудникъ поэзіи и можетъ считаться предтечею романтизма. Много говорятъ о типахъ Гомера, но вѣдь настоящихъ типовъ въ Иліадѣ пять или шесть. Все остальное много блѣднѣе и, если намъ дороги не только Агамемнонъ съ Ахиллесомъ, но и Менелай съ Аянтомъ, мало того, и какіе-нибудь вовсе безличные Тлеполемы и Сѳенелы и вся мелкота, пестрящая страницы Иліады, то это потому, что едва ли хотя одинъ изъ этой безчисленной толпы составляетъ преднамѣренную выдумку рапсода. Всѣ они взяты изъ преданій, въ существованіе каждаго изъ нихъ вѣрили многія поколѣнія людей, о многихъ изъ нихъ существуютъ особыя преданія, на каждомъ изъ нихъ виденъ, если такъ выразиться, какой-то лакъ жизни, вслѣдствіе чего мы невольно вѣримъ въ реальное существованіе каждаго изъ нихъ. Такого лака въ Энеидѣ не находимъ, но что же было дѣлать Виргилію, къ услугамъ котораго имѣлись только скудныя и на половину даже выдуманныя легенды. Впрочемъ, должно сознаться, что Виргилій не соблюлъ надлежащей перспективы, что у него между крупными личностями и толпой нѣтъ такихъ незамѣтныхъ переходовъ, какъ у Гомера, нѣтъ почти второстепенныхъ героевъ, а есть только первая и третья степень. Но слѣдуетъ помнить, что вторыя шесть пѣсней не получили послѣдней отдѣлки, а потому въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, приходится сѣтовать на смерть, а не на поэта.

Зато главные герои выдерживаютъ сравненіе съ Гомеровскими. Турнъ не срисованъ съ Ахилла, но не хуже его. Хороши и вполнѣ самостоятельны Мезентій съ Лавсомъ, Эвандръ съ Паллантомъ, Нисъ съ Эвріаломъ. Нападаютъ на главнаго героя Энея, находя, что онъ уже слишкомъ добродѣтеленъ и потому не годится въ поэму. Но

тутъ Виргилій былъ связанъ римскими идеалами. Родоначальникъ римлянъ былъ обязанъ стоять выше человѣческихъ страстей. Всего проще было бы дать Энею черты какого-нибудь Фабія или Торквата, но такого черезъ-чуръ прямолинейнаго героя не хватило бы на длинную эпопею. Потому Виргилій далъ Энею не римское, но скорѣе греческое сердце въ соединеніи съ римскою доблестью.

Эней, видимо, тяготится суровыми и нерѣдко жестокими обязанностями, на немъ лежащими, часто жалуется на судьбу, однако ей повинуется. Если бы его борьба противъ велѣній судьбы была упорнѣе, то типъ могъ бы выйти очень интересный, но истый римлянинъ не могъ слишкомъ долго противиться волѣ боговъ. Не противится ей и герой Энеиды, а только жалуется по временамъ и потому многіе находятъ его черезъ-чуръ ужъ слезливымъ и послушнымъ. Что-жъ дѣлать? Еще Гоголь сказалъ, что очень трудно изобразить добродѣтельнаго человѣка такъ, чтобы онъ вышелъ интересенъ для читателя. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что когда этотъ кротчайшій человѣкъ выходитъ изъ себя, то именно этотъ переходъ отъ кротости къ гнѣву выходитъ очень поэтиченъ и производитъ сильное дѣйствіе. Что касается до лицъ, заимствованныхъ у Гомера, то они не хуже своихъ подлинниковъ и, вообще, можно сказать, что Виргилій извлекъ лучшій сокъ изъ Иліады и Одиссеи. Такое подражаніе—есть заслуга передъ поэзіей.

Женщины Виргилія положительно выше Гомерическихъ. У Гомера Андромаха является почти въ одной только сценѣ, хотя и великолѣпной, Елена тоже показывается мало, Гекуба не представляетъ ничего особеннаго, Навсикая граціозная дѣвочка и ничего болѣе, а Пенелопа страдаетъ тѣмъ же поэтическимъ недостаткомъ, какъ и самъ Эней, т.-е. не въ мѣру уже степенна.

Всѣ женщины Иліады воспроизведены какъ нельзя лучше у Виргилія, но къ нимъ прибавлены колоссальныя личности Дидоны и Камиллы, этой матери всѣхъ позднѣйшихъ героинь. Недурна и Амата, Лавинія только слегка обрисована, но вѣдь она должна была выступить во второй ненаписанной половинѣ Энеиды.

Боги и богини Виргилія тоже не хуже Гомеровскихъ, а преисподнее царство Энеиды будетъ поинтереснѣе того, которое посѣщаетъ Одиссей. Всего же важнѣе патріотическія и національныя мѣста Энеиды, которыя производили сильнѣйшее впечатлѣніе на римлянъ и потому имѣли вліяніе на самую исторію рода человѣческаго.

Обращаемся къ нашему переводу. О его достоинствахъ и недостаткахъ не намъ судить; можемъ сказать только то, что переводчикъ занимался своей работой съ любовью, не жалѣя ни времени, ни труда. Переводъ начатъ въ 1875 году, а издается только теперь. Не мало найдется стиховъ, которые исправлялись разъ десять, пока получили теперешній видъ. Переводчикъ зналъ, что главное достоинство Энеиды состоитъ въ неподражаемомъ изяществѣ ея внѣшней формы и полагалъ, что переводъ, не передающій даже и въ слабой степени этого достоинства подлинника, не имѣетъ права существовать. Насколько намъ удалось передать красоты Виргилія— это, конечно, иной вопросъ, но желаніе и стараніе были.

Вѣроятно нѣкоторые упрекнутъ насъ за то, что мы употребляемъ исключительно дактилическій стихъ и не чередуемъ дактилей съ хореями, безъ которыхъ, по мнѣнію многихъ критиковъ, не можетъ быть гекзаметра. Но русскій дактиль не равенъ русскому хорею и не отъ насъ зависѣло сдѣлать ихъ равными. Скажутъ, что Пушкинъ чередовалъ дактили и хореи и выходило хорошо. Такъ, но во-первыхъ это былъ Пушкинъ, а во-вторыхъ самыя крупныя изъ его метрическихъ стихотвореній имѣютъ очень малый объемъ. Маленькое стихотвореніе искусный чтецъ можетъ разучить и прочесть такъ, что выйдетъ хорошо, но развѣ можно разучить Энеиду? Впрочемъ, еще Гнѣдичъ предпочиталъ дактили хореямъ, а Жуковскій прибѣгалъ къ хореямъ очень рѣдко. Мы полагали, что не мѣшало бы сдѣлать послѣдній шагъ и вовсе избѣгнуть этого негармоническаго и неправильнаго смѣшенія. Вотъ все, что мы имѣли сказать, а затѣмъ пускай судятъ читатели.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Брани и мужа пою, что отъ Трои предѣловъ изгнанный,
Рокомъ ведомый, въ Италію встарь и къ далекому прибылъ
Брегу Лавинія; много блуждалъ онъ на сушѣ и морѣ
Волей боговъ и упорнаго ради Юнонина гнѣва;
Много и въ битвахъ терпѣлъ онъ, покамѣсть основывалъ городъ,
Въ Латій Пенатовъ внося, и отсюда Латинское племя,
Альбы старинный сенатъ и забрала высокаго Рима 1).

Муза! повѣдай причины, какой ради тяжкой обиды,
Чѣмъ прогнѣвившись царица боговъ столько бѣдъ ниспослала
Мужу, извѣстному святостью, столько трудовъ повелѣла
Вынесть ему? До того ли гнѣвливы небесныя души? 2).

Градъ процвѣталъ встарину, выселенцевъ Тирійскихъ строенье,
Градъ Карѳагенъ: супротивъ Италійскихъ бреговъ и Тибрійскихъ
Устій стоялъ онъ вдали, и богатый и лютый на браняхъ.
Молвятъ, Юнона его одного между странами всѣми
Болѣе Сама любила; тамъ латы ея находились,
Тамъ колесница; сей городъ богиня въ цари всѣмъ народамъ,
Если дозволятъ судьбы, ужъ тогда назначаетъ и прочитъ.
Слышитъ она, что отъ крови Троянской потомство родится,
Коему замки Тирійскіе рокомъ дано ниспровергнуть;

Сильный народъ, и широко царящій и гордый на войнахъ,
Придетъ на пагубу Ливіи: такъ предназначили Парки.
Внемля сему, вспоминаетъ Сатурнія прежнія битвы,
Кои подъ Троей она возбуждала за милые Арги;
Ибо старинныя гнѣва причины и лютыя скорби
Въ ней сохранились еще: въ гордомъ сердцѣ живутъ, какъ и прежде
Судъ нестерпимый Парида, красы оскорбленной безчестье,
Родъ ненавистный давно, похищеннаго санъ Ганимеда.
Всѣмъ возбужденная этимъ, по цѣлому морю бродящихъ
Троевъ, остатки несчастные послѣ Данаевъ съ Ахилломъ,
Въ Латій упорно она не впускала и многіе годы,
Рокомъ гонимы они, всѣ моря безъ конца обходили.
Столько трудовъ было нужно, чтобъ Римскій народъ основался! 3)

Только отъ брега Сикульскаго въ море открытое выплылъ
Радостный людъ и отъ мѣди соленыя брызги возстали,
Тотчасъ Юнона, всегдашнюю рану подъ сердцемъ лелѣя,
Такъ говоритъ: «побѣжденная, брошу-ль начатое дѣло,
Тевкровъ не смогши царя отвратить отъ земли Италійской?
Или судьба не велитъ? Но могла вѣдь Паллада Аргивскій
Флотъ истребить, а гребцовъ подъ морскою сокрыть глубиною,
Ради безумствъ и вины одного Оилида Аянта;
Зевса крылатое пламя сама устремивши изъ тучи,
Всѣ корабли разметала и взрыла пучину вѣтрами,
Оного, грудью пронзенной огонь выдыхавшаго лютый,
Вихремъ схватила она и на острый утесъ насадила.
Я же, царицей боговъ нареченная, вѣчнаго Зевса
Разомъ сестра и жена, я съ однимъ лишь народомъ такъ долго
Войны веду: кто-жъ Юноны почтитъ божество и отнынѣ
Кто на мои алтари приношенья молящій возложитъ?» 4)

Мысли такія богиня въ пылающемъ сердцѣ вращая,
Въ родину грозъ, во чреватую бурными Австрами мчится
Землю Эолію: тамъ царь Эолъ средь пещеры обширной,
Вихри свирѣпые всѣ и звенящія грозами бури
Властью своей подавляетъ, тюрьмой и цѣпями смиряетъ.
Рвутся они, негодуя, и съ ярымъ горы рокотаньемъ

Ржутъ за дверями; въ высокой Эолъ возсѣдаетъ твердынѣ,
Скиптры держа, и смягчаетъ умы и вражду умѣряетъ.
Еслибъ не дѣлалъ сего, то и землю-бъ и море съ глубокимъ
Небомъ умчали съ собой и по воздуху ихъ размели бы.
Вотъ для чего всемогущій отецъ въ черныхъ норахъ сокрылъ ихъ,
Грудами ихъ и горою высокой накрылъ и владыку
Далъ имъ, который бы зналъ, по извѣчному правя закону,
Ихъ усмирять, а приказъ получивъ отпускалъ имъ поводья.
Къ оному съ просьбой Юнона въ такихъ тутъ словахъ обратилась:
«Сильный, которому далъ царь людей и боговъ прародитель
Моря валы и смягчать, и опять возмущать непогодой!
Племя, враждебное мнѣ, по Тирренскому слѣдуетъ морю,
Илій въ Италію падшій неся и разбитыхъ Пенатовъ.
Силу вдохни ты въ вѣтровъ, затопивши ладьи, погрузи ихъ
Или разсѣй по морямъ, а тѣла разбросай на пучинахъ.
Есть у меня дважды семь, красотою тѣлесною славныхъ
Нимфъ и изъ нихъ я краснѣйшую образомъ Деіопею
Прочнымъ союзомъ съ тобой сопрягу, чтобы ею владѣлъ ты;
Вѣки чтобъ всѣ за такія услуги съ тобой пребывала,
Сдѣлавъ супруга родителемъ столь же прекрасной породы» 5).

Ей отвѣчаетъ Эолъ: «о, царица! желанія сердца
Только изречь потрудись, а исполнить моя ужъ забота.
Ты мнѣ и царствійце это, и скиптръ, и Юпитера милость
Вѣчно даешь, на пирахъ возлегать дозволяешь мнѣ божьихъ;
Вихрей и тучъ повелителемъ я чрезъ тебя лишь зовуся».

Такъ говоритъ и немедленно древкомъ копейнымъ пустую
Гору онъ на бокъ погнулъ, а вѣтры точно строемъ военнымъ,
Дверь увидавши, летятъ и крутясь, по землямъ устремились.
На море пали и бездны отъ самаго низу взрываютъ
Вмѣстѣ и Эвръ, и губительный Нотъ, и крутящійся въ буряхъ
Африкъ свирѣпый и волны огромныя къ берегу гонятъ.
Возгласы слышны мужей и снастей корабельныхъ скрипѣнье;
Разомъ похищены тучей, и небо и день отъ Тевкрійскихъ
Скрылись очей; надъ пучинами черная ночь возлегаетъ.
Грянуло небо кругомъ, частымъ пламенемъ воздухъ сверкаетъ;

Все угрожаетъ пловцамъ неизбѣжной и близкою смертью.
Холодъ объемлетъ Энеевы члены и въ горести тяжкой
Стонетъ герой и ко звѣздамъ онъ руки свои воздѣваетъ.
Такъ говоритъ онъ печальный: «о, трижды, четырежды счастливъ,
Кто на глазахъ у своихъ и подъ стѣнами Трои высокой
Смерть получилъ! о, Тидидъ! о, сильнѣйшій изъ роду Данаевъ!
Тамъ средь полей Иліонскихъ зачѣмъ не дано мнѣ погибнуть?
Душу зачѣмъ испустить отъ твоей не успѣлъ я десницы
Тамъ, гдѣ копьемъ Эакидовымъ Гекторъ сраженъ, гдѣ огромный
Рядомъ лежитъ Сарпедонъ, гдѣ подъ синей Симоисъ волною
Столько щитовъ и шеломовъ, и сильныхъ воителей катитъ?» 6)

Только успѣлъ онъ сказать, какъ со свистомъ порывъ Аквилона
Парусу встрѣчу ударилъ и бездны ко звѣздамъ подъемлетъ.
Весла крушатся, корабль уклоняется всторону, волнамъ
Бокъ подставляя; горою обрывистой море стремится.
Тѣ на вершинахъ повисли валовъ, а другимъ, разверзаясь,
Землю являетъ вода; надъ песками свирѣпствуетъ буря.
Три корабля увлекаются Нотомъ къ утесамъ сокрытымъ,
Кои, средь моря стоя, у Италовъ слывутъ алтарями,
Спины пучинъ несказанныя; три изъ глубокаго моря
Въ мелкое загнаны Эвромъ и въ Сирты... О, видъ многослезный!
Бьются объ мели онѣ и горами песку окружились.
Оной ладьѣ, что Ликійцевъ и вѣрнаго мчала Оронта,
Вдругъ на глазахъ у Энея низвергшійся валъ необъятный
Грянетъ въ корму и подброшенный кормчій въ морскую пучину
Прянулъ стремглавъ, а корабль, закружившись на мѣстѣ единомъ,
Вертится трижды сперва и затѣмъ быстриною проглоченъ.
Рѣдкіе видны пловцы средь пучины обширной, а съ ними
Доски, доспѣхи мужей и сокровища Трои всплываютъ.
Иліонеевъ корабль и Абантовъ и тотъ, что Ахата
Сильнаго везъ и ладью, гдѣ Алетъ пребывалъ многолѣтній,
Рушитъ стремленіе водъ; ихъ боковъ ослабляются связи,
Лютую влагу пріемлютъ они и ужъ трещины дали 7).

Ропотъ великій межъ тѣмъ возмущеннаго Понта и грозной
Бури стремленье почуялъ Нептунъ и затронутый сильно

Зрѣлищемъ безднъ, на поверхность тѣснимыхъ, изъ глуби подводной
Выглянулъ вдругъ и надъ зыбью чело безмятежное поднялъ.
Видитъ Энея суда, по всему разнесенныя морю;
Видитъ Троянъ, и волной и небеснымъ обваломъ гнетомыхъ.
Тутъ не укрылись отъ брата и гнѣвъ, и коварство Юноны;
Эвра съ Зефиромъ немедленно кличетъ и такъ говоритъ имъ:
«Вашего племени дерзость настолько ли васъ обуяла?
Вы ужъ и небо и землю, вѣтры! безъ моихъ повелѣній
Въ бурѣ дерзнули смѣшать и такія громады воздвигнуть.
Я васъ!.. Но прежде всего мнѣ валы усмирить подобаетъ;
Впредь не такимъ наказаньемъ воздамъ за проступокъ вторичный.
Въ бѣгство скорѣй и царю своему отъ меня вы скажите:
Нѣтъ, не ему надъ пучинами власть со свирѣпымъ трезубцемъ
Жребій назначилъ, но мнѣ; пусть онъ скалами страшными правитъ,
Вашей обителью, Эвръ! Тамъ въ палатѣ своей пусть гордится
Мощный Эолъ и царитъ надъ вѣтровъ заключенной темницей 8).

Молвитъ и слова быстрѣе надувшійся Понтъ усмиряетъ,
Гонитъ стѣсненныя тучи и солнце морямъ возвращаетъ.
Вотъ Кимоѳоя съ Тритономъ стараются, съ острыхъ утесовъ
Троевъ снимая ладьи, и трезубцемъ онъ самъ помогаетъ;
Путь чрезъ Сирты открылъ и свирѣпость волны умѣряетъ,
Быстро на легкихъ колесахъ по гребнямъ валовъ пробѣгая.
Точно, когда средь народа великаго яростный вспыхнетъ
Гражданъ мятежъ и свирѣпствуетъ грубая чернь, обезумѣвъ;
Головни, камни летятъ и оружіе гнѣвъ подставляетъ;
Вдругъ за дѣла и за праведность въ городѣ чтимаго мужа
Людъ увидалъ и молчитъ и ему напряженно внимаетъ,
Онъ же словами смиряетъ умы и сердца умягчаетъ;
Такъ и пучины весь грохотъ умолкнулъ, едва на пространство
Мощный родитель взглянулъ и подъ небомъ открывшимся ѣздя,
Быстрыхъ направилъ коней, въ колесницѣ послушной летая 9).

Люди Энея усталые тотчасъ ближайшаго брега
Ищутъ достигнуть и къ Ливіи странамъ суда обращаютъ.
Есть тамъ пустынное мѣсто, гдѣ островъ глубокую пристань
Длинной косой образуетъ, а моря открытаго волны

Всѣ преломляетъ и вспять обращаетъ въ кругахъ расширенныхъ.
Съ каждаго бока обширныя скалы стоятъ и подъ небо
Два поднялися столпа, у подножія коихъ широко
Море молчитъ безопасное; ясныя рощи по скатамъ,
Частую тѣнь съ высоты черный лѣсъ надъ заливомъ кидаетъ.
Прямо подъ горной стѣной тамъ пещера изъ камней висящихъ;
Сладкія воды текутъ и изъ дикаго камня сидѣнья,
Нимфъ обиталища, видны; тамъ лодокъ усталыхъ не нужно
Цѣпью крѣпить, не впивается якорь зубами кривыми.
Къ этому мѣсту съ семью лишь судами изъ цѣлаго флота
Прибылъ Эней и влекомые суши хотѣньемъ великимъ,
Вышли Трояне и столь вожделѣннымъ пескомъ овладѣли.
Члены, отъ соли распухшіе, тотчасъ они протянули;
Мигомъ Ахатъ изъ кремня добываетъ огонь и на листья
Искру пріемлетъ, а вѣтви сухія кругомъ собирая,
Пищу готовитъ огню и ужъ пламя изъ вороха вызвалъ.
Слѣдомъ Кереру они, поврежденную моремъ, достали;
Съ ней и Кереры орудія дланью усталой и зерна
Печь на огнѣ и молоть жерновами уже собралися [10]).

Вождь между тѣмъ на высокій восходитъ утесъ, чтобы море
Взоромъ окинуть далеко онъ могъ: не найдетъ ли Анѳея,
Вѣтромъ носимаго или другихъ онъ биремъ Дарданійскихъ:
Капія мужа и гордой кормы подъ щитами Каика.
На морѣ нѣтъ ничего, на прибрежіи трехъ онъ оленей
Видитъ бродящихъ; за ними и цѣлое къ берегу стадо
Слѣдомъ идетъ и въ долинахъ пасется толпой безконечной
Ставши на мѣстѣ, и лукъ свой десницей и быстрыя стрѣлы
Взялъ онъ съ поспѣшностью: вѣрный Ахатъ за героемъ носилъ ихъ.
Прежде троихъ предводителей, коихъ высокія главы
Въ древоподобныхъ вставали рогахъ, низложилъ онъ, а послѣ
Чернь устрашаетъ и стрѣлами въ рощи вѣтвистыя гонитъ.
Только тогда пересталъ, какъ ужъ семь побѣдитель низвергнулъ
Труповъ великихъ и падшихъ число поровнялъ съ кораблями;
Тотчасъ къ заливу идетъ и добычу товарищамъ дѣлитъ;
Вина, которыя добрый Акестъ на брегахъ Тринакріи
Розлилъ въ сосуды и коими сильный снабдилъ отплывавшихъ,
Тоже онъ роздалъ и рѣчью сердца огорченныя тѣшитъ:

«Братья! и прежде вѣдь бѣды испытывать намъ приходилось;
О, перенесшіе худшее! боги и это скончаютъ.
Вы и неистовство Скиллы и звонкія моря пещеры
Зрѣли вблизи, вы и самыя скалы Киклоповъ узнали.
Мужество вновь призовите и горестный ужасъ гоните:
Можетъ быть нѣкогда сладко намъ будетъ и это припомнить:
Мы чрезъ различныя бѣды, чрезъ столько случайностей разныхъ
Въ Латій стремимся теперь, гдѣ жилища спокойныя рокомъ
Намъ суждены; въ этомъ краѣ воскреснуть дозволено Троѣ;
Твердо сносите судьбу и для счастья себя сберегайте» 11).

Такъ говоритъ и великою мучимъ заботой, надежды
Видъ показуетъ, глубокую въ сердцѣ тоску подавляя.
Тотчасъ добычей они занялись и обѣдомъ грядущимъ;
Туши снимаютъ съ костей и отъ кожи мяса обнажаютъ;
Ихъ, на куски раздѣливъ, на рожнахъ трепетать заставляютъ;
Ставятъ другіе котлы на пескахъ и огни зажигаютъ.
Пищею силы затѣмъ подкрѣпляютъ и легши на дернѣ,
Вакхомъ стариннымъ себя наполняютъ и жирной дичиной.
Послѣ того, какъ насытился гладъ и обѣдъ завершился,
Въ долгихъ рѣчахъ объ утраченныхъ спутникахъ молвятъ тоскливо;
Между надеждой и страхомъ колеблясь, то мнятъ ихъ живыми,
То говорятъ, что ужъ сгибли и зову друзей не услышатъ.
Благочестивый Эней больше всѣхъ огорченъ и всечасно
То объ Оронтѣ онъ сильномъ печалится, то объ Амикѣ,
Жалкой Гіанта судьбинѣ и Ликѣ съ могучимъ Клоанѳомъ.

Рѣчи умолкли уже, какъ съ высокаго Юпитеръ неба,
Зорко смотря на моря судоходныя, дольнія земли,
Бреги морей и народы великіе, сталъ на вершинѣ
Неба всего и къ Ливійскому берегу взоры направилъ.
Тутъ то вращавшему въ сердцѣ заботы толикія богу
Грустная съ виду и ясныя очи слезами наполнивъ,
Такъ провѣщала Венера: «о, ты, что людей и безсмертныхъ
Вѣчною властью содержишь и молньей своей устрашаешь!
Чѣмъ же возмогъ мой Эней предъ тобой провиниться столь сильно?
Чѣмъ же виновны Трояне, которымъ по столькимъ несчастьямъ

Ради Италіи весь затворяется кругъ поднебесный?
Самъ ты сказалъ, что отъ оныхъ со временемъ Римляне будутъ;
Будутъ отъ Тевкровой крови воскресшей начальники міра,
Кои морями и странами съ полною властью управятъ;
Такъ обѣщалъ ты—какая-жъ причина тебя измѣняетъ?
Этимъ во взятіи Трои и въ горькомъ ея раззореньи
Я утѣшалась, минувшую скорбь возмѣщая въ грядущемъ;
Нынѣ все та же судьбина мужей, столько горя познавшихъ,
Вижу терзаетъ: когда-жъ, царь великій, ихъ бѣды скончаешь?
Могъ Антеноръ, проложивъ себѣ путь изъ средины Ахеевъ,
Вскорѣ заливовъ Иллирскихъ достичь и затѣмъ безопасно
Царства Либурновъ пройти и проникнуть къ истоку Тимава,
Гдѣ черезъ девять жерелъ и съ великимъ горы рокотаньемъ
Море падетъ и поля громозвучной пучиною давитъ.
Тамъ онъ и городъ Патавій и Тевкрамъ жилища поставилъ,
Имя туземцамъ онъ далъ и повѣсилъ на мѣсто оружье
Изгнанныхъ Троевъ и съ миромъ теперь погребенный почіетъ.
Мы же, твое порожденье, которымъ Олимпъ отверзаешь,
Горе! суда потерявъ изъ-за гнѣва богини единой,
Гибнемъ лукавствомъ, отрѣзаны вовсе отъ странъ Италійскихъ.
Это-ль награда за праведность? такъ ли на царство возводятъ?» [12]).

Ей усмѣхнулся боговъ и людей насадитель съ тѣмъ самымъ
Взоромъ, съ какимъ небеса онъ отъ тучъ и грозы очищаетъ;
Дщери цѣлуетъ уста и такія онъ рѣчи глаголетъ:
«Страхъ отложи, Киѳерея! незыблемъ по-прежнему жребій
Внуковъ твоихъ: скоро узришь обѣщанный градъ и оплоты
Замка Лавинія, скоро ко звѣздамъ небеснымъ Энея
Ты вознесешь веледушнаго: слово мое неизмѣнно.
Сынъ твой,—открою тебѣ, чтобъ не мучилась этой заботой;
Таинство рока и дальше еще обнажу предъ тобою,—
Будетъ въ Италіи грозныя войны вести и народы
Лютые въ битвѣ сразитъ и законы и стѣны создастъ имъ,
Третьяго лѣта доколѣ на царствѣ Латинскомъ не узритъ,
Третья доколѣ не минетъ зима послѣ Рутуловъ падшихъ;
Отрокъ же юный, что нынѣ ужъ прозвище носитъ Іула
(Иломъ онъ звался, доколѣ Илійское царство стояло)
Тридцать великихъ круговъ по счисленью луны оборотовъ

Властью наполнитъ своей, а престолъ изъ Лавинія града
Онъ пренесетъ и великой стѣной утвердитъ Альбу Лонгу.
Тамъ три столѣтія будетъ со властью царить непрерывной
Гектора племя, доколѣ царевна и жрица Илія
Двухъ близнецовъ не родитъ, отъ могучаго Марта зачавши.
Тутъ то, кормилицы сѣрой волчихи доспѣхами гордый,
Ромулъ управитъ народомъ своимъ и Мавортову стѣну
Въ силѣ воздвигнетъ и имя свое передастъ онъ Римлянамъ.
Онымъ ни власти предѣловъ, ни времени я не назначилъ:
Царство имъ далъ безконечное: даже и эта Юнона,
Море и земли и небо, что нынѣ враждой утомляетъ,
Къ лучшимъ совѣтамъ потомъ перейдетъ и со мной возлелѣетъ
Римлянъ, владыкъ надъ вселенной и племя, носящее тогу.
Такъ изволяю. Пріидетъ по люстрамъ безчисленнымъ время,
Въ кое сыны Ассарака и Фтію и даже Микены
Славныя въ рабство возьмутъ, подчинивъ побѣжденные Арги.
Кесарь Троянецъ затѣмъ отъ прекраснаго рода возстанетъ
Власть океаномъ, а звѣздами славу свою ограничитъ;
Юліемъ зваться онъ будетъ, отъ славнаго названъ Іула.
Онаго на небо ты, отягченнаго златомъ востока,
Нѣкогда примешь свободно: въ молитвахъ и сей призовется.
Тутъ, объ войнѣ позабывъ, времена умягчатся крутыя;
Вѣрность сѣдая и Веста и съ Ремомъ Квиринъ, какъ и прежде,
Будутъ законы давать; тутъ желѣзомъ и дубомъ упорнымъ
Лютыя брани замкнутся врата, а безбожная ярость
Будетъ за ними сидѣть на щитахъ и опутана сотней
Мѣдныхъ узловъ по рукамъ, скрежетать окровавленной пастью» 13).

Такъ говоритъ и рожденнаго Маей съ высотъ посылаетъ
Сдѣлать, чтобъ земли и новопостроенный градъ Карѳагенскій
Тевкрамъ отворены были, чтобъ, рока не зная, Дидона
Ихъ изъ земли не изгнала. Стремится сквозь воздухъ великій
Съ помощью крылій посолъ; вотъ ужъ въ Ливіи, быстрый, предсталъ онъ;
Вотъ ужъ исполнилъ приказы: свирѣпость отбросили Пуны
Волей божественной; паче другихъ получила царица
Къ Тевкрамъ и духъ благосклонный, и кротко настроенный разумъ 14).

Благочестивый Эней, обо многомъ до утра продумавъ,
Только лишь свѣтъ показался любезный, идти для осмотра
Мѣстности новой рѣшился, куда занесенъ онъ вѣтрами.
Видя пустыню кругомъ, хочетъ знать, кто землей обладаетъ:
Люди иль звѣри одни, и товарищамъ послѣ повѣдать.
Флотъ подъ лукою лѣсной и подъ оной скалой продолбленной,
Лѣсомъ и частою тѣнью кругомъ огражденный, покинулъ;
Самъ, лишь Ахатомъ сопутствуемъ вѣрнымъ, на поиски вышелъ,
Два копія съ лезвіями широкими въ длани сжимая.
Въ чащѣ лѣсной тутъ могучему милая мать повстрѣчалась,
Дѣвицы видъ и одежду принявъ и доспѣхи Спартанки
Или такіе, съ которыми быстрыхъ коней утомляетъ
Ѳракіи дочь, Гарпалика и Гебръ обгоняетъ летучій.
Тѣмъ же обычаемъ словно охотница на плечи вздѣла
Лукъ неразлучный она и власы по вѣтрамъ распустила;
Кажетъ колѣна, волнистыя ризы узломъ собираетъ;
Такъ вопрошаетъ: «о витязи! молвите мнѣ, не видали-ль
Здѣсь хоть одну изъ сестеръ вы моихъ? не блуждаетъ ли въ рощахъ,
Тулъ и пятнистую рыси стянувъ препоясаньемъ шкуру
Или за пѣнистымъ вепремъ бѣгущая съ кликомъ великимъ?» 15).

Такъ говорила Венера и такъ сынъ Венеринъ отвѣтилъ:
«Я ни одной изъ сестеръ изъ твоихъ не видалъ и не слышалъ.
Дѣва! не знаю, какъ звать тебя должно, затѣмъ что безсмертныхъ
Образъ имѣешь и гласъ; о, конечно, богиня предъ нами!
Феба ль ты будешь сестра иль отъ племени Нимфъ происходишь?
Кто бъ ни была ты, но счастлива будь и въ бѣдѣ пособи намъ.
Дай намъ узнать наконецъ, подъ какими теперь небесами,
Въ коихъ мы странахъ вселенной, не зная ни мѣста, ни люду,
Бродимъ, вѣтрами сюда и волной занесенные мощной.
Многія жертвы падутъ отъ десницы моей предъ тобою» 16).

Молвитъ Венера: «подобныя почести мнѣ неприличны.
Свойственно дѣвамъ Тирійскимъ колчанъ надѣвать и высоко
Икры тесьмами опутывать ярко багряныхъ котурновъ.
Царства Пунійскія видишь, Тирійцевъ и градъ Агенорскій;
Почва однако Ливійская: страшенъ народъ сей на войнахъ.

Краемъ владѣетъ Тирянка Дидона; ушла изъ отчизны,
Бѣгая брата она; про обиду и все остальное
Долго разсказывать; вкратцѣ повѣдаю сущность событій.
Мужемъ ея былъ Сихей, богатѣйшій изъ всѣхъ Финикійцевъ
Пашней и золотомъ; бѣдная сильно его возлюбила.
Дѣвою вышла она за него, первымъ бракомъ связалъ ихъ
Дѣвы отецъ, но Тирійское царство Дидонину брату
Пигмаліону досталось, лютѣйшему всѣхъ человѣковъ.
Вскорѣ возникла межъ ними вражда: нечестивецъ Сихея
Предъ алтаремъ, ослѣпленный любовію къ ясному злату,
Втайнѣ желѣзомъ убилъ безоружнаго; счастье сгубилъ онъ
Бѣдной сестры, но убійство сокрылъ и надеждой напрасной
Горькую долго манилъ, вымышляя различные слухи.
Вотъ погребенья лишеннаго самая тѣнь напослѣдокъ
Дивно блѣднѣйшій ликъ предъ супругою спящей воздвигла;
Требища лютыя, грудь, прободенную острымъ желѣзомъ,—
Все обнажила и тайное дома злодѣйство раскрыла;
Бѣгствомъ затѣмъ поспѣшить и отчизну покинуть велѣла;
Тутъ же и кладъ, погребенный въ землѣ, для издержекъ дорожныхъ
Ей указала: сребра неизвѣстнаго груды и злата.
Симъ возбужденная, бѣгство и спутниковъ стала готовить;
Къ ней собираются всѣ, что къ тирану имѣли ненависть
Или боязнь; овладѣвши по случаю собраннымъ флотомъ,
Златомъ суда нагружаютъ; ужъ море уноситъ скупого
Пигмаліона добро, а зачинщицей женщина дѣлу.
Къ мѣсту приплыли они, гдѣ высокія нынѣ увидишь
Стѣны и юныя гдѣ ужъ растутъ Карѳагена твердыни;
Столько купили земли, отъ сего прозываемой Бирсой,
Сколько воловьею шкурою могли окружить на прибрежьи.
Вы кто такіе? изъ коего нынѣ пріѣхали края?
Путь свой куда направляете?» Эти вопросы услыша,
Онъ воздохнулъ и съ усиліемъ гласъ испустилъ онъ глубокій: 17).

«Если, богиня! начну повторять отъ начала всю повѣсть,
Если досужно тебѣ нашихъ горестей лѣтопись слушать,
Раньше затворится небо и Весперъ ужъ солнце уложитъ,
Чѣмъ доскажу. Изъ старинной мы Трои (быть можетъ, достигло
Имя сіе и до васъ) по различнымъ пучинамъ носились.

Прихотью бури къ Ливійскимъ пригнало брегамъ; я тотъ самый
Благочестивый Эней, что спасенныхъ изъ битвы Пенатовъ
Всюду вожу на судахъ, ужъ до неба молвою извѣстный.
Ищемъ Италіи родины, предковъ отъ вышняго Зевса.
Я съ двадцатью кораблями Фригійскими въ море пустился;
Матерь богиня казала дорогу и вѣрилъ судьбамъ я.
Нынѣ лишь семь уцѣлѣло, волненьемъ и Эвромъ избитыхъ;
Самъ я, безвѣстный и нищій, въ Ливійской пустынѣ скитаюсь,
Изгнанъ равно изъ Европы и Азіи». Сѣтовать дольше
Тутъ не дала Киѳерея и въ грустныя рѣчи вмѣшалась: 18)

«Кто бы ты ни былъ, наврядъ ли богамъ ненавистенъ впиваешь
Жизненный воздухъ, о ты, что къ Ливійскому городу прибылъ!
Только иди и отсюда къ царицыну слѣдуй порогу,
Ибо спасенье друзей и судовъ я тебѣ возвращенье
Днесь возвѣщаю: въ заливъ ихъ пригналъ измѣнившійся вѣтеръ,
Если неложнымъ гаданьямъ родители дочь научили.
Вотъ дважды шесть лебедей тамъ, веселые, въ стаю собрались,
Коихъ Юпитера птица, съ высокаго падши эѳира,
По небу гнала обширному, нынѣ же цѣпью великой
Или ужъ близки къ землѣ или оной почти достигаютъ.
Какъ веселятся возврату, свистящими зыбля крылами!
Какъ небеса увѣнчали и радости полны воспѣли!
Такъ и твои корабли, точно также и людъ твой воинскій
Или въ заливъ ужъ вошли, или съ полнымъ вѣтриломъ вступаютъ.
Только иди, все по этой дорогѣ шаги направляя».

Молвитъ и вдругъ, повернувшись, румяною выей блеснула,
Запахъ амврозіи вмигъ на священной главѣ испустили
Кудри густыя, а ризы упали къ ногамъ и открылась
Въ шествіи истой богиней она. И какъ матерь узналъ онъ,
Вопли такіе во слѣдъ исчезающей тутъ испустилъ онъ:
«Злая и ты! для чего столько разъ привидѣніемъ ложнымъ
Сына манишь? для чего прикоснуться десницей къ десницѣ
Ты не даешь и бесѣды лишаешь меня настоящей?»
Такъ говоритъ, упрекая, и путь ко стѣнамъ продолжаетъ,
Воздухомъ мглистымъ Венера идущихъ кругомъ оградила;

Плотной одеждой изъ тучъ облекла, чтобъ никто изъ туземцевъ
Ихъ ни увидѣть не могъ, ни коснуться докучной рукою,
Сдѣлать задержку въ пути и спросить о причинахъ дороги.
Въ Пафъ устремившись сама по эѳиру, съ весельемъ узрѣла
Домы свои и святыни, гдѣ сто алтарей ѳиміамомъ
Дышатъ Сабейскимъ и свѣжими благоухаютъ вѣнками 19).

Путники путь между тѣмъ, соблюдая тропу, продолжаютъ.
Вотъ ужъ восходятъ на холмъ, что, высоко вставая надъ градомъ,
Замки противоположные верхомъ своимъ созерцаетъ.
Пышнымъ громадамъ дивится Эней, шалаши замѣнившимъ,
Грознымъ воротамъ и шуму градскому и стогнамъ мощеннымъ.
Трудятся пылко Тирійцы: иные ужъ замокъ возводятъ,
Стѣны кладутъ и руками каменья огромныя движатъ;
Тѣ выбираютъ мѣста для построекъ и рвомъ означаютъ;
Пристань копаютъ иные, а тамъ основанья обширныхъ
Зиждутъ ѳеатровъ и тещутъ великія въ скалахъ колонны,
Будущихъ сценъ украшенья высокія; всѣ за работой.
Точно какъ пчелы съ наставшей весной по цвѣтистымъ долинамъ
Заняты дѣломъ на солнцѣ, когда, воспитавши потомковъ,
Ихъ выпускаютъ онѣ иль какъ медъ свой текучій сгущаютъ,
Нектаромъ сладкимъ ячейки сотовъ наполняя прилежно,
Или отъ ношъ облегчаютъ друзей или строемъ воинскимъ
Трутней лѣнивое стадо онѣ отъ ульевъ отгоняютъ:
Дѣло кипитъ, наростаютъ соты съ благовоніемъ тминнымъ.
«О, вы счастливцы! которыхъ встаютъ ужъ высокія стѣны».
Молвитъ Эней и вершины палатъ созерцаетъ тоскливо.
Облакомъ темнымъ объятъ, сквозь Пунійцевъ онъ (дивное дѣло)
Прямо идетъ и вступаетъ въ толпы и никѣмъ незамѣченъ.

Роща вставала средь града, обильная тѣнью густою.
Тамъ-то впервые, съ вѣтрами простясь и съ волненьемъ, Пунійцы
Знаменье взяли себѣ, изъ земли по Юнонину слову
Выкопавъ черепъ лихого коня, чтобъ народъ ихъ на войнахъ
Сильнымъ являлся, чтобъ жилъ онъ легко и обильно во вѣки.
Въономъ лѣсу Сидонянка Дидона богинѣ великій
Строила храмъ и дарами, и милостью божьей богатый.

Мѣдные праги вставали ступенями, крытые мѣдью
Высились двери, скрипѣли подъ мѣдными створами петли.
Въ капищѣ этомъ впервые смягчился при зрѣлищѣ новомъ
Путниковъ страхъ и впервые надежду Эней на спасенье
Тамъ получилъ и осмѣлился вѣрить мятежной судьбинѣ,
Ибо, подъ сводомъ великимъ покамѣсть онъ все озираетъ,
Тамъ дожидаясь царицы, покамѣсть величію грала,
Длани искусниковъ разныхъ и всякимъ работамъ дивится,
Зритъ на стѣнахъ по порядку онъ всѣ Иліонскія битвы,
Битвы, молвой ужъ давно по всему разнесенныя міру;
Видитъ Атрида, Пріама, Ахилла врага имъ обоимъ...
Сталъ онъ и съ плачемъ промолвилъ: «Ахатъ! да какое же мѣсто
Въ цѣлой вселенной теперь не исполнено нашихъ несчастій?
Видишь: Пріамъ! Знать и въ этомъ краю есть награда за доблесть,
Слезы для жалостныхъ дѣлъ и сочувствіе горю людскому.
Страхъ отложи: можетъ быть, черезъ эту молву мы спасемся».
Такъ говоритъ и картиной обманчивой взоръ насыщаетъ,
Стонъ испуская и грудь орошая потокомъ обильнымъ,
Видитъ зане, какъ въ сраженьи свирѣпомъ вкругъ Пергамовъ споря,
Здѣсь обращаются въ бѣгство Данаи, преслѣдуютъ Тевкры;
Дардановъ тамъ колесницей гребнистый Ахиллъ устрашаетъ.
Дальше и Реса шатры, осѣненные бѣлымъ покровомъ,
Онъ узнаетъ со слезами и видитъ, какъ въ первую-жъ ночь ихъ
Лютый кровавый Тидидъ пустошитъ несказаннымъ убійствомъ,
Въ станы свои отгоняя удалыхъ коней, не успѣвшихъ
Ниже Троянскихъ отвѣдать луговъ и Скамандра напиться.
Съ краю другаго Троилъ, потерявши свой щитъ, убѣгаетъ;
Отрокъ несчастный, неравный напору и силамъ Ахилла,
Мчится, несомый коньми, за повозку пустую зацѣпленъ,
Возжи однако держа; по землѣ и затылокъ, и кудри
Быстро влекутся и прахъ знаменуется древкомъ копьевымъ.
Вотъ между тѣмъ ко святилищу гнѣвной Паллады Троянки
Идутъ, власы распустивъ, и несутъ покрывало богинѣ;
Молятъ ее въ сокрушеньи и дланями въ грудь ударяютъ:
Грозная въ землю вперила глаза и отъ нихъ отвратилась.
Трижды вокругъ Иліонской стѣны тамъ Ахиллъ побѣдитель
Гектора влекъ и затѣмъ продавалъ бездыханное тѣло,
Тутъ-то великій онъ стонъ испустилъ изъ-подъ самаго сердца,
Латы признавъ и повозку и самаго друга останки,

Видя Пріама, стремящаго къ сыну изсохшія руки.
Могъ и себя онъ узнать посреди воеводъ Арголійскихъ,
Видѣлъ восточное войско и чернаго латы Мемнона.
Вотъ Амазонокъ ведетъ, ополченныхъ щитомъ луновиднымъ,
Пенѳесилея, ярясь, и ужъ въ самой срединѣ сраженья,
Дѣвичій поясъ златой подъ сосцомъ повязавъ обнаженнымъ,
Ратница бьется и противъ мужей устремляется дѣва 20).

Образамъ этимъ покамѣсть дивится Эней Дарданіецъ,
Имъ изумляясь, покамѣсть прильнулъ ко стѣнѣ онъ очами,
Вотъ между тѣмъ и царица, краснѣйшая ликомъ Дидона,
Входитъ, великой толпой окруженная юныхъ Пунійцевъ.
Такъ на Эвротовомъ берегѣ или на высяхъ Кинѳійскихъ
Хоры свои упражняетъ Діана и слѣдомъ за нею
Тьмами стеклись Ореады, она же колчанъ за плечами
Гордо подъемлетъ и всѣхъ ихъ богиня главой превышаетъ.
Тихая радость Латонину грудь молчаливую нѣжитъ.
Такъ-то вступила Дидона, такою съ весельемъ ходила
Въ сонмѣ густомъ, хлопоча о постройкахъ и будущемъ царствѣ.
Послѣ въ священныхъ сѣняхъ и подъ среднею крышей притвора,
Копьями вкругъ оградясь, на возвышенномъ сѣла престолѣ;
Судъ и законы давала мужамъ и труды при постройкахъ
По-ровну всѣмъ раздѣляла она или жребій метала.
Видитъ внезапно Эней: окруженные сонмищемъ многимъ,
Входятъ Анѳей и Сергестъ и могучій Клоанѳъ и другіе
Витязи Тевкровъ, которыхъ недавно свирѣпая буря
Всѣхъ разогнала, въ различныя стороны флотъ разметавши.
Тутъ изумился Эней, а равно и Ахатъ поразился
Страхомъ и радостью вмѣстѣ, хотѣли-бъ десницей десницы
Дружнія сжать, но смущаетъ умы неизвѣстность событій;
Кроютъ себя и одѣтые тучей пустой примѣчаютъ,
Что за судьбина постигла людей, гдѣ же флотъ ихъ остался,
Ради чего ихъ приходъ? Ото всѣхъ кораблей вѣдь сошлися
Мужи избранные: милости ищутъ и ломятся съ шумомъ 21).

Вотъ какъ вошли и съ самою царицей дозволено молвить,
Иліоней, какъ старѣйшій, степенную рѣчь начинаетъ:

«Слушай, царица! которой дано отъ Юпитера новый
Градъ созидать и закономъ обуздывать родъ своевольный;
Трои несчастные, вѣтромъ по всѣмъ океанамъ носимы,
Молимъ тебя: отврати отъ судовъ нечестивое пламя;
Дай неповиннымъ пощаду и вникни какъ слѣдуетъ въ дѣло.
Мы не затѣмъ, чтобъ Ливійскихъ оружіемъ грабить Пенатовъ
Прибыли къ вамъ, не затѣмъ, чтобъ добычу сносить на прибрежье;
Дерзости этой въ насъ нѣтъ, ни гордыни такой въ побѣжденныхъ;
Есть во вселенной страна: прозываютъ Гесперіей Граи;
Древняя область, оружьемъ и почвой обильная тучной;
Мужи Энотры тамъ жили: теперь, говорятъ, ихъ потомки
Землю Италіей кличутъ, по имени князя назвавши.
Къ ней направлялися мы . . . .
Вдругъ неожиданно насъ восходящій бурливый Оріонъ
Кинулъ на тайныя мели и съ помощью дерзостныхъ Австровъ
Насъ, побѣжденныхъ волной, по морямъ, сквозь опасные камни
Всѣхъ разогналъ; лишь немногіе къ вашему брегу приплыли.
Что вы за племя людское? какой же столь варварскій берегъ
Можетъ обычай подобный хранить? и песокъ возбраняютъ,
Ратью грозятъ и земли на краю отдохнуть намъ мѣшаютъ!
Если людей презираете вы и отмщенье земное,
Бойтесь боговъ, что о злѣ и добрѣ одинаково помнятъ,
Нашимъ царемъ былъ Эней: справедливѣе, набожнѣй мужа
Не было въ мірѣ, ни въ битвахъ оружьемъ славнѣйшаго князя.
Если спасенъ онъ судьбой, если кормится токомъ эѳирнымъ,
Если жестокимъ тѣнямъ онъ еще не достался на жертву,
Вѣрь, не раскаешься ты, что ему услужить поспѣшила.
Есть и въ краяхъ Сикулійскихъ союзныя земли и грады;
Есть отъ Троянской крови происшедшій Акестъ знаменитый.
Просимъ объ томъ лишь, чтобъ флотъ намъ дозволили, бурей разбитый,
Здѣсь успокоить и бревна тесать, и обдѣлывать весла.
Если возможно намъ будетъ, найдя и царя и дружину,
Ѣхать въ Италію, съ радостью въ Латій мы всѣ устремимся;
Если-жъ нельзя и тобою, о, Тевкровъ отецъ несравненный!
Ливіи море владѣетъ и нѣтъ ужъ надежды на Юла,
Къ странамъ Сиканскимъ тогда и къ жилищамъ отъидемъ готовымъ,
Князя Акеста ища: отъ него мы теперь вѣдь и ѣдемъ».
Такъ говорилъ онъ и ропотомъ дружнымъ слова подтверждала
Вся Дарданидовъ толпа . . . . . [22]).

Очи потупивъ, Дидона въ немногихъ словахъ отвѣчаетъ:
«Страхъ отложите, о, Тевкры! и прочь отжените заботы:
Времени трудность и царства меня новизна заставляетъ
Такъ поступать и предѣлы земли охранять повсемѣстно.
Кто-жъ Энеадовъ теперь и Троянскаго града не знаетъ:
Доблести ихъ и мужей и войны несказанной пожара?
Нѣтъ! не настолько ужъ грубыя души имѣютъ Пунійцы
Или настолько отъ насъ удаляются Солнцевы кони.
Путь свой въ Гесперію-ль нынѣ великую, къ нивамъ Сатурна
Или ко странамъ направите Эрика, въ царство Акеста,
Съ помощью васъ отпущу и богатствомъ своимъ пособлю я.
Можетъ быть въ этомъ краю предпочли-бъ вы со мною остаться?
Градъ воздвигаемый вашъ; волоките суда на прибрежье;
Трой ли, Тиріецъ ли будетъ—различія дѣлать не стану.
Если-бъ и царь вашъ Эней, тѣмъ же самымъ приведенный Нотомъ,
Съ вами присутствовалъ! Впрочемъ, надежныхъ людей вдоль поморій
Я разошлю, да и Ливію всю обыскать прикажу я:
Дебри и грады, въ которыхъ, быть можетъ, изверженный бро-
дитъ» 23).

Жадно внимали словамъ и родитель Эней и могучій
Вмѣстѣ Ахатъ и давно ужъ изъ облака вырваться оба
Сильно желали; къ Энею Ахатъ обращается первый:
«Чадо богини! что мыслитъ твой разумъ о нашихъ судьбинахъ?
Видишь, что все безопасно: вернулись и флотъ и дружина;
Только одинъ не пришелъ, но его средь волненья мы сами
Гибнущимъ зрѣли; все прочее съ матери рѣчью согласно».
Только успѣлъ онъ сказать, какъ друзей окружавшая туча
Лопнула вдругъ и мгновенно въ эѳиръ обратилася чистый.
Сталъ передъ всѣми Эней и красой онъ на солнцѣ блистаетъ,
Ликомъ и станомъ подобенъ богамъ: озаботилась матерь
Сыну красивыя кудри придать и румянецъ багряный
Юности ранней, а въ очи влила величавую прелесть;
Точно слоновую кость, серебро или камень Парійскій,
Золотомъ желтымъ кругомъ обложивъ, украшаетъ художникъ.
Вотъ обращается онъ и къ царицѣ и къ прочимъ, внезапно
Имъ говоря: «передъ вами искомый теперь нахожуся,
Тотъ Иліонскій Эней, отъ Ливійской избѣгшій пучины

Ты, что одна пожалѣла о бѣдахъ неслыханныхъ Трои,
Насъ, недобитковъ Данайскихъ, измученныхъ моря и суши
Всѣми несчастьями злыми, лишенныхъ всего, неимущихъ,
Въ городъ, въ свой домъ принимаешь! достойно воздать по заслугамъ
Намъ невозможно, Дидона! ни намъ, ни другимъ Дарданійцамъ,
Сколько теперь ни разбросано ихъ по великому свѣту.
Боги тебя, если добрыхъ они почитаютъ и если
Цѣнится гдѣ бы то ни было добрая совѣсть и правда,
Пусть наградятъ. Да въ какое же ты столь блаженное время
Или отъ коихъ родителей славныхъ такой родилася?
Рѣки доколѣ въ заливы бѣгутъ и доколѣ вкругъ скатовъ
Тѣни обходятъ, доколѣ эѳиромъ питаются звѣзды,
Вѣчно и честь, и хвала, и прозванье твое не умолкнутъ
Въ странахъ, куда насъ судьба занесетъ». Такъ сказалъ онъ и друга
Иліонея десницей привѣтствуетъ, лѣвой Сергеста;
Слѣдомъ другихъ: и Гіанта бойца и героя Клоанѳа 24).

Диву сперва изумилася тутъ Сидонянка Дидона;
Лютой героя судьбинѣ затѣмъ и ему провѣщала:
Чадо богини! какая-жъ судьба чрезъ толикія бѣды
Гонитъ тебя и приводитъ теперь къ этимъ варварскимъ странамъ?
Ты ли Эней тотъ великій, его-жъ Дарданійцу Анхису
Матерь Венера при свѣтлыхъ струяхъ родила Симоійскихъ?
Помню, какъ нѣкогда Тевкръ, изъ отцовскаго града изгнанный
Къ намъ во Сидонъ приходилъ, добиваяся новаго царства
Съ помощью Беловой: Белъ, мой отецъ, въ это время богатый
Кипръ пустошилъ и подъ скиптры свои приводилъ, побѣждая.
Съ оной поры чрезъ разсказы его мнѣ извѣстными стали
Трои судьба и прозванье твое и владыки Пелазговъ.
Самъ непріятель хвалилъ похвалами великими Тевкровъ;
Онъ и себя выводилъ изъ Тевкрійскаго древняго рода.
Въ домъ мой, прошу васъ, вступите немедленно славные мужи!
Сходная съ вашей судьба и меня, черезъ многія бѣды
Долго водивъ, наконецъ въ сихъ краяхъ отдохнуть допустила.
Горе извѣдавъ сама, помогать злополучнымъ стараюсь 25).

Такъ говоритъ и немедленно въ царскіе домы Энея
Съ почестью вводитъ и жертвы боговъ алтарямъ назначаетъ;
Мало того: и дружинѣ его на брега посылаетъ

Двадцать воловъ, сто великихъ вепрей со щетинистымъ тыломъ,
Сто отправляетъ на трапезу тучныхъ ягнятъ съ матерями,
Радостный праздничный даръ . . . . .
Внутренній домъ между тѣмъ украшается роскошью царской.
Пиръ устрояется свѣтлый обширныхъ палатъ по срединѣ.
Дивныя ткани искусствомъ и пурпуромъ гордымъ блистаютъ,
Тяжкое тамъ серебро на столахъ и изваяны въ златѣ
Подвиги предковъ великіе: тянутся длинною цѣпью
Столькихъ героевъ дѣла отъ начала стариннаго рода.

Сердцемъ отцовской любви ни на мигъ позабыть не способный,
Быстраго тотчасъ Эней на суда посылаетъ Ахата
Вѣсти подать и Асканія въ городъ Дидонинъ доставить.
Въ Юлѣ одномъ всѣ заботы отца заключаются нынѣ.
Кромѣ того и подарки, изъятые гибели Трои,
Несть приказалъ онъ: хитонъ, и шитьемъ испещренный и златомъ;
Съ нимъ покрывало главѣ, окаймленное желтымъ аканѳомъ:
Пышной Елены убранство, которое древле съ собою,
Домъ покидая и въ Пергамъ стремясь къ запрещенному браку,
Дивныя матери Леды дары захватила царица.
Съ оными скипетръ, его же сама Иліона носила,
Старшая дочь у Пріама; при немъ ожерелье изъ перловъ;
Тутъ же изъ злата и яхонтовъ крупныхъ корону двойную.
Эти приказы неся на прибрежье Ахатъ поспѣшаетъ.

Новыя козни межъ тѣмъ Киѳерея и новую въ сердцѣ
Лесть замышляетъ: велитъ, чтобъ лицо Купидонъ измѣнивши,
Вмѣсто Асканія сладкаго шелъ, чтобъ дарами царицу
Ярою страстью возжегъ онъ и пламенемъ въ кости проникнулъ;
Лживаго дома страшится она и Тирянъ двухъязычныхъ;
Лютая въ мысляхъ Юнона и къ ночи заботой смущаетъ.
Ради сего крылоносному матерь вѣщаетъ Амору:
«Чадо, единая сила моя и помощникъ единый!
Ты, что родителя вышняго стрѣлъ не боишься Тифойскихъ!
Мать прибѣгаетъ къ тебѣ и твое божество умоляетъ:
Знаешь, какъ братъ твой Эней на пучинѣ, вокругъ всѣхъ поморій
Бьется, несчастный, Юноны неправедной гнѣвомъ гонимый;

Самъ ты нерѣдко дѣлилъ нашу скорбь и со мной горевалъ ты.
Нынѣ Пунійка Дидона пришельца пріемлетъ и тщится
Ласковой рѣчью замедлить; боюсь, чтобъ не кончилась худо
Эта гостьба у Юноны: минуты такой не пропуститъ.
Должно заранѣе лестью царицу объять и любовнымъ
Пламенемъ злымъ, чтобъ не вышло вмѣшательствомъ бога другого
Съ ней перемѣны, но также какъ я возлюбила-бъ Энея.
Слушай теперь мой совѣтъ, какъ достигнуть ты этого можешь.
Позванъ родителемъ милымъ, сбирается въ городъ Сидонскій
Царственный отрокъ теперь, величайшая наша забота,
Взявши дары, что отъ моря спаслись и отъ пламени Трои.
Сномъ усыпивши его, надъ высокою нынѣ Киѳерой
Или надъ темнымъ Идаліемъ въ мѣстѣ священномъ сокрою,
Лести узнать чтобъ не могъ онъ и не въ пору въ городъ явиться.
Образъ его пріими на одну только ночь ты, не болѣ;
Всѣхъ обмани и знакомаго отрока, отрокъ, представь имъ;
Такъ, чтобъ когда обойметъ, веселясь красотою твоею,
Пуновъ царица тебя на пиру за Ліэевой влагой,
Къ лону прижметъ и лобзаньями сладкими нѣжно осыплетъ,
Скрытое пламя въ нее бы вдохнулъ ты и ядъ потаенный [26]).

Внемлетъ Аморъ наставленіямъ матери милой и крылья
Онъ отложилъ и походку Іулову радостно принялъ.
Внуку межъ тѣмъ Киѳерея во члены покой безмятежный
Тайно влила и въ объятіяхъ грѣя уноситъ къ высокимъ
Рощамъ Идаліи: тамъ усыпленнаго нѣжный амаракъ,
Цвѣтомъ и сладостной тѣнью дыша на него, обнимаетъ.

Вотъ ужъ идетъ Купидонъ, повинуясь Венерину слову;
Царскіе Пунамъ подарки несетъ, предводимый Ахатомъ.
Только вступилъ онъ, царица на гордыхъ коврахъ и на пышномъ
Ложѣ златомъ между нимъ и Энеемъ самимъ помѣстилась.
Вотъ и родитель Эней и могучіе всѣ Иліона
Къ ней собрались и на пурпурѣ постланномъ вкругъ возлегаютъ.
Воду для рукъ предлагаютъ рабы и хлѣба, изъ корзинокъ
Вынувши, ставятъ на столъ; ручники шерстяные приносятъ.
Есть пятьдесятъ тамъ рабынь, что повинны готовые хлѣбы

Длинными ставить рядами и жечь ѳиміамъ для Пенатовъ.
Сотня служанокъ и столько-жъ служителей, возрастомъ равныхъ,
Брашномъ столы отягчаютъ и кубки гостямъ предлагаютъ.
Тутъ и Тирійцевъ не мало въ веселыя сѣни вступило
Званыхъ царицей въ палатѣ возлечь на расписанныхъ ложахъ.
Всякій дивится Энея дарамъ, изумляется Юлу:
Лику блестящему бога и отрока рѣчи заемной,
Ризѣ драгой и покрову, обшитому желтымъ аканѳомъ.
Паче другихъ Сидонянка несчастная, язвѣ грядущей
Злою судьбой обреченная, духа насытить не можетъ;
Смотритъ и пышетъ, равно отъ даровъ и отъ отрока млѣетъ.
Тотъ, побывавши въ объятьяхъ отца и на выѣ Энея,
Только родителя мнимаго нѣжность вполнѣ онъ насытилъ,
Идетъ къ царицѣ. Очами и сердцемъ къ нему прилѣпилась;
Временемъ къ лону его прижимаетъ Дидона, не зная,
Бѣдная! бога какого ласкаетъ, а онъ, повинуясь
Акидалійской богинѣ, ужъ мало-по-малу Сихея
Сталъ заглушать и любовью живой охладѣлую полнить
Душу вдовы и отъ мертваго мужа отвыкшее сердце 27).

Отдыхъ пирующимъ данъ и мѣняются яства на пирѣ;
Ставятъ кратеры великія, кубки цвѣтами вѣнчаютъ.
Шумъ раздается въ дому; по притворамъ великимъ несется
Говоръ гостей; со златыхъ потолковъ ниспадаютъ лампады,
Ярко горя; побѣждается сумракъ отъ свѣточей блеска.
Тутъ-то царица слугамъ повелѣла изъ камней и злата
Тяжкую чашу подать и виномъ наполняетъ: изъ оной
Пили и Белъ, и преемники всѣ; водворилось молчанье...
«Юпитеръ! ты, что священное право гостей охраняешь,
Даруй, чтобъ день сей и Тира сынамъ и пришельцамъ Троянскимъ
Радостенъ былъ; чтобъ о немъ вспоминали и правнуки наши.
Радости Вакхъ подавитель и добрая съ нами Юнона
Пусть соприсутствуютъ; праздникъ, Тирійцы! весельемъ святите!»
Молвитъ она и на трапезу брызнула влагой честною;
Вотъ возліянье свершивъ, прикоснулась къ напитку устами;
Битію чашу, примолвивъ, даетъ; выпиваетъ онъ мощно
Пѣнистый кубокъ и полный сосудъ до конца истощаетъ.
Слѣдомъ другіе князья. На киѳарѣ Іопасъ власатый

Тутъ на златой загремѣлъ, наученный великимъ Атлантомъ.
Онъ воспѣваетъ блужданья луны и затмѣнія солнца,
Молвитъ, откуда и родъ человѣковъ и звѣри взялися,
Дождь и огонь и Арктуръ и Гіады и оба Тріона,
Что такъ спѣшатъ океаномъ увлажиться зимнія солнца,
Чѣмъ замедляется позднее лѣтнихъ ночей появленье.
Плещутъ руками Тирійцы, Трояне друзьямъ подражаютъ.
Также и въ разныхъ бесѣдахъ веселую ночь проводила
Эта царица несчастная, медленно пламя впивая,
Много пытая о старомъ Пріамѣ, о Гекторѣ гостя
Или въ доспѣхахъ какихъ приходилъ сынъ великій Авроры,
Или про славныхъ Тидида коней и Ахиллову силу.
«Лучше ужъ, гость! отъ начала отъ самаго намъ ты повѣдай
Всѣ ухищренья Данаевъ и бѣдствія града родного;
Также скитанья твои: вѣдь седьмое ужъ лѣто какъ бродишь
Ты по вселенной; по всѣмъ по землямъ и по всѣмъ океанамъ 28)».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эней, сынъ Анхиса, князя изъ троянскаго царскаго рода и богини Венеры, спасся, по преданію, съ частью Троянъ послѣ взятія Трои и прибылъ въ Италію, гдѣ онъ поселился въ землѣ Латиновъ или Латіи, построивъ себѣ городъ Лавиній. Его сынъ Асканій или Юлъ построилъ по близости городъ Альбу-Лонгу, то-есть, по-русски—Альбу длинную, куда и перенесъ столицу. Выселенцы изъ Альбы основали впослѣдствіи Римъ. Юнона—царица боговъ, сестра и жена верховнаго бога Юпитера, дочь Сатурна, почему и зовется Сатурніей. Пенатами у Римлянъ назывались кумиры боговъ, находившіеся въ домахъ гражданъ. Они составляли величайшую святыню для своихъ обладателей.

2) Музами назывались богини пѣнія, музыки и пляски, дочери Юпитера. Полагали, что онѣ вдохновляютъ пѣвцовъ.

3) Тиръ былъ главнымъ городомъ Финикіи. Его колоніей былъ Карѳагенъ на сѣверномъ берегу Африки около Туниса. Тибръ итальянская рѣка, на которой находится Римъ. Самъ или, какъ обыкновенно говорятъ, Самосъ есть греческій островъ у береговъ Малой Азіи. Онъ былъ посвященъ Юнонѣ. Ливіей называлась африканская область, въ которой былъ основанъ Карѳагенъ. Парки—богини судьбы, которыя, по словамъ древнихъ, пряли судьбу людей. Юнона издавна ненавидѣла Троянъ и подъ Троей помогала Грекамъ. Арги, или иначе Аргъ (обыкновенно Аргосъ), древнѣйшій городъ въ Арголидѣ, греческой области, изъ которой былъ родомъ Агамемнонъ, верховный вождь Грековъ подъ Троей. Паридъ,

сынъ послѣдняго троянскаго царя Пріама, былъ избранъ въ судьи богинями: Юноной, Минервой, богиней мудрости, дочерью Юпитера и Венерой, его же дочерью, богиней красоты и любви, споришихъ о томъ, кто изъ нихъ красивѣе. Паридъ призналъ побѣдительницей Венеру. Послѣ того онъ, по внушенію Венеры, похитилъ прекраснѣйшую женщину въ Греціи—Елену, жену Менелая, царя Спартанскаго, брата Агамемнонова. Изъ-за этого будто бы и началась Троянская война. Ганимедъ, сынъ Троянскаго царя Троя, меньшой братъ царя Ила, отца Лаомедонтова, дѣда Пріамова, былъ похищенъ на небо Юпитеровымъ орломъ. Юпитеръ за его красоту сдѣлалъ его своимъ виночерпіемъ. Данаи, одно изъ древнихъ именъ Грековъ; оно давалось преимущественно жителямъ Арголиды, въ которой будто бы нѣкогда царствовалъ царь Данай. Ахиллъ или правильнѣе Ахиллей—одинъ изъ ѳессалійскихъ царей, храбрѣйшій между всѣми осаждавшими Трою. Его обыкновенно зовутъ по-русски Ахиллесомъ, но эта форма совершенно неправильна.

4) Сикулы и другое родственное имъ племя Сиканы жили въ древности на островѣ Сициліи и дали ему свое имя. Военныя суда древнихъ обшивались снизу мѣдью. Тевкры—одно изъ именъ Троянъ. Преданіе говоритъ, что первое поселеніе въ Троянской землѣ основалъ критскій выходецъ Тевкръ. Его подданные именовались Тевкрами, потомъ по имени его зятя и наслѣдника Дардана—Дарданами, а потомъ Троянами по имени Троя, сына Эрихѳонія, внука Дарданова. Троевъ сынъ Илъ построилъ Трою или Илій (называютъ также Иліономъ), которая сдѣлалась столицей края. Лежала она на азіатскомъ берегу Дарданельскаго пролива около горы Иды и рѣкъ Скамандра, или Ксанѳа, и Симоента, обыкновенно называемою Симоисомъ. Паллада—греческое имя Минервы. Локрійскій царь Аянтъ, сынъ Оилеевъ, по взятіи Трои оскорбилъ дочь Пріама, вѣщую Касандру во храмѣ Паллады, за что и былъ наказанъ богиней.

5) Эоліей назывался островъ Липара, лежащій на сѣверъ отъ Сициліи. На немъ, по преданіямъ, обиталъ полубогъ Эолъ, сынъ Нептуна, владыка вѣтровъ. Австромъ Римляне звали южный вѣтеръ. Поэты часто употребляютъ это слово для означенія вѣтра вообще. Тиррены, Туски или Этруски были сильный народъ, обитавшій въ сѣверной Италіи, а главнымъ образомъ въ Этруріи или теперешней Тосканѣ, получившей отъ нихъ свое имя. Нимфы были второстепенныя водяныя богини, жившія въ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ.

6) Эвръ—восточный вѣтеръ. Нотъ—то же, что Австръ. Африкъ—юго-западный вѣтеръ. Тидидъ, то-есть сынъ Тидеевъ, есть Діомедъ, одинъ изъ Аргоiлійскихъ царей, сражавшихся подъ Троей. Эакидъ или потомокъ Эака (точнѣе Аяка) есть Ахиллъ. Гекторъ—старшій сынъ Пріама, главный защитникъ Трои. Сарпедонъ — ликійскій царь, сынъ Юпитера, союзникъ Троянъ. Аквилонъ—сѣверный вѣтеръ. Сирты — два залива на сѣверномъ берегу Африки. Тамъ были опасныя мели. Часть Ликійцевъ, сражавшихся подъ Троей, послѣдовала, какъ видно, за Энеемъ.

8) Нептунъ—братъ Юпитера, богъ моря. Зефиръ—западный вѣтеръ.

9) Кимоѳоя и Тритонъ—второстепенные морскіе боги.

10) Керера или, какъ обыкновенно произносятъ, Церера — сестра Юпитера, богиня земледѣлія. Въ поэтическомъ языкѣ иногда и самыя зерна именуются Керерою.

11) Акестъ, герой троянскаго происхожденія, основалъ поселеніе на сѣверо-западѣ Сициліи или Тринакріи, какъ звали Греки этотъ островъ. Онъ радушно принялъ Троянъ, которые отъ него и поплыли далѣе. Скилла — морское чудовище, которое будто бы сидѣло въ Мессинскомъ проливѣ и губило корабли. Киклопы (обыкновенно пишутъ Циклопы)—дѣти Нептуна, одноглазые и лютые исполины, будто бы жившіе на Сициліи, около горы Этны.

12) Антеноръ, одинъ изъ троянскихъ старѣйшинъ, по взятіи Трои принялъ начальство надъ Венетами, союзниками Троянъ и ушелъ съ ними въ Иллирію., то-есть къ восточнымъ берегамъ Адріатики, а затѣмъ въ Либурнію (нынѣшнію приморскую Хорватію) и наконецъ поселился въ странѣ, получившей отъ его народа имя Венетіи, въ основанномъ имъ городѣ Патавіи, а нынѣ Падуѣ. Источникъ Тимавъ или мать моря, какъ его звали древніе Венеты, находится у моря, почти на границѣ Италіи и Австріи. Олимпъ — священная небесная гора, на которой обитали боги, по мнѣнію древнихъ. Ахеи—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя дѣлились Греки. Они жили въ Арголидѣ и отчасти въ Ѳессаліи.

13) Киѳерея, то-есть Киѳерская—прозваніе Венеры, данное ей отъ острова Киѳеры, который былъ ей посвященъ. Рутулы—италійскій народъ, съ которымъ впослѣдствіи воевалъ Эней. Илія, иначе Рея Сильвія, была дочь албанскаго царя Нумитора, потомка Энеева. Мартъ, обыкновенно называемый Марсомъ — сынъ Юпитера, богъ войны. Онъ же нерѣдко зовется Мавортомъ. Ромулъ — сынъ Марта и Иліи, основатель Рима или, точнѣе, Ромы, получившей отъ него имя. Онъ былъ, по словамъ преданія, выкормленъ волчицей. Тога—одежда римскихъ гражданъ. Люстръ—пятилѣтній періодъ времени. Ассаракъ—братъ троянскаго царя Ила. У него былъ сынъ Капій, у Капія—Анхисъ. Отъ Анхиса и богини Венеры родился Эней. Фтія—ѳессаллійскій городъ, родина Ахилла. Микены—арголійскій городъ, столица Агамемнона. Кесарь есть вѣроятно Августъ, родственникъ и усыновленный сынъ Юлія Кесаря. По женскому колѣну и онъ происходилъ отъ рода Юліевъ, а эти производили себя отъ Юла. Злато востока есть египетская добыча или, можетъ быть, Виргилій пророчитъ Августу покореніе Парѳянъ и другихъ восточныхъ народовъ. Веста—богиня очага, по инымъ преданіямъ одно съ Кибелой или Реей, женой Сатурна и матерью боговъ, по другимъ—ея дочь. Квиринъ—другое имя Ромула. Ремъ—его братъ, убитый Ромуломъ, но который впослѣдствіи долженъ ожить. Врата брани — это врата Янова храма, которыя запирались по заключеніи мира. Янъ—старинное латинское божество, встарину едва ли не тождественное съ Юпитеромъ.

14) Мая — мать Юпитерова сына Меркурія, вѣстника боговъ, объ которомъ здѣсь и говорится. Дидона—царица и основательница Карѳагена. Пуны—тоже слово что Финикійцы, только въ римскомъ произношеніи.

15) Спартанскія дѣвушки принимали участіе въ охотѣ и другихъ мужскихъ упражненіяхъ. Гарпалика—древняя ѳракійская героиня. Ѳракіей въ обширномъ смыслѣ именовалась восточная часть Балканскаго полуострова.

16) Фебъ или Аполлонъ—сынъ Юпитера, богъ свѣта, музыки и поэзіи.

17) Агеноръ — древній царь финикійскій. Слово *бирса* на пунійскомъ языкѣ означало шкуру. Дидона, купивъ у мѣстнаго царя Ярба столько земли, сколько могла смѣрить шкурой, обмѣрила ее воловьею шкурою, изрѣзанной н мелкія тесемки, обманувъ такимъ образомъ царя.

18) Весперъ — вечерняя звѣзда. Энею было велѣно ѣхать въ Италію, родину его предка Дардана, Зевсова сына. Должно замѣтить, что мы въ своемъ переводѣ всегда стараемся именовать упоминаемыхъ въ Энеидѣ боговъ ихъ латинскими, а не греческими именами, какъ обыкновенно поступаетъ и самъ Виргилій, но для слова Зевсъ пришлось сдѣлать исключеніе. Дѣло въ томъ, что Римляне употребляли сложное слово Юпитеръ (то-есть Йовъ-отецъ) только въ именительномъ падежѣ, а въ другихъ падежахъ говорили просто Йовъ. Потому и мы для сокращенія стиха сочли возможнымъ ставить иногда греческую форму Зевсъ вмѣсто малоизвѣстной и неупотребительной въ русскомъ языкѣ формы, Йовъ. Фригія—область въ Малой Азіи; въ ней находилась Троя.

19) Амврозія—пища боговъ. Пафъ или Пафосъ—городъ на островѣ Кипрѣ, посвященный Венерѣ. Саба—городъ въ Аравіи, откуда привозились благовонія.

20) Сидонъ—древнѣйшій городъ Финикіи, почему и Дидона зовется нерѣдко Сидонской, хотя она была изъ Тира. Атридъ, то-есть сынъ Атрея, есть Агамемнонъ. Ахиллъ былъ врагъ Пріама, но одно время находился въ великой ссорѣ съ Агамемнономъ. Пергамы — замокъ или по нашему кремль троянскій. Ресъ, ѳракійскій царь, пришедшій вечеромъ на помощь Троянамъ, былъ въ ту же ночь убитъ во время сна Діомедомъ, который овладѣлъ его дивными конями. Троилъ — сынъ Пріама, убитый Ахилломъ. Паллада, хотя и считалась покровительницей Трои, стояла за Грековъ. Мемнонъ — эѳіопскій царь, сынъ Авроры. Онъ помогалъ Троянамъ. Пенѳесилея—тоже союзница Троянъ и царица Амазонокъ. Амазонки, по словамъ преданій, жили гдѣ-то въ Малой Азіи. Это былъ народъ, состоявшій изъ однѣхъ женщинъ и занимавшійся главнымъ образомъ войной. Онѣ прижигали себѣ правую грудь, чтобъ она не мѣшала натягиванью лука и затѣмъ не покрывали ее одеждой.

21) Эвротъ—рѣка въ Спартанской землѣ. Кинѳъ, гора на островѣ Делосѣ, родинѣ Аполлона и его сестры Діаны, богини охоты. Ореады — нимфы горъ. Латона—мать Аполлона и Діаны.

22) Слово Гесперія значитъ западная страна. Оріонъ—одно изъ главныхъ созвѣздій. Оно восходитъ зимой, во время морскихъ бурь.

23) Энеады—значитъ спутники Энея. Сатурнъ—отецъ Юпитера. Преданіе говоритъ, что изгнанный съ неба сыномъ онъ укрылся въ Латіи. Эрикъ—гора въ Сициліи, около которой поселился Акестъ.

24) Паръ или Паросъ—островъ въ Архипелагѣ. На немъ добывался мраморъ.

25) Тевкръ—саламинскій князь, сынъ Теламона, одинъ изъ вождей, осаждавшихъ Трою. Впослѣдствіи онъ основалъ поселеніе на Кипрѣ. Онъ былъ сыномъ Пріамовой сестры Гесіоны. Пелазги — племя, жившее въ древнѣйшія времена въ Греціи.

26) Купидонъ или Аморъ, сынъ Венеры, богъ любви. Звать его Амуромъ совершенно неправильно, ибо это было бы французское, а не латинское слово. Финикійцы спокон вѣку считались лукавымъ народомъ. Тифой — одинъ изъ исполиновъ или Титановъ, пораженный молніей Зевса. Идалій—гора на Кипрѣ, а Идалія, объ которой вскорѣ говорится — городъ на томъ же островѣ. Ліей или разрѣшитель—греческое прозваніе Вакха, бога вина, сына Зевсова.

27) Аканѳъ — растеніе съ красивымъ листомъ. Акидалій — источникъ въ Ѳиванской области, посвященный Венерѣ.

28) Белъ—родоначальникъ финикійскихъ царей, отличный отъ Бела, отца Дидоны. Битій — главный Карѳагенскій вельможа. Атлантъ — одинъ изъ Титановъ, исполинъ, поддерживающій небо плечами и притомъ мудрецъ. Арктуръ и Гіады—два созвѣздія. Два тріона или два вола—это двѣ Медвѣдицы, Большая и Малая. О сынѣ Аврориномъ Мемнонѣ сказано выше.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Въ Энеидѣ встрѣчается не мало стиховъ, въ принадлежности которыхъ Виргилію есть основаніе сомнѣваться. Въ первой пѣсни можно указать только на слѣдующій, находящійся въ описаніи работъ Карѳагенянъ послѣ стиха «Тѣ выбираютъ мѣста для домовъ. . . . .» и пр. а именно:

Судей творятъ и законы, священный сенатъ избираютъ.

Этотъ стихъ стоитъ во всякомъ случаѣ не на мѣстѣ и едва ли Виргиліевъ. Подобные стихи въ большинствѣ случаевъ мы помѣщаемъ только въ примѣчаніяхъ, а если оставляемъ ихъ въ текстѣ, то не иначе, какъ съ оговоркой.

КНИГА ВТОРАЯ.

Смолкнули всѣ и въ него неподвижно уставили очи.
Тутъ-то родитель Эней такъ завелъ отъ высокаго ложа:

«Горе велишь обновить несказанное мнѣ, о царица!
Какъ и Троянскую мощь и достойное жалости царство
Стерли Данаи: плачевное дѣло, что собственнымъ окомъ
Зрѣлъ я и въ коемъ участвовалъ много; услыша про это,
Кто: Мирмидонъ ли, Долопъ или злобнаго ратникъ Улисса
Могъ бы отъ слезъ удержаться? И ночь ужъ росистая долу
Съ неба стремится и сонъ заходящія звѣзды вкушаютъ.
Впрочемъ когда ужъ столь сильно желаешь про наши судьбины
Вѣдать и вкратцѣ узнать про несчастье послѣднее Трои,
Вспомнить страшится хоть духъ мой и жалости полнъ отступаетъ,
Повѣсть начну: сокрушенные въ сѣчахъ, отбитые рокомъ,
Князи Данаевъ, какъ столько ужъ лѣтъ пронеслось безполезныхъ,
Лошадь, что гору, искусствомъ божественнымъ дѣвы Паллады
Строятъ и тесанной елью бока у нея облекаютъ.
Словно бы жертву богамъ за возвратъ: слухъ такой разошелся.
Втайнѣ межъ тѣмъ отобранныхъ по жребію воиновъ лучшихъ
Въ сумрачныхъ конскихъ бокахъ заключивъ, и пещеры и чрево
Ими великое полнятъ и войскомъ коня нагружаютъ [1]).

Трои въ виду островъ Тенецъ лежитъ, знаменитый и полный
Всякихъ богатствъ, какъ стояло еще Иліонское царство.
Нынѣ заливъ лишь имѣетъ, невѣрную пристань для лодокъ.
Тамъ-то, отъ града отплывъ, на пустынномъ прибрежьѣ укрылись;
Думаемъ, вовсе ушли и по вѣтру поплыли въ Микены.
Вотъ, наконецъ, свободилась отъ долгаго Тевкрія горя;
Настежь ворота: пріятно пойти и Дорійскіе станы
Видѣть вблизи и безлюдную мѣстность и брегъ опустѣлый.
Здѣсь пребывали Долоны, тамъ лютый Ахиллъ находился,
Здѣсь было мѣсто для флота, тамъ битвы обычно давались.
Смотрятъ иные на даръ смертоносный безбрачной Палладѣ.
Конской громадѣ дивясь, и Тимойтъ былъ тутъ первымъ, который
Сталъ убѣждать, чтобы въ стѣны ввели и поставили въ замкѣ,
Былъ ли измѣнникомъ онъ или такъ ужъ хотѣли судьбины.
Капій напротивъ и прочіе, къ лучшей приставшіе мысли,
Въ море Данайскія хитрости бросить велятъ или въ пепелъ
Даръ обратить подозрительный, пламя подъ нимъ разложивши,
Или, утробу проткнувъ, тайники въ немъ пустые извѣдать.
Людъ раздѣленъ между ними и къ цѣлямъ стремится различнымъ [2]).

Вотъ всѣхъ другихъ на челѣ, многолюднымъ сопутствуемъ сонмомъ,
Лаокоонтъ разъяренный отъ вышняго замка сбѣгаетъ,
Издали громко крича: «о несчастные! что за безумство?
Мните ли вы, что уплыли враги иль что могутъ Данаи
Даръ хоть одинъ безъ лукавства намъ дать? позабыли Улисса!
Иль, затворясь въ этомъ древѣ, скрываются нынѣ Ахеи,
Или махина сія на погибель устроена стѣнамъ,
Въ домы чтобъ наши смотрѣть и чтобъ сверху на городъ ударить,
Или иное таится: коню не ввѣряйтеся, Тевкры!
Чѣмъ бы онъ ни былъ, Данаевъ страшусь и дары приносящихъ.
Такъ возгласивъ, копіе онъ огромное съ силой великой
Пагубной лошади въ бокъ и чудовища въ круглое чрево
Яростно кинулъ: вонзилось, дрожа и въ конѣ потрясенномъ
Тотчасъ же звонъ поднялся и завыли пещеры глухія.
О, еслибъ рокъ допустилъ, еслибъ боги ума не затмили,
Насъ бы увлекъ онъ мечемъ окровавить Аргійскую нору;
Троя стояла-бъ и нынѣ, стоялъ бы ты, замокъ высокій!»

Юношу чуждаго вдругъ, закрутивъ ему за спину руки,
Пастыри наши къ Пріаму съ великими кликами тащатъ.
Онъ добровольно себя набѣжавшимъ тутъ Дарданамъ выдалъ,
Лесть чтобъ надъ ними свершить и чтобъ Трою открыть для Ахеевъ;
Хитрости вѣря своей и на оба исхода готовый:
Или исполнить обманъ или вѣрной подвергнуться смерти.
Видѣть желая его, отовсюду младые Трояне
Быстро сбѣгаются, всякъ наругаться надъ плѣнникомъ хочетъ.
Слушай Данайскую лесть! по злодѣйству единаго мужа
Можешь и всѣхъ изучить. . . .
Вотъ передъ сонмищемъ всѣмъ, безоружный и съ видомъ смущеннымъ,
Сталъ онъ и глядя кругомъ, Дарданидовъ ряды озираетъ.
«Горе!» взываетъ, «какая земля или море какое
Примутъ меня или что мнѣ злосчастному нынѣ осталось,
Коему нѣтъ ужъ пріюта въ Данайской землѣ и вдобавокъ
Пени кровавой съ него Дарданиды враждебные просятъ?»
Жалкимъ стенаньемъ смягчились умы и страстей увлеченье
Стихло. Велимъ объяснить, отъ породы какой происходитъ,
Что объяснить онъ имѣетъ, на что онъ надѣяться можетъ.
Страхъ отложилъ наконецъ и слова начинаетъ такія:

«Все разскажу тебѣ, царь! и во всемъ откровенно признаюсь».
Такъ говоритъ онъ. «Не стану скрывать, что Ахеецъ я родомъ.
Вотъ тебѣ первая правда; могла несчастливымъ фортуна
Сдѣлать Синона: лжецомъ и безчестнымъ не сдѣлаетъ злая.
Если въ случайной молвѣ до ушей до твоихъ долетѣло
Имя Белида вождя Паламеда и громкая слава,
Коего, ложно измѣну взведя на героя, Пелазги
Винъ не имѣвшаго, только за то, что войны былъ противникъ,
Гнуснымъ судомъ осудили, а нынѣ объ мертвомъ жалѣютъ,
Знай, что сему-то въ сопутники, близкому мнѣ и по крови,
Мой небогатый отецъ на войну меня въ Трою отправилъ.
Былъ онъ покамѣстъ царемъ и царей на совѣтѣ верховномъ
Силу имѣлъ, и у насъ было имя и нѣкая слава.
Съ онаго-жъ дня, какъ Улисса прелестника завистью злобной
(Вещи извѣстныя всѣмъ говорю) въ дольній міръ перешелъ онъ,
Жизнь свою грустный влачилъ я въ уныньи и горѣ всегдашнемъ,
Сѣтуя въ сердцѣ своемъ на судьбу неповиннаго друга.

Такъ, что не могъ я смолчать и похвасталъ, безумецъ, что если
Случай представится, если вернусь побѣдителемъ въ Арги,
Я отомщу, и свирѣпую ненависть этимъ воздвигнулъ.
Вотъ первый поводъ къ бѣдамъ: съ той поры Иѳакіецъ всечасно
Новой измѣной страшитъ; съ той поры разсѣваетъ въ народѣ
Темные слухи и зная свой грѣхъ, оградить себя хочетъ.
Не далъ себѣ онъ покоя, пока чрезъ Калханта клеврета...
Впрочемъ безъ пользы къ чему повторять мнѣ тяжелую повѣсть?
Что васъ задерживать? равны для васъ коли всѣ Арголійцы,
Вы ужъ достаточно слышали. Что-жъ? получайте отмщенье.
Будетъ доволенъ Улиссъ, заплатить вамъ готовы Атриды» 3).

Тутъ мы распрашивать, тутъ мы причинъ отъ него добираться,
Съ лестью такой незнакомы и съ горькимъ искуствомъ Пелазга.
Онъ продолжаетъ, дрожа, и изъ груди коварной вѣщаетъ:

«Часто Данаи бѣжать и покинуть осаду желали;
Кончить хотѣли войну, утомленные долгой работой.
О, еслибъ такъ поступили, но часто свирѣпое понта
Ихъ замыкало волненье и Австеръ страшилъ отплывавшихъ.
Въ пору же ту, какъ ужъ высилась лошадь изъ бревенъ кленовыхъ,
Тутъ наипаче звенѣли по цѣлому воздуху грозы.
Путь отложивъ, Эврипила мы шлемъ ко оракуламъ Феба;
Онъ изъ святилища Граямъ отвѣтъ злополучный приноситъ:
«Кровью вѣтровъ умолили и дѣвою вы убіенной
Въ день, какъ впервые, Данаи, къ Илійскимъ вы поплыли странамъ;
Кровью возвратъ вы должны искупить и принесть за спасенье
Душу Аргійскую». Гласъ до народныхъ ушей какъ достигнулъ,
Тотчасъ смутилися души и въ самыя кости холодный
Трепетъ проникнулъ: кого ищетъ жребій? кто надобенъ Фебу?
Съ шумомъ Калханта пророка въ собранье влечетъ Иѳакіецъ,
Да растолкуетъ онъ людямъ божественной рѣчи значенье.
Многіе мнѣ ужъ тогда предвѣщали свирѣпую долю,
Зная обманщика лесть и грядущее втайнѣ провидя.
Десять безмолвствовалъ сутокъ вѣщунъ, отрицаясь притворно
Имя назвать и кого бы то ни было въ гибель повергнуть.
Только затѣмъ, Иѳакійца угрозами будто напуганъ,

Онъ отверзаетъ уста и меня алтарю обрекаетъ.
Вмигъ согласилися всѣ и опасность, что всѣмъ угрожала,
Въ смерть одного несчастливца съ охотою всѣ обратили.
Вотъ ужъ и день ненавистный насталъ и готовили жертву;
Съ солью муку для меня и повязки главѣ устрояли.
Вырвался я, сознаюсь, и бѣжалъ, разорвавши оковы;
Въ тинистомъ озерѣ ночью, осокою скрытый таился;
Ждалъ, не подымутъ ли утромъ, быть можетъ, вѣтрилъ Арголійцы.
Нѣтъ ужъ теперь мнѣ надежды отчизну старинную видѣть,
Ниже дѣтей моихъ сладкихъ и старца желаннаго съ ними,
Коихъ за бѣгство мое, можетъ статься, и карѣ подвергнутъ,
Эту вину искупивъ злополучныхъ жестокою смертью.
Именемъ вышнихъ молю и богами, что́ истину знаютъ;
Если еще для людей что-нибудь остается священнымъ,
Имъ заклинаю тебя: надъ толиками бѣдами сжалься!
Сжалься надъ этой душою, безъ винъ злополучье терпящей» 4).

Жизнь этимъ слезамъ даруемъ и горю его сострадаемъ.
Руки ему развязать и сложить съ него тѣсныя узы
Тутъ самъ Пріамъ повелѣлъ и вѣщаетъ ему дружелюбно:
«Кто бы ты ни былъ, утраченныхъ днесь позабудь ты Пелазговъ.
Нашъ ты отнынѣ! открой же всю истину мнѣ и отвѣтствуй:
Страшную эту громаду коня вы на что воздвигали?
Кто приказалъ и зачѣмъ? по обѣту-ль, съ военной ли цѣлью?»
Кончилъ, а тотъ, наученный искусствамъ и лести Пелазговъ,
Поднялъ ко звѣздамъ свои отъ оковъ свобожденныя руки;
«Васъ, о свѣтильники вѣчные! ваше въ свидѣтели ставлю
Днесь божество и алтарь тотъ и ножъ ненавистный, которыхъ
Я убѣгалъ и повязки боговъ, что носилъ я, какъ жертва.
Вольно мнѣ Граевъ отнынѣ святые отринуть уставы,
Грайскихъ мужей ненавидѣть и вымолвить громко предъ всѣми
Таинства ихъ; не стѣсненъ я никоимъ отчизны закономъ.
Ты только клятву исполни и мною спасенная Троя
Жизнь мнѣ спаси, если правду скажу, если многимъ воздамъ я».

«Граевъ надежда и въ битвахъ удача всегда заключались
Только въ Палладиной помощи, съ онаго-жъ дня, какъ Тидеевъ

Сынъ нечестивый, а съ нимъ и Улиссъ, преступленій выдумщикъ,
Вмѣстѣ пошли, роковой чтобъ изъ храма святого Палладій
Силою взять и хранителей вышняго замка избивши,
Образъ священный схватили и дланью въ крови обагренной
Тронуть дерзнули безбрачной богини повязки дѣвичьи,
Тутъ разлетѣлися въ прахъ и распавшись назадъ обратились
Граевъ надежды, слабѣютъ ихъ силы, враждебна богиня.
Имъ чудесами неложные знаки даетъ Тритонида:
Только былъ идолъ во станъ принесенъ, какъ въ очахъ разъяренныхъ
Вспыхнуло красное пламя, по тѣлу-жъ святому соленый
Потъ пробѣжалъ и подпрыгнула трижды (и слушать то дивно!)
Съ мѣста она, угрожая щитомъ и копьемъ задрожавшимъ.
Тотчасъ велитъ намъ Калхантъ, чтобы снова чрезъ море мы плыли,
Ибо не могутъ Аргійскія Пергамовъ силы разрушить
Прежде, чѣмъ новые въ Аргахъ предвѣстья возьмутъ и богиню
Вновь привезутъ, увезенную раньше на выгнутыхъ лодкахъ.
Знайте-жъ, что нынѣ они удалились въ родныя Микены
Силами только и дружбой боговъ запастись и пучину
Вновь переплывши нежданно придутъ: такъ Калхантъ ворожилъ имъ.
Лошадь сію за Палладій, за взятую ими святыню
Выстроить онъ же велѣлъ, чтобы пагубный грѣхъ искупился;
Строить же дивную такъ, чтобъ громадой она необъятной
Сплоченныхъ древъ до небесъ головою своей досягала;
Такъ, чтобъ ее не могли вы провесть сквозь ворота и въ Трою,
Гдѣ бы подобно Палладію гражданъ она охраняла.
Ибо когда-бъ ваши руки Минервы дары оскорбили,
Тутъ бы великая пагуба (боги! ужъ лучше въ пророка
Вы обратите ее) и Пріама и Фриговъ постигла.
Если-жъ своими руками, въ свой городъ коня отведете,
Азія нѣкогда съ грозной войною къ Пелоповымъ стѣнамъ
Придетъ и правнуковъ нашихъ такія судьбы ожидаютъ» 5).

Вслѣдствіе лести такой и словесъ вѣроломныхъ Синона
Вѣримъ злодѣю и взяты обманомъ и плачемъ притворнымъ,
Коихъ не могъ одолѣть ни Тидидъ, ни Ахиллъ изъ Лариссы;
Тысяча вражьихъ судовъ въ десять лѣтъ сокрушить не успѣли 6).

Большее бѣднымъ и многимъ страшнѣйшее тутъ приключилось:
Страхомъ внезапнымъ разитъ и несмысленныхъ души смущаетъ.

Лаокоонтъ во жреца ужъ Нептунова жребіемъ избранъ,
Богу вола заколол тутъ великаго праздничной жертвой.
Вотъ между тѣмъ отъ Тенеда вдоль моря пучинъ безмятежныхъ
(Страшно разсказывать даже) въ изгибахъ огромныхъ два змѣя
На воды вдругъ возлегли и торопятся къ берегу оба.
Груди страшилищъ надъ моремъ встаютъ, а кровавые гребни
Грозно приподняты къ небу; плыветъ позади остальное...
Спины по дальнимъ зыбямъ исполинскими кольцами вьются;
Пѣнится съ шумомъ вода; вотъ земли ужъ достигли и въ гнѣвѣ,
Очи горящія кровью наливши и пламенемъ лютымъ,
Пасти шипящія страшными жалами быстро лизали.
Блѣдны какъ смерть мы бѣжимъ, а чудовища кинулись прямо
Къ Лаокоонту и двухъ сыновей его тотчасъ схвативши,
Отроковъ малыхъ тѣла обвиваютъ сначала и въ кольца
Ихъ заключаютъ и члены несчастные жалами ранятъ.
Послѣ отца самого, со оружьемъ бѣгущаго къ чадамъ,
Злобно хватаютъ и петлями вяжутъ великими. Вотъ ужъ
Дважды его поперегъ окружили и дважды вкругъ шеи
Тѣломъ обвивши чешуйчатымъ, главы надъ нимъ ужъ подъемлютъ.
Онъ же и руки стремитъ и напрасно узлы раздвигаетъ,
Ядомъ и черной слюной по священнымъ повязкамъ облитый.
Вопли при этомъ ужасные онъ ко звѣздамъ посылаетъ,
Словно мычанія тѣ, кои жертвенный быкъ испускаетъ,
Раненый рвясь и стряхая сѣкиру невѣрную съ шеи.
Дѣло окончивши, къ вышнимъ святилищамъ оба дракона
Тотчасъ бѣгутъ, Тритониды свирѣпой къ высокому зáмку,
Тамъ подъ ногами богини, подъ круглымъ щитомъ улеглися 7).

Ужасъ тутъ новый во всѣ сотрясенныя груди проникнулъ;
Всякій толкуетъ, что праведно боги за грѣхъ покарали
Лаокоонта: за то, что священное древо оружьемъ
Онъ оскорбилъ и въ коня копіемъ онъ нацѣлилъ преступнымъ.
Должно святыню во храмъ отвезти и богиню Палладу
Всѣмъ умолять вопіютъ . . . .
Стѣну градскую ломаемъ и домы кругомъ разрушаемъ.
Всѣ за работу взялись: и колеса коню подъ копыта
Быстрыя ставимъ и шею канатомъ ему обвиваемъ.
Вотъ ужъ восходитъ на холмъ роковая Пелазговъ громада,

Войскомъ чреватая, отроки вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и стремятся къ канату рукой прикоснуться.
Вотъ подошла и, грозя Иліону, ужъ въ городъ вступаетъ...
Родина мать! Иліонъ, домъ боговъ! знаменитыя въ браняхъ
Дардановъ стѣны! четырежды стала на самомъ порогѣ;
Въ чревѣ четырежды скрытое въ ней загремѣло оружье.
Мы налегаемъ сильнѣй, отъ безумія глухи и слѣпы;
Ставимъ чудовище лютое въ за̀мкѣ мы нашемъ священномъ.
Даже и тутъ для пророчествъ уста раскрывала Кассандра,
Коимъ велѣніемъ бога во вѣкъ не повѣрили Тевкры.
Мы несчастливцы святилища града въ сей день, что послѣднимъ
Былъ ужъ для нихъ точно въ праздникъ вѣтвями древесъ убираемъ [8]).

Вертится небо межъ тѣмъ и ужъ ночь съ океана стремится,
Тѣнью густой одѣвая и землю и небо и съ ними
Граевъ обманы; разсыпавшись въ городѣ, бѣдные Тевкры
Всѣ успокоились; сонъ оковалъ утомленные члены.
Въ пору сію ужъ фаланга Аргійскихъ судовъ выступала
Къ намъ отъ Тенеда, въ радушномъ молчаньи луны имъ союзной
Къ берегу правя знакомому; пламя надъ царской кормою
Вспыхнуло вдругъ и спасенный безсмертныхъ неправеднымъ рокомъ
Замкнутыхъ въ чревѣ Данаевъ, сосновую дверь отворивши,
Выпустилъ хитрый Синонъ и раскрывшійся конь заключенныхъ
Воздуху вновь возвратилъ. Веселяся, изъ древа пустого
Идутъ вожди: со Сѳенеломъ Ѳерсандръ и Улиссъ кровожадный,
Вдоль по канату скользя и могучій Ѳоантъ съ Акамантомъ;
Съ ними Пелидъ Неопто̀лемъ, но первымъ тутъ вышелъ Маха̀онъ;
Слѣдомъ за нимъ Менелай и Эпей, самъ махины строитель.
Вторгнулись въ городъ, и сномъ и виномъ отягченный излишнимъ;
Мигомъ изрублены стражи и всѣ ворота растворивши,
Вводятъ союзныхъ они и дружины свои умножаютъ 9).

Время ужъ было, какъ первый покой для несчастнѣйшихъ смертныхъ
Сходитъ и съ милостью вышнихъ сладчайшій ко всѣмъ подступаетъ.
Въ сонныхъ мечтахъ, вдругъ смотрю, предо мною печальнѣйшій
Гекторъ,
Мнится, предсталъ и изъ глазъ проливаетъ обильныя слезы,

Видомъ таковъ же, что въ день, какъ за вражьей повозкой онъ влекся,
Черенъ отъ крови и праха, съ ремнями въ лодыжкахъ распухшихъ.
Горе, каковъ онъ тутъ былъ! о какъ мало съ тѣмъ Гекторомъ сходенъ
Былъ онъ, что въ городъ входилъ, одѣянный доспѣхомъ Ахилла!
Съ тѣмъ, что Фригійское пламя металъ на суда Мирмидоновъ.
Съ грязной онъ былъ бородой, волоса во крови запеклися.
Раны зіяли на немъ, что во множествѣ онъ вкругъ оплотовъ
Града родного пріялъ.... Такъ, что плакалъ и самъ я казалось;
Съ плачемъ назвалъ наконецъ и печальное вымолвилъ слово:
«Свѣтъ Дарданійскаго края! надежда вѣрнѣйшая Тевкровъ!
Что-жъ ты такъ долго замедлилъ? отъ коихъ ты, Гекторъ, предѣловъ,
Долго ожиданный, прибылъ? Теперь, послѣ гибели стольких
Кровныхъ твоихъ, послѣ стольких несчастій и града и люду
Какъ утомилися мы! Но какое же бѣдствіе злое
Свѣтлый твой ликъ осквернило и раны откуда на тѣлѣ?»
Онъ ничего не отвѣтилъ, вопросовъ пустыхъ онъ не слушалъ;
Только тяжелый онъ вздохъ испустивъ изъ-подъ самаго сердца,
«Горе! бѣги, сынъ богини!» гласитъ, «изъ огней сихъ спасайся!
Врагъ ужъ на стѣнахъ; падетъ отъ вершины величія Троя.
Ей и Пріаму довольно дано; еслибъ Пергамы дланью
Было возможно спасти, то ужъ сей бы поддержаны были.
Жертвы свои и своихъ тебѣ Троя ввѣряетъ Пенатовъ.
Ихъ пріими ты, въ судьбинахъ сопутниковъ, стѣны ищи имъ.
Стѣны великія нѣкогда, море пройдя, имъ воздвигнешь».
Кончилъ и мнится повязки святыя и мощную Весту
Съ вѣчнымъ огнемъ изъ святилища дома ко мнѣ онъ выноситъ 10).

Воплемъ различнымъ межъ тѣмъ наполняются города стѣны;
Ближе и ближе реветъ, хоть отъ прочихъ жилищъ удаленъ былъ
Домъ мой родимый и весь окруженъ былъ древами густыми.
Звуки яснѣютъ и латнаго звона доносится ужасъ,
Сонъ покидаетъ меня: вотъ на самую кровли вершину
Я восхожу и напрягши свой слухъ, и стою и внимаю.
Точно какъ пламя на пажити бурные Австры наносятъ,
Точно какъ быстрый потокъ, отъ лѣсистыхъ вершинъ низвергаясь,
Ницъ повергаетъ хлѣба и работы воловъ разрушая,

Мчитъ вверхъ корнями лѣса; на утесѣ возвышенномъ стоя
Внемлетъ ревущимъ водамъ изумленный и трепетный пастырь,
Тутъ подтвердилися сны и Данаевъ коварства предстали
Всѣ предо мной. Вотъ ужъ домъ Деифабовъ подъ силой Вулкана
Рухнулъ великой развалиной, вотъ ужъ сосѣдъ нашъ пылаетъ
Укалегонтъ и широко Сигейскія воды огонь отражаютъ.
Возгласы слышны мужей и трубы завыванье несется.
Мечъ обезумѣвъ хватаю, хоть пользы ужъ мало въ оружьи.
Все-таки воевъ собрать и съ дружиною къ замку помчаться
Алчетъ душа; управляютъ умомъ только ярость и мщенье;
Въ мысли пришло, что вѣдь славно съ оружьемъ погибнуть въ десницѣ 11).

Вотъ и Панѳой, между тѣмъ избѣжавшій желѣза Ахеевъ,
Оѳрія чадо Панѳой, Аполлона и замка священникъ,
Вижу святыню тащитъ и боговъ побѣжденныхъ и внука
Малаго съ ними и въ бѣгствѣ безумномъ ко мнѣ поспѣшаетъ.
Молви, Панѳой, что случилось, какую занять намъ твердыню?
Только сказалъ я, какъ онъ застоналъ и со стономъ отвѣтилъ:
«День нашъ послѣдній пришелъ! подошла неизбѣжная гибель
Дардановъ краю! скончались Трояне и Троя и слава
Тевкровъ великая! Юпитеръ лютый все передалъ въ Арги.
Нынѣ Данаи враги Иліономъ горящимъ владѣютъ.
Стоя средь нашего града оружныя силы высокій
Конь изливаетъ на насъ, а Синонъ побѣдитель со смѣхомъ
Градъ зажигаетъ. Въ ворота открытыя всѣ налетѣли;
Столько же ихъ, что въ тотъ день, какъ изъ пышныхъ Микенъ выходили.
Сѣли въ засадахъ иные и насъ поджидаютъ бѣгущихъ;
Строй броненосный стоитъ, устремляя горящія копья,
Къ сѣчѣ готовъ и къ убійству; лишь стѣнъ охранители счастье
Пробуютъ съ ними и боемъ слѣпымъ въ темнотѣ съ ними бьются».
Рѣчью влекомъ Оѳріада и волей боговъ Иліонскихъ,
Въ сѣчу и пламя, въ ту сторону мчусь я, куда Эринія
Мрачная кличетъ и вопли и ревъ до небесъ возстающій.
Вотъ и союзниковъ храбрыхъ: Рипея и славнаго въ битвахъ
Вижу при лунномъ мерцаньи Эпита; Димантъ съ Гипанидомъ
Къ нашему строю примкнули, а слѣдомъ за ними подходитъ
Юный Коребъ Мигдонидъ. Онъ не задолго въ городъ Пріамовъ

Прибылъ, къ несчастной Кассандрѣ безумною страстью пылая.
Помощь давалъ онъ, какъ будущій зять, и Пріаму и Фригамъ;
О злополучный! зачѣмъ вдохновенной невѣсты совѣтомъ
Даже и онъ пренебрегъ! . . . .
Видя, что стали въ ряды и на битву охотно дерзаютъ,
Такъ поджигаю еще: «о воители! тщетными будутъ
Силы враговъ, если точно хотите послѣдовать мужу
Къ смерти готовому; дѣлъ положеніе видите сами:
Вышли изъ града, покинувъ свои алтари и святыни
Боги, которыми царство стояло; за градъ запаленный
Бьемся мы,—что же? умремъ и въ средину враговъ устремимся
Только одно побѣжденнымъ спасенье: не ждать ужъ спасенья!»
Этимъ удвоена витязей ярость. Подобно какъ волки
Хищные въ сумракѣ черномъ, которыхъ свирѣпое гонитъ
Бѣшенство чрева слѣпыхъ и въ дубравахъ щенята младыя
Съ пастью изсохшей отъ голода ждутъ, такъ чрезъ копья, чрезъ Граевъ
Къ смерти идемъ несомнѣнной и въ самую града средину
Путь пролагаемъ; ночь черная тѣнью глухой насъ объемлетъ [12]).

Кто этой ночи погибель, кто можетъ сей ночи убійства
Словомъ изречь или слезы пролить, что равнялись бы бѣдамъ?
Градъ погибаетъ старинный, ужъ многіе годы царившій;
Валятся всюду во множествѣ гражданъ безсильные трупы,
Стогны собой наполняя, жилища и самые праги
Храмовъ святыхъ. И не только Троянская кровь тутъ струится:
Временемъ въ грудь побѣжденныхъ вселяется прежняя доблесть;
Гибнутъ Данаи отъ нихъ побѣдители. Царствуетъ всюду
Скрежетъ жестокій и ужасъ и смерти различные виды.

Прежде всего предводящій великой толпою Данаевъ
Намъ предстаетъ Андрогей и союзнымъ отрядомъ считая,
Кличетъ онъ насъ въ заблужденьи и дружеской рѣчью взываетъ:
«Мужи, спѣшите! какая медлительность васъ обуяла?
Гдѣ вы замѣшкались? Нынѣ другіе берутъ и разносятъ
Трою горящую, вы-жъ отъ судовъ лишь идете высокихъ».
Такъ возгласилъ онъ и тотчасъ, не слыша отвѣтовъ надежныхъ,
Понялъ, что въ самую онъ середину враговъ замѣшался.

Вмигъ онѣмѣлъ онъ и вспять обратилъ и языкъ свой и ноги,
Точно какъ путникъ, что злую змѣю, по тропинкамъ тернистымъ
Путь совершая, къ землѣ придавилъ и отпрянулъ со страхомъ,
Видя встающую въ гнѣвѣ съ надувшейся сизою шеей.
Такъ отскочилъ и Данай, трепеща отъ того, что онъ узрѣлъ;
Кинулись мы, отовсюду на частыя копья ударивъ.
Мѣста не знающихъ, страхомъ объятыхъ притомъ, гдѣ попало
На землю стелемъ; содѣйствуетъ первой удачѣ Фортуна;
Первымъ успѣхомъ Коребъ ободренъ и товарищамъ молвитъ:
«Братья! сцасенья путемъ, что Фортуна сама указуетъ,
Первымъ, на коемъ она благосклонность свою проявила,
Дальше пойдемъ: обмѣняемъ щиты и Данаевъ доспѣхи
Вздѣнемъ мы; лесть или доблесть—противъ врага все едино!
Сами оружье дадутъ». Съ этимъ словомъ шеломъ Андрогея
Гривистый онъ надѣваетъ и щитъ принимаетъ красивый
Въ руку свою и Данайскимъ мечемъ онъ бедро украшаетъ;
Тоже творятъ и Рипей со Димантомъ и всей молодежью,
Радости полные; всякій украсился свѣжей добычей.
Идемъ, смѣшавшись съ Данаями, бога съ собой не имѣя:
Многія битвы однако во мракѣ ночномъ мы заводимъ;
Многихъ Данаевъ въ ночи отправляемъ мы къ темному Орку.
Мчатся иные къ своимъ кораблямъ и на брегѣ далекомъ
Ищутъ спасенья; другіе на лошадь великую снова
Лѣзутъ въ испугѣ позорномъ и кроются въ чревѣ знакомомъ 13).

Горе! не должно ни въ чемъ на боговъ полагаться враждебныхъ.
Вотъ за власы распущенные тащатъ Пріамову дѣву,
Тащатъ Кассандру изъ храма, изъ тайныхъ святилищъ Минервы.
Къ небу горящія очи напрасно она подымаетъ:
Очи одни, ибо нѣжныя руки оковами сжаты.
Вида не вынесъ Коребъ и рванулся душой разъяренной,
Вторгнулся въ сонмы враговъ и погибели вѣрной предался.
Слѣдуемъ мы, тѣснымъ строемъ могучія копья сомкнувши.
Тутъ мы сначала съ вершины высокого храма своихъ же
Выстрѣламъ вдругъ подвергаемся, гибнемъ въ побоищѣ жалкомъ
Ради Данайскихъ оружій и чуждыхъ гребней на шеломахъ.
Слѣдомъ и Граи, сбѣжавшись на дѣвицы вопль и утрату
Съ яростью зря, отовсюду ударили съ лютымъ Аянтомъ,
Грозной Атридовъ четой и со всею Долопскою ратью.

Точно при лопнувшемъ смерчѣ противоположные вѣтры
Сшиблись: и Нотъ и Зефиръ и конями восточными гордый
Эвръ истребитель; дубравы крушатся и машетъ трезубцемъ
Пѣнистый въ морѣ Нерей и пучины до дна подымаетъ.
Тутъ появились и тѣ, коихъ темною ночью во мракѣ
Мы изъ засадъ избивали и гнали по цѣлому граду.
Раньше другихъ узнаютъ и мечи и подложныя копья,
Звуки рѣчей со своими несходные вмигъ замѣчаютъ.
Тотчасъ подавлены множествомъ мы; отъ руки Пенелея
Падаетъ первымъ Коребъ копьеносной богини у прага;
Слѣдомъ падетъ и Рипей: справедливѣйшій мужъ между всѣми
Тевкрами былъ онъ и правду во всемъ соблюдалъ онъ, но боги
Видно судили не такъ. Полегли и Димантъ съ Гипанидомъ,
Оба своими убиты; Панѳой! и тебя благочестье
Въ этомъ бою не спасло, не покрыла и Фебова митра.
Прахъ Иліона и пламя послѣднее близкихъ и кровныхъ!
Вами клянусь, что въ послѣдній вашъ день я не бѣгалъ ни копій,
Ниже иного оружья Данаевъ и право погибнуть
Дланью своею вполнѣ заслужилъ, но судьба не хотѣла...
Вырвался я со Ифитомъ и Пеліемъ: первый годами
Былъ отягченъ, а другой и Улиссовой раной къ тому же
Тотчасъ къ палатамъ Пріамовымъ новые клики зовутъ насъ 14).

Тутъ мы великую узрѣли сѣчу: такую, какъ будто
Раньше и не было битвъ и не гибнулъ никто въ Иліонѣ.
Столь необузданный бой и такое на стѣны стремленье
Зримъ мы и прагу обители приступъ такой угрожаетъ.
Лѣстницы къ стѣнамъ прильнули; другіе внизу по ступенямъ
Силятся двери достичь; противъ стрѣлъ выставляютъ Данаи
Въ шуйцахъ щиты, а десницами злыми за кровлю хватаютъ.
Богини дворца Дарданиды и кровель палатныхъ макушки
Съ мѣста сдвигаютъ и этимъ оружіемъ въ гибели крайней,
Видя послѣдній свой часъ, отъ Данаевъ хотятъ защититься.
Бревна злаченыя, древнихъ своихъ прародителей гордость,
Съ кровли свергаютъ; иные съ нагими мечами засѣли
Въ царской двери и дружинами плотными прагъ охраняютъ.
Снова бодрится душа: царской сѣни помочь мы стремимся,
Дать облегченье защитникамъ, силы придать побѣжденнымъ.

Дверь потаенная въ домѣ была, отъ которой проходы
Шли между всѣми палатами, сзади дворца начинаясь.
Этой дорогой, доколѣ Пріамово царство стояло,
Часто ко свекрамъ своимъ Андромаха безъ спутницъ ходила,
Астіанакта младого неся, чтобы дѣда утѣшить.
Вотъ пробираюсь на самую кровли вершину, откуда
Тщетныя стрѣлы свои низвергали несчастные Тевкры.
Съ краю тамъ башня стояла, вздымаясь ко звѣздамъ высокимъ
Верхомъ своимъ и оттуда виднѣлася цѣлая Троя,
Брегъ съ кораблями обычными, станъ отдаленный Ахеевъ.
Взявъ рычаги изъ желѣза, вкругъ этой-то башни мы стали;
Мѣсто избравши, гдѣ скрѣпы ослабли, съ высокой основы
Рвемъ и толкаемъ ее: вотъ летитъ и развалину съ шумомъ
Страшнымъ несетъ и широко на силы Данайскія пала,
Ихъ сокрушая, но близятся новыя: камнями сыплютъ,
Всякимъ оружіемъ въ насъ . . . . . 15).

Вотъ предъ сѣнями ужъ самыми прядаетъ Пирръ у порога,
Грознымъ оружьемъ блестя и облитый сіяніемъ мѣднымъ,
Словно какъ змѣй, напитавшійся осенью злаковъ зловредныхъ;
Вздувшись отъ яду, въ землѣ былъ сокрытъ онъ холодной порою,
Нынѣ же, ризы смѣнивъ и блистая отъ юности новой,
Грудь подобравши свою, пресмыкаетъ онъ скользкую спину,
Къ ясному солнцу встаетъ онъ и тройственнымъ жаломъ сверкаетъ.
Съ нимъ Перифантъ исполинъ и погонщикъ Ахилловыхъ коней
Автомедонтъ щитоносецъ со всѣмъ ополченьемъ Скирійскимъ
Кровлямъ палаты грозятъ и огонь ужъ на крышу кидаютъ;
Самъ же въ переднемъ ряду и съ двойною сѣкирой въ десницѣ
Двери ломаетъ и съ петель онъ створы великія, мѣдью
Крытыя, рветъ и бревно прорубивъ, сквозь упорный проникнулъ
Дубъ и великое сдѣлалъ въ широкомъ отверстьи окошко.
Внутренность дома видна, открываются длинныя сѣни,
Видны чертоги Пріама и древнихъ царей Иліонскихъ,
Видны оружные вои, что царскій порогъ охраняютъ 16).

Внутренній домъ между тѣмъ и стенаньемъ и жалкимъ смятеньемъ
Полнится весь; отъ рыданія женскаго гулкіе своды

Стонутъ кругомъ; во златыя созвѣздія плачъ ударяетъ,
Робкія матери въ страхѣ по храминамъ бродятъ огромнымъ;
Двери обнявши, стоятъ и лобзаньями ихъ осыпаютъ.
Въ силѣ Ахилловой Пирръ наступилъ, ни затворы, ни стражи
Больше не могутъ сдержать, подалась подъ громящимъ тараномъ
Зданія дверь, низвергаются съ петель слетавшія створы,
Силѣ дорога очистилась, вторглись и рубятъ переднихъ
Граи, проникшіе въ домъ, и оружіемъ все наполняютъ.
Нѣтъ, не съ такою свирѣпостью пѣнистый токъ быстриною
Рушитъ плотину и груды, что путь заграждали, прорвавши
Бѣшенымъ гребнемъ на нивы падетъ и разбитыя стойла
Онъ со стадами несетъ. Зрѣлъ убійствомъ яримого самъ я
Неоптолема въ дому и обоихъ на прагѣ Атридовъ,
Видѣлъ Гекубу и сонмище снохъ и Пріама сѣдого
Кровью своею скверняща́го жертвенникъ созданный имъ же.
Всѣ пятьдесятъ брачныхъ храминъ, надежда на внуковъ толикихъ,
Стѣны и златомъ Асійскимъ и бранной добычею горды,—
Все полегло: гдѣ огонь не поспѣлъ, тамъ Данаи поспѣли 17).

Спросишь, быть можетъ, какая судьба тутъ Пріама постигла?
Взятаго града паденье и двери отбитыя видя,
Храминъ своихъ и чертоги враждебными силами полны,
Старецъ броней, ужъ давно позабытой, дрожащіе члены
Къ битвѣ вотще облекаетъ и мечъ безполезный на чресла
Онъ надѣваетъ и въ сонмы Данаевъ идетъ на погибель.
Въ самой срединѣ построекъ подъ сводомъ небеснымъ великій
Жертвенникъ былъ и надъ нимъ возвышаяся, лавръ престарѣлый
Вѣтви кругомъ распускалъ и охватывалъ тѣнью Пенатовъ.
Тамъ-то Гекуба и дочери, тщетно алтарь окружая,
Робкія горлицы словно, бѣжавшія бури свирѣпой,
Въ кучѣ сидѣли, боговъ обнимая святые кумиры.
Видя Пріама, подъявшаго юности бодрой оружье,
Молвитъ она: «о несчастный супругъ! что за помыслъ жестокій
Этимъ мечемъ опоясалъ тебя и куда ты стремишься?
Нѣтъ, не въ такихъ ужъ защитникахъ, нѣтъ, не въ такихъ ратоборцахъ
Троя нуждается; нѣтъ, не помогъ бы и самъ ужъ мой Гекторъ!
Лучше сюда удались: этотъ жертвенникъ всѣхъ насъ покроетъ
Или всѣ вмѣстѣ умремъ». Такъ сказавши къ себѣ привлекаетъ
Старца она и на мѣстѣ священномъ его посадила.

Смотрятъ: Политъ между тѣмъ, отъ губителя Пирра спасаясь,
Родомъ одинъ изъ Пріамовыхъ чадъ, сквозь оружье, сквозь Граевъ
Портикомъ длиннымъ бѣжитъ, измѣряя притворы пустые.
Вслѣдъ за израненнымъ яростный Пирръ съ остріемъ поспѣшаетъ;
Близко! вотъ вотъ ужъ рукой достаетъ, ужъ копьемъ поражаетъ,
Только достигъ алтаря, какъ упалъ и со многою кровью
Юноша духъ испустилъ на глазахъ у родителей старыхъ.
Тутъ-то Пріамъ, хоть и самъ ужъ у смерти въ рукахъ находился,
Гнѣва не могъ удержать и свирѣпому гласу далъ волю:
«Днесь за злодѣйство» воскликнулъ, «за этотъ ударъ дерзновенный
Боги, коль на небѣ есть божество, что объ этомъ печется,
Пусть наградятъ по заслугамъ тебя и отмстятъ преступленье
Мужу, что сдѣлалъ меня очевидцемъ кончины сыновней,
Отчіе взоры мои осквернивъ безпощаднымъ убійствомъ!
Этотъ Ахиллъ, отъ котораго ложно себя ты выводишь,
Былъ ли таковъ онъ съ Пріамомъ врагомъ? Нѣтъ, почтилъ и уважилъ
Право молящаго онъ и безкровное Гектора тѣло
Отдалъ могилѣ и въ Трою родную меня отпустилъ онъ.
Такъ возгласивши старикъ, копіе безъ удара и силы
Дряхлою кинулъ рукой и отбитое звучною мѣдью
Тотчасъ оно на щитовомъ на яблокѣ тщетно повисло.
Пирръ отвѣчаетъ: «такъ ты и разскажешь про все и Пелиду
Вѣсти объ сынѣ снесешь; не забудь о такихъ злодѣяньяхъ
Ты объявить и о томъ, какъ родителя сынъ недостоинъ.
Нынѣ умри!» Такъ сказавъ, къ алтарю онъ дрожащаго тащитъ,
Сына по крови обильной скользящаго дряхлой стопою;
Шуйцею взялъ за власы, а десницею мечъ свой горящій
Вынулъ и въ старческомъ тѣлѣ его цѣликомъ погружаетъ.
Такъ завершились Пріама судьбы и такую кончину
Старецъ имѣлъ, что горящую Трою и гибнущій Пергамъ
Зрѣлъ передъ смертью, надъ многими странами правивъ какъ гордый
Азіи царь и лежитъ на прибрежьи великое тѣло:
Снятая съ плечъ голова и по близости трупъ безъимянный [18]).

Тутъ-то впервые меня охватило мучительной дрожью;
Я обомлѣлъ и отца мнѣ представился милаго образъ
Въ часъ, какъ великій ровесникъ его сквозь жестокую рану
Духъ предо мной испускалъ; о забытой я вспомнилъ Креусѣ,

Гибнущемъ домѣ своемъ и о жребіи малаго Юла.
Я оглянулся и много ли силы со мною пытаю:
Всѣ удалились, отъ битвы уставъ, и несчастныя кости
На землю свергнули или огню на съѣденье предали.

Я лишь одинъ оставался, когда во святилищѣ Весты
Молча сидящую, скрытую храма въ углу потаенномъ,
Зрю Тиндариду; бродящему ясный пожаръ освѣщаетъ
Зданія всѣ и повсюду случайные взоры блуждаютъ.
Тевкровъ страшась, на нее за погибшія Пергамы гнѣвныхъ,
Также и злобы Данаевъ и кары отъ перваго мужа,
Мщенья и Трои и родины, общая ихъ Эринія,
Скрылась она ненавистная, въ мѣстѣ святомъ притаившись.
Тутъ запылала душа, въ ней свирѣпая мысль зародилась
Родины гибель отмстить и возмездіе взять отъ преступной.
«Значитъ безвредно и Спарту она и родные Микены
Узритъ опять и царицей пойдетъ въ заслуженномъ тріумфѣ,
Плѣнницъ Троянскихъ влача за собой и прислужниковъ Фриговъ?
Какъ? и желѣзомъ Пріамъ умерщвленъ, Троя въ пламени гибнетъ,
Дарданскій брегъ столько разъ за нее обагрялся ужъ кровью?
Нѣтъ, не дозволю сего; хоть и мало достанется чести
Взявшему съ женщины месть и такая побѣда безъ славы,
Все же одобрятъ, что зло истребилъ и что карѣ достойной
Предалъ преступницу я, да и сладко мнѣ будетъ насытить
Мстительный пламень и сродниковъ пепелъ моихъ успокоить».
Такъ разсуждалъ я и къ ней, обезумѣвъ отъ гнѣва, стремился.
Вдругъ показалась очамъ, никогда еще въ видѣ столь свѣтломъ
Мною не зрима и чистымъ сіяньемъ въ ночи просіяла
Милая мать и богиней явилась, какою обычно
Зрятъ Олимпійцы ее. Удержавши десницею сына,
Тотчасъ устами она розоцвѣтными такъ провѣщала:
«Чадо! какая печаль столь неистовый гнѣвъ возбуждаетъ?
Что ты безумствуешь такъ и зачѣмъ ты объ насъ забываешь?
Какъ ты не вспомнишь о мѣстѣ, гдѣ дряхлаго возрастомъ кинулъ
Старца Анхиса, не спросишь, жива ли супруга Креуса
Съ юнымъ Асканіемъ отрокомъ? Грайскія рати вѣдь бродятъ
Нынѣ вкругъ ихъ и когда бы забота моя не спасала,
Пламя пожрало-бъ давно или вражескій мечъ истребилъ ихъ.

Нѣтъ, не красу ненавистную Тиндара дщери Лаконки,
Нѣтъ, не Парида вини! лишь небесныхъ, небесныхъ немилость
Рушитъ державу сію и Пергамъ съ высоты низвергаетъ.
Вотъ посмотри: это облако я, что тебя окружая,
Смертный твой взоръ притупляетъ и, влажное, тмитъ всю окрестность,
Дланью своей разорву, такъ не бойся-жъ теперь повелѣньямъ
Матери внять и моимъ ты послѣдовать добрымъ совѣтамъ.
Тамъ, гдѣ развалинъ громады и древніе камни отъ камней
Силой оторваны видишь и дымъ вмѣстѣ съ пепломъ встающій,
Тамъ самъ Нептунъ исторженныя дланью и мощнымъ трезубцемъ
Стѣнъ основанья трясетъ и отъ самой подошвы весь городъ
Рушитъ въ конецъ; вотъ Юнона свирѣпая въ Скейскихъ воротахъ
Видишь стоитъ и отъ лодокъ союзное ярое войско
Мечъ опоясавъ зоветъ . . . .
Вотъ на вершинѣ замковой, гляди, Тритонида Паллада
Сѣла, и тучей громовой блистая и Горгоной лютой;
Самъ мой родитель Данаямъ и храбрость и счастье въ десницы
Съ неба даетъ и ужъ самъ на Троянъ всѣхъ боговъ подымаетъ.
Въ бѣгство, мой сынъ! положи ты конецъ безполезнымъ усильямъ;
Вѣрь, не уйду и на прагѣ отцовскомъ безвредно поставлю».
Рекши, сокрылась она средь тумана глубокаго ночи;
Встали изъ сумрака ярые лики, враждебныя Троѣ
Вѣчныхъ боговъ божества . . . . 19).

Тутъ показалося мнѣ, будто весь обращается въ пламя
Илій и вырвана съ корнемъ, валится Нептунова Троя;
Точно въ высокихъ горахъ воздвигавшійся ясень старинный,
Если желѣзомъ его и сѣкирами частыми дружно
Ищутъ селяне свалить; онъ напрасно врагамъ угрожая,
Весь сотрясенный, власами и теменемъ шаткимъ киваетъ.
Вотъ понемногу осиленъ ударами, вдругъ передъ смертью
Онъ застоналъ и по скатамъ, отъ корней оторванъ, грохочетъ.
Съ кровли схожу и богами ведомый сквозь пламя и копья
Вновь прохожу: копья мѣсто даютъ и огни отступаютъ 20).

Вотъ, какъ достигши уже до порога родительской сѣни,
Въ домъ я старинный вступалъ, мой родитель, котораго первымъ

Несть на высокія горы хотѣлъ я, о немъ лишь заботясь,
Вдругъ отрекается жить послѣ гибели Трои родимой,
Быть не желая изгнанникомъ. «Вы, у которыхъ», гласитъ онъ,
«Юная кровь и которые собственной держитесь силой,
Вы поспѣшайте бѣжать . . . . .
Если бы жители неба мой возрастъ хотѣли продолжить,
Городъ бы мой сохранили. Ужъ слишкомъ довольно, что зрѣлъ я
Взятіе Трои одно и разрушенный пережилъ городъ.
Здѣсь вы, о, здѣсь положивши, проститесь со мной и идите.
Смерть безъ труда я найду: пожалѣетъ меня непріятель,
Ради одежды убьетъ; не бѣда безъ гробницы остаться.
Я ужъ давно ненавистный богамъ и ненужный влачуся,
Съ оной поры какъ меня царь людей и боговъ прародитель
Вихремъ громовымъ обдалъ и перуномъ ко мнѣ прикоснулся» 21).

Эти слова онъ твердилъ и на ложѣ своемъ оставался.
Слезы я пролилъ тогда и со мною супруга Креуса,
Юный Асканій и цѣлый нашъ домъ; всѣ молили, чтобъ насъ онъ
Вмѣстѣ съ собой не губилъ, помогая враждебному року.
Онъ отрекается вновь, тѣхъ же мыслей и мѣста держася.
Снова хватаюсь за мечъ и въ отчаяньи смерть призываю,
Ибо къ спасенью ни средства, ни случая больше не вижу.
«Или ты думалъ, отецъ! что бѣжать соглашуся отсюда,
Бросивъ тебя? Изъ отцовскихъ ли устъ этотъ ужасъ я внемлю?
Если богамъ ничего не угодно оставить отъ Трои,
Если рѣшился и ты и къ погибшему граду прибавить
Радъ и себя и своихъ, то открыты намъ смертныя двери:
Скоро появится Пирръ, обагренный Пріамовой кровью,
Пирръ, что дѣтей предъ отцами, отцовъ предъ кумирами рѣжетъ.
Видно за этимъ, о, милая мать! ты сквозь копья и пламя
Чадо свое провела, чтобъ врага въ самомъ домѣ я узрѣлъ,
Узрѣлъ Асканія съ дѣдомъ и рядомъ супругу Креусу
Кровью другъ друга облитыхъ, свирѣпымъ врагомъ умерщвленныхъ.
Мужи! оружіе мнѣ! день послѣдній зоветъ побѣжденныхъ.
Граямъ меня возвратите и дайте мнѣ новыя битвы
Съ ними затѣять; сегодня не всѣ мы умремъ безъ отмщенья!»

Тутъ я мечемъ опоясался вновь и на лѣвую руку
Щитъ надѣвалъ и къ дверямъ ужъ, отчаянья полный, стремился.

Ноги обнявши мои, на порогъ повалилась Креуса,
Съ плачемъ молила меня и къ отцу подымала Іула.
«Если на смерть ты идешь, то и мы отъ тебя не отстанемъ,
Если-жъ на мечъ хоть какую-нибудь ты надежду имѣешь,
Прежде всего этотъ домъ защищай! На кого покидаешь
Малаго Юла, отца и меня, что супругою звалъ ты?»

Такъ вопія, всю палату стенаньемъ своимъ наполняла.
Дивное вдругъ и внезапное диво явилось предъ нами,
Ибо на нашихъ рукахъ, предъ очами родителей грустныхъ
Огненный легкій языкъ надъ главою Іуловой вспыхнулъ,
Свѣтъ проливая и къ юнымъ кудрямъ прикасаясь безвредно,
Пламя лизало власы, окружая виски у младенца.
Вздрогнули въ ужасѣ мы и горящія кудри поспѣшно
Съ сына стряхаемъ и пламя святое водой заливаемъ,
Старецъ же, чудо узрѣвши, ко звѣздамъ веселыя очи
Поднялъ и къ небу направилъ и длани свои и молитву:
«Юпитеръ, богъ всемогущій! моленіямъ если внимаешь,
Призри на насъ только нынѣ и, если тебѣ мы угодны,
Помощь подай намъ отецъ! подтвердивъ это знаменье новымъ».

Только лишь вымолвилъ старецъ, какъ вдругъ съ неожиданнымъ трескомъ
Грянуло слѣва и падшая съ неба сквозь полночи сумракъ
Тутъ же звѣзда свѣтоносная съ блескомъ великимъ помчалась.
Видѣли мы, какъ мелькнувши надъ нашего дома вершиной,
Ясная скрылась она въ отдаленной Идейской дубравѣ,
Пламенемъ путь означая, и длинная въ небѣ дорога
Свѣтъ издаетъ и отъ сѣры кругомъ вся дымится окрестность.
Тутъ привстаетъ побѣжденный родитель и съ ложа поднявшись,
Рѣчь обращаетъ къ богамъ и святую звѣзду обожаетъ:
«Больше не медлю, иду вслѣдъ за вами, куда-бъ ни вели вы;
Отчіе боги, мой домъ сохраните и вашего внука!
Знаменье это отъ васъ, на рукахъ вашихъ Троя почіетъ.
Сынъ, уступаю тебѣ и сопутствовать нынѣ согласенъ» 22).

Такъ говоритъ, а по граду межъ тѣмъ и сильнѣе и громче
Пламя трещитъ и ужъ чувствуемъ близость пожарнаго зною.

«Милый отецъ! если такъ, то возляжь на сыновнее рамо;
Я на плечахъ понесу: эта ноша не тягостна будетъ.
Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, но общая всѣмъ намъ опасность,
Общее будетъ спасенье. Съ собой поведу я Іула,
Малаго сына, а издали слѣдовать будетъ супруга.
Вы-жъ, домочадцы, приказы мои замѣчайте прилежно:
Есть на исходѣ изъ града курганъ и Кереры забытой
Храмъ стародавній и тутъ же стоитъ кипарисъ престарѣлый,
Нашихъ отцовъ благочестіемъ многіе годы хранимый.
Къ этому мѣсту путями различными всѣ соберемся.
Ты, о родитель, святыню возьми и отцовскихъ Пенатовъ.
Мнѣ, изъ такого сраженья пришедшему, послѣ убійства
Къ нимъ прикасаться не должно, доколѣ водою проточной
Я не омою себя» . . . .
Тутъ на широкія плечи мои и согбенную шею
Плащъ надѣваю и сверху златистую львиную шкуру,
Ношу подъемлю свою, за десницу родимую взялся
Малый Іулъ и за мной поспѣшаетъ онъ шагомъ неравнымъ;
Слѣдомъ супруга идетъ; избираемъ тѣнистую мѣстность.
Воина, коего прежде ни стрѣлы, ни вражія копья,
Ниже враждебнымъ полкомъ не могли-бъ устрашить всѣ Пелазги,
Каждый теперь вѣтерочекъ страшитъ и при шорохѣ каждомъ
Я отступаю, за ношу и спутника страха исполненъ 23).

Вотъ ужъ воротъ городскихъ достигалъ я и мнилъ, что дорогу
Счастливо всю совершилъ, какъ внезапно послышался частый
Топотъ бѣгущихъ мужей и родитель, взглянувши сквозь сумракъ,
Громко воскликнулъ: «бѣги, мое чадо! враги недалеко;
Ясные вижу щиты и блестящія латы сверкаютъ».
Тутъ мнѣ, не знаю какое враждебное нашему роду,
Умъ отняло божество: отъ враговъ я покамѣсть спасаясь,
Въ сторону взялъ, со знакомой внезапно сбѣжавши дороги,
Горе! похищена рокомъ Креуса у бѣднаго мужа!
Вспять ли пошла или сбилась съ пути или сѣла уставши,
Это знать не дано, но ее съ той поры ужъ не видѣлъ
Взоръ мой, утрату-жъ сію я тогда лишь впервые замѣтилъ,
Къ холму когда ужъ пришли мы и къ древнему храму Кереры
Тамъ, какъ собралися всѣ бѣглецы, лишь одна не явилась,

Спутниковъ, сына и мужа въ надеждахъ она обманула.
Тутъ изъ людей изъ безсмертныхъ кого не винилъ я; безумный?
Тутъ я считалъ, что свирѣпѣе это всей гибели Трои!
Сына Асканія, старца отца и Тевкрійскихъ Пенатовъ
Спутникамъ я поручаю, въ излучистомъ долѣ сокрывши.
Снова опасности всѣ обновить и чрезъ цѣлую Трою
Снова рѣшаюсь пройти и опять головой я играю.
Прежде къ воротамъ и темному прагу, который изъ града
Вывелъ меня, возвращаюсь и собственнымъ слѣдомъ обратно
Слѣдую въ сумракѣ черномъ, съ трудомъ различая дорогу;
Ужасъ всю душу терзаетъ, безмолвіе самое страшно.
Къ дому потомъ прихожу посмотрѣть, не туда ли быть можетъ
Въ страхѣ вернулась она: ужъ ворвались Данаи и домомъ
Всѣмъ овладѣли, ужъ ѣдкое пламя до самой вершины
Вьется по вѣтру: огонь побѣдилъ и по воздуху пышетъ.
Дальше иду, озираю палаты Пріама и замокъ.
Тамъ въ опустѣлыхъ притворахъ святаго пріюта Юноны
Стражи избранные Фойникъ съ Улиссомъ свирѣпымъ стояли,
Стражу держа при добычѣ: туда всѣ сокровища Трои,
Взятыя въ храмахъ горящихъ—пировъ украшенія божьихъ,
Чистаго злата кратеры, драгія плѣненныя ткани
Граи сносили изъ города. Робкія дѣти и длиннымъ
Матери строемъ стоятъ . . . .
Даже и голосъ подать тутъ дерзнулъ я сквозь сумракъ глубокій,
Крикомъ окрестность наполнилъ и въ горести тщетной Креусу
Громко по имени звалъ и еще и еще выкликалъ я.
Въ домахъ градскихъ какъ блуждалъ я и въ поискѣ былъ безконечномъ,
Тутъ мнѣ видѣніе жалкое, призракъ самой мнѣ Креусы
Вдругъ предъ очами предсталъ, превышая знакомый мнѣ образъ.
Я обомлѣлъ, встали дыбомъ власы и пресѣкся мой голосъ;
Такъ провѣщала мнѣ тѣнь, отымая заботы словами:
«Горю настолько безумному слѣдъ ли тебѣ предаваться,
Мужъ мой сладчайшій! случилось сіе не безъ воли безсмертныхъ.
Спутницей странствій имѣть ты не властенъ отнынѣ Креусу,
Ибо не хочетъ сего на небесномъ Олимпѣ царящій.
Дологъ изгнаннику путь, широко всѣ моря избраздишь ты;
Въ землю Гесперію придешь: туда, гдѣ Лидійскій по тучнымъ
Пашнямъ мужей проливается токомъ замедленнымъ Тибрій;
Тамъ и блаженство и царство тебѣ и супруга царевна

Волей боговъ суждены; не тужи о любимой Креусѣ.
Нѣтъ, ужъ не я Мирмидоновъ дворцы или Долоповъ гордыхъ
Плѣнницей узрю и матерямъ Грайскимъ рабынею стану,
Я, Дарданида, Венеры державной сноха. Повелѣла
Въ этихъ странахъ оставаться боговъ мнѣ великая матерь.
Нынѣ прости, мой супругъ и люби наше общее чадо» 24).

Такъ мнѣ сказавши, она передъ плачущимъ, тщетно хотящимъ
Вымолвить многое, сгинула вдругъ, въ тонкій паръ обратившись.
Трижды стремился я къ ней, чтобы руки вкругъ выи окинуть,
Трижды напрасно объятый изъ рукъ моихъ выскользнулъ призракъ,
Легкостью равенъ вѣтрамъ и съ летучимъ мечтаніемъ сходенъ.
Такъ проходивши всю ночь, наконецъ я къ своимъ возвратился.

Тамъ съ изумленіемъ вижу великое множество новыхъ
Спутниковъ я: отовсюду собрались и жены и мужи.
Цѣлое войско изгнанниковъ, жалкій народъ отовсюду
Стекся ко мнѣ, и руками и сердцемъ готовый послушно
Плыть черезъ море за мной и въ какую угодно мнѣ землю.
Вотъ восходилъ ужъ и Лукиферъ Иды надъ верхомъ холмистымъ,
День выводя за собой, а Данайскія силы стояли
Въ каждыхъ вратахъ и надежды на помощь у насъ не имѣлось.
Я уступилъ и поднявши родителя, въ горы пошелъ я 25).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Мирмидоны—ѳессалійскій народъ, подвластный Ахиллу. Долопы—эгинскій народъ, подвластный ему же, по словамъ преданій. Улиссъ—царь острова Итаки, мудрѣйшій изъ Грековъ.

2) Микены—столица Агамемнона, верховнаго вождя Грековъ. Дорійцы—одно изъ главныхъ племенъ Грековъ. Это имя употреблено здѣсь вмѣсто общенароднаго по не совсѣмъ похвальному обычаю древнихъ поэтовъ.

3) Паламедъ—царь эвбейскій. Калхантъ—жрецъ и прорицатель, бывшій съ Греками подъ Троей.

4) Греки, отплывая подъ Трою, принесли въ жертву богамъ Ифигенію, дочь Агамемнона.

5) Палладій—священный кумиръ Паллады или Минервы, находившійся въ городѣ и отъ котораго зависѣла судьба города. Тритонида или дочь Тритона—прозваніе Минервы, по преданію воспитанницы нѣкоего Тритона. Пелопъ—дѣдъ Агамемнона, выходецъ изъ Малой Азіи, давшій будто бы имя Пелопову острову или по-гречески Пелопонесу.

6) Ларисса—ѳессальскій городъ.

7) Трояне послѣ того, какъ Греки приплыли къ нимъ по морю, убили Нептунова жреца и отмѣнили жертвы Нептуну. По окончаніи осады они возстановили жертвы, а жрецомъ избрали Лаокоонта, который по незнанію оскорбилъ Нептуна и былъ имъ наказанъ.

8) Кассандра—дочь Пріама. Въ нее влюбился Аполлонъ и далъ ей пророческій духъ, но она не исполнила его желанія. Тогда Аполлонъ положилъ зарокъ, чтобъ никто не вѣрилъ ея пророчествамъ.

9) Сѳенелъ — одинъ изъ аргійскихъ царей. Ѳерсандръ—царь ѳиванскій, внукъ Эдипа. Ѳоантъ—царь ѳокійскій. Акамантъ—аѳинскій герой, сынъ Ѳесея. Пелидъ—значитъ сынъ Пелея, а здѣсь рѣчь идетъ о Пелеевомъ внукѣ Неоптолемѣ, или Пиррѣ, сынѣ Ахилловомъ. Махаонъ—сынъ бога Асклепія, внукъ Аполлона, одинъ изъ мессенскихъ царей.

10) Ахиллъ, будучи въ ссорѣ съ Агамемнономъ, не хотѣлъ однажды принять участія въ битвѣ, но видя, что Трояне берутъ верхъ, послалъ вмѣсто себя своего друга Патрокла, отдавъ ему свое оружіе. Патроклъ былъ убитъ Гекторомъ, который и завладѣлъ доспѣхами Ахилла.

11) Деифобъ—одинъ изъ сыновей Пріама. За него выдали Елену послѣ смерти Парида. Вулканъ—сынъ Юпитера, богъ огня. Сигейскій мысъ находился недалеко отъ Трои.

12) Эринія—греческое слово, значитъ то же, что фурія. Три фуріи: Тисифона, Мегера и Аллекто, дочери Плутона, Юпитерова брата, царя преисподней и Ночи, мучили грѣшниковъ и по приказу Юпитера производили разныя бѣды на землѣ.

13) Фортуна—богиня удачи и счастья. Оркъ—одно изъ именъ или, какъ говорили другіе, отдѣленій ада.

14) Нерей—морской богъ, сынъ Океана. Пенелей—одинъ изъ віотійскихъ царей.

15) Андромаха—жена Гектора. Астіанактъ—ея сынъ.

16) Ахиллъ передъ походомъ въ Трою имѣлъ отъ дочери Скирійскаго царя Ликомеда сына Пирра, котораго по смерти отца Греки вызвали, хотя и очень еще молодого, для участія въ войнѣ. Дѣдъ отправилъ съ нимъ отрядъ Скирійцевъ. Скиръ или Скиросъ—островъ въ Архипелагѣ.

17) Гекуба—жена Пріама.

18) Пелидъ, то есть сынъ Пелея, есть Ахиллъ.

19) Горгона, лицо которой внушало всѣмъ ужасъ, была убита героемъ Персеемъ, а голову ея впослѣдствіи носила при себѣ Паллада.

20) Стѣны Трои были воздвигнуты Нептуномъ.

21) Троя была еще раньше взята Геркулесомъ при царѣ Лаомедонтѣ. Анхиса поразилъ молніей Юпитеръ за то, что тотъ разгласилъ о своей связи съ Венерой.

22) Ида—гора, находившаяся около Трои.

23) Керера была забыта Троянами во время осады, когда они не могли обрабатывать землю.

24) Храмъ Юноны служилъ, какъ и многіе другіе, убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ. Фойникъ—воспитатель Ахилла. Древніе утверждали, что призраки бываютъ всегда выше ростомъ, чѣмъ были тѣ же люди при жизни. Олимпъ—небесная гора, обитель боговъ. Тибръ названъ Лидійскимъ потому, что тамъ обитали Этруски, вышедшіе, по преданіямъ, изъ Лидіи, страны въ Малой Азіи.

25) Люциферъ или свѣтоносецъ—утренняя звѣзда, посвященная Венерѣ.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Таковъ во второй пѣсни только одинъ, находящійся передъ описаніемъ поиска за Креусой, послѣ стиха «Спутникамъ я поручаю...» и пр.

Самъ же во градъ возвращаюсь, оружіемъ яснымъ облекшись.

Энею нечего было надѣвать оружія, когда оружіе и ранѣе было на немъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

После того, какъ владычество Азіи съ родомъ Пріама
Боги рѣшили безвинно сгубить, какъ сравнялся съ землею
Илій высокій и въ дымѣ ушла вся Нептунова Троя
Къ дальнимъ изгнаніямъ мы и предѣламъ безвѣстнымъ стремимся,
Знаменьямъ божьимъ внимая, и флотъ свой подъ самымъ Антандромъ,
Иды фригійской подъ кручами строимъ, не зная, куда насъ
Рокъ понесетъ и въ какой онъ странѣ отдохнуть намъ дозволитъ.
Людъ набираемъ межъ тѣмъ. Вотъ ужъ новое лѣто настало;
Древній торопитъ Анхисъ, чтобъ судьбинамъ мы ввѣрили парусъ;
Съ плачемъ кидаю родимую землю и пристань съ пустыннымъ
Полемъ, гдѣ Троя была; и ужъ по морю мчусь я, изгнанникъ,
Съ сыномъ и людомъ и съ сонмомъ священнымъ великихъ Пенатовъ 1).

Область Маворта вдали простираетъ обширныя пашни;
Пашутъ Ѳракійцы, Ликурга свирѣпаго нѣкогда слуги,
Старые гости Троянъ и Пенаты союзные наши,
Счастье пока намъ служило. Доплылъ и на выгнутомъ брегѣ
Стѣнъ основанья кладу, противъ воли судебъ поселившись,
Имя свое имъ даю, Энеадами ихъ нарекая 2).

Матери я Діонеѣ и прочимъ богамъ, начатаго
Дѣла помощникамъ, пиръ учреждалъ и лоснистаго въ жертву

Вышнему неба владыкѣ вола заколалъ на прибрежьи.
Холмикъ виднѣлся вблизи, на которомъ, засѣвъ, разростался
Деренъ и частыя копья стремили косматые мирты.
Вотъ, приступивъ, изъ земли выдираю зеленую рощу,
Мысля вѣтвями младыми свои алтари изукрасить.
Дивное вдругъ и неслыханно страшное знаменье вижу:
Только, коренья порвавъ, изъ земли потянулъ я кустарникъ,
Черными каплями кровь изъ стволовъ изобильно сочится,
Пятнами землю пестря; у меня-жъ отъ ледяного страха
Члены дрожатъ и отъ ужаса хладная кровь застываетъ.
Снова однако другую пытаюсь я выдернуть лозу,
Ближе извѣдать желая сокрытыя дива причины,
Новая кровь изъ другого ствола все по прежнему каплетъ.
Многія мысли вращая въ душѣ, помолился я сельскимъ
Нимфамъ съ Градивомъ отцомъ, покровителемъ Гетскаго поля,
Диво къ добру чтобъ направили, снявши предвѣстіе злое.
Вотъ какъ еще и съ усиліемъ большимъ за третій отростокъ
Я ухватился, ногами въ сыпучій песокъ упираясь...
Вымолвить иль умолчать? отъ подошвы кургана раздался
Жалобный стонъ и печальная рѣчь до ушей долетаетъ:
«Что несчастливца терзаешь, Эней? дай пощаду могилѣ,
Праведныхъ рукъ не скверни, не чужимъ для тебя я родился
Въ Троѣ святой и не древо, увы! эту кровь источаетъ.
Области лютой бѣги! о, бѣги сребролюбнаго брега!
Я Полидоръ: здѣсь меня прободеннаго стрѣлы одѣли
Сѣвомъ желѣзнымъ и острыми копьями выросли нынѣ».
Тутъ и смятеньемъ объятый и ужасомъ лютымъ гнетомый
Я обомлѣлъ, встали дыбомъ власы и пресѣкся мой голосъ 3).

Втайнѣ сего Полидора съ великимъ сокровищемъ злата
Нѣкогда горькій Пріамъ, ко владыкѣ Ѳракійцевъ отправя,
Другу воспитывать далъ, какъ ужъ сталъ сомнѣваться въ Дарданскомъ
Жребіи онъ и врагами обложенной Трою увидѣлъ.
Тотъ, лишь сломились Тевкрійскія силы и рокъ измѣнилъ намъ,
Агамемнонову вмигъ побѣдившую сторону принялъ,
Всякую правду презрѣлъ, Полидора убилъ, а богатствомъ
Самъ завладѣлъ: о, къ чему не понудишь ты смертнаго сердца
Золота жажда проклятая! Трепетъ какъ вышелъ изъ тѣла,

Тотчасъ начальникамъ, люду и прежде всѣхъ прочихъ Анхису
Чудо повѣдать спѣшу и совѣта отъ нихъ ожидаю.
Мнѣнье у всѣхъ лишь одно: должно бросить преступную землю,
Дружбу прервать оскверненную, Австрамъ довѣрить вѣтрила.
Вотъ Полидору надгробную честь воздаемъ и высоко
Сыплемъ могилу; тѣней алтари воздвигаются пышно.
Въ синихъ повязкахъ тоскуютъ они подъ хвоей кипариса,
Дарданки стали кругомъ, распустивъ по обычаю косы.
Теплымъ запѣнились чаши млекомъ и священною кровью;
Съ плачемъ творимъ возліянье и грустную душу въ могилу
Мы водворяемъ и громко послѣдній призывъ возглашаемъ.

Только надежнѣе стали моря и умолкшія бури
Понтъ уравняли и манитъ насъ шелестомъ сладостнымъ Австеръ,
Тащатъ товарищи въ море суда и брега наполняютъ.
Пристань покинули мы: убѣгаютъ и земли и грады.

Островъ священный средь моря лежитъ, изначала любезный
Матери дѣвъ Нереидъ и Нептуну Эгейскому богу.
Чистый его лукодержецъ бродящимъ вкругъ странъ и поморій
Древле засталъ; у Миконы крутой и Гіара поставилъ,
Сдѣлалъ недвижнымъ, жилымъ и дозволилъ смѣяться надъ бурей.
Мчимся къ нему; этотъ островъ спокойный въ надежную пристань
Насъ утомленныхъ пріемлетъ. Привѣтствуемъ градъ Аполлоновъ.
Аній владыка, и царь человѣковъ и Феба священникъ,
Лавромъ святымъ вкругъ чела и повязками бога обвитый,
Встрѣчу идетъ и Анхиса лобзаетъ, стариннаго друга.
Длани союзомъ связали и тотчасъ подъ кровли вступаемъ 4).

Капищамъ бога, изъ древнихъ построеннымъ камней, молюся:
«Собственный домъ, о Ѳимбреецъ! даруй, дай намъ стѣны усталымъ,
Племя и градъ постоянный; спаси ты вторые Пергамы
Трои погибшей, остатки отъ лютыхъ Данаевъ съ Ахилломъ!
Молви, за кѣмъ и куда намъ идти? гдѣ намъ стѣны поставить?
Знаменье дай намъ, отецъ! и вселись въ наши скорбныя души» 5).

Только сказались слова, какъ немедленно все задрожало:
Праги святые и лавръ; и задвигался весь подо мною
Холмъ храмовой, и завылъ изъ святилищъ отверстыхъ треножникъ.
Падаемъ на землю въ страхѣ и гласъ до ушей долетаетъ:
«Твердые вы Дарданиды! которая древле изъ лона
Матери васъ приняла, та-жъ земля васъ сосцемъ плодоноснымъ
Приметъ опять: такъ ищите-жъ, скитальцы, старинную матерь!
Тамъ домъ Энеевъ надъ странами всѣми господствовать будетъ:
Самъ онъ и дѣти дѣтей и сыны, что родятся отъ оныхъ».
Такъ провѣщалъ Аполлонъ. Тутъ возстало смятенье и рядомъ
Радость великая. Всѣ вопрошаютъ, куда же скитальцевъ
Фебъ призываетъ, въ какіе онъ домы велитъ возвращаться 6).

Тутъ мой родитель, старинныхъ людей вспоминая разсказы,
«Слушайте, мужи!» гласитъ, «и надежды увѣдайте ваши.
Островъ Юпитера вышняго, Критъ средь морей возлегаетъ;
Ида гора тамъ стоитъ, тамъ начало Троянскаго рода.
Сто населяется градовъ великихъ въ странѣ изобильной,
Первый отколѣ отецъ, если вѣрно разсказъ повторяю
Древле къ Ретейскому берегу Тевкръ удалился и выбралъ
Мѣсто для града. Ни Илій еще, ни Пергамскіе замки
Въ оные дни не стояли: въ долинахъ селилися люди.
Вотъ, гдѣ мы взяли Кибельскую матерь и мѣдь Корибантовъ
Съ рощей Идейской; оттуда и грозныя таинства взяты
Вмѣстѣ со львиной четой, колесницу богини везущей.
Что-жъ? поспѣшимъ и веленіямъ божьимъ во слѣдъ устремимся;
Жертвой Вѣтровъ умолимъ и поѣдемъ ко странамъ Гносійскимъ,
Путь не далекъ вѣдь до нихъ: если Юпитеръ въ помощь намъ будетъ,
Третья Аврора у Критскаго берега флотъ нашъ увидитъ».
Рекъ и боговъ алтарямъ заслуженную почесть принесъ онъ:
Далъ онъ Нептуну быка, а другого прекрасному Фебу,
Черную агницу Бурямъ, а бѣлую—кроткимъ Зефирамъ 7).

Вѣсти идутъ, что неволей родимое царство покинулъ
Идоменей повелитель и Крита брега опустѣли;
Врагъ нашъ оставилъ дома и жилища порожнія ждутъ насъ.
Шумъ поднимаютъ гребцы и кричатъ, оглушая другъ друга;

Требуютъ всѣ, чтобы Крита и предковъ своихъ мы искали.
Вотъ покидаемъ Ортигіи пристань и по морю мчимся;
Ѣдемъ вдоль Накса Вакхическихъ горъ и зеленой Донусы,
Вдоль Олеара и снѣжнаго Пара и промежъ блестящихъ
Въ морѣ Кикладъ, по водамъ, вереницей земель возмущенныхъ.
Слѣдуетъ вѣтеръ за нами, отъ самой кормы возстающій
Вотъ наконецъ достигаемъ Куретовъ стариннаго края.
Стѣны желаннаго города тотчасъ же ставлю поспѣшно;
Ихъ Пергамеей зову и народъ восхищенный названьемъ
Новые домы любить убѣждаю и замокъ воздвигнуть.
Были ладьи ужъ давно на сухомъ расположены брегѣ:
Пашнями, браками новыми вся молодежь занялася;
Всѣмъ и дома и права раздавалъ я, какъ вдругъ заразилась
Чистая область эфира и сходитъ грозящая членамъ
Язва гнилая и годъ, для деревьевъ и травъ смертоносный:
Сладкую душу одни испускаютъ, другіе чрезъ силу
Тѣло больное влекутъ, жжетъ безплодное Сиріусъ поле;
Сохнутъ хлѣба и не кормятъ людей заболѣвшія нивы.
Вновь къ Ортигійскому Фебу оракулу ѣхать и снова
Море измѣрить родитель велитъ и молить Аполлона.
Пусть возвѣститъ онъ, какой же предѣлъ для несчастій положенъ;
Чѣмъ намъ бѣдѣ пособить и куда наконецъ обратиться [8]).

Ночь наступила и сонъ на землѣ обнималъ все живое.
Лики святые боговъ и Фригійскіе наши Пенаты,
Коихъ изъ Трои родной, изъ средины горящаго града
Вынесъ заботливо я, предо мною предстали лежавшимъ,
Облиты свѣтомъ великимъ, который въ то время обильно,
Полная въ домъ мой луна сквозь пробитыя окна струила.
Такъ провѣщали они, отымая заботы словами:
«Что возвѣстилъ бы тебѣ во Ортигіи Фебъ, возвѣщаетъ
Здѣсь онъ и вѣсти на самый порогъ твой послать соизволилъ.
Мы что пошли за тобой и оружьемъ твоимъ изъ пожара,
Мы, что съ тобою пучины морей на судахъ переплыли,
Мы же до звѣздъ вознесемъ нерожденныхъ потомковъ Энея,
Городу царство дадимъ. Такъ великимъ великія стѣны
Бодро готовь и не бойся трудовъ ты далекаго бѣгства.
Должно покинуть страну: не на этихъ брегахъ поселиться

Делій тебѣ повелѣлъ, не о Критѣ предсказано Фебомъ.
Есть во вселенной страна: прозываютъ Гесперіей Граи;
Древняя область, оружьемъ и почвой обильная тучной.
Мужи Энотры тамъ жили, теперь, говорятъ, ихъ потомки
Землю Италіей кличутъ, по имени князя назвавши.
Вотъ наши древніе домы: тамъ нѣкогда Дарданъ родился.
Тамъ же Іасій отецъ, отъ котораго родъ свой ведемъ мы.
Встань же скорѣй и сѣдому Анхису отвѣтъ несомнѣнный
Съ радостью ты передай: пусть Кориѳа и странъ Авзонійскихъ
Ищетъ скорѣй, а въ Диктейскомъ богами отказано полѣ».
Этимъ видѣніемъ дивнымъ и гласомъ боговъ устрашенный,
(Такъ какъ не сонъ это былъ: на яву, мнѣ казалося, зрѣлъ я
Образы ихъ и повязки ихъ главъ и священные лики,
Чуя; что потомъ холоднымъ мое обливается тѣло)
Съ ложа вскочивъ своего, и простертыя руки и голосъ
Набожно къ небу стремлю, а затѣмъ безпримѣсную жертву
Лью на очагъ. Совершивши священный обрядъ, извѣщаю
Съ радостнымъ духомъ отца и о всемъ по порядку сказую.
Вспомнивъ о родѣ двойномъ и о двухъ прародителяхъ нашихъ,
Понялъ отецъ, что ошибкою новою древность затмилъ онъ.
Такъ говоритъ: «о, мой сынъ! о испытанный рокомъ Илійскимъ!
Только Кассандра одна о такихъ мнѣ вещахъ говорила.
Помню теперь, какъ все это Троянамъ она возвѣщала,
Часто Гесперію, часто Италовъ страну называя.
Кто-жъ бы повѣрилъ въ то время, что Тевкры въ Гесперію придутъ,
Или кого бы тогда убѣдили Кассандры вѣщанья.
Феба почтивъ, предваренные, къ лучшему днесь обратимся».
Такъ говоритъ онъ, и всѣ повинуются съ радостью слову.
Мы покидаемъ и эту страну, исключая немногихъ;
Подняли парусъ и килемъ пустымъ по морямъ убѣгаемъ 9).

Только достигли открытаго моря суда и ни коей
Больше не видно земли: только небо кругомъ и пучины;
Тутъ надъ главами у насъ собирается синяя туча,
Бурю и ночь принося, и взбугрилися волны во мракѣ.
Вихри моря непрестанно клубятъ и горами восходятъ
Къ небу валы; разнесенные крутимся въ безднѣ обширной.
Въ облако день завернулся и влажная ночь заслонила

Небо отъ насъ; изъ разорванныхъ тучъ заструилося пламя;
Путь потерявши во мракѣ по волнамъ слѣпымъ мы блуждаемъ.
Скоро сознался и кормчій, что дня ужъ отъ ночи не можетъ
Онъ различить и не видитъ пути Палинуръ на пучинахъ.
Такъ въ продолженьи трехъ дней, отъ тумана слѣпого невѣрныхъ,
Столькихъ же черныхъ ночей безъ луны мы по волнамъ носились.
Вотъ на четвертый ужъ день начала возставать передъ нами
Суша вдали, показалися горы и дымъ заклубился.
Падаетъ парусъ; за весла берутся гребцы и поспѣшно
Пѣну клубятъ, налегая, и понтъ голубой подметаютъ.

Насъ, изъ волненья спасенныхъ, Строфадъ берега принимаютъ.
Есть острова, въ Іонійскомъ лежащіе морѣ великомъ;
Грайскою рѣчью Строфады зовутся; лихая Келено
Тамъ поселилась и прочія Гарпіи, разъ что замкнулись
Домы Финея для нихъ и въ испугѣ покинули яства.
Болѣе мерзкаго чудища, болѣе злой и свирѣпой
Язвы и кары боговъ изъ Стигійскихъ пучинъ не вставало.
Дѣвы лицо у пернатыхъ, гнуснѣйшее чрева теченье,
Руки когтистыя; алчные лики отъ лютаго глада
Вѣчно блѣднѣютъ у нихъ . . . .
Къ мѣсту сему принесенные, въ пристань желанную входимъ.
По полю весело стадо быковъ разбрелось и межъ ними
Рѣзвыя козы въ лугахъ безъ присмотра и пастыря бродятъ.
Взявши оружіе, кинулись мы и боговъ призываемъ
Съ Зевсомъ самимъ на дѣлежъ и добычу; затѣмъ же на брегѣ
Строимъ изъ дерна скамьи и вкуснѣйшій обѣдъ потребляемъ.
Вдругъ неожиданно въ страшномъ полетѣ отъ горъ налетаютъ
Гарпіи злыя и крыльями хлопаютъ съ шумомъ великимъ;
Трапезы вмигъ разметали и все оскверняютъ нечистымъ
Тѣломъ своимъ; безобразенъ ихъ голосъ и мерзостенъ запахъ.
Вотъ, удалившись отъ нихъ, подъ великой скалой продолбленной,
Лѣсомъ густымъ окруженные, тѣнью одѣтые частой,
Пиръ учреждаемъ опять и огонь на алтарь возлагаемъ.
Снова съ другой стороны изъ далекихъ изъ логовищъ темныхъ
Звонкая эта толпа надъ добычей когтями кружится,
Ртомъ оскверняя пиры. Тутъ оружіе взять повелѣлъ я,
Противъ свирѣпаго рода войну наконецъ объявляя.

Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлали: тотчасъ же въ травахъ высокихъ
Прячутъ мечи и щиты потаенные хитро скрываютъ.
Вотъ, какъ еще устремились и выгнутый брегъ огласили
Свистомъ своимъ, тутъ Мисенъ подалъ знакъ отъ высокого камня
Мѣдью пустой; зачинаютъ товарищи бой небывалый,
Пакостныхъ птицъ океана стараясь желѣзомъ поранить.
Впрочемъ ни перьямъ ущербу, ни тылу рубцовъ не досталось;
Въ бѣгствѣ постыдномъ подъ самое небо онѣ унеслися,
Полусожранную пищу и скверный свой слѣдъ намъ оставивъ [10]).
Только одна на высокомъ утесѣ присѣла Келено,
Бѣдствій пророкъ, и такія слова изъ груди испустила:
«Значитъ, избивши быковъ и телицъ низпровергнувши нашихъ,
Лаомедонта сыны, вы теперь и войной намъ грозите;
Гарпій невинныхъ стараясь изъ отчаго вытѣснить царства?
Слушайте-жъ нынѣ и въ души свои эти рѣчи вложите:
Чтò Аполлону отецъ вседержавный, чтò мнѣ открываетъ
Фебъ Аполлонъ, то и вамъ я, изъ Фурій старѣйшая, молвлю:
Нынѣ въ Италію ѣдете: что же? вѣтровъ умоливши,
Этой земли вы достигнете, въ пристань дано вамъ проникнуть;
Только не прежде стѣной обнесете вы градъ обреченный,
Чѣмъ васъ неистовый гладъ и отмщенье за нашу обиду
Полуизгрызенный столъ уничтожить зубами понудитъ».
Такъ изрекла и на крыльяхъ въ дубраву она улетаетъ.
Въ людяхъ межъ тѣмъ отъ внезапнаго ужаса кровь леденѣетъ;
Мужество пало въ сердцахъ: не оружіемъ болѣ, не бранью
Миръ обезпечить велятъ, но обѣтомъ купить и молитвой,
Будь то богини, будь мерзкія только и лютыя птицы.
Самъ мой родитель Анхисъ, воздѣвая отъ берега руки,
Кличетъ великихъ боговъ и достойную честь имъ приноситъ:
«Боги, грозу пронесите! бѣду отвратите, о боги!
Кроткіе, насъ защитите невинныхъ!» Тутъ верви отъ брега
Онъ отвязать приказалъ и расправить по прежнему снасти.
Ноты вѣтрило надули; по пѣнистымъ волнамъ бѣжимъ мы,
Кормчій и вѣтеръ куда быстрый бѣгъ намъ прикажутъ направить.

Вотъ, возставая изъ волнъ, ужъ лѣсистый Закинѳъ показался.
Видны Дулихій и Сама и Неритъ утесистый зрится.
Быстро минуемъ мы скалы Иѳаки, Лаертовы царства,

Издали землю кляня, воскормившую злого Улисса.
Вотъ и Левката верхи, облеченные въ тучу, открылись,
Вмѣстѣ со страшнымъ для всѣхъ кораблей и гребцовъ Аполлономъ.
Ѣдемъ къ нему и усталые къ малому граду подходимъ.
Якорь низвергнулся съ носа, на берегъ надвинулись кормы [11]).

Такъ завладѣвъ наконецъ противъ всякаго чаянья сушей.
Зевсу очистились мы и обѣтный алтарь запаливши,
Актія брегъ отдаленный Илійскими играми славимъ.
Отчими вновь упражненьями, скользкимъ облитые масломъ,
Заняты мужи нагіе; пріятно имъ думать, что столькихъ
Градовъ Аргійскихъ избѣгли, межъ самыхъ враговъ проскользнувщи.
Солнце межъ тѣмъ ужъ великій свой кругъ завершаетъ годичный.
Льдистая встала зима и бугритъ Аквилонами волны.
Мѣдный, загибистый щитъ, исполинскаго ношу Абанта,
Я на дверяхъ прибиваю и дѣло стихомъ подтверждаю:
«Щитъ сей повѣсилъ Эней, побѣдителей Граевъ доспѣхи».
Берегъ затѣмъ покидать и при веслахъ садиться велѣлъ я.
Море товарищи въ-запуски бьютъ и волну подметаютъ.
Вскорѣ воздушные грады Феаковъ изъ глазъ убѣгаютъ.
Ѣдемъ вдоль брега Эпирскаго; вотъ Хаонійскую пристань
Заняли мы и восходимъ на замокъ высокій Буѳрота [12]).

Дивная тутъ въ изумленныя уши молва прилетаетъ,
Будто Геленъ Пріамидъ городами Данайскими правитъ,
Пирра женой Эакида и скиптромъ его завладѣвши;
Такъ что опять Андромаха супругу родному досталась.
Я изумился и дивнымъ возжегся желаніемъ сердца
Съ мужемъ бесѣду завесть и узнать про судьбины такія.
Тотчасъ изъ города вышелъ, и войско и флотъ покидая,
Въ самый тотъ день, какъ привычныя снѣди и грустныя жертвы
Въ рощѣ предъ градомъ своимъ при подложномъ, увы! Симоисѣ
Милымъ душамъ возливала и тѣни звала Андромаха,
Тамъ, гдѣ изъ дерна для Гектора праздный курганъ ею сложенъ,
Тамъ, гдѣ двойной она жертвенникъ, поводъ для слезъ, посвятила.
Только меня предъ собой увидала и Трои доспѣхи,
Вмигъ обезумѣвъ, узнала, великимъ сраженная дивомъ,

Тотчасъ же вся цѣпенѣетъ и жаръ убѣгаетъ изъ тѣла;
На землю пала и долго спустя лишь съ трудомъ провѣщала:
«Вправду-ль свой образъ являешь, правдивымъ ли вѣстникомъ прибылъ,
Чадо богини? Живешь ли еще? если-жъ свѣтъ ты покинулъ,
Гекторъ мой гдѣ?» Такъ сказавъ, залилась слезами и воплемъ
Мѣсто наполнила все. Только малое нѣчто безумной
Вымолвить могъ я, смутясь, и отрывистой рѣчью шепталъ ей:
«Живъ я, конечно... Животъ средь несчастій послѣднихъ влачу я...
Вѣрь, ибо истину зришь. . . . .
Горе! какая-жъ судьбина лишенную мужа такого
Нынѣ постигла тебя? отплатить возмогла-ли достойно?
Пирра-ль имѣешь въ супружествѣ, Гектора бывъ Андромахой!»
Очи потупила въ землю и голосомъ слабымъ сказала:
«О, между всѣми блаженная вѣчно Пріамова дѣва!
Ты, что у вражьей могилы, подъ стѣнами Трои высокой
Смерти была предана, дѣлежей никакихъ не познавши,
Ниже къ одру побѣдителя въ званьи рабы прикоснувшись.
Я послѣ гибели родины, волны чужія преплывши,
Рода Ахиллова гордость и юноши спѣсь претерпѣла,
Сына въ работѣ ему породивъ, но когда къ той Ледейской
Онъ Герміонѣ склонился и къ Лакедемонскому браку,
Тутъ онъ рабыню Гелену рабу передалъ во владѣнье.
Вскорѣ однако его, ослѣпленный любовью великой
Къ отнятой дѣвѣ и Фурій злодѣйства Орестъ преисполненъ,
Хитро въ расплохъ захватилъ и у требищъ отцовскихъ зарѣзалъ.
Тутъ послѣ Пирровой смерти Гелену совсѣмъ ужъ досталась
Данная области часть и тогда-жъ Хаонійское поле
Вмѣстѣ съ Хаоніей всей отъ Троянца Хаона нарекъ онъ,
Пергамъ и эту Илійскую крѣпость на холмахъ поставя.
Молви однако и самъ, путь какой рокъ и вѣтеръ вамъ дали?
Къ этому мѣсту незнавшаго боги какіе приводятъ?
Что молодой твой Асканій? живетъ ли и дышетъ ли отрокъ,
Коего въ Троѣ уже завѣщала супругу Креуса?
Помнитъ ли отрокъ еще объ утраченной матери милой?
Къ доблести древней и къ подвигамъ предковъ великихъ влекутъ ли
Юную душу родитель Эней вмѣстѣ съ Гекторомъ дядей?»
Эти слова со слезами мѣшала она и рыданья
Долго и тщетно она возбуждала, какъ вдругъ отъ вершины
Славный герой Пріамидъ при сопутствіи многомъ подходитъ.

Тотчасъ своихъ узнаетъ онъ и въ городъ съ весельемъ ведетъ ихъ.
Идемъ во слѣдъ: вотъ и малую Трою и Пергамъ поддѣльный
Вмѣсто великаго онаго вижу, узналъ и безводный
Ксанѳа потокъ и ужъ Скейскихъ воротъ прикасаюсь порогу.
Также и прочіе Тевкры союзнымъ утѣшились градомъ;
Въ портикахъ радостно ихъ принималъ повелитель обширныхъ;
Вакховы чаши они возливали средь пышной палаты;
Въ дланяхъ патеры имѣли, на златѣ покоили жертвы 13).

День ужъ прошелъ и другой; ужъ вѣтры паруса подстрекаютъ,
Австромъ упругимъ давно ужъ наполнились наши вѣтрила.
Къ вѣщему я приступаю и съ просьбой такой обращаюсь:
«О Троеродный боговъ толкователь, что Фебову силу,
Грозный треножникъ и Кларія древо и звѣзды всѣ чуешь!
Чуешь и птицъ языки и несущихся крылій вѣщанья!
Молви, прошу: путешествіе все предсказалъ благосклонный
Феба оракулъ и всѣ приказали въ пророчествахъ боги
Ѣхать въ Италію мнѣ и земель добиваться далекихъ;
Гарпія только одна несказанно ужасное диво
Мнѣ предвѣщаетъ Келено и тяжкія кары пророчитъ
Съ мерзостнымъ голодомъ вмѣстѣ; чего избѣгать мнѣ сейчасъ же?
Что соблюдая, такіе труды, одолѣть возмогу я?» 14).

Тотчасъ Геленъ, заколовши сначала телицъ по закону,
Миръ испросилъ у боговъ и повязки свои разрѣшаетъ
Онъ на священной главѣ и меня къ твоему онъ порогу,
Фебъ, предъ святыней смущеннаго, за руку взявши, приводитъ.
Тутъ изъ божественныхъ устъ воспріявъ, возглашаетъ священникъ:
«Чадо богини! изъ большихъ ужъ видно пророчествъ, что море
Счастливо ты перейдешь: такъ судьбину боговъ повелитель
Вижу устроилъ и жребіи кинулъ, такъ рокъ расположенъ.
Нынѣ изъ многаго малое ради того, чтобъ надежнѣй
Волны морскія преплылъ ты и въ пристань Авзоніи прибылъ,
Я возвѣщу, остальное-жъ препятствуютъ вѣдать Гелену
Мощныя Парки, изречь запрещаетъ Юнона богиня.
Слушай: во-первыхъ Гесперію эту, что близкой считаешь,
Мысля, незнающій, скоро къ сосѣднему брегу причалить,

Дальними странами путь отъ тебя отдѣляетъ далекій.
Прежде въ волнахъ Тринакрійскихъ весло утрудить подобаетъ,
Прежде судами извѣдаешь понтъ соляной Авзонійскій,
Адскія узришь озера и съ островомъ Кирки Колхійской,
Чѣмъ въ безопасной землѣ основать ты свой городъ возможешь.
Знаменья нынѣ скажу, ты же, спрятавъ въ умѣ, содержи ихъ.
Тамъ, гдѣ тобою печальнымъ при волнахъ рѣки сокровенной
Найдена будетъ великая ростомъ межъ падубовъ брега
Чадъ породившая тридцать на берегѣ веприца лежа,
(Бѣлая дремлетъ она и такія же чада при лонѣ)
Тамъ то и мѣсто для града и отдыхъ надежный отъ бѣдствій.
Ниже страшись въ обреченныхъ столахъ угрызеній грядущихъ:
Жребій дорогу отыщетъ и призванный Фебъ не замедлитъ.
Мѣстъ же ближайшихъ и этой страны Италійскаго брега
Съ нами сосѣдней и нашего моря омытой волнами
Ты избѣгай: злыми Граями всѣ тамъ наполнены грады.
Тамъ Нарикійскія стѣны поставили мощные Локры;
Тамъ и поля Саллентинскія занялъ оружьемъ Ликтійскій
Идоменей поселенецъ и тамъ Филоктетъ Мелибейскій
Малые эти Петеліи нынѣ оплотомъ упрочилъ.
Ради сего, какъ преплывши моря, остановится флотъ твой;
Вышнимъ обѣты, воздвигнувъ алтарь, какъ на брегѣ исполнишь,
Тутъ не забудь волоса осѣнить покрываломъ багрянымъ;
Бойся, чтобъ вдругъ при священныхъ огняхъ и торжественныхъ жертвахъ
Вражье лицо не предстало тебѣ и предвѣстья смутило.
Этотъ обычай при жертвахъ храните и самъ ты и люди;
Въ этихъ обрядахъ пускай пребываютъ и внуки святые.
Вотъ, какъ поѣдешь опять и суда къ берегамъ Тринакрійскимъ
Вѣтеръ помчитъ и начнутъ раздвигаться тѣснины Пелора,
Лѣвыхъ береговъ тутъ держись и по лѣвымъ морямъ путешествуй
Въ дальнихъ объѣздахъ; десныхъ береговъ и морей избѣгайте.
Эти мѣста, сотрясенныя страшнымъ обваломъ и моремъ,
(Столько вселенную древняго времени сила мѣняетъ)
Молвятъ, разорваны нѣкогда были, дотолѣ единой
Бывши страной, но въ средину ихъ вторгнулся понтъ и водами
Край Сикулійскій отсѣкъ отъ Гесперіи, пашни и грады
Узкимъ потокомъ до нашихъ временъ межъ собой раздѣляя.
Скилла владѣетъ десною страной, непреклонная слѣва

Сѣла Харибда и трижды кипящимъ жерломъ поглощаетъ
Мощныя волны въ обрывъ, а изъ бездны опять ихъ наружу
Гонитъ она чередой и по звѣздамъ пучинами хлещетъ.
Скилла же злая въ пещерѣ и въ темныхъ скрывается норахъ,
Ликъ выставляя и лодки къ подводнымъ камнямъ завлекая.
Видъ человѣка у ней и прекрасною кажется дѣвой
Сверху до бедеръ, отсюда же страшнымъ чудовищемъ воднымъ,
Рыбьи хвосты и при лонѣ сидящихъ волковъ сопрягая.
Лучше Тринакрію всю обогнуть до утесовъ Пахина,
Вспять отступая и по морю кругъ совершая великій,
Чѣмъ безобразную въ страшной норѣ хоть однажды увидѣть
Скиллу и синими псами морей оглашенные камни.
Впрочемъ, когда у Гелена какая имѣется мудрость,
Если достоинъ онъ вѣры и правдой отъ Феба наполненъ,
Чадо богини! одно я тебѣ вмѣсто многаго нынѣ,
Только одно говорю и еще и еще повторяю:
Паче всѣхъ прочихъ моли божество ты великой Юноны,
Мощной обѣты охотно твори и владычицу всякимъ
Даромъ къ себѣ преклоняй, ибо этимъ лишь способомъ можешь,
Бросивъ Тринакрію, въ страны Италовъ вступить напослѣдокъ.
Въ эти предѣлы заплывъ, какъ приступишь ты къ Кумскому граду,
Божьимъ озерамъ святымъ и шумящему рощей Аверну,
Ярую узришь пророчицу тамъ, что подъ сводомъ утеса
Жребій глаголетъ и листьямъ ввѣряетъ слова и писанья.
Послѣ того, какъ на листьяхъ напишетъ пророчества дѣва,
Ихъ, по порядку сложивъ, въ затворенной пещерѣ оставитъ
Такъ, чтобъ на мѣстѣ своемъ и чредою законной лежали.
Если же вѣтеръ случайно пахнетъ подъ высокіе своды,
Если растворится дверь и смѣшаются легкіе листья,
Тутъ не подумаетъ дѣва въ пещерѣ носимыхъ ловить ихъ,
Класть по порядку и въ цѣльныя складывать пѣсни не станетъ.
Идутъ домой безъ отвѣта и домъ проклинаютъ Сибиллинъ.
Ты же не вздумай пенять на задержку въ далекой дорогѣ;
Сколько-бъ тебя ни бранили друзья, сколько-бъ ни было нужно
Ѣхать впередъ, сколько-бъ васъ ни заманивалъ вѣтеръ попутный,
Все-таки къ дѣвѣ иди и проси и пророчества требуй:
Пусть возглаголетъ сама, и гортань и уста разрѣшая.
Скажетъ Италіи царства тебѣ и грядущія войны,
Какъ вамъ бѣды избѣжать, какъ бѣду перенесть ты возможешь:

Все объяснитъ и молящему путь безопасный устроитъ.
Вотъ, что тебѣ возвѣстить отъ боговъ намъ дозволено было;
Шествуй и къ небу неси чрезъ побѣды великую Трою» 15).

Такъ говорилъ благосклонный пророкъ и блестящіе тяжкимъ
Золотомъ яснымъ дары и пластинками кости слоновой
Несть на суда приказалъ, Дарданидовъ ладьи наполняя
Многимъ сребромъ и Додоны сосудами; также даруетъ
Броню златую изъ колецъ тройныхъ и при ней знаменитый
Шлемъ островерхій, украшенный грозно сверкающимъ гребнемъ,
Пирра оружія бывшія. Есть и Анхису подарки.
Онъ и коней намъ даритъ и вожатаевъ флота готовитъ;
Снасти даетъ и оружьемъ товарищей всѣхъ надѣляетъ 16).

Флотъ парусами снабдить ужъ давно мой отецъ торопилъ насъ,
Ѣхать веля и не дѣлать задержки попутному вѣтру.
Фебовъ пророкъ обращается къ старцу и честь воздавая,
Такъ говоритъ: «о почтенный супружествомъ славнымъ Венеры,
Божья забота Анхисъ! изъ погибели дважды изъятый,
Вотъ предъ тобою Авзонія, къ оной стремись парусами.
Нѣтъ, только по морю мимо проѣхать дозволено рокомъ,
Ибо далеко Авзонія та, что обѣщана Фебомъ.
Что же? иди, о счастливый почтительнымъ сыномъ! зачѣмъ мнѣ
Рѣчи плодить и словами встающихъ задерживать Австровъ».
Столько-жъ какъ онъ о разлукѣ послѣдней скорбя, Андромаха
Ризы, шитьемъ золотымъ испещренныя, грустно приноситъ
Вмѣстѣ съ хламидой фригійской, подарокъ достойный Іула:
Отрока въ пышныя ткани одѣла и такъ провѣщала:
«Даръ и отъ насъ пріими, объ рукахъ чтобъ напомнить онъ нашихъ
Отроку могъ и свидѣтелемъ былъ онъ любви Андромахи,
Гектора горькой вдовы. Даръ послѣдній прими же отъ кровныхъ,
О, ты единственный мой Астьянакта погибшаго образъ!
Эти глаза онъ имѣлъ, этотъ ликъ, эти самыя руки;
Вмѣстѣ съ тобой бы онъ росъ и съ тобой бы теперь возмужалъ онъ!»
Слезы имѣя въ очахъ, покидаемымъ такъ говорилъ я:
«Счастливо, други, живите, когда ужъ судьбу получили.
Насъ небеса изъ судебъ пережитыхъ все въ новыя гонятъ,

Вамъ же дарованъ покой и браздить океана не нужно;
Вспять убѣгающихъ вѣчно полей Авзонійскихъ не должно
Всюду искать; образъ видите Ксанѳа и въ Троѣ живете
Созданной вами самими; молю, чтобъ при знаменьяхъ лучшихъ
Градъ основался, чтобъ меньше свирѣпымъ доступенъ былъ Граямъ.
Ежели въ Тибрій меня и ему сопредѣльныя земли
Боги введутъ и сужденныя Тевкрамъ жилища увижу,
Сродные грады тогда и сосѣдніе оба народа
Этотъ Эпиръ и Гесперію, коимъ единый былъ Дарданъ,
Коимъ единый былъ рокъ, всѣхъ по сердцу единою Троей
Сдѣлаемъ мы; пусть объ этомъ и внуки заботятся наши» 17).

По морю ѣдемъ до ближнихъ высотъ Керавнійскихъ, откуда
Лучшій въ Италію путь, переѣздъ черезъ волны кратчайшій.
Солнце стремится съ небесъ, притѣненныя меркнутъ вершины;
Вотъ при пучинахъ на лонѣ желанной земли возлегаемъ,
Стражу избравъ на суда, и на брегѣ сухомъ размѣстившись,
Тѣло покоимъ; дрема проникаетъ усталые члены.
Горами къ верху везомая, неба средины достигнуть
Ночь не успѣла еще, какъ встаетъ Палинуръ не лѣнивый;
Всѣ испытуетъ вѣтры, уловляетъ ушами онъ воздухъ;
Всѣ примѣчаетъ свѣтила, идущія въ небѣ безмолвномъ;
Смотритъ Арктура, дождливыхъ Гіадъ и обоихъ Тріоновъ.
Въ латы златыя одѣтаго въ высяхъ глядитъ Оріона.
Видя, что на небѣ ясномъ по прежнему все безмятежно,
Знакъ громозвучный даетъ отъ кормы и шатры убираемъ;
Въ путь направляемся новый и крылья вѣтрилъ распускаемъ 18).

Звѣзды съ небесъ удаливъ, ужъ алѣть начинала Аврора;
Темные холмы вдали и сквозь сумракъ Италіи берегъ
Низменный видимъ; Италію первый Ахатъ возглашаетъ;
Громкимъ Италію кликомъ привѣтствуютъ всѣ Дарданиды.
Тутъ престарѣлый родитель, великій кратеръ увѣнчавши,
Сладкимъ виномъ наполняетъ и громко боговъ призываетъ,
Ставъ на высокой кормѣ . . . . .
«Боги, владыки земли и великихъ морей и погоды!
Вѣтру попутному дверь отворите и кротко повѣйте!»

Вѣтеръ желанный повѣялъ сильнѣй и открылася пристань;
Ближе и ближе она, храмъ Минервы надъ крѣпостью зрится.
Люди вѣтрила собрали и къ берегу флотъ подгоняютъ.
Пристань въ дугу выгибается токомъ восточнымъ и Эвромъ;
Скалы наружныя брызжатъ соленою пѣной и скрылась
Пристань сама; только руки двойною стѣной простираютъ
Башни—утесы и мнится отъ берега храмъ убѣгаетъ.
Первое знаменье видимъ: коней четырехъ бѣлоснѣжныхъ
Въ полѣ широкомъ пасущихся, тучныя травы стригущихъ.
Молвитъ Анхисъ: «знать войну возвѣщаешь, о край вожделѣнный,
Кони для битвы растутъ, это стадо войною грозитъ намъ.
Впрочемъ они-жъ иногда и повозку возить привыкаютъ,
Дружно постромки неся и подъ игомъ ступая знакомымъ;
Есть и на миръ намъ надежды», гласитъ. Звучнобронной Паллады
Молимся мы божеству, что пріяла насъ первая храмомъ.
Главы одѣли фригійскимъ покровомъ и помня Геленовъ
Первый и главный совѣтъ, какъ приказано было пророкомъ,
Мощной Аргивской Юнонѣ законную честь возжигаемъ 19).

Долго не мѣшкая, только исполнены были обѣты,
Рей обращаемъ крылатыхъ рога и поспѣшно отплывши
Граевъ враждебныхъ и брегъ подозрительный мы покидаемъ.
Вотъ ужъ съ одной стороны Геркулесова, если то правда
Видѣнъ Тарепта заливъ и Лакинія пышная встала
Съ боку другого и крѣпкій Кавлонъ и Скилетій опасный.
Вотъ ужъ вдали надъ волной Тринакрійская высится Этна;
Моря великаго стонъ и валами трясомые камни
Слышатся намъ и о берегъ дробимые гласы пучины;
Прядаютъ волны и бурное море пески возмущаетъ.
Молвитъ родитель Анхисъ: «нѣтъ сомнѣнья, что это Харибда.
Эти-то скалы и страшные камни Геленъ возвѣщалъ намъ;
Въ бѣгство товарищи! разомъ и дружно на весла налягте!»
Какъ онъ сказалъ, такъ и сдѣлали: тотчасъ корабль застонавшій
Съ силой великою къ лѣвымъ склонилъ Палинуръ океанамъ;
Влѣво сейчасъ же помчалось на веслахъ и вѣтрахъ все войско.
Къ небу взлетаемъ на выгнутомъ понтѣ и въ то же мгновенье
Къ Манамъ подземнымъ спускаемся вмѣстѣ съ пучиной осѣвшей.
Трижды завыли утесы и гласъ свой издали пещеры;

Трижды мы пѣну подъ небомъ и звѣзды текущія зрѣли.
Вотъ между тѣмъ утомленныхъ и вѣтеръ и день покидаютъ;
Мѣста не зная, къ ужаснымъ Киклоповъ брегамъ попадаемъ 20).

Пристань обширна, тиха и надежно закрыта отъ всякихъ
Вихрей, но страшнымъ обваломъ сосѣдняя Этна грохочетъ.
Временемъ черную тучу на воздухъ изъ нѣдръ испускаетъ:
Смерчемъ она смолянымъ и золой раскаленной дымится,
Пламя клубами подъемлетъ и звѣзды высокія лижетъ.
Временемъ скалы свои и обрывки ужасной утробы
Вдругъ изрыгаетъ гора и расплавленный камень подъ небо
Сыплетъ со стономъ глухимъ и мятется до самаго низу.
Молвятъ, что тамъ Энкеладово полусожженное громомъ
Тѣло громады гнетутъ и надъ нимъ-то великая Этна
Пламя устенъ выдыхаетъ проломами скалъ и лишь только
Бокомъ онъ двинетъ усталымъ, какъ тотчасъ же съ рокотомъ громкимъ
Дрогнетъ Тринакрія вся и затмится весь воздухъ отъ дыма.
Цѣлую ночь, окруженные лѣсомъ, ужасныя дива
Слушали робко и звуковъ причины понять не могли мы.
Не было на небѣ звѣздныхъ огней, не свѣтилося небо
Звѣзднымъ эфиромъ, но тучами темная твердь облекалась;
Въ облакѣ мрачномъ ненастная ночь и луну сокрывала 21).

На небѣ новый ужъ день зачинался съ Лукиферомъ раннимъ;
Тѣни росистыя въ небѣ уже раздвигала Аврора.
Вдругъ изъ дремучихъ лѣсовъ, изможденъ худобою конечной,
Образъ невиданный мужа, съ лица состраданья достойный,
Выступилъ къ намъ и молящія длани къ водамъ простираетъ:
Смотримъ и видимъ: жестокая грязь и всклокоченный волосъ,
Скрѣплены ризы шипами, а впрочемъ какъ будто Данаецъ;
Словно-бъ подъ Троей съ оружьемъ отеческимъ нѣкогда былъ онъ.
Только Дарданскій уборъ и доспѣхи узрѣлъ Иліона,
Тотчасъ же, видомъ испуганный, сталъ и, смутясь не надолго,
Шагъ удержалъ онъ, но вскорѣ стремглавъ ко брегамъ поспѣшаетъ,
Съ плачемъ и громкой мольбой: «небесами я васъ заклинаю!
Вышними васъ и вотъ этимъ свѣтиломъ небесъ животворнымъ!
Тевкры! возьмите меня и куда вамъ угодно везите.

Бо̀льшаго я не прошу. Сознаюсь, что единымъ изъ флота
Грайскаго былъ и оружьемъ Илійскихъ тревожилъ Пенатовъ.
Если ужъ такъ велико преступленіе это предъ вами,
Киньте въ морскую волну и въ пучинѣ великой сгубите.
Если ужъ гибнуть, пускай отъ десницы людской я погибну!»
Кончилъ и за ноги насъ ухватилъ и, въ ногахъ онъ валяясь,
Такъ и остался. Сказать, кто таковъ и какой онъ породы
Мы убѣждаемъ его и судьбины свои намъ повѣдать.
Вотъ и родитель, недолго подумавши, юношѣ руку
Съ миромъ даетъ и залогомъ великимъ его ободряетъ.
Страхъ отложивъ, наконецъ, онъ слова начинаетъ такія:

«Племенемъ я изъ Иѳаки, несчастнаго спутникъ Улисса,
Ахеменидомъ зовомый; подъ Трою, рожденъ Адамастомъ
Въ бѣдной судьбинѣ (о, еслибъ при ней и остался!) пошелъ я.
Здѣсь, какъ отъ страха дрожа, покидали свирѣпые праги,
Насъ позабывши, товарищи въ страшной пещерѣ Киклопа
Соннаго бросили. Домъ людоѣдскій и кровью облитый;
Темный внутри и огромный; хозяинъ высокой главою
Звѣзды толкаетъ; о боги! такую чуму истребите,
Тяжко смотрѣть на него, добрыхъ словъ отъ него не дождаться.
Плотью несчастныхъ и черною кормится кровію; самъ я
Видѣлъ, увы! какъ два жалкія тѣла изъ нашей дружины
Взялъ онъ огромной рукой, протянувшися навзничь въ пещерѣ;
Какъ ихъ объ камни разбилъ и облилися брызнувшей кровью
Стѣны его; видѣлъ самъ, какъ терзалъ онъ кровавые члены,
Теплые какъ у него на зубахъ трепетали суставы.
Впрочемъ не даромъ сошло: не стерпѣлъ вѣдь Улиссъ; и въ такомъ-то
Крайнемъ несчастіи вѣренъ остался себѣ Иѳакіецъ,
Ибо, лишь только, насыщенъ ѣдой и виномъ усыпленный,
Выю склонивъ, онъ свалился и легъ средь пещеры, огромный,
Пастью чудовищной кровь изрыгая и свѣжіе члены
Вмѣстѣ съ кровавымъ виномъ, тутъ, богамъ помолясь, и по жребью
Должности всѣмъ раздѣливъ, навалилися мы отовсюду;
Острымъ коломъ пробиваемъ чудовищу страшное око,
Кое одно у него подъ свирѣпымъ челомъ пламенѣло,
Словно бы щитъ Арголійскій великій иль Фебовъ свѣтильникъ.
Такъ наконецъ отомстили мы радостно дружнія тѣни. . . .

Впрочемъ бѣгите, бѣгите, несчастные! верви отъ брега
Рвите скорѣй! . . . . .
Ибо, каковъ Полифемъ въ исполинской пещерѣ витаетъ,
Въ ней замыкая косматыхъ овецъ и млеко извлекая,
Сто таковыхъ же сидятъ въ разсыпную при выгнутомъ брегѣ;
Сто несказанныхъ Киклоповъ и въ-горныхъ долинахъ блуждаютъ.
Третьи рога у сребристой луны ужъ наполнились свѣтомъ,
Я же все время въ дубравахъ живу и въ пустыняхъ звѣриныхъ
Вѣкъ свой бродячій влачу, со скалы открывая огромныхъ
Этихъ Киклоповъ вдали и дрожа отъ шаговъ ихъ и гласа.
Въ пищу несчастному жесткія ягоды твердаго дерна
Вѣтви даютъ и кореньями вырванныхъ травъ насыщаюсь.
Всюду и вѣчно глядя, въ первый разъ я сегодня увидѣлъ
Флотъ, подошедшій ко брегу и чьимъ бы онъ ни былъ, сдаюся
Нынѣ ему. Развѣ мало, что лютого рода избѣгну?
Лучше ужъ вы эту душу, какъ знаете, такъ и убейте!» 22).

Только окончилъ онъ рѣчи, какъ вдругъ на сосѣдней вершинѣ
Между овцами великой громадой идущаго къ морю
Пастыря зримъ Полифема: знакомаго ищетъ онъ брега;
Чудовище страшное, гнусное, лютое, съ отнятымъ зрѣньемъ.
Держитъ обломокъ сосны онъ въ рукахъ и шаги укрѣпляетъ.
Овцы косматыя тянутся, мужа единая радость,
Въ горѣ услада одна. . . . .
Вотъ, какъ достигнулъ бреговъ и къ волнамъ прикоснулся великимъ,
Ока пронзеннаго кровь начинаетъ смывать и отъ боли
Стонетъ, зубами скрипя; вотъ въ глубокомъ ужъ морѣ огромный
Ходитъ Киклопъ, а валы до высокихъ боковъ не достанутъ.
Въ страхѣ далеко бѣжать поспѣшаемъ и взявши охотно
Въ лодку просителя жалкаго, молча канатъ отрубаемъ,
Весла беремъ и, склонившись, усердно моря подгребаемъ.
Онъ услыхалъ и на голоса звукъ побѣжалъ, но напрасно.
Видя, что насъ ужъ никакъ онъ не можетъ десницей достигнуть,
Ниже съ волной Іонійскою въ бѣгѣ способенъ равняться.
Крикъ онъ ужасный подъемлетъ, отъ коего дрогнуло море
Вмѣстѣ съ заливами всѣми, смутилась Италіи область,
Взвыла кривыми вертепами оная страшная Этна.
Родъ же Киклоповъ изъ горныхъ лѣсовъ и съ вершинъ исполинскихъ

Разомъ ударился къ морю и берегъ собой покрываетъ.
Видимъ стоящихъ, напрасно вращающихъ лютое око
Братьевъ Этнейскихъ, подъ небо высокія главы несущихъ.
Страшное сборище! точно дубы поднебесные стали,
Сплывшись вершинами, иль шишконосныхъ толпа кипарисовъ.
Зевса дубрава высокая или Діанина роща.
Страхъ побуждаетъ бѣгущихъ куда бы то ни было ѣхать,
Снасти раскинуть и вѣтру попутному ввѣрить вѣтрило;
Слышится слово Гелена, что между Харибды и Скиллы,
Какъ бы ни ѣхали мы, недалече отъ гибели будемъ,
Кромѣ средины лишь самой: назадъ обращаться вѣрнѣе.
Вотъ между тѣмъ и Борей, отъ Пелорской тѣснины возставшій,
Посланъ на помощь; вдоль скалъ Пантагійскаго близкаго устья,
Вдоль Мегарійскихъ заливовъ и низкаго Ѳапса проходимъ.
Такъ называлъ ихъ, обратно по этимъ мѣстамъ проѣзжая,
Ахеменидъ Иѳакіецъ, несчастнаго спутникъ Улисса 23).

Островъ лежитъ у залива Сиканскаго, противъ бурливыхъ
Высей Племмирія; старые люди Ортигіи имя
Дали ему; говорятъ, что Элійскій Алфей подъ водами
Путь сокровенный сюда проложилъ и теперь, Ареѳуса!
Устьемъ твоимъ онъ сливается съ синей волной Тринакрійской.
Мѣстнымъ могучимъ богамъ, по приказу отца помолившись,
Тучныхъ полей достигаемъ, залитыхъ стоячимъ Гелоромъ.
Вотъ вдоль утесовъ высокихъ и выступовъ грозныхъ Пахина
Я проскользнулъ и уже обреченную вѣчному благу
Зримъ Камарину вдали и Гелойское ровное поле.
Вотъ и Акрагантъ нагорный великія стѣны широко
Намъ предъ очами открылъ, скакуновъ воспитатель грядущій;
Вотъ и тебя, Селинунтъ пальмоносный, дождавшись погоды,
Я покидаю и зыбь Лилибея межъ камней подводныхъ
Флотъ переплылъ; вотъ Дрепанъ и для Тевкровъ печальная вѣчно
Насъ принимаетъ страна. Здѣсь, пучинами столько испытанъ,
Горе! къ тому и отца, всѣхъ заботъ и всѣхъ бѣдствій усладу,
Я навсегда потерялъ; здѣсь меня, мой отецъ несравненный,
Кинулъ усталаго ты, изъ опасностей тщетно спасенный!
Этой бѣды ни Геленъ прорицатель, хоть много ужасныхъ
Бѣдствій предсказывалъ мнѣ, не предрекъ, ни лихая Келено.

Здѣсь наше горе послѣднее, здѣсь нашихъ странствій граница.
Насъ, отъ Дрепана отчалившихъ, къ вашему брегу примчало» 24).

Такъ-то Эней прародитель, одинъ предъ внимательнымъ сонмомъ,
Божьи судьбины вѣщалъ и про путь свой разсказывалъ Пунамъ.
Смолкнулъ и онъ наконецъ и, докончивъ разсказы, утихнулъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Антандръ—городъ у подножія Идейскаго хребта.

2) О Ликургѣ, царѣ ѳракійскомъ, было много преданій. Онъ, говорятъ, противился почитанію Вакха и преслѣдовалъ его самого, за что и погибъ несчастнымъ образомъ.

3) Діонея, т.-е. дочерь Діоны — одно изъ прозваній Венеры. Градивъ—латинское прозваніе бога Марта. Геты—одно изъ главныхъ ѳракійскихъ племенъ; здѣсь слово «гетскій» поставлено вмѣсто слова «ѳракійскій».

4) Островъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть Делъ или, какъ обыкновенно пишутъ, Делосъ, искони посвященный лукодержцу Аполлону. Эгейское море есть такъ-называемый Архипелагъ. Нереиды—дочери морского божества Нерея, внуки Океана, тоже, что морскія нимфы. Ихъ мать, жена Нерея, называлась Доридой. Аполлонъ родился на Делѣ, въ то время пловучемъ островѣ и укрѣпилъ его на мѣстѣ. Микона и Гіаръ—смежные острова.

5) Ѳимбрейцемъ Аполлонъ назывался отъ посвященнаго ему Троянскаго города Ѳимбры.

6) Лавръ считался деревомъ Аполлона.

7) Юпитеръ родился на Критѣ. Ретейскій мысъ находился въ Троянской землѣ. Богиня Кибела получила имя отъ горы Кибелы во Фригіи. Корибантами называли жрецовъ Кибелы, носившихъ съ собою мѣдные кимвалы. Гносъ—древняя столица Крита.

8) Идоменей—царь Критскій, одинъ изъ сражавшихся подъ Троей. По возвращеніи домой, онъ подвергся несчастіямъ, возстановивъ противъ себя народъ и былъ принужденъ переселиться со своими приверженцами въ Италію. Ортигія—древнее имя Делоса. Наксъ—посвященный Вакху, Паръ—извѣстный своимъ мраморомъ и другіе названные здѣсь острова принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ Кикладъ, то-есть круговыхъ, лежащихъ по серединѣ Архипелага. Куреты—суть древніе жители Крита. Созвѣздіе пса и его главная звѣзда Сиріусъ считались зловредными и производящими болѣзни.

9) Делій—прозваніе Аполлона. Дарданъ, зять Тевкра и второй родоначальникъ Троянъ, былъ родомъ изъ этрусскаго города Кориѳа. Іасій—братъ Дардана. Авзонія—древнее имя Италіи. Дикта—гора на Критѣ.

10) Строфадами звались два островка противъ западнаго берега Пелопонеса. Іонійское море находится между Италіей и Греціей. Гарпіи—полуженщины, полуптицы, которымъ приписывалась крайняя прожорливость. Онѣ были изъ племени Океана. Онѣ поѣдали пищу ѳракійскаго царя Финея и были прогнаны на Строфады Бореевыми дѣтьми, бывшими въ числѣ Аргонавтовъ. Стиксъ или правильнѣе Стигъ—главная адская рѣка.

11) Закинѳъ—одинъ изъ семи Іонійскихъ острововъ, нынѣ Занте. Сама—нынѣ Кефалонія, тоже изъ числа семи. Дулихій—малый островокъ по близости. Неритъ—гора на Иѳакѣ. Иѳака—островъ около Кефалоніи, изъ числа семи. Гора Левкатъ на Левкадѣ, нынѣ Санта-Маврѣ, одномъ изъ семи. Храмъ Аполлона—на материкѣ у города Актія. Мѣсто считалось опаснымъ для мореходовъ.

12) Феаки жили на островѣ Коркирѣ, нынѣ Корфу, одномъ изъ семи Іонійскихъ. Буѳротъ лежалъ на Эпирскомъ берегу въ такъ-называемой Хаоніи.

13) Послѣ взятія Трои сынъ Гектора, Астіанактъ, былъ убитъ греками, а его вдова, Андромаха, и братъ, жрецъ Геленъ, достались Пирру, сыну Ахилла. Пирръ имѣлъ Андромаху наложницей, а затѣмъ выдалъ ее за Гелена, самъ же сватался за Герміону, дочь Менелая, которую любилъ. Орестъ, сынъ Агамемнона, только недавно вернувшійся изъ изгнанія и отмстившій смерть отца на своей родной матери и ея мужѣ Эгисѳѣ. Герміона по матери Еленѣ была внука Леды. О Хаонѣ есть различныя преданія. Говорятъ, между прочимъ, что онъ принесъ себя въ жертву богамъ за спасеніе Гелена и его товарищей. Геленъ построилъ малую Трою, гдѣ были и зáмокъ Пергамъ и Скейскія ворота, какъ въ настоящей; былъ и Симоисъ, была и рѣка Ксанѳъ, но малая и безводная.

14) Кларій—прозваніе Аполлона, отъ Іонійскаго города Кларія, гдѣ находился одинъ изъ Фебовыхъ оракуловъ.

15) Волшебница Кирка или Киркея, дочь солнца, была родомъ изъ Колхиды и обитала на западномъ берегу Италіи, къ югу отъ Рима, сѣвернѣе Гаэты, на полуостровѣ, бывшемъ, по словамъ преданія, островомъ въ древности. Жители Нарикія въ землѣ Локровъ Опунтійскихъ, жившихъ противъ острова Эвбеи, послѣ взятія Трои основали въ Бруттіи городъ Локры. Идоменей поселился по близости Тарента, въ землѣ Саллентиновъ. Филоктетъ, одинъ изъ вождей, сражавшихся подъ Троей, поселился тоже въ Бруттіи, покинувъ свою родину Мелибею въ Ѳессаліи. Пелоръ—сѣверо-восточный мысъ Сициліи, противъ Мессинскаго пролива. Скилла и Харибда—морскія чудовища, воплощенія двухъ водоворотовъ, бывшихъ въ Мессинскомъ проливѣ и воспѣтыхъ еще Гомеромъ. Пахинъ—юго-восточный мысъ Сициліи. Кумы—древній городъ по близости Неаполя. Авернъ—находившееся тамъ же озеро, посвященное адскимъ богамъ. Въ этихъ мѣстахъ обитала пророчица или Сибилла.

16) Додонскій храмъ Зевса въ Эпирѣ считался древнѣйшимъ въ Греціи. Виргилій имѣетъ въ виду мѣдные сосуды, сходные съ тѣми, которые въ Додонѣ висѣли на деревьяхъ и по звону которыхъ гадали.

17) Хламида—верхняя одежда у грековъ. Эпиръ—южная треть прежней Албаніи; нынѣ большею частью присоединенъ къ Греціи.

18) Горы—дочери Зевса, богини времени у древнихъ. Оріонъ—одно изъ главныхъ созвѣздій.

19) Описываются пристань Венеры и зáмокъ Минервы въ Апуліи.

20) Нѣкоторыя преданія приписывали основаніе Тарента Геркулесу. Храмъ Юноны Лакиніи славился богатствомъ. Кавлонъ и Скилакей или Скелетій въ Бруттіи. Эти мѣста считались опасными для мореходцевъ. Маны—божества мертвыхъ. Киклопы (обыкновенно произносятъ Циклопы) были, по словамъ преданій, дѣтьми Нептуна, свирѣпыми одноглазыми исполинами, и жили въ Сициліи

21) Энкеладъ былъ въ числѣ Титановъ, побѣжденныхъ Юпитеромъ.

22) Виргилій повторяетъ и продолжаетъ извѣстный разсказъ Одиссеи объ Одиссеѣ (у Римлянъ Улиссѣ) и киклопѣ Полифемѣ.

23) Рѣка Пантагій, городъ Мегары и полуостровъ Ѳапсъ лежали между Этной и Сиракусами.

24) На Ортигіи, возлѣ мыса Племмирія, были основаны впослѣдствіи Сиракусы. Весьма извѣстное преданіе говоритъ, что рѣка Алфей (въ Элидѣ, въ Греціи), влюбившись въ нимфу источника Ареѳусы, гналась за ней черезъ море и догнала ее въ Сициліи. Рѣка Гелоръ сильно разливалась по временамъ и затопляла окрестности. У города Камарины находилось великое болото, которое оракулъ Аполлона будто бы запрещалъ уничтожать. Городъ Гела находился далѣе. Акрагантъ у римлянъ назывался Агригентомъ. Затѣмъ Эней проплылъ вдоль Селинунта, обогнулъ и третій главный мысъ Сициліи Лилибей, лежащій на западѣ острова, и присталъ къ городу Дрепану, на сѣверо-западѣ Сициліи.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

При описаніи встрѣчи Энея Геленомъ, послѣ стиха: «тотчасъ своихъ узнаетъ онъ» и пр. слѣдуетъ въ подлинникѣ стихъ:

Слезы обильныя князь со своими рѣчами сливаетъ.

И этотъ стихъ находятъ поставленнымъ некстати и потому сомнительнымъ. Затѣмъ въ концѣ послѣ стиха: «зримъ Камарину вдали» и пр. стоитъ:

Рядомъ и Гела видна, отъ рѣки получившая имя.

Эта Гела тоже, по всему вѣроятію, внесена переписчиками.

Сомнѣваются и насчетъ двухъ послѣднихъ стиховъ про Ахеменида, принятыхъ нами въ текстъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тяжкой кручиной межъ тѣмъ ужъ давно заболѣвши царица,
Язву питаетъ въ крови и снѣдается пламенемъ тайнымъ.
Многія доблести мужа и многая въ мысли приходитъ
Племени слава; вперяются въ грудь неподвижные взоры;
Слово коснѣетъ, спокойнаго сна не дадутъ ей заботы.

Вотъ ужъ другая Аврора съ лампадою Фебовой свѣтлой
Міръ обходила, съ небесъ удаляя росистыя тѣни.
Къ вѣрной сестрѣ обратясь, говоритъ нездоровая сердцемъ:
«Анна, сестра! что̀ меня за безсонницы ночью смущаютъ?
Въ наши дома что̀ за гость необычный недавно явился?
Что̀ за лицо у него! сколь онъ крѣпокъ доспѣхомъ и грудью!
Вѣрю, сестра! да и кто не повѣритъ, что божьей онъ крови.
Низкія души боязнь обличаетъ. Увы мнѣ! съ какими
Бился судьбинами онъ! про какія разсказывалъ войны!
Если бы не было въ сердцѣ моемъ рѣшено непремѣнно
Въ сладкія узы супружества впредь ужъ ни съ кѣмъ не вступать мнѣ,
Разъ, что привязанность первую лютая смерть обманула,
Если бы мнѣ не постыли свѣтильники брака и ложе,
Можетъ быть этимъ однимъ согрѣшить возмогла-бъ прегрѣшеньемъ.
Анна! признаюсь тебѣ: послѣ жалкой кончины Сихея,
Послѣ того, какъ разсыпались братнимъ злодѣйствомъ Пенаты,
Чувства мои онъ одинъ лишь затронулъ и твердую душу

Снова потрясъ, примѣчаю стариннаго пламени знаки.
Впрочемъ молю чтобы прежде земля подо мною разверзлась
Или перуномъ къ тѣнямъ преселилъ всемогущій родитель,
Къ блѣднымъ Эреба тѣнямъ, во глубокіе вѣчные мраки,
Чѣмъ твой уставъ, цѣломудріе! презрю и честь позабуду.
Тотъ, кто впервые со мной обручился, на вѣки похитилъ
Дѣвы любовь; пусть же ей и владѣетъ изъ самой могилы».
Такъ изрекла и слезами невольными грудь оросила [1]).

Анна въ отвѣтъ говоритъ: «о сестра! о дражайшая свѣта!
Ты ли одна изведешься отъ плача средь юности нѣжной,
Сладостныхъ чадъ и награды Венериной въ вѣкъ не познавши?
Прахъ и гробовые Маны ужели объ этомъ пекутся?
Пусть огорченной склонить не смогли женихи никакіе
Въ Ливіи здѣшней, а ранѣе въ Тирѣ; пусть Ярбъ былъ отвергнутъ
Вмѣстѣ съ иными вождями, которыхъ богатая славой
Кормитъ для подвиговъ Африка—сердцу-ль противиться станешь?
Иль позабыла, въ какихъ ты, сестра, поселилась предѣлахъ?
Слѣва жилища Гетуловъ, свирѣпаго въ битвахъ народа;
Тутъ же Нумиды безуздые; далѣе Сиртъ непривѣтный;
Справа пустынный отъ засухи край и далеко воюютъ
Злые Баркеи, но что же сказать про опасность изъ Тира,
Брата жестокаго гнѣвъ?...
Такъ, что едва ли не волей боговъ и совѣтомъ Юноны
Вѣтромъ ладьи Иліонскія къ нашему брегу примчало;
Градъ свой какимъ, о сестра, ты увидишь! какія возстанутъ
Царства при бракѣ подобномъ! союзниковъ Тевкровъ оружьемъ
Слава Пунійцевъ, подумай, насколько умножиться можетъ.
Только боговъ умоли и принесши имъ должную жертву,
Гостя ласкай, вымышляя предлоги, чтобъ путь отлагалъ онъ,
Бури пока на моряхъ съ Оріономъ дождливымъ бушуютъ,
Флотъ ихъ пока не починенъ, пока непривѣтливо небо» [2]).

Рѣчью такою возжегши, любовью сестру воспалила,
Вмѣсто сомнѣній надежду внушила и стыдъ разрѣшила.
Въ капища тотчасъ идутъ, чтобы волю безсмертныхъ извѣдать,
Тамъ по уставу отборныхъ овновъ на алтарь возлагаютъ

Давшей законы Керерѣ и Фебу съ Ліеемъ родимымъ,
Паче всѣхъ прочихъ Юнонѣ, которая браками правитъ.
Чашу въ десницѣ имѣя, прекрасная эта Дидона
Бѣлой коровѣ межъ острыхъ роговъ тутъ сама возливаетъ
Или боговъ предъ лицомъ вкругъ упитанныхъ требищъ обходитъ;
Жертвы свои удвояетъ и въ нѣдра закланныхъ животныхъ
Жадно глядитъ и дрожащую внутренность ихъ испытуетъ.
О, вы слѣпые гадатели! могутъ ли жертвѣ безумной,
Могутъ ли боги помочь? Пламень ласковый тихо снѣдаетъ
Нѣдра ея и подъ сердцемъ живетъ молчаливая рана.
Пышетъ Дидона несчастная, бродитъ по цѣлому граду,
Вся обезумѣвъ, она, точно лань, пораженная въ рощахъ
Острой стрѣлой, если издали пастырь въ дубравахъ Кресійскихъ
Выстрѣлилъ вдругъ на-удачу и мѣткимъ поранилъ желѣзомъ
Въ бокъ, самъ не зная того, а несчастная тщетно по дебрямъ
Мчится Диктейскимъ: тростникъ смертоносный въ боку остается.
Нынѣ по граду съ собой Иліонскаго витязя водитъ,
Кажетъ богатства Сидонянъ и городъ, для Тевкровъ готовый,
Хочетъ открыться и вдругъ на полсловѣ опять умолкаетъ;
Нина, какъ вечеръ наступитъ, въ палату къ себѣ зазываетъ,
Хочетъ безумная снова про бѣдствія Трои услышать;
Проситъ еще разсказать и съ разскащика взоровъ не сводитъ.
Вотъ, какъ разстанутся на ночь и мало-по-малу смягчаетъ
Свѣтъ свой луна и ужъ сонъ заходящія звѣзды внушаютъ,
Плачетъ въ палатѣ одна и на праздномъ Энеевомъ ложѣ
Солнце встрѣчаетъ. Его лишь заочно и видитъ и слышитъ;
Или, плѣненная сходствомъ, младого Іула на лонѣ
Держитъ своемъ, обмануть несказанное пламя пытаясь,
Медлятъ начатыя башни; уже молодежь позабыла
Въ ратныхъ трудахъ упражняться; ни пристани больше, ни твердыхъ
Града оплотовъ не строятъ; кругомъ цѣпенѣютъ работы:
Грозы великія стѣнъ и подмостки сравненныя съ небомъ 3).

Этой болѣзнью объятую зритъ Карѳагена царицу
Зевса драгая жена, ужъ забывшую стыдъ отъ безумства.
Вотъ обратилась Сатурнія съ рѣчью такою къ Венерѣ:
«Истинно громкую славу, трофеи обильные взяли
Ты и твой отрокъ; богами великими впредь прослывете,

Вы, что единую женщину два божества обманули.
Вижу, богиня, что новыхъ ты стѣнъ убоялася нашихъ,
Всѣ заподозривъ дома Карѳагена, великаго града.
Чѣмъ же мы кончимъ теперь и къ чему состязанья такія?
Лучше бы вѣчный намъ миръ заключить, а чтобъ былъ онъ прочнѣе,
Бракомъ союзы мы скрѣпимъ. Чего домогалась, имѣешь:
Пышетъ Дидона и въ самыя кости безумство пріяла.
Общимъ народомъ теперь мы на равныхъ правахъ двѣ богини,
Будемъ владѣть. Я согласна, чтобъ Тевкру служила царица,
Пуновъ приданыхъ своихъ подъ твою передавши защиту».

Ей, догадавшись, что съ хитростью рѣчи сіи говорила
Мысля Италіи царство на брегъ перевесть Африканскій,
Такъ отвѣчала Венера: «да кто-жъ бы настолько безумный
Сталъ отрекаться и войны съ тобой предпочелъ договору,
Если бы только успѣхомъ твой замыселъ могъ увѣнчаться.
Рока не зная, страшусь; сомнѣваюсь, чтобъ Зевсъ согласился
Городъ одинъ даровать и пришельцамъ Троянскимъ и Пунамъ,
Оба народа смѣшать и устроить супружество это.
Ты вѣдь жена: такъ тебѣ и удобнѣй упрашивать бога;
Дѣйствуй, а мы за тобой». Отвѣчаетъ царица Юнона:
«Я на себя это дѣло беру, а теперь, какъ достигнуть
Цѣли ближайшей, повѣдаю способы вкратцѣ, внимай же:
Мыслятъ заутра Эней и несчастная эта Дидона
Въ рощи на ловы идти, лишь впервые народамъ покажетъ
Ликъ свой Титанъ и лучами вселенную снова освѣтитъ.
Черную тучу на нихъ и съ дождемъ и съ губительнымъ градомъ,
Пугала ставятъ пока и дубравы сѣтями обводятъ,
Вылью съ высокихъ небесъ и громами встревожу все небо;
Спутники ихъ разбѣгутся и въ черномъ сокроются мракѣ.
Тутъ-то въ пещеру единую Дардановъ князь и Дидона
Вмѣстѣ войдутъ. Буду съ ними и, если ты вправду согласна,
Прочнымъ союзомъ обоихъ свяжу, чтобы ею владѣлъ онъ.
Такъ совершится ихъ свадьба». Не споря съ лукавой богиней,
Вмигъ согласилась и тщетному кову смѣется Венера 4).

Съ ложа возставъ между тѣлъ, Океанъ покидаетъ Аврора.
Идетъ съ разсвѣтомъ изъ вратъ молодежи отборной дружина;

Сѣти несутъ и тенета и копья съ великимъ желѣзомъ;
Всадники скачутъ Массилы и чуткихъ собакъ ополченье.
Въ спальнѣ царица замедлилась; ждутъ у порога палаты
Пуновъ сановники первые; златомъ и пурпуромъ блещетъ
Конь звонконогій и бразды онъ пѣной облитыя гложетъ.
Вотъ показалась сама, окруженная сонмищемъ многимъ,
Поясъ надѣвъ испещренный поверхъ Сидонійской хламиды.
Тулъ у нея золотой и завязаны въ золото косы,
Пряжка златая высоко стянула багряную ризу.
Вотъ и Фригійскіе спутники вмѣстѣ съ веселымъ Іуломъ
Къ ней собрались. Между всѣми прекраснѣйшій къ пышному сонму
Самъ примыкаетъ Эней и царицѣ сопутствовать хочетъ.
Точно когда свой зимовникъ Ликійскій и Ксанѳа потоки
Вновь покидаетъ и Делосъ родной Аполлонъ навѣщаетъ,
Хоры свои обновляя, и тучный алтарь обступивши
Креты гремятъ и Дріопы и пестрыхъ толпа Агаѳирсовъ.
Самъ по Кинѳійскимъ проходитъ холмамъ и вѣтвями младыми
Кудри волнистыя вяжетъ и золотомъ ихъ окружаетъ;
Стрѣлы звенятъ за плечами: таковъ же какъ онъ устремился
Бодрый Эней и такой же красой ликъ свѣтился прекрасный 5).

Только достигли возвышенныхъ горъ и тѣснинъ непроходныхъ,
Тотчасъ же дикія козы, поднятыя псами на высяхъ,
Ринулись внизъ; вотъ съ другого ужъ бока стрѣлою несутся,
Поле широкое въ бѣгствѣ своемъ измѣряя олени;
Въ пыльные сонмы стеклись и дубравы свои покидаютъ.
Отрокъ же юный Асканій въ долинахъ крутыхъ веселится,
Борзымъ конемъ то однихъ, то другихъ бѣглецовъ обгоняя,
Вышнихъ моля, чтобы въ сонмищѣ робкомъ внезапно явился
Пѣнистый вепрь или левъ золотой отъ лѣсистой вершины.

Рокотомъ громкимъ межъ тѣмъ огласилось смущенное небо;
Слѣдуетъ туча съ дождемъ проливнымъ и губительнымъ градомъ.
Тотчасъ Тирійцы полями, а съ ними и Тевкры младые
Кинулись всѣ въ разсыпную и внукъ Киѳереинъ Дарданскій
Въ страхѣ къ домамъ поспѣшаютъ: ужъ воды съ высотъ устремились.
Тутъ-то въ пещеру единую Дардановъ князь и Дидона

Входятъ вдвоемъ: мать земля и творящая браки Юнона
Знакъ подаютъ; запылали огни и свидѣтель союза
Воздухъ священный и взвыли на высяхъ дубравныя нимфы.
Этотъ-то день сталъ причиною первой и смерти и прочихъ
Бѣдъ роковыхъ; не смущаясь уже ни молвой, ни приличьемъ,
Тайной любви не желаетъ имѣть Карѳагена царица;
Бракъ призываетъ и этимъ названьемъ вину украшаетъ.

Тотчасъ же мчится Молва сквозь великіе Ливіи грады:
Эта Молва, что быстрѣе всего, что есть злаго на свѣтѣ,
Крѣпнетъ движеньемъ и силы свои на ходу умножаетъ;
Малой и робкой родившись, ужъ скоро подъ небо стремится;
Землю пятой попираетъ, а голову въ тучахъ скрываетъ.
Молвятъ, что матерь земля, на безсмертныхъ прогнѣвавшись древле,
Младшую эту сестру Энкелада и Кея Титановъ
Быструю бѣгомъ и крыльями въ гнѣвѣ своемъ породила.
Чудище страшное, тѣломъ огромное; сколько на тѣлѣ
Перьевъ у ней, столько-жъ глазъ есть подъ ними (и слушать-то дивно),
Столько же есть языковъ, столько-жъ устъ и ушей напряженныхъ.
Ночью летаетъ во мракѣ межъ небомъ и темной землею,
Крыльями свищетъ и сладкой дремотой очей не смыкаетъ.
Днемъ какъ на стражѣ сидитъ на вершинѣ палаты огромной
Или съ возвышенной башни смущаетъ великіе грады.
Столько-жъ защитница козней и лжи, сколько вѣстница правды,
Рѣчью она разноличной народы тогда наполняла,
Радуясь въ сердцѣ, равно о небывшемъ и бывшемъ гласила:
«Прибылъ съ дружиной Эней, отъ Троянскаго племени витязь;
Съ выходцемъ этимъ Дидона прекрасная, молвятъ, слюбилась;
Длинную зиму въ различныхъ забавахъ они коротаютъ,
Царства свои позабывъ и плѣненные страстью позорной».
Черныя рѣчи такія богиня вездѣ разсѣвала;
Вскорѣ оттуда къ Іарбу царю свой полетъ устремила;
Сердце ему возжигаетъ и злобу въ душѣ накопляетъ [6]).

Сей, Гарамантиды нимфы, Аммономъ похищенный, чадо,
Сто необъятныхъ Юпитеру храмовъ въ державѣ обширной,
Сто возградилъ алтарей и огонь посвятилъ ему вѣчный

Вмѣстѣ со стражею бдящей, а кровью закланныхъ животныхъ
Почву кругомъ утучнилъ и вѣнками врата изукрасилъ
Сей-то, въ душѣ обезумѣвъ, возженный мучительнымъ слухомъ,
Молвятъ, у требищъ святыхъ, предъ кумирами божьими много
Зевсу молился великому, руки въ мольбѣ воздѣвая:
«Юпитеръ, богъ всемогущій, ему же на вышитыхъ ложахъ
Нынѣ Маврусіи всѣ возливаютъ, пируя, Ленея!
Видишь ли это, отецъ? неужели, какъ молніи сыплешь,
Всуе боимся тебя и слѣпые огни устрашаютъ
Робкія души изъ тучъ и безцѣльно твой громъ завываетъ?
Женщина та, что блуждая въ предѣлахъ моихъ, заложила
Городъ ничтожный и деньги внесла, и которой я отдалъ
Берега часть для житья и владычество этого мѣста,
Бракъ мой отвергла, Энея-жъ теперь и въ цари принимаетъ
Такъ, что уже сей Паридъ съ полумужескимъ спутниковъ сонмомъ,
Въ кудряхъ душистыхъ, въ Меонской подъ горломъ завязанной митрѣ
Отнялъ невѣсту у насъ: знать за то, что тебѣ лишь приносимъ
Жертвы свои и гордимся пустой и ничтожною славой» 7).

Такъ онъ молился, руками священный алтарь обхвативши.
Внялъ всемогущій родитель и очи къ царицынымъ стѣнамъ
Тотчасъ направилъ, къ любовникамъ добрую славу забывшимъ.
Вотъ обратился къ Меркурію Зевсъ и приказъ объявляетъ:
«Сынъ, поспѣшай! созови всѣхъ Зефировъ и ринься на крыльяхъ
Къ Дардановъ князю, который въ Тирійскомъ теперь Карѳагенѣ
Медлитъ и данныя рокомъ ему отвергаетъ владѣнья;
Ты приступи и приказы мои пронеси по эѳиру.
Матерь прекрасная намъ не такимъ вѣдь его представляла,
Граямъ враждебнымъ его не для этого дважды изъяла.
Нѣтъ, для того, чтобъ чреватою царствомъ и лютою въ браняхъ
Витязь управилъ Италіей, Тевкровъ высокое племя
Онъ расплодилъ и вселенную всю преклонилъ подъ уставы.
Ежели подвиговъ славой такихъ онъ возжечься не можетъ,
Если для собственной славы къ трудамъ приступить онъ не хочетъ,
Сыну-ль Асканію въ Римскихъ твердыняхъ родитель откажетъ?
Что онъ затѣялъ? надѣясь на что, онъ живетъ межъ врагами,
Чадъ Авзонійскихъ забавъ и Лавинія тучное поле?
Въ море скорѣй! вотъ велѣнія сущность, вотъ съ чѣмъ ты отправленъ» 8).

Кончилъ. Родителя вышняго сынъ поспѣшаетъ исполнить
Волю святую; сначала златые таларіи къ пятамъ
Онъ привязалъ, на которыхъ паря, надъ землей и надъ моремъ
Вихря не тише летучаго въ быстромъ полетѣ стремится.
Жезлъ онъ пріемлетъ затѣмъ, коимъ блѣдныя души изъ Орка
Онъ вызываетъ, иные-жъ въ печальные Тартары сводитъ,
Сонъ и даетъ и отъемлетъ и жизнь полумертвымъ даруетъ.
Имъ-то погналъ онъ вѣтры и плыветъ сквозь бурливыя тучи.
Вотъ съ высоты ужъ и темя узрѣлъ и высокія плечи
Твердаго старца Атланта, что небо главой подпираетъ,
Старца Атланта, его же чело кедроносное вѣчно
Черною тучей обвито и вихремъ дождливымъ сѣчется.
Плечи стоятъ подъ снѣгами, потоки текутъ съ подбородка,
Иней и ледъ покрываютъ косматую бороду старца.
Тутъ-то впервые на крыльяхъ повисъ и полетъ задержалъ свой
Богъ Килленійскій, затѣмъ же всѣмъ тѣломъ къ водамъ онъ низвергся
Птицѣ подобно, что вдоль береговъ и межъ скалъ многорыбныхъ
Въ шумномъ полетѣ надъ самой несется поверхностью водной 9).

Только пятами крылатыми онъ Карѳагена коснулся,
Зритъ возводящаго зáмки и новые домы Энея.
Яспидомъ желтымъ украшенный мечъ при бедрѣ красовался;
Плащъ у него, багрецомъ Сидонійскимъ пылая, спускался
Съ доблестныхъ плечъ: одарила Дидона богатая друга
Всякимъ богатствомъ Тирянъ и оружья ему позлатила.
Тотчасъ накинулся богъ: «ты теперь Карѳагены высокой
Зиждешь основы, красивый женѣ воздвигаешь ты городъ,
Горе! о собственномъ царствѣ забывъ и о собственной славѣ.
Съ яснаго посланъ Олимпа самимъ я владыкой безсмертныхъ,
Небо и земли который своимъ божествомъ сотрясаетъ.
Онъ-то велѣлъ мнѣ пронесть по вѣтрамъ эти быстрыя рѣчи:
«Что ты задумалъ? надѣясь на что межъ Ливійцами медлишь?
Ежели подвиговъ славой толикихъ возжечься не можешь,
Если для собственной славы къ трудамъ приступить ты не хочешь,
Вспомни о сынѣ младомъ, объ надеждахъ наслѣдника Юла,
Коему царство Италіи, коему Римская область
Рокомъ обѣщаны». Рѣчи сіи провѣщавъ, Килленіецъ
Смертныя очи Энея, не выждавъ отвѣта, покинулъ;
Сгинулъ вдали и безслѣдно пропалъ, въ тонкій паръ обратившись 10).

Умъ потерялъ тутъ Эней, онѣмѣвъ передъ дивнымъ видѣньемъ,
Дыбомъ поднялись власы и пресѣкся отъ ужаса голосъ.
Въ страхѣ бѣжать поспѣшаетъ и сладкія страны оставить,
Вѣстью такой отъ боговъ и такимъ повелѣньемъ подавленъ.
Горе! но что-жъ онъ начнетъ и къ царицѣ безумной съ какою
Лестью приступитъ теперь и съ чего разговоръ онъ завяжетъ?
Мысли крылатыя онъ то туда, то сюда направляетъ,
Въ разныя стороны мчитъ ихъ и все до конца испытуетъ.
Въ долгихъ сомнѣніяхъ средство одно онъ за лучшее принялъ:
Тотчасъ Мнесѳея зоветъ и Сергеста съ могучимъ Серестомъ.
Флотъ снаряжать имъ велитъ и людей собирать на поморье,
Втайнѣ оружье готовить, причины-жъ внезапной тревоги
Знать про себя; между тѣмъ онъ, покамѣстъ благая Дидона,
Правды не зная, разрыва любви не страшится толикой,
Съ ней говорить попытается, выбравъ удобное время,
Выбравъ надежные способы. Съ радостью славные мужи
Слушаютъ рѣчи сіи и поспѣшно приказъ выполняютъ.

Лесть предузнала однако (влюбленную кто же обманетъ!)
Пуновъ царица; грядущее горе легко разгадала,
Всѣхъ и всего опасаясь. Шепнула ей на ухо та же
Злая Молва, что снастятъ корабли и сбираются въ море.
Въ гнѣвѣ лишилась ума и по цѣлому носится граду,
Словно святыни подъятой яримая видомъ Ѳіада,
Если урочныя оргіи возгласомъ Вакховымъ душу
Ей шевелятъ и стенаньемъ ночнымъ Киѳеронъ зазываетъ.
Вотъ наконецъ обратилась съ такими словами къ Энею:
«Какъ? даже скрыть ты надѣялся ужасъ такой, о, коварный!
Думалъ, что втайнѣ тебѣ наши царства удастся покинуть?
Или тебя ни любовь, ни врученная съ клятвой десница,
Ниже не трогаетъ видъ умирающей въ мукахъ Дидоны?
Ты при созвѣздіяхъ зимнихъ суда снаряжать поспѣшаешь,
По морю жаждешь идти сквозь свирѣпые ты Аквилоны!
Лютый! помысли: когда бы не къ чуждымъ полямъ, не къ безвѣстнымъ
Ты направлялся домамъ, но стояла-бъ высокая Троя,
Къ Троѣ самой чрезъ подобныя волны суда не поплыли-бъ.
Насъ ли бѣжишь? Такъ десницей твоей и слезами моими
Нынѣ молю, коли прочія средства сама потеряла,

Браками нашими, онымъ зачатымъ уже Гименеемъ!
Буде имѣю заслуги и если ты что-либо видѣлъ
Добраго въ домѣ моемъ, пожалѣй же о гибнущемъ домѣ:
Умыселъ страшный оставь, если есть еще мѣсто для просьбы.
Ради тебя и Ливійцевъ народъ и владыки Номадовъ
Насъ ненавидятъ и Пуны бранятъ; чрезъ тебя погубила
Стыдъ свой царица и то, чѣмъ я съ небомъ бывало равнялась:
Прежнюю славу. На гибель зачѣмъ же меня покидаешь,
Гость мой! увы! только это названье отъ мужа осталось!
Медлю зачѣмъ? Иль того дожидаюсь, чтобъ братъ мой свирѣпый
Стѣны разбилъ или въ плѣнъ чтобъ увлекъ насъ Іарбъ Гетуліецъ?
О, хоть бы нѣкое чадо зачать до разлуки успѣла
Я отъ тебя! хоть бы малый Эней, на тебя походящій,
Въ этой палатѣ игралъ и отца приводилъ мнѣ на память!
Мнится, не вовсе рабой и не вовсе презрѣнной была бы!» 11).

Такъ говоритъ. Повинуясь Юпитера слову, безстрастнымъ
Взоромъ смотрѣлъ и съ усиліемъ въ сердцѣ тоску подавлялъ онъ.
Вкратцѣ отвѣтилъ затѣмъ: «никогда не дерзну, о царица!
Оныхъ заслугъ отрицать, что могла-бъ безъ числа ты напомнить,
Ниже способенъ въ разлукѣ забыть про Элиссу, покамѣсть
Помню себя самого и душа этимъ тѣломъ владѣетъ.
Времени нѣтъ для подробной защиты. Не думалъ украдкой
Я убѣжать, успокойся, о брачныхъ же свѣточахъ вовсе
Не было рѣчи у насъ и въ такой мы союзъ не вступали.
Если-бъ согласно желаніямъ жить мнѣ судьба дозволяла,
Еслибы могъ я свободно устроить дѣла, то конечно
Трою свою и развалины сладкія отчаго дома
Я обиталъ бы. Стояли-бъ Пріама высокія стѣны,
Новые Пергамы я бы воздвигнулъ для Тевкровъ разбитыхъ.
Нынѣ къ великой Италіи плыть Аполлонъ намъ Гринейскій,
Ѣхать въ Италію намъ завѣщаетъ Ликійское слово.
Тамъ для меня и любовь и отечество. Видъ Карѳагена
Если тебя Финикіянку въ Ливіи жить заставляетъ,
Чтожъ запрещаешь Дарданскому роду въ землѣ Авзонійской
Градъ созидать? Вѣдь и намъ дозволительно царствъ домогаться
Днесь и Анхиса отца всякій разъ, какъ росистою тѣнью
Ночь одѣваетъ поля и какъ звѣзды огнистыя всходятъ,

Въ сонныхъ мечтахъ упрекаетъ меня и страшитъ гнѣвный призракъ.
Днесь и Асканій младой и любезнаго сына обида
Въ мысли приходятъ, его-жъ Гесперійскаго царства лишаю.
Вотъ и посланникъ боговъ, отъ Юпитера вышняго посланъ,
Сына главою клянусь! по вѣтрамъ окрыленное слово
Тевкрамъ принесъ. Видѣлъ самъ я въ сіяніи бога обычномъ
Въ стѣны вступившаго; уши мои гласъ небесный пріяли.
Мучить себя и меня перестань безполезнымъ упрекомъ.
Ѣхать приказано мнѣ. . . . .» 12).

Рѣчи внимала, давно ужъ скосивши свирѣпые взоры,
Очи вращая туда и сюда и всего оглядѣвши
Взоромъ безмолвнымъ, въ душѣ запылала и съ яростью молвитъ:
«Нѣтъ, не богиня тебя родила и не Дарданъ твой предокъ,
О вѣроломецъ! тебя породилъ изъ безчувственныхъ камней
Страшный Кавказъ, а вскормили Гирканскія злыя тигрицы.
Что мнѣ притворствовать дольше? чего мнѣ еще дожидаться?
Плачъ мой услышавъ, заплакалъ ли? взоры склонилъ ли къ подругѣ?
Пролилъ ли слезы невольныя? любящей скорбь раздѣлилъ ли?
Худшее можетъ ли быть? нѣтъ не взглянетъ на это Юнона,
Ниже Сатурній отецъ безмятежнымъ и ласковымъ окомъ.
Правды ужъ нѣтъ на землѣ! изъ пучины изринутый, нищій
Принятъ онъ былъ и безумная царство я съ нимъ раздѣлила!
Флотъ сохранила ему и товарищамъ жизнь даровала.
Горе, несчастную Фуріи жгутъ! вотъ и Фебъ прорицатель,
Вотъ и Ликійскій оракулъ, а вотъ и отъ самаго Зевса
Вѣстникъ боговъ по эѳиру свирѣпыя рѣчи приноситъ.
Вышнимъ какое до этого дѣло? уже ли спокойныхъ
Мучатъ заботы такія? тебя не держу и съ тобою
Въ споръ не вступаю: несись по вѣтрамъ, царствъ ищи на пучинахъ!
Впрочемъ надѣюсь, что ты, если боги еще не безсильны,
Кару межъ пагубныхъ скалъ испіешь и нерѣдко Дидону
Станешь по имени звать. И далекая пламенемъ чернымъ
Буду преслѣдовать; душу какъ смерть ледяная исторгнетъ,
Призракомъ всюду предстану. Заплатишь, невѣрный, заплатишь!
Горе услышу твое, къ дольнимъ Манамъ молва донесется!»
Тутъ, не окончивши рѣчь, на полсловѣ умолкла и въ горѣ
Свѣта бѣжала дневного, умчалась изъ глазъ и исчезла,

Кинувъ Энея, отъ страха готоваго многое молвить,
Въ страхѣ о многомъ смолчавшаго. Взяли больную рабыни;
Мраморной спальнѣ и ложу златому ее возвратили 13).

Благочестивый Эней, хоть печальную ласковымъ словомъ
Онъ успокоить желалъ бы и рѣчью разсѣять кручины,
Много стеня и великой любовью въ душѣ сотрясенный,
Волю боговъ исполняетъ однако и флотъ навѣщаетъ.
Вотъ принимаются Тевкры за дѣло и съ берега въ море
Всѣ совлекаютъ ладьи: ужъ купается киль осмоленный;
Весла вѣтвистыя, бревна съ корой волокутъ изъ дубравы,
Бѣгствомъ своимъ торопясь. . . .
Тутъ бы Дарданцевъ узрѣлъ ты изъ цѣлаго града текущихъ,
Словно толпу муравьевъ, какъ пшеницы великую груду
Грабятъ, о тягостной помня зимѣ, и подъ кровли относятъ.
Черное войско полями идетъ и сквозь травы добычу
Узкой тропою несетъ; вотъ плечами одни подпираютъ
Крупныя зерна, другіе-жъ усталыхъ идти понуждаютъ,
Ихъ упрекая за лѣность. Работой весь путь закипаетъ.

Мысли какія въ тебѣ, о Дидона, при видѣ подобномъ
Были тогда и какой испускала ты стонъ, созерцая
Съ башни высокой, какъ берегъ далече кипѣлъ и смущалось
Гласомъ толикой толпы предъ несчастною цѣлое море!
Злая любовь, о къ чему не понудишь ты смертнаго сердца?
Снова до слезъ низойти и къ моленіямъ новымъ прибѣгнуть
Страсть понуждаетъ, смирить предъ любовію гордую душу,
Средствъ не извѣдавши всѣхъ, чтобъ вотще не пришлось ей погибнуть.
«Анна! смотри: по всему ужъ торопятся берегу; видишь:
Люди сошлись отовсюду, ужъ парусъ вѣтры призываетъ;
Быстрыя кормы, ликуя, цвѣтами пловцы увѣнчали.
Еслибъ могла я сначала предвидѣть толикое горе,
Горе стерпѣла бъ, сестра! для несчастной одну лишь исполни,
Анна, мольбу; вѣдь тебя лишь одну уважаетъ преступный
Этотъ измѣнникъ; тебѣ онъ и тайны свои довѣряетъ;
Доступъ удобный къ нему и удобное вѣдаешь время.
Анна! иди и съ мольбой горделивому недругу молви:

Вмѣстѣ съ Данаями родъ истребить Илiонскій въ Авлидѣ
Я не клялась и къ Пергаму суда вѣдь не я посылала;
Тѣни и пепла Анхисовыхъ я не смущала въ могилѣ.
Что же вѣщаній моихъ не пріемлетъ онъ въ лютыя уши?
Что онъ торопится? пусть на прощанье послѣднюю просьбу
Выполнитъ онъ: пусть дождется вѣтровъ и удобнаго бѣгства!
Я не молю ужъ теперь о союзѣ нарушенномъ ономъ
Или чтобъ красный онъ Латій для насъ и державу покинулъ;
Жалкой отсрочки прошу: пусть безумію отдыхъ и время
Дастъ онъ, чтобъ свыклась съ печалью душа и судьбамъ уступила.
Только объ этомъ молю, надъ сестрой злополучною сжалься;
Если исполнишь мольбу, заплачу при кончинѣ сторицей» 14).

Такъ говорила Дидона, такія-то жалкія рѣчи
Бѣдная носитъ сестра, но никоимъ не тронулся плачемъ,
Ниже склонился душой на какія-бъ то ни было рѣчи.
Жребій препятствуетъ, богъ замыкаетъ доступныя уши.
Точно какъ старое древо могучаго твердаго дуба
Въ Альпахъ Бореи, то съ той, то съ другой стороны напирая,
Другъ передъ другомъ стараясь, крушатъ; слышенъ трескъ и всечасно
Прахъ устилаютъ, какъ дрогнетъ глава, поднебесныя вѣтви;
Въ камни впивается древо само и насколько вершиной
Въ небо уходитъ, настолько-жъ кореньями тянется въ Тартаръ:
Такъ-то могучій то съ той, то съ другой стороны непрестанной
Рѣчью терзался, великую въ сердцѣ тоску испытуя:
Духъ непреклоненъ; вотще изъ очей изливаются слезы.

Тутъ въ злополучьи своемъ устрашенная рокомъ Дидона
Смерть призываетъ; противно смотрѣть на небесные своды.
Умыселъ свой тѣмъ скорѣе исполнить и свѣта лишиться
Жаждетъ она, что недавно, когда на алтарь благовонный,
Жертвы лила, почернѣла, о страхъ! тутъ священная влага,
Въ скверную кровь возліянное вышнимъ вино обратилось.
Дива сего никому, ни сестрѣ не повѣдала самой.
Кромѣ того средь чертоговъ изъ мрамора храмъ находился
Прежняго мужа; великая почесть ему воздавалась;
Снѣжнымъ руномъ и торжественной зеленью былъ онъ увѣнчанъ.

Мнилось, что гласъ изъ него и супруга призывное слово
Къ ней донеслись, какъ землею туманная полночь владѣла,
Только одна на вершинѣ дворцовой въ напѣвахъ гробовыхъ
Часто стонала сова, точно плачъ испуская протяжный.
Страхъ умножаютъ въ душѣ и пророковъ святыхъ прорицанья
Многимъ вѣщаньемъ; безумную въ сонныхъ тревожитъ видѣньяхъ
Самъ раздраженный Эней; безпрестанно одна остается;
Долгимъ путемъ и безъ спутниковъ вѣчно ей снится, что бродитъ
Въ страхѣ она и Тирійцевъ въ пустыняхъ невѣдомыхъ ищетъ.
Точно безумный Пенѳей, какъ полки Эвменидъ предъ собою
Зритъ онъ и солнце двойное и Ѳивы двоякія встали,
Или Орестъ, Агамемноновъ сынъ, на театрахъ извѣстный,
Матери, свѣточемъ адскимъ грозящей и связкою змѣевъ
Онъ убѣгаетъ когда, а на прагѣ Эриніи сѣли 15).

Вотъ, какъ тоской побѣжденная Фурій пріяла и въ горѣ
Смерть присудила себѣ, тутъ для смерти и способъ и время
Въ сердцѣ избрала своемъ и къ печальной сестрѣ обращаясь.
Мысли таитъ на лицѣ, а чело просвѣтляетъ надеждой.
«Анна, поздравь! отыскалося средство, которое вскорѣ
Или его возвратитъ, или эту любовь уничтожитъ.
Тамъ при вечернихъ струяхъ Океана, при западѣ солнца
Крайній предѣлъ Эѳіоповъ лежитъ, гдѣ Атлантъ исполинскій
Ось обращаетъ плечомъ, прикрѣпленную къ звѣздамъ горящимъ.
Тамъ мнѣ изъ роду Массиловъ указана вѣщая жрица,
Стражъ Гесперидскихъ святилищъ, которая пищу дракону
Вѣчно даетъ и священные древа плоды охраняетъ,
Медъ возливая текучій и маки снотворные змѣю.
Чарой она похваляется всякую душу отъ скорби
Тотчасъ избавить, въ другія же души направить кручину;
Рѣкъ замедляетъ теченье и звѣзды назадъ обращаетъ;
Манъ вызываетъ ночныхъ; по приказу ея подъ ногами
Стонетъ земля и спускаются ясени съ горной вершины.
Милая! вышними днесь и тобой, о сестра! и твоею
Сладкой клянуся главой: противъ воли я къ чарамъ прибѣгла.
Сдѣлай во внутреннемъ дома притворѣ подъ сводомъ небеснымъ
Тайный костеръ и оружіе мужа, что въ спальнѣ покинулъ
Тотъ беззаконникъ, и ризы злодѣя и самое ложе,

Гибель мою, ты поставь на кострѣ: о супругѣ ужасномъ
Всякую память хочу истребить, да и жрица велѣла».
Рекши, умолкла и прежняя блѣдность лицомъ овладѣла.
Аннѣ на умъ не пришло, что неслыханной жертвой кончину
Хочетъ царица прикрыть и такого безумства постигнуть
Ей не дано и не ждетъ она горшего, чѣмъ по Сихеѣ.
Все исполняетъ сестра . . . . . 16).

Только воздвигся подъ небомъ, во храминѣ внутренней дома
Этотъ великій костеръ, изъ лучинъ и изъ падуба сложенъ,
Тотчасъ царица вѣнками его и надгробной вѣнчаетъ
Оной хвоей, а на одръ и одежды и мечъ позабытый
Съ образомъ мужа кладетъ, сознавая грядущее въ сердцѣ.
Вкругъ алтари возстаютъ и съ косою распущенной жрица
Триста боговъ возглашаетъ, Эребъ и Хаосъ призываетъ,
Кличетъ Гекату тройную, Діану триликую дѣву,
Влагой кропитъ, что Аверна струю для нея замѣняетъ.
Мѣдными сжаты серпами при мѣсяцѣ къ жертвѣ несутся
Сочныя травы, исполнены лютымъ млекомъ ядовитымъ,
Лошади новорожденной наростъ приворотный, что со лбу
Не дано матери снять . . . .
Вышнихъ мукою святой и руками воздѣтыми къ небу
Молитъ царица съ босою ногой, въ распоясанной ризѣ;
Ихъ передъ смертью зоветъ и свѣтила небесъ роковыя
Ставитъ въ свидѣтели; если для тѣхъ, что несчастно любили
Есть правосудный и помнящій богъ, пусть и онъ призовется 17).

Полночь была и тѣла утомленныя сладкій вкушали
Сонъ по землѣ; успокоились рощи и ярое море
Въ пору, какъ высшею катятся неба тропою свѣтила,
Всякое поле молчитъ: и стада и блестящія птицы:
Всѣ, что озера текучія, всѣ, что колючіе терномъ
Заняли холмы и сну предаются въ ночи молчаливой.
Только одна Финикіянка сердца отъ скорби ни разу
Сномъ разрѣшить не могла, не вкусили ни грудь, ни зѣницы
Нѣги ночной: удвояется скорбь и возставши бушуетъ
Съ новою силой любовь и приливъ закипаетъ свирѣпый.

Мыслямъ своимъ предается она и съ собой разсуждаетъ:
«Что же мнѣ дѣлать теперь? иль осмѣянной къ прежнимъ вернуться
Тѣмъ женихамъ и у дикихъ Номадовъ вымаливать брака,
Коихъ союзъ столько разъ былъ Пунійской царицей презрѣнъ?
Или быть можетъ за флотомъ пойду Иліонскимъ и Тевкрамъ
Стану рабой? Вѣдь пріятно имъ будетъ спасеннымъ Дидоной;
Помнятъ конечно они съ благодарностью прежнюю службу.
Только допуститъ ли кто и на гордыя примутъ ли лодки
Имъ ненавистную? или, безумная! ты не довольно
Знаешь и чувствуешь Лаомедонтова рода коварство?
Чтожъ? одинокой ли мнѣ за веселымъ бѣжать ополченьемъ
Или Тирійцевъ собравъ и своимъ окружившись народомъ,
Гнаться во слѣдъ и людей, что съ трудомъ оторвались отъ Тира
Въ море опять выгонять, чтобы съ бурями снова боролись?
Лучше умри по заслугамъ, желѣзомъ цѣлясь отъ кручины!
Ты, нашихъ слезъ не стерпѣвшая, ты этимъ горемъ безумной
Душу, сестра, отягчила, свирѣпому недругу выдавъ.
Брака не зная, невинной я жизни вести не съумѣла
Дикимъ подобно звѣрямъ и толикой кручины избѣгнуть.
Вѣрность нарушена, въ коей клялась я Сихееву праху!»
Пени и стоны такіе она изъ груди извлекала 18).

Князь на высокой кормѣ, ужъ увѣренный въ близкомъ походѣ,
Сномъ укрѣплялся, какъ слѣдуетъ все на судахъ изготовя.
Образъ божественный съ тѣмъ же лицомъ, что и прежде являлось,
Въ сонныхъ видѣньяхъ предсталъ и по прежнему мнилось грозилъ онъ
Всѣмъ походя на Меркурія: гласомъ и цвѣтомъ румянымъ,
Русой волною кудрей и украшеннымъ младостью тѣломъ.
«Чадо богини! дремотѣ возможно-ль теперь предаваться?
Или не видишь, какія опасности васъ обступили?
Или не слышишь, безумный! Зефира попутнаго голосъ?
Лесть и убійство свирѣпое въ сердцѣ она замышляетъ,
Съ жизнью простясь, и волнуется гнѣва приливомъ различнымъ.
Что-жъ ты не мчишься стремглавъ, если можешь еще это сдѣлать?
Вскорѣ смутятся отъ веселъ моря и свирѣпыхъ увидишь
Свѣточей блескъ; запылаетъ отъ лютаго пламени берегъ,
Если коснѣющихъ въ этой землѣ васъ застанетъ Аврора.

Ну же, медлительность прочь! Вѣдь измѣнчива вѣкъ и различна
Женщина». Такъ провѣщалъ и смѣшался онъ съ сумракомъ чернымъ.

Быстро очнулся Эней, устрашенный внезапною мглою.
На ноги тотчасъ вскочилъ и товарищей онъ понуждаетъ:
«Мужи! сейчасъ же вставайте, сейчасъ же садитесь за весла!
Парусъ сейчасъ распускайте! Съ эѳира высокаго посланъ,
Богъ поспѣшать намъ велитъ и канатъ разрубать намъ крученый.
Вотъ ужъ вдругорядь зоветъ. Повинуемся мы, о святѣйшій!
Кто бы ты ни былъ, и съ радостью новый приказъ выполняемъ.
Съ нами пребудь и любовно содѣйствуй и неба свѣтила
Намъ благосклонными сдѣлай!» Сказалъ онъ и мечъ молньеносный
Выхватилъ вмигъ и нагимъ по канату ударилъ желѣзомъ.
Пыломъ такимъ же весь людъ закипѣлъ: и хватаютъ и рвутся.
Брегъ опустѣлъ, подъ судами великое море сокрылось:
Пѣну клубятъ, налегая, гребцы и моря подметаютъ.

Новымъ сіяньемъ впервые вселенную всю окропляла,
Ложе златое Тиѳоново въ небѣ заря покидая.
Съ башни высокой царица, какъ первый разсвѣтъ забѣлѣлся,
Флотъ увидала, бѣгущій въ моряхъ на вѣтрилахъ надутыхъ,
Берегъ узрѣла пустой, безъ гребцовъ замолчавшую пристань;
Трижды, четырежды дланью прекрасную грудь поразила,
Вырвала русыя косы: великій Юпитеръ! уйдетъ онъ!
Царству и власти моей поругается дерзкій бродяга.
Какъ? и еще не взялись за оружье и городомъ цѣлымъ
Вслѣдъ не погнались? изъ пристани въ море ладей не помчали?
Пламя несите скорѣе! беритесь за стрѣлы, за весла!
Что я сказала и гдѣ я? Какимъ увлекаюсь безумствомъ?
О, ты Дидона несчастная! нынѣ ли видишь коварство?
Раньше-бъ смотрѣла, какъ царство сулила. Вотъ честь и десница
Мужа, Пенатовъ родныхъ что умчалъ, говорятъ, изъ пожара,
Дряхлаго старца отца что носилъ, говорятъ, на раменахъ!
Развѣ, схвативши его, не могла изрубить и по волнамъ
Трупъ разметать? не могла и людей и Асканія сына
Острымъ желѣзомъ убить и отцу предложить вмѣсто пищи?
Битвы успѣхъ былъ невѣренъ.—Пускай, но готовая къ смерти

Что потеряла бы я! Запаленный бы свѣточъ внесла я
Въ станы его и огонь въ корабли и сгубила-бъ всѣхъ вмѣстѣ:
Сына, отца и народъ, и себя погубила-бъ вдобавокъ.
Солнце, что наши земные труды освѣщаешь повсюду!
Брачныхъ посредница дѣлъ и знакомая съ ними Юнона!
Ночью по улицамъ съ воемъ Геката зовомая дикимъ!
Фуріи мщенья и вы, умирающей боги Элиссы!
Слушайте днесь и на злыхъ заслуженную кару сошлите,
Нашимъ моленіямъ внявъ. Если пристани долженъ достигнуть
Тотъ беззаконникъ и хочетъ судьба, чтобъ до суши доплылъ онъ,
Если ужъ требуетъ рокъ и такой ужъ предѣлъ постановленъ,
Пусть же народа свирѣпаго ратью тѣснимъ и оружьемъ,
Снова изгнанникомъ ставъ, изъ объятія вырванъ Іула,
Помощи проситъ вездѣ и кончину злосчастную узритъ
Кровныхъ своихъ, а когда на невыгодный миръ согласится,
Пусть же и тутъ ни державы, ни жизни желанной не вкуситъ,
Ранѣе срока падетъ и пескомъ онъ рѣчнымъ занесется!
Эти мольбы, этотъ гласъ вмѣстѣ съ кровью своей изливаю.
Вы же Тирійцы! и племя его и грядущихъ потомковъ
Вѣчной преслѣдуйте злобой и нашимъ костямъ воздавайте
Почесть сію: пусть не будетъ межъ васъ ни любви, ни союза.
Нѣкій отмститель изъ нашего праха пускай зародится,
Родъ Иліонскихъ мужей чтобъ губилъ и огнемъ и желѣзомъ
Нынѣ и присно, во всякое время, какъ силу почуетъ.
Бреги брегамъ пусть противятся, волны враждуютъ съ волнами,
Такъ заклинаю; съ мечами мечи! пусть и правнуки бьются!»
Такъ говорила и въ разныя стороны умъ направляла
Какъ бы скорѣй и вѣрнѣй ненавистную жизнь уничтожить.
Въ краткихъ словахъ обращается къ Баркѣ, кормилица мужа
Такъ какъ своя чернымъ прахомъ на родинѣ прежней лежала.
«Анну сестру! о кормилица милая! кличь поскорѣе.
Молви, чтобъ тѣло потокомъ рѣчнымъ поспѣшила увлажить,
Жертвенный скотъ привела и со всѣмъ, что указано жрицей.
Къ мѣсту пришла; и сама повяжись непорочной повязкой.
Жертву Стигійскому Зевсу, начатую мной по уставу,
Нынѣ хочу довершить и отъ скорби избавиться тяжкой...»
Такъ говоритъ. Ускоряетъ усердіе дряхлыя ноги 19).

Дѣломъ спѣша и отъ пагубныхъ думъ обезумѣвъ, Дидона,
Очи кровавыя движа, дрожащія щеки имѣя
Въ пятнахъ зловѣщихъ и смертно блѣдна отъ кончины грядущей,
Яро бѣжитъ на костеръ и Дарданскую сталь обнажаетъ,
Горе! не къ службамъ такимъ поднесенный подарокъ Энея;
Вотъ, какъ Троянскія ризы и это знакомое ложе
Видитъ она, тутъ, немного замедлясь отъ плача и думы,
Пала на пагубный одръ и послѣднюю рѣчь начинаетъ:
«Сладкіе сердцу останки, пока богъ и рокъ дозволяли!
Душу примите сію и отъ горестей сихъ свободите!
Въ мірѣ жила и судьбами назначенный путь совершила;
Нынѣ великою тѣнью пойду въ преисподнія страны.
Градъ знаменитый поставила, стѣны свои созерцала,
Мужа отмстила, отъ лютаго брата возмездье взяла я.
Звали-бъ блаженной, о, слишкомъ блаженной меня, еслибъ только
Нашего брега во вѣкъ не касались ладьи Дарданійцевъ...»
Смолкла и къ ложу устами прильнувъ: «умереть безъ отмщенья...
Что же? умремъ», говоритъ. «Да, вотъ этою самою смертью;
Пламя мое отъ далекихъ пучинъ пусть же видитъ жестокій
Дардановъ князь и предвѣстіе смерти съ собой пусть уноситъ».

Молвитъ и прежде чѣмъ звуки умолкли, на мечъ смертоносный
Падшую спутники зрятъ и ужъ пѣнится кровью желѣзо.
Руки лежатъ неподвижно раскинуты. Воплемъ высокій
Грянулъ дворецъ и по дрогнувшимъ стогнамъ молва полетѣла.
Плачемъ зловѣщимъ и стономъ и женскимъ отчаяннымъ воемъ
Стѣны домовъ сотрясаются, плескомъ наполнился воздухъ,
Точно какъ еслибы рушился недруговъ хищныхъ вторженьемъ
Весь Карѳагенъ или Тиръ стародавній и лютое пламя
Съ бѣшенымъ ревомъ по кровлямъ боговъ и людей проносилось.
Внемлетъ, безъ памяти ставъ, и въ поспѣшномъ и трепетномъ бѣгствѣ,
Щеки ногтями пятная и дланями грудь поражая,
Мчится сквозь сонмы сестра и зоветъ полумертвую съ кликомъ:
«Вотъ, что таилось, подруга! Меня обмануть ты рѣшилась!
Вотъ, что готовилъ костеръ и огни и алтарь умышляли!
Плачъ мнѣ съ чего-жъ одинокой начать? Погнушалась сестрою,
Спутницей ты! Для чего и меня къ симъ судьбамъ не призвала?
Насъ бы единая скорбь унесла и единое время.

Сими руками затѣмъ ли воздвигла его и отцовскихъ
Звала боговъ, чтобъ жестокая здѣсь безъ меня ты лежала?
Ты и меня умертвила, сестра! и народъ и старѣйшинъ
Пунскихъ сгубила, и собственный градъ. Дайте влагою рану
Злую омыть и, дыханье послѣднее если осталось,
Ртомъ мнѣ его воспринять!» Такъ сказавъ, по высокимъ ступенямъ
Всходитъ она и сестру полумертвую грѣетъ въ объятьи,
Стонъ издавая и ризами черную кровь обтирая.
Та, попытавшись тяжелыя очи поднять на мгновенье,
Клонится вновь и подъ сердцемъ свиститъ смертоносная рана.
Трижды старалась привстать и на локоть съ трудомъ опираясь,
Трижды вращалась на ложѣ; очами бродящими въ небѣ
Свѣта искала дневного и свѣтъ увидавъ, застонала.

Тутъ-то царица Юнона, надъ долгимъ мученьемъ и трудной
Сжалясь кончиною сей, посылаетъ Ириду съ Олимпа,
Тѣла суставы и спорящій духъ чтобъ скорѣй разрѣшила.
Ибо затѣмъ, что не рокомъ она, не законною смертью
Гибла теперь, но до срока, отъ ярости сердца внезапной,
Русаго волоса ей не успѣла еще Прозерпина
Съ темени снять и главу посвятить для Стигійскаго Зевса.
Вотъ на златыхъ росоносныхъ крылахъ по эѳиру Ирида,
Тысячу красокъ различныхъ влача за собой противъ солнца,
Съ неба слетаетъ и ставъ надъ главой: «по приказу вручаю
Диту святыню его и отъ тѣла тебя разрѣшаю».
Такъ говоритъ и десницею власъ отсѣкаетъ и тотчасъ
Тѣла разсыпался жаръ, а душа на вѣтрахъ унеслася [20]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эребъ—одно изъ именъ преисподняго міра.

2) Ярбъ—царь Гетуловъ, народа, жившаго на границѣ Африканскихъ степей. Карѳагенъ былъ построенъ будто бы на его землѣ. Онъ неудачно сватался за Дидону. Нумиды жили въ теперешнемъ Алжирѣ. Они называются безуздыми, потому что будто бы не употребляли уздъ. Баркеи—жители города Барки или Кирена, впослѣдствіи ставшаго Греческой колоніей.

3) Кресійскій—то же что Критскій. Дикта—гора на Критѣ.

4) Солнце считалось богомъ изъ племени Титановъ, происходившихъ отъ Неба.

5) Массилами звали народъ, обитавшій въ восточной части Нумидіи, т.-е. Алжира. Древніе полагали, что Аполлонъ проводитъ шесть мѣсяцевъ въ Ликійскомъ городѣ Патарахъ, а на лѣто переселяется въ Делосъ. Ликія—полуостровъ на южномъ берегу Малой Азіи. Въ Делосъ ежегодно приходили посольства отъ окрестныхъ народовъ съ дарами богу. Креты—это Критяне; Дріопы—старинное племя въ сѣверной Греціи. Агаѳирсы жили въ Трансильваніи; они, говорятъ, расписывали себя красками. Здѣсь они стоятъ собственно вмѣсто Гипербореевъ, миѳическаго народа, жившаго на крайнемъ сѣверѣ, который въ древнія времена будто бы тоже присылалъ дары Аполлону. Кинѳъ—гора на Делосѣ. Отъ нея Аполлонъ носитъ эпитетъ Кинѳія.

6) Титаны, происходившіе отъ Урана или Неба и отъ матери Земли, воевали со своими родственниками, Олимпійскими богами и были ими заключены въ Тартарѣ. На это прогневалась общая прародительница Земля.

7) Египетскаго бога Аммона, почитавшагося въ степномъ оазисѣ, лежавшемъ на западъ отъ Египта, Греки и Римляне отождествляли со своимъ Зевсомъ. Маврусіи и Мавры жили въ Мавританіи, къ западу отъ Нумидіи, но здѣсь это слово употреблено въ общемъ смыслѣ. Леней — греческій эпитетъ Вакха, произведенный отъ слова, означающаго корыто, въ которомъ давятъ виноградъ. Меоны—то же, что Лидійцы. Трояне были одного съ ними племени. Ярбъ упрекаетъ ихъ за изнѣженные азіятскіе обычаи. Такіе упреки мы еще не разъ встрѣтимъ въ Энеидѣ.

8) Венера спасла Энея въ первый разъ, унеся его изъ боя, какъ разсказано въ Иліадѣ, а другой разъ по взятіи Трои.

9) Тартаръ—одно изъ названій подземнаго міра; оно въ большинствѣ случаевъ означаетъ мѣсто наказанія грѣшниковъ. Атлантъ, поддерживающій небо, есть олицетвореніе Атлантійскаго или, какъ обыкновенно говорятъ, Атласскаго хребта въ Мавританіи, на границѣ міра, извѣстнаго древнимъ. Киллена — есть гора въ Аркадіи, на которой будто бы родился Меркурій. Таларіи (латинское слово) суть искусственныя крылья, которыя Меркурій носилъ на пятахъ. Меркурію поручалось водить мертвыхъ въ подземный міръ; онъ же и выводилъ ихъ оттуда, если это требовалось.

10) Яспидъ—драгоцѣнный камень.

11) Ѳіада или по-русски бушующая, есть названіе женщинъ, посвятившихъ себя временно Вакху. Киѳеронъ—гора въ Віотіи, на которой происходили обыкновенно Вакховы оргіи. Гименей—богъ брака, иногда же самый бракъ. Номады то же, что Нумиды. Это слово греческое и означаетъ кочевниковъ. Нумиды—кажется латинская форма того же слова.

12) Элисса—другое имя Дидоны. Иные объясняютъ, что Дидона только прозваніе и значитъ героиня. Городъ Гринея былъ въ Малой Азіи по близости Трои. Тамъ почитался Аполлонъ и былъ его оракулъ.

13) Гирканы жили въ сѣверной Персіи при Каспійскомъ морѣ.

14) Авлида—городъ при Эвбейскомъ проливѣ. Изъ нея Греки отправились къ Троѣ.

15) Пенѳей, Ѳиванскій царь и Орестъ, сынъ Агамемнона, оба были пре-

слѣдуемы Фуріями или Эриніями; первый за оскорбленіе Вакха, а второй за убійство своей матери Клитемнестры.

16) Гесперидскіе сады съ золотыми яблоками помѣщались преданіями на западныхъ берегахъ океана, въ предѣлахъ Африки. Ихъ сторожилъ драконъ. Три Геспериды были дочери Ночи.

17) Падубъ—вѣчно зеленое дерево, растущее въ теплыхъ странахъ Европы. Оно даетъ хорошія дрова. Гекатой называлась Діана, какъ подземная богиня. Она же считалась богиней мѣсяца подъ именемъ Селены, почему и называется триликой. О наростѣ на лбу новорожденныхъ жеребятъ, который будто бы съѣдала сама мать, было много толковъ въ древности.

18) Лаомедонтъ, по словамъ преданій, обманулъ Нептуна и Аполлона, которые взялись поставить стѣну вокругъ Трои, не заплативъ имъ обѣщанной платы, за что и былъ наказанъ.

19) Тиѳонъ, князь изъ Троянскаго рода, мужъ Авроры. Смерть Энея, по словамъ преданій, приключилась та же самая, что пророчила Дидона. Онъ палъ убитый въ сраженіи, въ рѣку Нумикій и сдѣлался мѣстнымъ богомъ. Мститель, о которомъ она говоритъ, есть Аннибалъ. Барканоситъ родовое прозваніе Аннибала и Виргилій, очевидно, выставляетъ ее какъ родоначальницу великаго полководца.

20) Ирида—вѣстница Юноны. Дитъ—тоже, что Плутонъ, мужъ адской богини Прозерпины. Онъ же Зевсъ Стигійскій, т.-е. подземный, называется же такъ отъ адской рѣки Стикса.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

При описаніи полета Меркурія послѣ стиха: «Въ шумномъ полетѣ надъ самой» и пр., стоятъ слѣдующіе три стиха:

Такъ-то и въ ту пору онъ межъ землями леталъ и высокимъ
Небомъ и Ливіи брегомъ песчанымъ, вѣтры разсѣкая,
Дѣда по матери видѣвъ въ пути, Килленійское племя.

Дѣло въ томъ, что мать Меркурія была дочерью Атланта. Это вычурное мѣсто, конечно, не принадлежитъ Виргилію.

При описаніи ночныхъ думъ Дидоны, послѣ стиха: «Заняли холмы и сну» и проч, слѣдуетъ не находящійся въ лучшихъ рукописяхъ и весьма сомнительный стихъ:

Всѣ услаждали заботы и сердцемъ труды забывали.

Нѣкоторые полагаютъ, что и два, вскорѣ слѣдующіе стиха: «Новымъ сіяньемъ впервые вселенную всю окропляла» и слѣдующій—поставлены здѣсь по ошибкѣ, но намъ сдается, что съ ними мѣсто выходитъ много лучше и что доказательствъ ихъ неподлинности вовсе нѣтъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Путь свой Эней между тѣмъ на судахъ ужъ свершалъ, и дорогой
Вѣрной плывя, отъ Борея чернѣющій понтъ разсѣкалъ онъ,
Взоры ко стѣнамъ стремя, что уже злополучной Элиссы
Пламенемъ смертнымъ блистали. Откуда толикое пламя,
Тевкры не знаютъ, но вѣдомо имъ отъ любви оскорбленной
Что происходитъ, что женщина ярая сдѣлать способна;
Знаменье чуя дурное, по волнамъ они проносились.

Только достигли открытаго моря суда и ни коей
Больше не видно земли: только небо кругомъ и пучины,
Тутъ надъ главами у нихъ собирается синяя туча,
Бурю и ночь принося—и взбугрилися волны во мракѣ.
Кормчій ужъ самъ, Палинуръ, отъ высокой кормы возглашаетъ:
«Тучи такія, увы! для чего небеса окружили?
Что замышляешь, родитель Нептунъ?» такъ сказалъ и поспѣшно
Снасти собрать онъ велитъ и налечь на могучія весла;
Въ сторону парусъ скосилъ и такую онъ рѣчь начинаетъ:
«О веледушный Эней! хоть бы Юпитеръ въ томъ поручался,
Странъ Италійскихъ при небѣ такомъ не надѣюсь достигнуть.
Вотъ измѣнившись гремятъ и отъ чернаго запада встали
Въ силѣ вѣтры и сгущается въ темное облако воздухъ.
Съ ними напрасна борьба и не сможемъ мы выдержать столько;
Разъ, что судьба побѣждаетъ, покорствовать ей подобаетъ.
Зову послѣдуя, путь свой измѣнимъ. Отъ насъ далеко

Эрика братнія царства и пристань Сиканская будутъ,
Если свѣтила знакомыя правильно вновь вычисляю».
Набожный молвитъ Эней: «да и точно давно ужъ желаетъ
Буря сего и ужъ вижу давно, какъ ты борешься тщетно.
Что-жъ? обращай паруса. Развѣ могъ бы я съ радостью большей
Къ странамъ какимъ то ни было флотъ утомленный причалить,
Нежели къ сей, что Акеста Дарданца для насъ сберегаетъ,
Кости Анхиса родителя въ лонѣ своемъ заключая».
Такъ говоря, поспѣшаютъ къ землѣ. Вотъ Зефиромъ попутнымъ
Парусъ надулся, несется на быстрыхъ струяхъ ополченье.
Радости полны, знакомыхъ песковъ наконецъ достигаютъ [1]).

Издали съ темени горнаго взоромъ признавъ изумленнымъ
Флотъ и союзныя кормы, на-встрѣчу Акестъ выбѣгаетъ,
Дротовъ четой и Ливійской медвѣдицы шерстью щетинясь.
Матерь, Троянка его, отъ Кримиса потока зачавши,
Здѣсь родила. Не забылъ повелитель о праотцахъ древнихъ;
Тевкровъ съ возвратомъ поздравилъ и сельскій избытокъ непышный
Имъ предлагаетъ и братскимъ сокровищемъ тѣшитъ усталыхъ [2]).

Только съ востока росистаго звѣзды ночныя изгнало
Ясное утро, товарищей всѣхъ собираетъ на сходку
Славный Эней и съ кургана высокаго такъ возглашаетъ:
«О Дарданиды великіе, племя высокое Зевса!
Вотъ ужъ скончалися луны и кругъ завершился годичный
Съ оной поры, какъ святаго родителя прахъ и останки
Скрыли въ землѣ и печальные мы алтари посвятили.
Мнится, тотъ день наступаетъ, что вѣчно плачевнымъ для сына,
Вѣчно почтеннымъ пребудетъ: такъ боги ужъ мнѣ даровали.
Если бъ засталъ онъ меня въ Гетулійскихъ изгнанникомъ Сиртахъ
Или въ моряхъ Арголійскихъ плѣненнымъ и въ самой Микенѣ,
Даже и тутъ бы годичный обѣтъ и законную тризну
Выполнилъ я и дарами своими алтарь изукрасилъ.
Нынѣ же къ самымъ костямъ и къ отцовскому самому праху
(Врядъ ли безъ вѣдома вышнихъ, безъ воли божественной неба)
Прибыли мы и вѣтрами направлены въ дружнюю пристань.
Къ дѣлу приступимъ же днесь и отпразднуемъ радостный праздникъ;

Будемъ молить о вѣтрахъ и что-бъ далъ намъ отецъ ежегодно
Въ собственномъ градѣ и въ храмѣ, ему посвященномъ, сбираться.
По два вола Иліономъ рожденный Акестъ обѣщаетъ
Вамъ на ладью, призовите на трапезу отчихъ Пенатовъ
Съ оными вмѣстѣ, которыхъ хозяинъ Акестъ почитаетъ.
Кромѣ того, если только Аврора девятая смертнымъ
Радостный день возвратитъ и вселенную снова освѣтитъ,
Тевкрамъ сперва состязаніе быстрыхъ судовъ назначаю;
Вслѣдъ же за нимъ, кто ногами гораздъ или вѣруетъ мышцамъ,
Или съ копьемъ выступаетъ иль легкой гордится стрѣлою,
Или дерзаетъ сраженье на цестѣ суровомъ затѣять,
Пусть соберутся ко мнѣ, добиваясь заслуженной пальмы.
Нынѣ умолкните всѣ и листвой по вискамъ повяжитесь» 3).

Такъ говоритъ и чело осѣняетъ онъ матернимъ миртомъ;
Тоже Гелимъ сотворилъ, тоже самое съ мощнымъ Акестомъ
Отрокъ Асканій, а слѣдомъ за ними и все ополченье.
Такъ-то средь тысячъ толикихъ направился вождь изъ совѣта
Къ холму надгробному,—сонмищемъ многимъ кругомъ огражденный.
Тамъ по обычаю двѣ безпримѣсныя Вакховы чаши
Онъ возливаетъ и по двѣ млека и священныя крови;
Яркіе сыплетъ цвѣты и такую онъ рѣчь возглашаетъ:
«Радуйся паки, родитель святой! поклоняемся праху
Всуе блюдомому, тѣни отца и душѣ непорочной;
Не дано сыну полей роковыхъ и границъ Италійскихъ;
Ниже Авзонскаго онаго Тибра съ тобою достигнуть!» 4).

Только сказалъ онъ, какъ вдругъ скользкій змѣй изъ святилищъ подземныхъ
Семь необъятныхъ круговъ, семь великихъ узловъ извлекаетъ;
Холмъ обвиваетъ любовно и къ жертвамъ главою стремится.
Въ синихъ отмѣтинахъ тылъ и пятнистымъ сіяніемъ злата
Блещетъ на немъ чешуя, точно радуга въ небѣ сквозь тучи
Тысячи красокъ различныхъ струитъ, освѣщенная солнцемъ.
Диво узрѣвъ, ужаснулся Эней. Въ безконечныхъ изгибахъ
Змѣй до патеръ и до кубковъ, подползши, устами коснулся,
Яства отвѣдалъ и снова, безвредный и кроткій, подъ своды

Холма надгробнаго скрылся, алтарь посѣщенный покинувъ.
Жертвы тѣмъ паче Эней умножаетъ, въ душѣ сомнѣваясь,
Геній ли мѣста иль отчій сожитель предъ нимъ появлялся;
Тотчасъ родителю двухъ по уставу ягнятъ заколаетъ,
Столько же тучныхъ приноситъ свиней и тельцовъ черноспинныхъ,
Вина струитъ изъ патеръ и зоветъ онъ въ молитвахъ Анхиса
Душу великую, Манъ, приходящихъ изъ странъ Ахеронта.
Также и прочіе Тевкры, на сколько кто сможетъ, съ весельемъ
Жертвы несутъ и алтарь отягчаютъ, тельцовъ заколая;
Ставятъ иные котлы и на дернѣ кругомъ размѣстившись,
Угли подъ вертелы сыплютъ и мясо священное жарятъ.

День ожидаемый близился, въ ясномъ сіяніи мчали
Къ намъ Фаэтонтовы кони Аврору девятую въ небѣ;
Всѣхъ ужъ сосѣдей молва и великое имя Акеста
Съ мѣстъ подняла; наполняютъ веселымъ собраніемъ берегъ:
Зрѣть Энеадовъ хотятъ, а иные и счастья отвѣдать.
Вотъ предъ очами бойцовъ полагаютъ средь круга награды:
Зелени свѣжей вѣнки и святые треножники съ ними;
Пальмы побѣдъ воздаянье и рядомъ оружье драгое,
Злата талантъ и талантъ серебра и багряныя ризы.
Съ холма высокаго игоръ зачало труба возвѣщаетъ 5).

Тяжкими веслами тутъ начинаютъ гребцовъ состязанье
Четверо сходныхъ судовъ, изъ Троянскаго выбранныхъ флота.
Быструю гонитъ Пилу удалыми Мнесѳей моряками
(Вскорѣ Мнесѳей-Италіецъ, отъ коего Меммiевъ племя);
Страшной громадой Гіантъ исполинскую движетъ Химеру;
Граду подобную, въ три ряда сѣвъ, молодые Дарданцы
По морю мчатъ и въ три ряда вздымаются мощныя весла.
Вотъ и Сергестъ, отъ котораго Сергіи приняли имя,
Сѣлъ на Кентавра великаго; вотъ и на синюю Скиллу
Всходитъ Клоанѳъ, прародителемъ будетъ онъ римскихъ Клуэнтовъ 6).

Есть въ океанѣ скала, вдалекѣ отъ бреговъ опѣненныхъ.
Волны, высоко вздуваясь, скалу поражаютъ и топятъ,

Зимніе Коры когда въ облакахъ сокрываютъ свѣтила.
Въ тихую пору молчитъ и средь волнъ неподвижныхъ подъемлетъ
Площадь свою и на солнцѣ пристанище сладкое чайкамъ.
Тамъ-то родитель мету изъ зеленаго падуба сдѣлалъ:
Цѣль морякамъ, чтобы знали, откуда назадъ обращаться.
Слѣдуетъ имъ и далекій свой бѣгъ загибать на пучинахъ.
Вотъ занимаютъ по жребію мѣсто, на кормахъ высокихъ
Златомъ сіяютъ вожди и багрянцемъ далеко блистаютъ.
Зеленью тополя главы свои молодежь осѣнила.
Скользкимъ елеемъ облитыя, свѣтятся плечи нагія.
Сѣли на лавкахъ и къ весламъ ужъ руки свои устремили;
Духъ устремивъ, ожидаютъ; трепещущимъ сердцемъ владѣя,
Страхъ потрясаетъ его и возникшее славы желанье.
Только трубы ясный звукъ прогремѣлъ, какъ ужъ всѣ и мгновенно
Съ мѣстъ полетѣли своихъ: кликъ морской по эѳиру несется;
Локти гребцы прижимаютъ и понтъ опрокинутый пѣнятъ;
Равныя гонятъ бразды; разступается разомъ предъ ними
Взрытое веслами ихъ и трезубыми рострами море.
Нѣтъ, не съ такой быстротой колесницъ въ состязаніи парныхъ
Поле забрали и мчатся, покинувъ рѣшетку повозки;
Нѣтъ, не съ такимъ увлеченьемъ возницы, ослабивши возжи,
Ими хлеснули коней и, повиснувъ, бичи направляютъ.
Плескомъ и воплемъ мужей и желаньями громкими люду
Стонутъ далеко лѣса, повторяетъ ихъ берегъ пологій;
Холмы окрестные гласомъ толпы сотрясаются звучнымъ 7).

Вотъ передъ всѣми бѣжитъ и переднія занялъ пучины
Прочихъ при воплѣ и гнѣвѣ Гіантъ, а Клоанѳъ поспѣшаетъ
Слѣдомъ за нимъ; одолѣлъ бы гребцами, но бѣгъ замедляетъ
Тяжесть ладьи; позади, въ разстояніи равномъ отъ Скиллы
Мощный Кентавръ и Пила межъ собой лишь о первенствѣ спорятъ.
То превосходитъ Пила, то великій Кентавръ, устремляясь,
Первое мѣсто беретъ, то ужъ выровнявъ дружныя чела
Мчатся они и браздятъ длиннымъ килемъ соленую влагу.
Вотъ приближались къ утесу и скоро-бъ меты ужъ достигли.
Вдругъ одолѣвшій Гіантъ, побѣдитель на среднихъ пучинахъ
Кормчему быстрой ладьи завопилъ громогласно Менету:
«Вправо зачѣмъ ты настолько уходишь? сюда направляйся,

Брега держись, хоть бы лѣвыя весла по скаламъ чертили;
Море другимъ пусть достанется». Молвилъ, но камней подводныхъ
Кормчій страшится и къ морю открытому руль обращаетъ.
«Что ты съ дороги свернулъ? Повторяю, къ скалѣ подавайся!»
Снова Гіантъ завопилъ и взглянулъ на Клоанѳа и видитъ:
Сзади спѣшитъ и ужъ мѣсто ближайшее къ берегу занялъ.
Вотъ межъ Гіанта ладьей и звенящими камнями моря
Ближнимъ путемъ проскользнулъ и передній корабль обѣжалъ онъ,
Мигомъ скалу обогнулъ и въ моряхъ ужъ плыветъ безопасныхъ.
Тутъ запылало у юноши сердце печалью великой,
Брызнули слезы изъ глазъ, и неловкаго тотчасъ Менета,
Честь позабывши свою и товарищей всѣхъ безопасность,
Въ море стремглавъ отъ высокой кормы онъ столкнулъ и къ кормилу
Самъ въ-торопяхъ приступилъ: самъ и кормчій онъ, самъ и начальникъ.
Онъ и мужей понуждаетъ и къ берегу руль обращаетъ.
Тяжкій Менетъ между тѣмъ, лишь съ трудомъ на поверхность поднявшись,
Старецъ уже, обливаясь струями въ намокшей одеждѣ,
Лѣзетъ на темя скалы и на камнѣ сухомъ помѣстился.
Тевкры смѣялись надъ нимъ и какъ падалъ съ кормы и какъ плылъ онъ;
Снова смѣялись, смотря, какъ соленый потокъ изрыгалъ онъ.

Тутъ запылала надежда въ сердцахъ у обоихъ отставшихъ.
Мыслятъ Сергестъ и Мнесѳей совладать съ замедленнымъ Гіантомъ.
Мѣсто Сергестъ предвосхитилъ и вотъ ужъ къ утесу подходитъ.
Впрочемъ не всѣмъ кораблемъ обогналъ онъ соперниковъ быстрыхъ:
Носомъ однимъ; напираетъ Пила на ладью остальную;
Тамъ по срединѣ ходя, ободряетъ гребущихъ и съ жаромъ
Ихъ убѣждаетъ Мнесѳей: «вотъ теперь, вотъ теперь поналягте,
Гектора воины, коихъ по взятіи Трои родимой
Выбралъ въ товарищи я. Проявите ту самую силу,
Мужество то же, что въ Сиртахъ Гетульскихъ ужъ вы проявляли,
Злыхъ Іонійскихъ моряхъ и Малейской струѣ неотвязной.
Перваго мѣста уже не ищу, не къ побѣдѣ стремлюсь я;
О, еслибъ смѣлъ!.. но пускай побѣдитъ, кто Нептуну угоденъ;
Стыдно послѣднимъ придти: вотъ о чемъ помышляйте, граждане!
Этотъ позоръ отжените!» Напрягши послѣднія силы,
Люди гребутъ; задрожала корма отъ широкихъ ударовъ;

Море бѣжитъ подъ ладьей; сотрясаются частымъ дыханьемъ
Члены и губы изсохшіе; потъ какъ рѣка заструился.
Случай мужамъ наконецъ доставляетъ желанную славу,
Ибо, когда, обезумѣвъ, на скалы Сергестъ устремился,
Внутренній путь предпочтя, и лишенный пространства помчался,
Тутъ несчастливецъ на встрѣчные камни попалъ и завязнулъ.
Дрогнули скалы, а весла объ острыя иглы ударясь,
Трескъ издаютъ и повисъ сокрушенный корабль на утесѣ.
Мигомъ вскочили гребцы и кричатъ и не тронутся съ мѣста.
Ищутъ желѣзныхъ багровъ и шесты заостренные тащатъ;
Весла разбитыя въ шумномъ прибоѣ съ трудомъ собираютъ.
Радуясь въ сердцѣ межъ тѣмъ и успѣхомъ Мнесѳей ободренный,
Воинствомъ веселъ крылатыхъ и парусомъ быстрымъ несомый,
Водъ безопасныхъ достигъ и ужъ въ морѣ открытомъ несется.
Точно какъ спугнутый голубь, изъ темной поднявшись пещеры,
Домъ гдѣ имѣетъ и сладкое въ скважистомъ камнѣ семейство,
Въ поле уносится, съ плескомъ великимъ подъ кровлей въ испугѣ
Крыльями хлопнувъ сперва, и въ полетѣ затѣмъ безмятежномъ
Путь совершаетъ текучій и перьевъ не двигаетъ быстрыхъ,
Такъ и Мнесѳей, точно такъ и Пила остальныя пучины
Въ бѣгствѣ сѣчетъ и движеньемъ своимъ ускоряема мчится.
Прежде всего при утесѣ высокомъ, въ моряхъ мелководныхъ
Ею покинутъ Сергестъ; безполезно на помощь зоветъ онъ;
Тщетно на веслахъ разбитыхъ бѣжать за другими онъ хочетъ.
Вотъ и Гіанту она и громадѣ великой Химеры
Гонится въ слѣдъ: уступаетъ корма, ибо кормчій утраченъ.
Вотъ при концѣ состязанья одинъ лишь Клоанѳъ остается:
Съ нимъ зачинаютъ борьбу и тѣснятъ, напрягая всѣ силы.
Тутъ-то удвоился кликъ и погоню желаніемъ громкимъ
Всѣ ободряютъ, отъ возгласовъ воздухъ звенитъ необъятный.
Эти гнушаются славу свою и добытую почесть
Вдругъ потерять и готовы пожертвовать жизнью для славы;
Тѣ подстрекаются счастіемъ: видятъ, что можно, и могутъ.
Можетъ быть равными рострами взяли бы оба побѣду,
Если бы дланей Клоанѳъ не простеръ въ огорченіи къ морю,
Громко молитвы творя и на помощь боговъ призывая:
«Боги, у коихъ надъ волнами власть и по морю которыхъ
Нынѣ бѣгу! бѣлоснѣжнаго вамъ на брегахъ по обѣту
Тотчасъ вола заколю и повергну въ соленую влагу

Внутренность жертвы и вылью въ пучину текучія вина».
Такъ говорилъ и обѣты его подъ валами услышалъ
Хоръ Нереидъ и услышала съ Форкомъ его Панопея;
Вотъ и родитель Портунъ подтолкнулъ исполинской десницей
Тяжкій корабль и быстрѣе летучей стрѣлы или вѣтра
Къ берегу онъ прилетѣлъ и въ заливѣ глубокомъ укрылся 8).

Тутъ порожденный Анхисомъ, бойцовъ по уставу созвавши,
Звучнымъ глашатая гласомъ пріявшимъ побѣду Клоанѳа
Всѣмъ объявляетъ и лавромъ зеленымъ его осѣняетъ.
По три вола молодыхъ на ладью получить дозволяетъ;
Людъ и виномъ, и великимъ талантомъ сребра надѣляетъ.
Главнымъ вождямъ кораблей прибавляетъ такую онъ почесть:
Прежде всего побѣдителю ризу златую, вкругъ коей
Пурпуръ бѣжалъ Мелибейскій, извивамъ Меандра подобный,
Царственный отрокъ на ней же былъ вышитъ, по Идѣ лѣсистой
Дротикомъ быстрымъ и бѣгомъ поспѣшныхъ тѣснящій оленей,
Бодрый, прерывисто дышащій; вдругъ отъ эфира ниспадши,
Зевса оружничій къ небу его на когтяхъ подымаетъ.
Старые дядьки вотще ко свѣтиламъ направили длани,
Тщетно на воздухъ пустой разъяренныя лаютъ собаки.
Тотъ же, кто мѣста второго за доблесть свою удостоенъ,
Броню златую изъ колецъ тройныхъ, что въ свирѣпомъ сраженьи
Собственной дланью сорвалъ съ побѣжденнаго Демолеонта
Мощный Эней при струяхъ Симоиса, подъ Троей высокой,
Нынѣ въ награду пріялъ: и уборъ, и защиту на браняхъ.
Многокольчатую вѣрные слуги Фегей и Сагарій
Только съ трудомъ на плечахъ принесли, а въ нее облеченный
Демолеонтъ на бѣгу поражалъ оробѣлыхъ Троянцевъ.
Двое мѣдяныхъ треножниковъ служатъ послѣднимъ подаркомъ
Вмѣстѣ съ ковшами сребряными съ выпуклой дивной рѣзьбою 9).

Всѣ ужъ пріяли дары и гордясь полученнымъ богатствомъ,
Пурпурной главы повязкой обвивъ, выступали надменно.
Вотъ изъ свирѣпыхъ камней чрезъ стараніе многое вырванъ,
Весла свои растерявъ и однимъ лишь напутствуемъ рядомъ,
Жалкій, безславный корабль подвигаетъ Сергестъ злополучный,

Точно какъ змѣй, средь дорожной захваченной насыпи въ бѣгствѣ,
Коего возъ колесомъ переѣхалъ иль путникъ могучій
Камнемъ сразилъ, полумертвымъ его и увѣчнымъ покинувъ.
Тщетно стараясь уйти, пресмыкаетъ онъ длинныя кольца,
Частью передней ярясь и сверкая очами и къ небу
Выю вздымая шипящую; часть, пораженная раной,
Бѣгъ замедляетъ узловъ и сгибанью препятствуетъ членовъ.
Такъ-то въ движеніи сходномъ лѣнивый корабль подвигался;
Парусъ однако поднялъ и съ надутымъ вѣтриломъ подходитъ.
Далъ и Сергесту Эней уготованный раньше подарокъ,
Съ радостью видя спасенье ладьи и мужей возвращенье.
Онъ получаетъ рабу, что знакома съ искусствомъ Минервы;
Родомъ Критянка, Фолоей зовутъ, близнецы подъ грудями.

Споры покончивъ сіи, направляется набожный витязь
Въ поле зеленое; холмы, дубравой одѣтые частой
Зрѣлись окрестъ, посреди же ѳеатру подобной долины
Циркъ находился, въ которомъ со многими тысячьми храбрый
Сѣлъ на скамьяхъ уготованныхъ, среднее выбравши мѣсто.
Съ трона сего состязаться желающимъ въ бѣгѣ летучемъ
Умъ воздаяньемъ остритъ и награды бойцамъ назначаетъ.
Вотъ собрались отовсюду и Тевкры къ нему и Сиканы;
Нисъ съ Эвріаломъ въ челѣ . . . .
Славенъ красой Эвріалъ и цвѣтущею младостью, Нисъ же
Къ отроку чистой любовью извѣстенъ; за ними выходитъ
Царственный витязь Діоръ отъ прекрасной Пріамовой крови.
Слѣдуютъ Салій съ Патрономъ: одинъ Акарнанскаго рода,
Кровью Тегейской гордится другой и слыветъ Аркадійцемъ.
Тутъ же Гелимъ и Панопъ, Тринакрійскіе юноши вышли,
Къ ловамъ привычные спутника два матерого Акеста.
Вышло и много другихъ, сокровенныхъ негромкою славой;
Такъ возглашаетъ затѣмъ предъ мужами Эней знаменитый:
«Въ души примите и съ радостью мысли къ сему обратите!
Днесь ни единый изъ васъ не отыдетъ, даровъ не пріявши:
Каждому по два Гносійскихъ, сіяющихъ яснымъ желѣзомъ
Дротика дамъ и сребромъ облитую сѣкиру двойную.
Этотъ подарокъ для всѣхъ; изъ боровшихся первые трое
Примутъ награду и свѣтлой оливою главы повяжутъ.

Мужъ на бѣгу побѣдившій получитъ убранную лошадь,
Тулъ Амазонскій второму достанется, полный Ѳракійскихъ
Пагубныхъ стрѣлъ и златою тесьмой окруженный широкой:
Круглая пряжка и яхонтъ колчанъ на тесьмѣ утверждаютъ.
Витязю третьему этотъ шеломъ Арголійскій довлѣетъ» 10).

Только сказалъ онъ, какъ заняли мѣсто и знакъ услыхавши,
Быстро несутся въ пространствѣ, урочный рубежъ покидая;
Бурѣ подобно прорвались и путь ужъ послѣдній свершаютъ.
Нисъ на челѣ и далеко предъ всѣми другими мелькаетъ,
Вѣтра летучаго легче и молнійныхъ крылій быстрѣе;
Слѣдомъ за нимъ, но великимъ, увы, отдѣленъ промежуткомъ,
Салій могучій спѣшитъ, а за тѣмъ въ разстояніи маломъ
Третьимъ бѣжитъ Эвріалъ. . . . .
Мчится четвертымъ Гелимъ; на него, насѣдая, несется
Славный Діоръ и стопой за чужую пяту задѣваетъ;
Вотъ ужъ коснулся плеча и когда бы дозволило время,
Выскочилъ самъ бы впередъ или сдѣлалъ бы споръ нерѣшеннымъ.
Времени нѣтъ: на послѣднемъ участкѣ, въ концѣ состязанья
Мчались усталые; вдругъ на крови оступился на скользкой
Нисъ несчастливецъ: на самомъ томъ мѣстѣ тельцовъ закололи;
Кровь ихъ увлажила почву, а съ ней и траву зеленую.
Юноша сей, ужъ тріумфъ торжествуя, не смогъ задрожавшихъ
Ногъ, упираясь въ траву, задержать и ничкомъ повалился
Въ скотскій нечистый пометъ, со священною смѣшанный кровью.
Все-жъ не забылъ онъ о другѣ, о нѣжной любви къ Эвріалу:
Въ сторону прянулъ, вставая, и Салію онъ подвернулся.
Вмигъ повалился и тотъ и на мелкомъ пескѣ закрутился.
Быстро мелькнулъ Эвріалъ и побѣду чрезъ друга пріявши,
Первымъ къ метѣ прилетѣлъ при сочувственномъ плескѣ и кликѣ.
Слѣдомъ Гелимъ прибѣжалъ; третья пальма досталась Діору.
Тутъ-то въ великой долинѣ возсѣвшихъ и уши старѣйшинъ
Громкими воплями Салій, побѣды лишенъ, оглушаетъ;
Проситъ, чтобъ лестью отнятую почесть ему возвратили.
Общая въ помощь любовь Эвріалу и милыя слезы:
Въ тѣлѣ прекрасномъ милѣй и прекраснѣе самая доблесть.
Также Діоръ помогаетъ и громко соперника славитъ,
Третьимъ достигнувшій цѣли, но всуе стяжавшій побѣду,

Если достанется Салію первая почесть и пальма.
Молвитъ родитель Эней: «остаются при васъ воздаянья,
Отроки, ваши и мѣстъ заслуженныхъ никто не отыметъ,
Мнѣ же дозвольте безвиннаго друга въ несчастьи утѣшить».
Смолкнулъ и Салію льва Гетулійскаго грозную шкуру
Гривой златой отягченную далъ и когтями изъ злата.
Нисъ возражаетъ: «но ежели мзда побѣжденнымъ такая,
Если о падшихъ жалѣешь, какія-жъ награды для Ниса
Будутъ достаточны, первую взялъ бы который корону,
Если бы та же судьба, что и Салія насъ не постигла».
Такъ говоритъ и владыкѣ лицо показуетъ и члены
Въ скверномъ пометѣ. Смѣется родитель благой и тяжелый
Щитъ принести повелѣлъ, Дидимаона хитрое дѣло,
Граями взятый съ Нептуновой двери, а имъ возвращенный.
Юношѣ славному этотъ подарокъ прекрасный даруетъ.

Вотъ, какъ закончился бѣгъ и награды героямъ онъ роздалъ,
Молвитъ Эней: «если кто-либо доблесть и храбрость имѣетъ,
Выступи нынѣ и длани опутавъ, закидывай руки!»
Такъ возгласилъ и двойную награду за бой предлагаетъ:
Мужъ побѣдившій тельца подъ златыми повязками приметъ,
Мужъ побѣжденный щитомъ и шеломомъ утѣшится славнымъ.
Мига еще не прошло, какъ съ великою силой своею
Вышелъ Даретъ и воздвигся, роптанье въ мужахъ возбуждая;
Тотъ, кто единый изъ Тевкровъ съ Паридомъ дерзалъ состязаться,
Кто при курганѣ высокомъ, гдѣ славный покоится Гекторъ,
Бута, великаго тѣломъ бойца, изъ Бебрикіи дальней
Въ Трою который пришелъ и себя выводилъ отъ Амика,
Въ битвѣ сразилъ и на желтый песокъ полумертвымъ повергнулъ.
Такъ-то вознесъ онъ главу и на битву себя предлагаетъ,
Кажетъ широкія плечи и мощныя руки являетъ,
Ихъ чередой напрягая, и сыплетъ удары на воздухъ.
Нуженъ противникъ ему, но никто изъ толикаго сонма
Съ мужемъ сойтись не дерзаетъ и цесты къ рукамъ приспособить.
Духомъ бодрясь, и надѣясь, что всѣ отрекутся отъ пальмы,
Сталъ предъ Энеемъ герой и не мѣшкая долѣ, схватилъ онъ
Шуйцей вола за рога, таковыя слова изрекая:
«Чадо богини! когда не дерзаетъ никто состязаться,

Что мнѣ безъ пользы стоять и докуда мнѣ здѣсь дожидаться?
Даръ отвести прикажи!» Закричали одними устами
Всѣ Дарданиды и мужу подарокъ отдать понуждали.
Видя сіе, упрекаетъ Энтелла Акестъ величавый
Съ нимъ на зеленомъ одрѣ изъ травы возсѣдавшаго рядомъ:
«Славный Энтеллъ, межъ героями нѣкогда всуе сильнѣйшій!
Или толико смирившись, толикій дозволишь подарокъ
Ты безъ борьбы получить? Гдѣ же богъ, твой могучій наставникъ,
Эрикъ, объ коемъ ты столько твердилъ? гдѣ же громкая слава
Въ цѣлой Тринакріи? гдѣ же доспѣхи, что домъ твой вѣнчаютъ?»
Такъ отвѣчаетъ Энтеллъ: «ни стремленія къ чести, ни славы
Страхъ изъ души не изгналъ бы, но старость во мнѣ замедляетъ
Хладную кровь и коснѣютъ мои истощенныя силы.
О, если-бъ прежняя днесь, если-бъ та же, которой гордится
Этотъ наглецъ, если-бъ оная младость во мнѣ пребывала!
Тутъ бы не ради наградъ и красивыхъ тельцовъ приступилъ я
Къ подвигамъ симъ; не пекусь о дарахъ 9). Такъ сказалъ и предъ сонмомъ
Парные цесты неслыханно тяжкаго вѣса повергнулъ,
Съ коими Эрикъ удалый обычай имѣлъ на сраженьяхъ
Длани вращать, облекая суровыми кожами руки.
Замерло сердце у Тевкровъ: толикихъ-то семь костенѣло
Шкуръ исполинскихъ воловъ, окружая свинецъ и желѣзо.
Паче другихъ изумился Даретъ и отъ боя отрекся.
Сынъ веледушный Анхисовъ тяжелые цесты и съ ними
Мощныхъ ремней безконечныя кольца дивясь осязаетъ.
Старецъ межъ тѣмъ изъ груди словеса изливаетъ такія:
«Что-жъ бы сказалъ ты, когда-бъ самого Геркулеса оружье
Ты увидалъ и на берегѣ здѣшнемъ плачевную битву.
Этими Эрикъ твой братъ встарину отъ враговъ защищался:
Кровью и мозгомъ разлитымъ понынѣ запятнаны оба.
Съ ними ходилъ на Алкида онъ мощнаго; ими сражался
Самъ я, пока сохранялися силы и младости недругъ,
Старость еще не бѣлѣла вкругъ дряхлыхъ висковъ разсыпаясь.
Впрочемъ когда Иліонскій Даретъ противъ нихъ не выходитъ,
Только-бъ дозволилъ Эней и одобрилъ Акестъ повелитель,
Бой уравнять соглашусь и отъ Эрика шкуръ откажуся.
Страхъ отложи, но и самъ совлеки Иліонскіе цесты».
Молвитъ и плотную старецъ хламиду со чреселъ свергаетъ;

Членовъ великихъ суставы, великія кости и руки
Онъ обнажилъ и огромный на желтомъ пескѣ водрузился.
Тутъ порожденный Анхисомъ герой одинакіе цесты
Вынесъ мужамъ и оружіемъ равнымъ имъ длани опуталъ.
Тотчасъ на пальцы ножные бойцы уперлись и безстрашно,
Руки могучія къ небу поднявъ, угрожаютъ другъ другу;
Главы далеко закинувъ, отъ вражьихъ ударовъ щитятся;
Руки съ руками сплетаютъ и битву свою зачинаютъ.
Сей быстротою въ ногахъ и цвѣтущею младостью крѣпокъ;
Мышцами силенъ и грузомъ другой, но дрожатъ и слабѣютъ
Ноги его и дыханіе тѣло великое зыблетъ.
Многія раны взаимно и тщетно герои наносятъ;
Сыплютъ по выпуклымъ ребрамъ удары и грудью великій
Звонъ издаютъ; вкругъ висковъ и ушей поминутно блуждаютъ
Частыя руки; трещатъ подъ ударами тяжкими скулы.
Держится грузный Энтеллъ и въ одномъ положеніи замеръ,
Только плечомъ отклоняясь и въ недруга взоромъ впиваясь.
Тотъ, словно городъ высокій великимъ полкомъ осаждая
Или вкругъ горнаго за̀мка обсѣвъ со дружиной своею,
Доступы всѣ испытуетъ и мѣсто за мѣстомъ обходитъ
Съ хитростью многой и приступы часто и тщетно заводитъ.
Вдругъ выпадаетъ Энтеллъ и десницу могучую поднялъ
Онъ высоко, но предвидитъ Даретъ угрожающій съ выси
Страшный ударъ и отпрянулъ онъ тѣломъ своимъ быстроногимъ
На вѣтеръ силу старикъ изливаетъ и самъ онъ объ землю
Тяжкій ударился тяжко громадой великою тѣла,
Точно дуплистая ель на дремучемъ верху Эриманѳа
Или на Идѣ великой, съ кореньями вырвана, пала.
Съ мѣста вскочили и Тевкры, и вся молодежь Тринакріи;
Клики до неба восходятъ и первымъ Акестъ подбѣжавши
Тотчасъ ровесника друга, ему соболѣзнуя, поднялъ.
Старецъ паденьемъ такимъ не замедленъ, бѣдой не смутился.
Въ битву бодрѣе стремится; отъ гнѣва удвоились силы;
Стыдъ подстрекаетъ бойца и сознаніе доблести многой.
Въ бѣгство врага обратилъ и по цѣлому поприщу гонитъ,
Сыпля десницей и шуйцей удары; не дастъ онъ Дарету
Срока ни отдыха; точно чреватая градами туча
Съ трескомъ по кровлямъ разитъ, такъ могучимъ ударомъ Дарета
Витязь громитъ и обѣими дланями зыблетъ и рушитъ [11]).

Тутъ-то родитель Эней предаваться дальнѣйшему гнѣву
Мужу сему воспретилъ и свирѣпствовать такъ не дозволилъ;
Битву прервалъ и изъ схватки усталаго съ бою Дарета
Выхватилъ онъ и такими словами его унимаетъ:
«О, злополучный! какое безумство душой овладѣло?
Или нездѣшнихъ не чувствуешь силъ и боговъ супротивныхъ?
Волѣ небесъ уступи!» Такъ сказалъ и сраженье покончилъ.
Оный къ высокимъ ладьямъ, лишь съ трудомъ волокущій колѣна,
Томной главою кивающій, черной запекшейся кровью,
Кровью, съ зубами слiянной, плюющій, друзьями отведенъ.
Щитъ знаменитый и мечъ по призыву они-жъ получаютъ
Вмѣсто бойца: остаются и пальма и быкъ для Энтелла.
Духомъ ликуя герой и наградою взятою гордый.
Молвитъ тогда: «сынъ богини и прочіе Тевкры! познайте-жъ,
Силы какія во мнѣ сокрывалися въ юные годы,
Смерти какой вы Дарета избавили, съ боя уведши!»
Такъ говоритъ и становится противъ вола молодого,
Даромъ побѣднымъ служившаго: сталъ и закинувъ десницу
Твердаго цеста ударъ межъ великихъ роговъ направляетъ,
Сверху стремя, и оружье въ расколотый мозгъ окунаетъ.
Палъ безъ дыханья и на землю быкъ содрогнувшійся рухнулъ.
Старецъ межъ тѣмъ изъ груди словеса изливаетъ такія:
«Лучше ужъ Эрикъ сію вмѣсто смерти Даретовой душу
Въ жертву прими! здѣсь искусство и цестъ, побѣдивъ, покидаю».

Тотчасъ Эней состязаться желающихъ быстрой стрѣлою
Къ подвигамъ громкимъ зоветъ и награды мужамъ предлагаетъ:
Дланью великой своей съ корабля онъ Сергестова мачту
Въ землю воткнулъ и на верви летучаго голубя въ небо
Съ мачты высокой пустилъ, чтобъ служилъ онъ для витязей цѣлью.
Мужи сошлись; вотъ ужъ жребій мѣдный шеломъ принимаетъ
Въ лоно свое и при возгласахъ благопріятныхъ собранья
Первымъ выносится жребій Гиртакова Гиппокоонта.
Слѣдомъ Мнесѳей, побѣдитель недавній въ морскомъ состязаньи,
Названъ судьбами—Мнесѳей, осѣненный зеленой оливой.
Братъ твой Эвритіонъ третьимъ выходитъ, о, Пандаръ преславный!
Ты, что когда-то, приказъ получивъ договоры разрушить,
Первый ударилъ стрѣлой въ середину Ахеевъ безпечныхъ.

Вышелъ послѣднимъ Акестъ, что на днѣ оставался шелома;
Юношей трудъ раздѣлить на боговъ онъ надѣясь дерзаетъ [12]).

Тутъ напрягаютъ соперники мощными дланями луки,
Силу являютъ свою и стрѣлу достаютъ изъ колчана.
Вотъ тетива зазвенѣла и первая по небу мчится
Гиппокоонта стрѣла и текучій эѳиръ разсѣкая,
Къ цѣли приходитъ своей и впивается въ дерево мачты.
Дрогнула мачта высокая, хлопнула въ страхѣ крылами
Птица парящая; плескомъ великимъ поля огласились.
Слѣдомъ удалый Мнесѳей выступаетъ съ натянутымъ лукомъ,
Цѣля къ вершинѣ и зоркія очи какъ лукъ напрягая.
Птицы однако самой не успѣлъ злополучный коснуться:
Только узлы разорвалъ и льняныя оковы разрушилъ,
Коими за ногу голубь къ высокой былъ мачтѣ привязанъ.
На вѣтеръ ринулся тотъ и къ густымъ облакамъ устремился.
Тутъ-то и лукъ свой тугой и стрѣлу ужъ давно изготовя,
Быстрый Эвритіонъ брата на помощь призвалъ и мгновенно
Въ небѣ широкомъ ликующій, плещущій шумно крылами,
Голубь подъ черною тучей смертельнымъ ударомъ настигнутъ,
Палъ бездыханный, подъ ясными звѣздами духъ свой оставя,
Къ дольнимъ низринутъ странамъ и стрѣлу на себѣ онъ приноситъ.

Пальмы лишенный, одинъ престарѣлый Акестъ оставался;
Впрочемъ на воздухъ и онъ устремляетъ оружье безъ цѣли,
Лукъ свой звенящій и силу, отецъ, предъ людьми показуя,
Диво священное тутъ и грядущему знаменье вѣку
Вдругъ предстаетъ; разумѣемъ его по исходѣ великомъ;
Вѣщіе пѣли пѣвцы о старинномъ пророчествѣ этомъ.
Въ облакѣ тонкомъ подъ небомъ стрѣла на лету запылала,
Пламенемъ путь означая, и въ чистый эѳиръ обратилась,
Быстро сгорѣвши, подобно какъ сорваны съ неба нерѣдко,
Косы влача за собой, пробѣгаютъ падучія звѣзды.
Смолкнули въ страхѣ и къ вышнимъ съ горячей мольбой обратились
Тевкровъ полки и Тринакріевъ сонмъ; не отвергнулъ святого
Знаменья мощный Эней, но Акеста довольнаго обнялъ;
Многимъ богатствомъ его надѣляетъ и такъ возглашаетъ:

«Отче! прими, если знаменье далъ царь великій Олимпа,
Честью веля особливой тебя передъ всѣми украсить.
Самъ многолѣтній Анхисъ чрезъ меня этотъ даръ предлагаетъ:
Кубокъ, покрытый рѣзьбой, что Ѳракіецъ Киссей благородный
Древле ему даровалъ, и честной и великій подарокъ
Въ память свою и въ залогъ неразрывной любви и союза».
Такъ говоритъ онъ и лавромъ зеленымъ царя осѣнивши,
Первымъ къ наградѣ зоветъ и предъ всѣми его возвышаетъ.
Добрый Эвритіонъ мѣсто свое уступаетъ охотно,
Съ неба высокаго птицу единый изъ всѣхъ хотъ низринулъ.
Слѣдомъ за нимъ награждается узы стрѣлой разорвавшій;
Мачту крылатымъ оружьемъ пробившій послѣдній увѣнчанъ 13).

Тутъ прародитель Эней, не закончивъ еще состязанья,
Дядьку и спутника отрока Юла къ себѣ призываетъ;
Сыну Эпитову на ухо вѣрное такъ провѣщалъ онъ:
«Шествуй и сыну Асканію, если имѣетъ готовымъ
Отроковъ строй при себѣ и ужъ конскую скачку устроилъ,
Молви, чтобъ къ дѣду явился, въ доспѣхахъ себя показуя».
Такъ говоритъ, а затѣмъ приказалъ изъ великаго цирка
Весь набѣжавшій народъ удалить и поляны очистить.
Отроки ѣдутъ уже и предъ окомъ родителей нѣжныхъ
Блещутъ на борзыхъ коняхъ и дивуясь убранству, встрѣчаетъ
Кликомъ Тринакрія ихъ, а Трояне хвалой осыпаютъ.
Кудри у всѣхъ по уставу оливой остриженной сжаты;
Парные дротики твердаго дерна имѣютъ иные;
Легкій колчанъ у другихъ за плечами; на грудь упадаетъ
Гибкая цѣпь изъ крученаго злата и выю объемлетъ.
На три отряда раздѣлены всадники, три воеводы
Скачутъ въ поляхъ и за каждымъ двѣнадцать воителей ѣдутъ:
Такъ-то сіяютъ полкомъ, подчиняясь наставникамъ мудрымъ.
Первымъ отрядомъ веселымъ начальствуетъ малый начальникъ,
Дѣдово имя носящій Пріамъ, знаменитый Политовъ
Отпрыскъ младой, приращенье грядущее роду Италовъ.
Конь выступаетъ Ѳракійскій подъ нимъ, выставляющій гордо
Бѣлыя ногъ основанья и лобъ показующій бѣлый.
Атій начальникъ другой, отъ котораго Атіевъ племя,
Маленькій Атій, любезнѣйшій отроку отрокъ Іулу,

Третій, прекраснѣйшій всѣхъ выѣзжаетъ Іулъ благородный;
Конь Финикійскій подъ нимъ, что недавно благая Дидона
Юношѣ въ память свою и въ свидѣтельство дружбы вручила.
Прочіе всѣ на Сиканскихъ, дарованныхъ старцемъ Акестомъ,
Ѣдутъ коняхъ . . . .
Плесками робкихъ пріемлютъ и радостнымъ окомъ на юныхъ
Дарданы смотрятъ и въ чадахъ отцовъ узнаютъ престарѣлыхъ.
Вотъ, какъ собраніе все и родителей взоры съ весельемъ
Разъ на коняхъ обскакали, Эпитовъ имъ сынъ благородный
Знакъ громозвучный готовымъ подалъ и бичемъ имъ защелкалъ.
По ровну вмигъ раздѣлились и три учинили дружины,
Хоры свои раздробивъ, а приказъ получивши вторичный,
Снова коней обращаютъ и вотъ ужъ за стрѣлы берутся.
Новыя бѣгства и новые строятъ они повороты
Другъ противъ друга, въ кругахъ неразрывныхъ круги завиваютъ
Съ хитростью многой и битву въ доспѣхахъ своихъ представляютъ.
То открываютъ свой тылъ, то внезапно враждебнымъ оружьемъ
Цѣлятъ взаимно и вдругъ помирились и вмѣстѣ ужъ скачутъ.
Точно какъ тотъ Лабиринѳъ, что на Критѣ являлъ на высокомъ
Въ стѣнахъ глухихъ извивавшійся путь и пришельцу лукаво
Тысячу узкихъ стезей предлагалъ, такъ что слѣдъ безопасный
Путникъ терялъ и въ дому безъ сознанья блуждалъ и возврата.
Такъ-то и юноши Дардановъ, путая слѣдъ свой, кружатся;
Бѣгство и битву въ игрѣ безконечной своей соплетаютъ;
Точно дельфиновъ толпа, черезъ влажные мчась океаны,
Ливіи понтъ и Карпаѳій браздитъ и по волнамъ играетъ.
Скачку и схватки сіи черезъ многіе годы припомнилъ
Славный Асканій, стѣной обносилъ онъ какъ длинную Альбу;
Игрище вновь учредилъ и велѣлъ стародавнимъ Латинамъ
Тоже свершать, что и самъ исполнялъ съ молодежью Троянской.
Чадъ научили Албанцы своихъ, а отъ нихъ и великій
Римъ перенялъ и сберегъ онъ ристанье священное предковъ:
Троей поднесь именуютъ, а отроковъ сонмомъ Троянскимъ.
Такъ совершалися игры святому родителю въ память 14).

Тутъ-то впервые Фортуна обманчивой ставъ премѣнилась
Почесть пока воздавали различными играми холму,
Съ неба Юнона Сатурнія вновь посылаетъ Ириду

Къ лодкамъ Илійскимъ и въ помощь бѣгущей вѣтры воздвигаетъ,
Многое строя и гнѣвомъ еще не насытясь стариннымъ.
Путь совершая по тысячецвѣтной дугѣ поднебесной,
Слѣдомъ спускается быстрымъ незримая людямъ дѣвица;
Смотритъ на сонмище многое, брегъ созерцаетъ великій;
Видитъ безлюдную пристань и флотъ одинокій у брега.
Только вдали на скалѣ, отдѣлясь отъ народа, Троянки
Плакали сонмомъ по старцѣ и понтъ созерцали глубокій
Съ плачемъ онѣ: «о увы! столько моря еще остается,
Столько пучинъ утомленнымъ»: у всѣхъ вопль одинъ вылетаетъ;
Молятъ объ городѣ, тяжко сносить имъ морскія невзгоды.
Въ ихъ-то среду со вредомъ и обманомъ знакомая входитъ;
Божескій ликъ отложила и ризы свои измѣнила;
Стала Бероей, супругою дряхлой Тмарійца Дорикла,
Племя имѣвшей и славу когда-то и чадъ знаменитыхъ.
Такъ-то явилась она посреди матерей Дарданійскихъ.
«О злополучныя!» молвитъ, «которымъ Ахейскія руки
Смерти нанесть подъ родимой стѣной не успѣли, о племя
Жалкихъ изгнанницъ! для коихъ же бѣдствій блюдетъ васъ Фортуна?
Вотъ ужъ седьмой послѣ гибели родины годъ протекаетъ,
Мы же по волнамъ и странамъ, по столькимъ опаснымъ каменьямъ,
Столькимъ блуждаемъ вѣтрамъ, чрезъ великое море за оной
Тщетно гоняясь Италiей, волнами понта носимы.
Эрика братскаго край и знакомецъ Акестъ передъ нами;
Что запрещаетъ и стѣны воздвигнуть и городъ для гражданъ?
Родина мать и напрасно изъятые Граемъ Пенаты!
Или никоимъ ужъ стѣнамъ и въ будущемъ Троей не зваться?
Или ужъ Гекторскихъ водъ Симоиса и Ксанѳа не узрю?
Дѣйствуйте, сестры! и кормы несчастныя вмѣстѣ сожжемте.
Вѣщей Кассандры въ ночи мнѣ привидѣлся образъ и мнилось
Пламенный свѣточъ вручалъ; «здѣсь, о Дарданки! Трою ищите;
Здѣсь ваши домы», рекла. Нынѣ время приказы исполнить;
Медлить не должно при дивахъ такихъ. Вотъ Нептуну четыре
Жертвы дымятся: и пламя и мужество богъ подаетъ намъ» 15).

Такъ говорила и съ силой враждебное пламя схватила;
Руку далеко закинувъ, десницею блещетъ и свѣточъ
Вергнула вдругъ; запылали умы и сердца обуяли

Въ женахъ Илійскихъ: одна лишь изъ нихъ, всѣхъ старѣйшая Пирго,
Столькихъ Пріамовыхъ чадъ воздоившая древле въ палатѣ,
Крикнула имъ: «не Берoя стоитъ, не Ретейскую нынѣ
Видимъ Дорикла жену! красоты Олимпійской примѣты,
Очи замѣтьте горящія, доблесть и видъ величавый,
Голоса звукъ и походку ея, только тронется съ мѣста.
Я вѣдь съ больною Бероей недавно сама разлучилась,
Въ горѣ покинувъ ее, что одна при обрядѣ толикомъ
Быть не должна и Анхиса почтить по заслугамъ не можетъ».
Такъ убѣждала она . . . . .
Жены межъ тѣмъ въ нерѣшимости взоромъ зловѣщимъ на лодки
Близкія смотрятъ, волнуемы разомъ и страстной любовью
Къ здѣшней землѣ и влеченіемъ къ царствамъ, обѣщаннымъ рокомъ.
Вдругъ на обоихъ крылахъ подымается къ небу богиня,
Въ бѣгствѣ великой дугой поднебесный эфиръ разсѣкая.
Тутъ, пораженныя дивомъ и яростью лютой объяты,
Кликъ воздвигаютъ и пламя изъ нѣдра домовъ похищаютъ.
Грабятъ другія алтарь и священныя вѣтви, повязки,
Свѣточи мещутъ; свирѣпствуетъ вожжи Вулканъ отпустивши;
Лавки и весла палитъ и еловыя съ росписью кормы.

Къ холму Анхиса и къ сонмищу съ вѣстью Эвмелъ поспѣшаетъ,
Флота пожаръ возвѣщая, да впрочемъ и зрители сами
Видятъ средь облака чернаго пепелъ по вѣтру носимый.
Кинулся первымъ Асканій и въ томъ же уборѣ, въ которомъ
Конниковъ радостно велъ, ко смятеннымъ ладьямъ поскакалъ онъ;
Дядьки дрожащіе отрока тутъ удержать не успѣли.
«Что за безуміе новое? къ цѣли какой вы стремитесь,
Гражданки бѣдныя? горе! не вражьи Аргивскіе станы
Вы сожигаете: жжете надежды свои! вотъ Асканій
Вашъ передъ вами!» Шеломъ тутъ схватилъ онъ и подъ ноги кинулъ,
Коимъ закрытый войну представлялъ онъ на игрищѣ славномъ.
Вотъ и Эней поспѣшаетъ, и цѣлое воинство Тевкровъ.
Страхомъ объятыя жены по берегу вмигъ разбѣжались;
Къ дебрямъ стремятся, подъ камни нависшіе кроются робко;
Стыдно проступка и дня; узнаютъ, измѣнившись душою,
Чадъ и супруговъ; свирѣпая вышла изъ груди Юнона.
Пламя и лютый пожаръ между тѣмъ необузданной силы

Все-жъ не теряютъ: межъ досками влажными медленно тлѣя,
Пакля дымится и пламя лѣнивое мало-по-малу
Дерево ѣстъ и во всемъ кораблѣ разливается язва.
Силы героевъ напрасны и рѣки пролитыя тщетны.
Тутъ богомольный Эней, съ мощныхъ плечъ одѣяніе сбросивъ,
Вышнихъ на помощь зоветъ, простирая съ молитвою руки:
«Юпитеръ, богъ всемогущій! когда не на всѣхъ прогнѣвился
Дардановъ ты и старинная благость боговъ надъ несчастьемъ
Сжалиться можетъ людскимъ, о дозволь отъ пожара избѣгнуть
Лодкамъ, отецъ! и отъ гибели Тевкровъ плачевныя силы
Нынѣ спаси иль ужъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ ты молньей своею
Разомъ сгуби, коль виновны, и собственной дланью убей насъ!»
Только сказалъ онъ, какъ дождь устремился и черная буря
Стала свирѣпствовать; вмигъ отъ великихъ громовъ задрожали
Холмы и поле; по цѣлому воздуху яростно хлещетъ
Ливень могучій и тѣсной толпой закружилися Австры.
Кормы водой налились; увлажаются хладнымъ потокомъ
Полусожженныя доски, потушенъ огонь и четыре
Только погибли ладьи; отъ пожара спаслись остальныя.

Горькой бѣдой потрясенъ, размышляетъ Эней прародитель;
Думы великія онъ то туда, то сюда направляетъ,
Разно въ душѣ разсуждая, въ поляхъ ли пребудетъ Сиканскихъ,
Рокъ позабывъ, или къ странамъ Италіи вновь устремится.
Навтъ престарѣлый въ то время, ему-жъ Тритонида Паллада
Мудрость открыла и многимъ искусствомъ прославила въ людяхъ;
Вѣдалъ отвѣты давать, если спрашивалъ кто о великомъ
Знаменьи гнѣвныхъ боговъ или рока испытывалъ тайны.
Сей, утѣшая Энея, такую-то рѣчь начинаетъ:
«Чадо богини! пойдемъ за судьбами, куда-бъ ни влачили;
Что-бъ ни случилось, терпѣніемъ рокъ побѣждать подобаетъ.
Есть у тебя отъ божественной крови Акестъ Дарданійскій;
Онаго ты на совѣтъ призови и съ готовымъ бесѣдуй;
Оному тѣхъ передай, для которыхъ судовъ не хватаетъ:
Всѣхъ, что трудомъ утомились великимъ и рокомъ Дарданскимъ:
Старцевъ дряхлѣющихъ, женъ изнуренныхъ морскою пучиной;
Если еще кто-нибудь немощной или робкій найдется,

Тоже оставь и пускай безъ труда здѣсь жилища получатъ,
Городъ Троянскій назвавъ съ твоего позволенья Акестой».

Стараго друга рѣчами такими смущенъ еще больше,
Всякими думами въ сердцѣ своемъ онъ совсѣмъ разрывался.
Черная ночь между тѣмъ колесницей ужъ на небо всходитъ;
Вотъ ниспускается съ неба родителя милаго образъ;
Рѣчи такія Анхисъ передъ сыномъ вѣщаетъ внезапно:
«Сынъ мой, и жизни дражайшій, покамѣстъ во мнѣ пребывала!
Сынъ мой, испытанный рокомъ Илійскимъ, Юпитеромъ посланъ,
Къ вашимъ ладьямъ прихожу: отогналъ отъ судовъ онъ Троянскихъ
Лютый пожаръ и надъ вами съ высокаго сжалился неба.
Добрымъ послѣдуй рѣчамъ, кои Навтъ говорилъ многолѣтній;
Избранныхъ воиновъ только, крѣпчайшія души, съ собою
Въ путь Италійскій бери: родъ свирѣпый и нравами дикій
Въ Латіи Тевкры найдутъ. Но сначала ты къ Дитову дому
Темному долженъ сойти и глубокой пещерой Аверна
Съ нами свиданья искать: не владѣетъ мной Тартаръ жестокій,
Ниже печальныя тѣни, но съ сонмищемъ добрыхъ пріятнымъ
Я обитаю въ Элисіи; къ мѣсту святая Сибилла
Черныхъ овновъ изобильною кровью пришельца доставитъ.
Тамъ все потомство свое и сужденныя стѣны узнаешь.
Нынѣ прости: половину небесной дороги свершила
Влажная ночь; коней солнцевыхъ чую свирѣпыхъ дыханье».
Молвитъ и въ воздухѣ тонкомъ какъ дымъ безъ слѣда разошелся.
Сынъ возглашаетъ: «зачѣмъ же спѣшишь и куда ты стремишься?
Сына-ль бѣжишь? кто тебя изъ объятія нашего вырвалъ?»
Такъ говоря, пробуждаетъ онъ въ пеплѣ уснувшее пламя,
Лара Пергамскаго кличетъ и Весты святилище древней
Чистой мукóй и кадильницей полною чтитъ онъ усердно [16].

Тотчасъ товарищей созвалъ и прежде всѣхъ прочихъ Акеста;
Зевса велѣніе имъ и родителя милаго слово
Князь объявляетъ и мысли, къ которымъ теперь онъ приходитъ.
Мигомъ за дѣло взялись; согласился и царь Тринакрійскій;
Новому граду матронъ набираютъ и людъ добровольный
Въ немъ оставляютъ: такихъ, что о громкой хвалѣ не пекутся.

Сами суда обновляютъ, огнемъ обожженныя бревна
Въ нихъ замѣняютъ, старательно чинятъ и весла, и снасти.
Малы они по числу, но живетъ въ нихъ воинская доблесть.
Вождь между тѣмъ означаетъ сохой городскую ограду,
Домы по жребію роздалъ, велитъ, чтобъ Пергамомъ и Троей
Были для гражданъ; Троянецъ Акестъ, новымъ царствомъ довольный,
Торгъ учреждаетъ и, старцевъ созвавши, даетъ имъ уставы.
Тутъ же на Эрика высяхъ, со звѣздами смежныхъ заложенъ
Храмъ Идалійской Венерѣ и жрецъ для Анхисова холма
Вмѣстѣ съ великою рощей святой отъ народа дается.

Девять тутъ дней весь народъ пировалъ и дарами усердно
Чтилъ алтари; уравняли вѣтры благосклонные море;
Частымъ дыханіемъ Австеръ въ дорогу опять зазываетъ.
Тутъ на излучистомъ берегѣ плачъ воздвигается громкій;
Тамъ день и ночь въ неразрывномъ объятьи коснѣютъ родные,
Самыя женщины тѣ, что недавно взирать на пучину
Горемъ считали и самаго имени моря пугались,
Ѣхать готовы и трудности всѣ претерпѣть переѣзда.
Добрый Эней утѣшаетъ покинутыхъ ласковымъ словомъ,
Ихъ со слезами герой однородцу Акесту вручаетъ.
Эрику трехъ тутъ тельцовъ онъ и черную агницу бурямъ
Тотчасъ заклать приказалъ и чредою отвязывать верви.
Самъ, осѣнивши оливой остриженной кудри густыя,
Сталъ на носу корабля и съ патерой въ десницѣ въ потоки
Внутренность жертвы повергъ, возливая текучія вина.
Слѣдуетъ вѣтеръ за ними, отъ самой кормы востающій;
Море товарищи въ запуски бьютъ и волну подметаютъ.

Тяжкой заботой полна, обратилась къ Нептуну Венера,
Такъ говоря и такія мольбы изъ груди изливая:
«Гнѣвъ непреклонной Юноны и мщеньемъ не сытое сердце
Насъ принуждаютъ, Нептунъ! ужъ къ послѣднимъ моленьямъ прибѣгнуть.
Лютой ни многое время, ни праведность мужа, ни даже
Зевса и рока велѣнья сломить и склонить не возмогутъ.
Ей не довольно, что городъ изъ Фригіи злобой свирѣпой

Вы̀ѣла злая, чрезъ всякія бѣды влачивъ несчастливцевъ:
Трои злосчастной остатки, и пепелъ и кости погибшей,
Нынѣ терзаетъ, причины же ярости ей лишь извѣстны!
Самъ ты свидѣтелемъ былъ, на пучинахъ Ливійскихъ недавно
Горы какія воздвигла и съ небомъ все море смѣшала,
Бурей Эоловой тщетно противу Троянъ ополчившись;
Въ царствѣ твоемъ что дерзнула она! . . . .
Вотъ и Троянскихъ супругъ къ нечестивому дѣлу подвигши,
Гнусно сожгла корабли и сгубивши суда, принуждаетъ
Тевкровъ въ безвѣстной странѣ злополучныхъ товарищей бросить.
Пусть же хоть тѣмъ, кто остался, дозволено будетъ безвредно
Плыть по пучинамъ твоимъ и Лаврентскаго Тибра достигнуть,
Если о должномъ прошу и обѣщанъ имъ Парками городъ» 17).

Ей отвѣчаетъ Сатурній, морей повелитель глубокихъ:
«Можно тебѣ, Киѳерея! владѣньямъ моимъ довѣряться,
Родъ свой изъ коихъ ведешь, да притомъ и заслуги имѣю:
Неба и моря великіе гнѣвы смирялъ я нерѣдко.
Я и на сушѣ—свидѣтели Ксанѳъ и Симоисъ—не меньше
Пекся чѣмъ ты объ Энеѣ, какъ лютый Ахиллъ побѣдитель
Трепетныхъ Тевкровъ полки припиралъ ко стѣнамъ Иліона.
Тысячи въ адъ посылалъ онъ и трупами полны стонали
Рѣки Троянъ и пути не нашелъ и не могъ изливаться
Въ море Скамандръ; въ этотъ день, какъ съ Пелидомъ сошелся могучимъ
Славный Эней, не имѣя ни силъ, ни боговъ одинакихъ,
Въ тучѣ пустой я героя умчалъ, хоть желалъ до подошвы
Мною созданныя стѣны обманщицы-Трои разрушить.
Мысли такія-жъ во мнѣ и теперь; страхъ напрасный отвергни:
Люди, о коихъ печешься, безвредно достигнутъ Аверна.
Только единаго взыщется сынъ твой погибшаго въ безднахъ;
Многихъ искупитъ одинъ . . . .» 18).

Рѣчью такой какъ богини довольное сердце утѣшилъ,
Въ золото коней родитель запрягъ и уздой опѣненной
Бурныхъ замедлилъ и вдругъ отпускаетъ онъ разомъ всѣ возжи.
Въ синей своей колесницѣ по гребнямъ валовъ поскакалъ онъ:

Зыбь осѣдаетъ и ярое море подъ осью громовой
Мигомъ равняется, тучи бѣгутъ съ необъятнаго неба.
Спутниковъ сонмъ собрался разнородныхъ: киты исполины.
Главка старинный соборъ и отъ Ины рожденный Палемонъ,
Быстрые съ ними Тритоны и цѣлое воинство Форка.
Слѣва Ѳетида съ Мелитой и дѣва плыветъ Панопея;
Тутъ же Несея и Спія, и Ѳалія и Кимодока 19).

Тутъ безпокойный Энея родителя духъ наполняетъ
Радость внезапная; тутъ поскорѣе велитъ онъ воздвигнуть
Мачты высокія, реи скорѣй обтянуть парусами.
Разомъ раскинули снасти и разомъ десные, а вскорѣ
Лѣвые вѣтру во слѣдъ напрягли паруса и чредою
Вправо и влѣво рога обращаютъ при вѣтрѣ попутномъ.
Тѣсный ихъ строй Палинуръ, на челѣ помѣстившись, предводитъ.
Слѣдомъ за нимъ подвигается воинство все остальное.
Вотъ ужъ росистая ночь половины почти достигаетъ
Свода небесъ; разрѣшаетъ дрема утомленные члены;
Пали на жесткія лавки гребцы и при веслахъ уснули.
Тутъ-то, отъ звѣздъ низлетѣвъ, легкій Сонъ на суда опустился,
Мрачный раздвинувъ эѳиръ, и разсѣкши полночныя тѣни,
Горе! къ тебѣ, Палинуръ, подступилъ онъ, тебѣ предлагаетъ
Отдыхъ безвинному пагубный; сталъ надъ высокой кормою,
Образъ Форбанта пріявъ, и такія онъ рѣчи глаголетъ:
«О, Іасидъ Палинуръ! море флотъ твой само подвигаетъ;
Кроткіе дуютъ вѣтры, этотъ часъ посвятить бы дремотѣ.
Здѣсь головою склонись и украдь у работы минуту;
Я за тебя утомленнаго долгъ твой покамѣстъ исполню».
Очи съ трудомъ раскрывая,речетъ Палинуръ злополучный:
«Мнишь ли, что мнѣ неизвѣстны спокойное море и эти
Кроткія волны? чудовищу лютому я ли повѣрю?
Я ли вѣтрамъ ненадежнымъ предамъ и суда, и Энея,
Столько ужъ разъ небосвода обманутъ безоблачнымъ видомъ?
Такъ говорилъ и къ кормилу прильнувъ, ни на мигъ не рѣшался
Съ нимъ разлучиться и очи ко звѣздамъ небеснымъ стремилъ онъ
Вѣтвь, окропленную влагою Леѳы и силы Стигійской
Полную, вынулъ тутъ богъ и къ обоимъ вискамъ прикасаясь,
Томныя очи ему противъ воли смежилъ, но лишь только

Отдыхъ внезапный усталые члены героя ослабилъ,
Тотчасъ налегъ и съ кормиломъ его и съ отломленной частью
Самой кормы онъ столкнулъ и въ текучія воды низринулъ,
Внизъ головою падущаго, тщетно зовущаго сонныхъ;
Самъ полетѣлъ и на легкихъ вѣтрахъ окрыленный вознесся 20).

Флотъ между тѣмъ, какъ и прежде, путемъ безопаснымъ несется,
Какъ имъ родитель Нептунъ обѣщалъ, и бѣды не встрѣчаетъ.
Вотъ ужъ къ утесамъ Сиренъ приближались они кораблями,
Страшнымъ когда-то и многихъ костями бѣлѣвшимъ средь моря.
Нынѣ прибоемъ однимъ далеко оглашалися скалы.
Тутъ лишь замѣтилъ начальникъ, что бродитъ, вождя потерявши,
Царскій корабль и ужъ самъ имъ управилъ на волнахъ полночныхъ,
Много стеня, и злосчастнаго жребіемъ друга взволнованъ:
«О, Палинуръ! черезъ мѣру довѣрившись морю и небу,
Нынѣ нагимъ на пустынной ты отмели будешь поверженъ!» 21)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Сицилійскій герой Эрикъ былъ сыномъ Венеры и потому братомъ Энея. Онъ далъ имя горѣ Эрику, находившейся около поселенія Акеста. Онъ былъ убитъ Геркулесомъ.

2) Рѣка Кримисъ находится въ Сициліи.

3) Цестъ есть тяжелая перчатка, которую надѣвали для кулачнаго боя.

4) Гелимъ былъ однимъ изъ товарищей Акеста.

5) Фаэтонтъ или точнѣе Фаѳонтъ, то-есть блестящій,—одинъ изъ греческихъ эпитетовъ солнца.

6) Пила есть имя одной крупной морской рыбы.

7) Коръ есть сѣверо-западный вѣтеръ.

8) Малейскій мысъ находился въ Лаконіи. Форкъ есть братъ Нерея. Панопея одна изъ Нереидъ. Портунъ есть богъ, вводящій въ пристань. У Грековъ онъ звался Палемономъ или Меликертомъ и считался сыномъ богини Инои, причисленной къ богамъ жены Віотійскаго царя Аѳаманта.

9) Меандръ—извилистая рѣка въ Каріи. Мелибея—городъ въ Ѳессаліи, гдѣ приготовлялись пурпуровыя ткани. Царственный отрокъ есть Ганимедъ, братъ Троянскаго царя Ила, унесенный Зевсовымъ орломъ.

10) Акарнанія—область на сѣверо-западѣ Греціи, южнѣе Эпира. Тегея—

городъ въ Аркадіи, а Аркадія лежала въ серединѣ южнаго полуострова Греціи или Пелопонеса.

11) Бебрикія—область въ Виѳиніи, а Виѳинія лежала въ малой Азіи, противъ Константинополя. Тамъ царствовалъ нѣкогда герой Амикъ, знаменитый кулачный боецъ. Энтеллъ—товарищъ Акеста. Эриманѳъ—гора въ Аркадіи.

12) Пандаръ—Троянскій герой, о которомъ не мало говорится въ Иліадѣ. Когда Менелай и Паридъ должны были окончить споръ единоборствомъ, онъ, по внушенію боговъ, враждебныхъ Троѣ, ранилъ стрѣлою Менелая и тѣмъ нарушилъ перемиріе. Онъ славился какъ стрѣлокъ.

13) Чудо предвозвѣщало свирѣпыя войны, которыя должны были вести въ Сициліи Римляне и Пунійцы. Киссей былъ отцомъ Гекубы.

14) Къ роду Атіевъ принадлежала мать Августа. Асканіевъ дядька именовался Перифантомъ. Лабиринтъ или точнѣе лабиринѳъ былъ построенъ, по преданію, царемъ Критскимъ Миноемъ. Это былъ домъ, построенный такъ, что вошедшій въ него долженъ былъ необходимо заблудиться и не могъ уже найти выхода. Настоящій лабиринтъ находился въ Египтѣ, откуда это слово и попало къ Грекамъ. Карпаѳійское море было названо отъ острова Карпаѳія и лежало между Критомъ и Родосомъ, на сѣверъ отъ моря Ливійскаго. Троянскія игры, по словамъ Римлянъ, шли изъ глубокой древности, но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, трудно сказать. Императоры изъ дома Юліевъ всячески поддерживали эти игры.

15) Тмаръ—гора въ Эпирѣ. Дориклъ и его жена, какъ видно, жили прежде въ Эпирѣ и затѣмъ присоединились къ Энею. Въ слѣдующемъ параграфѣ Берoя названа Ретейской, т.-е. Троянской. Другіе читаютъ Исмарца Дорикла. Исмаръ—городъ во Ѳракіи.

16) Дитъ—имя Плутона, адскаго бога, брата Юпитера. Элисій—обитель блаженныхъ. Ларъ—богъ покровитель дома. Гора Эрикъ находилась около Акестова города.

17) Лаврентъ—латинскій городъ, куда долженъ былъ прибыть Эней. Онъ находился къ югу отъ Рима, не особенно далеко отъ Тибра.

18) Венера была дочерью морской богини Діоны.

19) Главкъ—рыбакъ, сдѣланный морскимъ богомъ. Палемонъ или Меликертъ, сынъ Ины или точнѣе Инои и Віотійскаго царя Аѳаманта, былъ со своею матерью обращенъ въ морскихъ боговъ. За ними слѣдуютъ имена разныхъ нимфъ.

20) Богъ Сонъ считался сыномъ Ночи. Леѳа—одна изъ адскихъ рѣкъ. Ея вода отымала память.

21) Утесы Сиренъ находились около острова Капреи. Сирены были морскія богини съ рыбьимъ хвостомъ. Онѣ очаровывали людей пѣніемъ и были погублены Улиссомъ.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Думаютъ иные, что въ описанiи гибели Палинура стихи: «Тотчасъ налегъ и съ кормиломъ его» и пр. и слѣдующiй, составляли раньше одинъ стихъ, такъ что по нашему переводу выходило бы такъ:

Тотчасъ налегъ и столкнулъ и въ текучiя воды низринулъ.

Мы полагаемъ, что это дѣло темное. Утверждаютъ, что сильное поврежденiе корабля не могло укрыться отъ моряковъ. Но вѣдь на кораблѣ присутствовалъ самъ богъ сна.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Такъ говоритъ со слезами и бѣгъ кораблей ускоряетъ;
Вотъ наконецъ приплываетъ ко странамъ Кумеевъ Эвбейскимъ.
Къ морю носы обратили и якоря зубомъ упорнымъ
Флотъ удержали на мѣстѣ; ужъ выгнутыхъ кормъ ополченьемъ
Берегъ увѣнчанъ; на брегъ Гесперійскій стремительно мчится
Юношей сонмъ; изъ утробы кремней добываютъ иные
Сѣмя огня; изъ-подъ кровель другіе дремучихъ звѣриныхъ
Тащатъ дрова и другъ другу ключи обрѣтенные кажутъ.
Царь богомольный межъ тѣмъ къ онымъ зáмкамъ, что вышнему Фебу
Вѣчно подвластны, къ далекимъ святилищамъ грозной Сибиллы
Тотчасъ идетъ и къ пещерѣ великой, изъ коей Деліецъ
Разумъ и духъ посылаетъ пророчицѣ, рокъ открывая.
Вотъ подъ Гекатины рощи, подъ кровли ужъ всходятъ златыя.

Слышно, что мудрый Дедалъ, убѣгая Миноевой власти,
Быстрыми крыльями небу осмѣлился ввѣриться древле;
Путь необычный свершилъ и къ Медвѣдицѣ льдяной поднявшись,
Легкой стопой наконецъ Халкидійскаго зáмка коснулся.
Здѣсь возвращенный землѣ, посвятилъ онъ державному Фебу
Крылій приборъ и воздвигнулъ ему исполинскіе храмы.
Смерть Андрогея при входѣ; затѣмъ осужденные зрятся
Чада Кекроповы... Горе! дѣтей семерыхъ ежегодно
Требуютъ въ пеню отъ нихъ; принимаетъ ужъ жребіи урна.
Островъ Гносійскій напротивъ изъ синяго понта выходитъ:

Вотъ и къ быку злополучная страсть и обманъ Пасифаинъ;
Смѣшанный родъ и двуликое племя вселенной на ужасъ
Тотъ Минотавръ ужъ возникнулъ, любви нечестивой отродье.
Зрится и домъ многотрудный, и ходовъ безвыходныхъ путы:
Тронулся впрочемъ великой царевны любовью искусникъ:
Самъ разрѣшилъ онъ обманъ и загадку жилища разрушилъ,
Нитью слѣпые шаги направляя; и ты бы работы
Частью не малою вышелъ, Икаръ! если-бъ скорбь допустила.
Дважды пытался паденье твое изваять онъ изъ злата,
Дрогнули дважды отцовскія руки. На все-бъ наглядѣлись,
Если-бъ предпосланный тутъ не вернулся Ахатъ, вмѣстѣ съ коимъ
Феба и Тривіи мудрая жрица герою предстала,
Главкова дочь Деифоба и такъ провѣщала владыкѣ:
«Ныньче не время такими картинами взоръ утѣшать вамъ;
Слѣдуетъ нынѣ изъ цѣлаго стада семи вамъ зарѣзать
Тучныхъ тельцовъ и овецъ, по уставу отобранныхъ, столько-жъ».
Такъ говорила она и едва лишь исполнены были
Дѣвы приказы, какъ Тевкровъ ко храмамъ зоветъ ужъ высокимъ. . [1]).

Вырубленъ въ видѣ пещеры Эвбейской скалы неприступной
Бокъ исполинскій: сто входовъ великихъ, сто устій имѣетъ,
Коими столько же гласовъ стремятся, отвѣты Сибиллы.
Только до прага дошли, какъ сказала дѣвица: «ужъ время
Рокъ вопрошать; богъ идетъ! богъ идетъ!» Съ этимъ словомъ у мудрой
Вдругъ при священныхъ вратахъ измѣняются видъ и румянецъ,
Пали власы по плечамъ, задыхается грудь и надулось
Яростью дикое сердце; ужъ большею смотритъ и голосъ
Чѣмъ-то не здѣшнимъ звучитъ, какъ святымъ дуновеньемъ все ближе
Богъ подстрекаетъ ее. «Что же медлишь мольбой и обѣтомъ
Тройскій Эней? что-жъ ты медлишь еще? вѣдь не прежде разверзнетъ
Домъ вдохновенный уста». Эти вымолвивъ рѣчи святыя,
Смолкнула вдругъ. По могучимъ Дарданцевъ костямъ пробѣгаетъ
Страхъ ледяной и взмолился отъ самаго сердца владыко:

«Фебъ! искони сострадавшій несчастьямъ неслыханнымъ Трои,
Ты, что Паридову длань и Дарданскія стрѣлы направилъ
Въ тѣло Ахиллово! столько морей, вкругъ земель обходящихъ

Фебомъ водимый прошелъ я; прошелъ и далеко лежащій
Край Массилійскій и пашни, что съ дикими Сиртами смежны.
Вотъ наконецъ настигаемъ бѣгущей Италіи берегъ.
Пусть же хоть нынѣ покинетъ Фортуна Троянская Тевкровъ!
Время и вамъ Пергамейскому роду простить, о святые!
Боги съ богинями, коимъ препятствовалъ Илій и слава
Тевкровъ великая! Также и ты, о святѣйшая жрица,
Зная грядущее, даруй, когда домогаюсь законно
Царства сужденнаго мнѣ, успокоиться въ Латіи Троямъ,
Нашимъ бродящимъ богамъ и гонимымъ Фригійскимъ Пенатамъ!
Тамъ мы и Фебу и Тривіи цѣльнаго мрамора храмы
Вскорѣ воздвигнемъ и Фебову имени праздникъ уставимъ.
Въ царствахъ моихъ и тебя ожидаетъ святилища почесть:
Въ капищѣономъ судьбины твои и священныя тайны,
Трои сынамъ изреченныя, скрою и стражей избранныхъ,
Добрая! къ нимъ посвящу. Не ввѣряй только листьямъ вѣщаній,
Вѣтромъ чтобъ ихъ не смѣшало въ потѣху зеѳирамъ крылатымъ;
Лучше сама возгласи». Такъ сказалъ и молитву закончилъ.

Феба еще не снося, средь пещеры межъ тѣмъ исполинской
Жрица бушуетъ, великаго вытѣснить бога изъ груди
Тщетно стараясь: тѣмъ больше гортань онъ свирѣпую давитъ,
Ярое сердце кротя и по волѣ своей направляя.
Вотъ и палаты великой разверзлись сто устій огромныхъ
Волей своей и отвѣты пророчицы мчатъ по эѳиру:
«О, наконецъ перенесшій опасности лютыя моря!
Худшими суша исполнена; въ царство Лавинское Тевкры
Придутъ велѣніемъ рока; о семъ не тревожься! но будутъ
Въ этомъ пришествіи каяться... Войны, свирѣпыя войны
Вижу вдали; многой кровью пѣнящійся Тибръ созерцаю.
Будутъ тебѣ и Симоисъ, и Ксанѳъ, и Дорійскіе станы;
Въ Латіи новый Ахиллъ ужъ готовъ на Дарданскую гибель,
Тоже богиней рожденъ; не отстанетъ отъ васъ и Юнона,
Къ Тевкрамъ однажды прильнувъ, между тѣмъ какъ молящій и нищій,
Горе! къ народамъ какимъ и къ какимъ не прибѣгнешь ты градамъ!
Бѣдствій толикихъ виной иноземная снова супруга;
Чуждые браки виной . . . . .
Ты-жъ предъ судьбой не смиряйся, но съ ней дерзновеннѣй борися,

Чѣмъ дозволяла-бъ Фортуна и знай, что дорогу спасенья,
Трудно хоть вѣрить сему, ты во градѣ Данайскомъ отыщешь».

Такъ-то изъ капищъ подземныхъ Кумейская эта Сибилла
Въ грозныхъ загадкахъ пророчитъ и вторитъ ей отзывъ пещерный;
Истину тьмой облекаетъ она, Аполлоновы бразды
Чуя въ безумствѣ своемъ и подъ сердцемъ роженъ Олимпійца.
Только смягчилася ярость и лютое горло умолкло,
Рѣчь начинаетъ герой: «Никакія несчастья не могутъ
Новыми быть для меня или странными мнѣ, о дѣвица!
Всѣ ужъ давно предузналъ и заранѣе въ сердцѣ обдумалъ.
Просьба одна у меня: если здѣсь преисподняго князя
Праги лежатъ и болотомъ стоитъ Ахеронтъ омраченный,
Пусть на свиданье съ родителемъ милымъ дозволено будетъ
Сыну идти; путь сама укажи, дверь святую отверзи.
Онаго я сквозь огонь и сквозь тысячи копій враждебныхъ
Вынесъ на этихъ плечахъ, изъ средины Данаевъ исторгши;
Оный, сопутствуя мнѣ, претерпѣлъ всѣ моря и пучины;
Всѣ океана и неба угрозы со мною сносилъ онъ,
Дряхлый, больной, свыше силъ, свыше жребія старости древней.
Съ просьбой къ тебѣ что-бъ пришелъ я и къ прагамъ твоимъ обратился,
Онъ же молилъ и наказывалъ. Сжалься надъ нимъ и надъ сыномъ!
Добрая! сжалься: возможно вѣдь все для тебя; не напрасно
Къ рощамъ Аверна благую приставила древле Геката.
Если супружнія Маны изъ аду Орфей могъ исторгнуть
Звучной киѳарой Ѳракійской и гусель пѣвучихъ игрою,
Ежели Кастора Поллуксъ, чредой умирая, спасаетъ,
Путь столько разъ совершая Стигійскій,—назвать ли Ѳесея
Или Алкида бойца?—такъ и мы вѣдь отъ вышняго Зевса» 3).

Такъ онъ молился, руками священный алтарь охвативши.
Рѣчь начинаетъ пророчица: «Крови божественной чадо,
Тевкръ Анхисидъ! человѣкамъ легко нисхожденье къ Аверну:
Денно и нощно растворены чернаго Дита палаты.
Вспять обратиться и вышняго снова эфира достигнуть:
Вотъ въ чемъ забота и трудъ. Лишь немногіе, Зевсъ благосклонный
Коихъ любилъ или доблесть огневая къ небу умчала,

Дѣти боговъ, возмогли. Залегаютъ лѣса на дорогѣ,
Чернымъ изгибомъ подземное царство Коцитъ обтекаетъ.
Впрочемъ, когда ужъ такая любовь и такое желанье
Дважды Стигійскія воды преплыть и двукратно увидѣть
Тартары темные; путь совершить если жаждешь безумный,
Слушай, что выполнить должно сперва: средь тѣнистаго древа
Гибкая вѣтка таится, златымъ осѣненная листомъ,
Адской Юнонѣ святая. Сію окружаетъ дубрава
Тѣнью густой и туманные долы кругомъ замыкаютъ.
Знай, что тому лишь дается въ подземные мраки проникнуть,
Кто со священнаго древа сорветъ златовласую отрасль.
Вѣтку Прозерпина красная вамъ искони завѣщала
Въ даръ для себя приносить. Не успѣешь сорвать какъ ужъ новый
Отпрыскъ на древѣ готовъ и по прежнему золотомъ блещетъ.
Взоромъ ищи въ вышинѣ и нашедши его по уставу
Дланью сорви: добровольно за ней онъ послѣдуетъ, если
Рокомъ зовешься къ нему; если-жъ нѣтъ, то не сможешь никоей
Силой отторгнуть его, ниже твердымъ отрѣзать желѣзомъ.
Кромѣ того бездыханнаго друга лежатъ на прибрежьи,
Горе! не знаешь еще, и суда оскверняютъ останки,
Ты же боговъ вопрошаешь и въ нашей обители медлишь.
Трупъ отнеси во-свояси и въ гробѣ сокрой несчастливца;
Черныхъ овновъ заколи: эта жертва всего неотложнѣй.
Такъ поступивъ, напослѣдокъ увидишь Стигійскія рощи,
Царства пройдешь непроходныя.» Рекши, уста заключила.

Съ ликомъ печальнымъ и долу смущенныя очи склонивши,
Идетъ, пещеру покинувъ, Эней и въ душѣ обсуждаетъ
Таинства жребія темнаго; вѣрный Ахатъ, какъ и прежде,
Князю сопутствуетъ, въ равной заботѣ свершая дорогу.
Много въ различныхъ рѣчахъ межъ собою они толковали,
Коего друга пророчица, чье погрести повелѣла
Мертвое тѣло, и вотъ, лишь до брега сухого достигли,
Видятъ Мисена товарища, жалкой погибшаго смертью,
Храбраго сына Эолова, лучшаго всѣхъ, что на битвахъ
Мѣдью скликали мужей и трубой возбуждали Маворта.
Спутникомъ Гектора былъ онъ великаго, съ Гекторомъ рядомъ
Бился въ сраженьяхъ, и звонкой трубой и копьемъ прославляясь.

Оному лютый Ахиллъ побѣдитель какъ душу исторгнулъ,
Тутъ Дарданійцу Энею герой знаменитый предался,
Въ новую службу, не худшую прежней, вступивъ добровольно
Въ этотъ же день, какъ случайно свирель между раковинъ выбравъ,
Понтъ оглашалъ онъ, безумецъ, и звалъ къ состязанью безсмертныхъ,
Гнѣвный соперникъ Тритонъ, если вѣры достойно преданье,
Мужа сего обошелъ и свалилъ на утесы и въ пѣну.
Трупъ окружали Трояне и кликъ воздвигали великій;
Громче всѣхъ прочихъ воскликнулъ Эней; тутъ, не мѣшкая долго,
Съ плачемъ приказъ исполняютъ Сибиллинъ и жертвенникъ смертный
Строятъ изъ древъ и подъ самое небо воздвигнуть стремятся.
Къ рощамъ сѣдымъ поспѣшаютъ, высокимъ жилищамъ звѣринымъ;
Падаютъ ели, трещитъ подъ ударами частыми падубъ;
Клиньями ясени колятъ и дубъ разрѣзаютъ слоистый;
Съ горъ неприступныхъ свергаютъ они исполинскіе орны.
Мощный Эней больше прочихъ работой толикою занятъ,
Самъ понуждая рабочихъ и самъ топоромъ ополчаясь.
Мысли такія межъ тѣмъ въ скорбномъ сердцѣ могучій вращаетъ:
«О, если-бъ оный златой вдругъ явился на деревѣ отпрыскъ
Въ рощѣ толикой: вѣдь прочее все предсказала не ложно;
Слишкомъ не ложно, увы! о тебѣ, о Мисенъ! провѣщала».
Только сказалъ онъ, какъ въ то же мгновеніе вдругъ двѣ голубки
Съ неба слетѣвъ, передъ самымъ лицомъ пропорхнули и тутъ же
Сѣли на дернѣ зеленомъ; узналъ богатырь знаменитый
Матернихъ птицъ и съ молитвою радостной къ нимъ обратился:
«Будьте вождями пути, если есть онъ! Полетъ по эфиру
Къ рощамъ направьте, гдѣ тучную почву отростокъ богатый
Златомъ тѣнитъ; и сама не покинь въ обстоятельствахъ трудныхъ,
Матерь богиня!» Молитву свершивъ, онъ шаги ускоряетъ,
Знаменья взоромъ своимъ примѣчая и птицъ направленье.
Въ паствѣ онѣ столько мѣста заразъ пролетаютъ, насколько
Могутъ за ними слѣдить предводимаго зоркія очи.
Вотъ, какъ достигли смердящихъ жерелъ роковаго Аверна,
Быстро взвились и, сквозь воздухъ текучій промчавшись мгновенно,
Сѣли на мѣстѣ желанномъ, на вѣткахъ двоякаго древа,
Блескъ золотой отъ котораго свѣтится въ листьяхъ несходныхъ:
Точно какъ въ дебряхъ въ морозную зимнюю пору омела
Свѣжимъ сіяетъ листомъ, не своимъ порожденная древомъ,
Гроздья цвѣтовъ золотыя вкругъ гладкихъ стволовъ оплетая,

Такъ-то качалася вѣтка на падубѣ частомъ и темномъ;
Такъ-то на легкомъ вѣтру шелестѣла пластинка златая.
Тотчасъ хватаетъ Дарданецъ и съ жадностью гибкую ломитъ
Вѣтку Эней и несетъ ко дворамъ вдохновенной Сибиллы 4).

Съ плачемъ Мисена межъ тѣмъ погребали на берегѣ Тевкры,
Праху глухому послѣднюю почесть вотще воздавая.
Прежде всего изъ лучины и дровъ изобильныхъ дубовыхъ
Строятъ великій костеръ и его по бокамъ окружаютъ
Черной хвоей и гробовые ставятъ предъ нимъ кипарисы.
Яснымъ оружьемъ героя затѣмъ убираютъ громаду;
Теплой воды добываютъ иные, котлы согрѣвая
Пламенемъ быстрымъ и хладное тѣло омывъ, умащаютъ.
Слышится стонъ. Вотъ оплаканный трупъ полагаютъ на ложе:
Ризы багряныя сверху, знакомыя друга одежды,
Стелятъ одни; подъ великія стали носилки другіе,
Грустную службу свершая, и вотъ ужъ по предковъ уставу,
Свѣточъ подносятъ, лицо отвративъ. Сожигаются кучей
Жертвенный ладанъ и яства, и масло, и самыя чаши.
Вотъ какъ разсыпался пепелъ и смертное пламя уснуло,
Кости и жадную золу виномъ Кориней омываетъ,
Друга останки собралъ и въ мѣдяный сосудъ заключаетъ.
Онъ же товарищей трижды священною влагой обноситъ,
Мелкой росой окропляя и вѣткой счастливой оливы:
Такъ-то очистилъ людей и послѣднее вымолвилъ слово.
Царь же Эней богомольный великой громадой могилу
Мужу воздвигъ и оружіе съ нимъ и весло со трубою
Скрылъ подъ горой поднебесной, что нынѣ Мисеномъ зовется
Онаго ради и память объ немъ навсегда сохраняетъ.

Дѣло свершивъ, поспѣшаетъ исполнить велѣнья Сибиллы.
Есть тамъ пещера глубокая, страшная зѣвомъ великимъ,
Острокремнистая, черной водой и дубравою мрачной
Вкругъ обнесенная; самыя птицы не смѣютъ надъ оной
Путь на крылахъ совершать: изъ разсѣлины черной толикій
Духъ возстаетъ и подъ своды небесные вѣчно стремится.
Тамъ четырехъ для начала становитъ воловъ черноспинныхъ

Вѣщая жрица и чаши съ виномъ имъ на лбы обращаетъ;
Шерсти верхушки сорвавъ межъ рогами животныхъ крутыми,
Въ пламя святое ввергаетъ, начатки божественной жертвы.
Въ голосъ Гекату зоветъ, и на небѣ, и въ адѣ царицу;
Ножъ приближаютъ иные межъ тѣмъ и ужъ теплою кровью
Чаши свои наполняютъ; вотъ черную агницу мрачной
Матери дѣвъ Эвменидъ и сестрѣ ихъ великой владыка
Самъ заколаетъ мечемъ, яловицу-жъ даетъ Прозерпинѣ.
Слѣдомъ Стигійскому князю ночную онъ жертву приноситъ,
Трупы воловъ цѣликомъ на алтарь громоздя и съ молитвой
Масло святое лія на огни и горящія жертвы.
Тутъ предъ восходомъ зари, передъ самымъ рожденіемъ солнца,
Взвыла земля подъ ногами и вдругъ затряслись, задрожали
Холмы лѣсистые; въ сумракѣ лай раздается собачій,
Вѣстникъ богини грядущей: «прочь, внѣшніе! дальше отсюда!»
Вопитъ пророчица: «прочь! изо всей уходите дубравы,
Ты же свой путь зачинай и желѣзо нагое исторгни.
Тутъ-то безстрашіе нужно, Эней, тутъ-то крѣпкое сердце».
Такъ возгласивши, въ пещеру отверстую яро стремится;
Князь за вождемъ вдохновеннымъ неробкой стопой поспѣшаетъ 5).

Боги, усопшихъ властители! вы, молчаливыя тѣни!
Хаосъ и Флегеѳонъ! страны, молчащія въ тьмѣ необъятной,
Дайте, что слышалъ, изречь и божественной милостью вашей
Вещи раскрыть, и въ землѣ, и въ глубокомъ сокрытыя муракѣ 6).

Идутъ въ безлюдной ночи сквозь туманы и вѣчныя тѣни;
Идутъ сквозь Дитовы домы пустые и тщетныя царства.
Такъ при невѣрной лунѣ, при скупомъ и обманчивомъ свѣтѣ
Путь пролегаетъ въ лѣсахъ, какъ туманами небо одѣнетъ
Юпитеръ богъ и цвѣта у вещей сумракъ черный отыметъ.

Вотъ предъ сѣнями и въ самомъ преддверіи Орковой пасти
Плачъ и кручины отместницы кущи свои оградили.
Блѣдныя болѣсти тамъ обитаютъ и грустная старость,
Гладъ злосовѣтный и ужасъ и гнусный живетъ недостатокъ;

Страшные образы видны: и смерть, и лихое страданье,
Кровная смерти дрема и утѣхи злорадныя духа.
Тамъ у свирѣпаго прага война смертоносная зрится,
Фурій желѣзныя двери стоятъ и безумная распря
Кудри волосъ зміевидныхъ кровавой повязкой вѣнчаетъ 7).

Въ сонмищѣ ономъ раскинула вѣтви и дряхлыя руки
Ильма густая, великая: тамъ, говорятъ, въ-разсыпную
Легкіе сны обитаютъ, подъ каждымъ листкомъ помѣстившись.
Много и кромѣ того разновидныхъ тамъ видно страшилищъ:
Тамъ и Кентавры гнѣздятся въ сѣняхъ и двоякія Скиллы;
Тамъ Бріарей стообразный, тамъ злое чудовище Лерны
Страшно шипитъ и Химера, огнемъ ополченная, зрится.
Гарпіи, Горгоны, тѣнь исполина триглаваго съ ними.
Страхомъ внезапнымъ объятъ, обнажаетъ оружіе Трои
Мощный Эней и желѣзо нагое врагамъ подставляетъ.
Только-бъ ему не напомнила жрица, что легкія тѣни,
Тѣла лишенныя, въ образѣ мнимомъ предъ нимъ пролетаютъ,
Ринулся-бъ князь и вотще разрубалъ бы мечемъ привидѣнья.

Къ адскимъ водамъ Ахеронта отселѣ дорога низводитъ:
Грязью кипитъ и великой пучиной крутитъ и густые
Мчитъ онъ пески, изрыгая всю ношу въ Коцитово лоно.
Воды и рѣки сіи охраняетъ привратникъ ужасный,
Грязью покрытый Харонъ; у него на сѣдомъ подбородкѣ
Всклоченный волосъ щетинится, пламенемъ свѣтятся очи,
Грязная съ древнихъ раменъ на узлѣ ниспадаетъ одежда;
Лодку шестомъ направляетъ и парусъ на ней онъ подъемлетъ,
Въ темной ладьѣ черезъ адскія рѣки, возя несчастливцевъ,
Старцемъ онъ смотритъ, но крѣпкая, свѣжая старость у бога.
Къ мѣсту сему устремлялись толпы, на брегахъ накопляясь:
Мужи и жены, отжившіе возрастъ положенный тѣни
Славныхъ героевъ и съ отроковъ сонмомъ безбрачныя дѣвы;
Юноши, коихъ костеръ на глазахъ у родителей принялъ,
Точно какъ въ рощахъ при первомъ дыханіи осени мразной
Многіе листья падутъ или къ сушѣ съ великаго моря
Многія птицы сбираются, зимняя коихъ година

За море гонитъ и въ теплыя страны толпами вселяетъ;
Такъ-то и тѣни стояли, чтобъ первыми взялъ ихъ молили,
Руки съ тоской простирали къ желанному оному брегу.
Строгій межъ тѣмъ перевощикъ то тѣхъ, то другихъ принимаетъ,
Многихъ же вспять обращаетъ, отъ берега ихъ отстраняя.
Видомъ такимъ изумленъ и смятеніемъ тронутъ великимъ,
Молвитъ Эней: «о дѣвица! скажи, что за сборище вижу?
Что́ имъ потребно теперь или ради чего покидаютъ
Берегъ иные, другіе-жъ по блѣднымъ волнамъ выгребаютъ!»
Въ краткихъ словахъ отвѣчаетъ ему многолѣтняя жрица:
«Чадо Анхисово, вѣчныхъ боговъ несомнѣнный ты отпрыскъ!
Воды Коцита глубокаго зришь и Стигійское блато,
Коимъ и боги со страхомъ клянутся, и клятвы не рушатъ.
Всѣ, что на берегѣ ждутъ,—это сонмище гроба лишенныхъ.
Злой перевощикъ Харонъ, съ нимъ въ ладьѣ погребенные ѣдутъ.
Страшныхъ коснуться бреговъ и ревущій потокъ переѣхать
Тѣмъ лишь дается однимъ, чьи останки во гробѣ почили.
Прочіе бродятъ сто лѣтъ и на берегѣ здѣшнемъ порхаютъ;
Приняты будутъ затѣмъ и желанныя воды увидятъ».
Сталъ порожденный Анхисомъ и шагъ удержалъ на мгновенье,
Многое мысля, и горестный жребій въ душѣ сожалѣя,
Вотъ увидалъ онъ прискорбныхъ и почести смертной лишенныхъ
Мужа Левкаспія съ княземъ Ликійскаго флота Оронтомъ,
Коихъ, отъ Трои плывущихъ, въ пучинѣ взволнованной разомъ
Австръ утопилъ, задавивши волной и ладью и героевъ.

Вотъ и правитель ладьи, Палинуръ межъ другими проходитъ,
Тотъ, что въ походѣ Ливійскомъ недавно, какъ звѣзды смотрѣлъ онъ,
Рухнулъ съ высокой кормы и внезапно въ пучину низринутъ.
Грустнаго друга съ трудомъ распознавъ черезъ сумракъ великій,
Такъ вопрошаетъ Эней: «Кто-жъ тебя, Палинуръ, изъ безсмертныхъ
Отнялъ у насъ и въ морской глубинѣ потопилъ несчастливца?
Молви, прошу, для того, что ни разу не найденный лживымъ
Этимъ отвѣтомъ однимъ обманулъ Аполлонъ насъ великій.
Пѣлъ, будто море безвредно пройдешь и къ Авзонскому брегу
Нѣкогда придешь; такъ вотъ каково исполненье обѣта!»
Кормчій на это речетъ: «не солгалъ тебѣ Фебовъ треножникъ,
Вождь Анхисидъ, и въ моряхъ Палинуръ не богами утопленъ,

Ибо съ великою силой схвативши случайно кормило,
Стражемъ прильнулъ я къ которому, бѣгъ кораблей направляя,
Въ море съ собой потащилъ я; свирѣпымъ клянусь океаномъ!
Въ эту минуту за участь свою я не столько страшился,
Сколько дрожалъ, чтобъ кормила лишенъ и съ изверженнымъ кормчимъ
Царскій корабль, предъ толикой волной ослабѣвъ, не погибнулъ.
Такъ-то три зимнія ночи чрезъ море великое Нотомъ
Яростнымъ былъ я несомъ; на четвертый ужъ день напослѣдокъ,
Взоры надъ зыбью поднявъ, увидалъ я Италіи берегъ.
Къ сушѣ подплылъ понемногу, ужъ мѣстъ безопасныхъ касался.
Вдругъ беззаконный народъ отягченнаго мокрою ризой,
Выступы твердой скалы, искривляя персты, какъ хваталъ я,
Встрѣтилъ съ оружьемъ въ рукахъ, за добычу сочтя въ неразумьи.
Тѣломъ прибой обладаетъ и носятъ вѣтры вдоль поморій.
Радостнымъ свѣтомъ небесъ и эфиромъ тебя заклинаю,
Прахомъ отца и надеждой твоей на растущаго Юла:
Сильный! изъ бѣдствій толикихъ исторгни! Земли по уставу
Кинь на меня, вѣдь не трудно, и брегъ разыщи ты Велинскій.
Или, стезя буде есть и тебя сотворившая сыну
Путь указуетъ сама,—не безъ воли конечно безсмертныхъ
Рѣки толикія мыслишь преплыть и Стигійское блато,—
Бѣдному руку подай и съ собою возьми черезъ воды,
Въ тихой странѣ чтобъ возмогъ успокоиться я хоть по смерти!»

Такъ онъ молилъ, а пророчица рѣчь начинаетъ такую:
«Дерзкое это стремленье въ тебя, Палинуръ, какъ проникло?
Ты-ль, погребенья лишенный, Стигійскія воды и строгій
Токъ перейдешь Эвменидъ и запретнаго брега достигнешь?
Полно! божественный рокъ преклонить не надѣйся моленьемъ;
Лучше вотъ это запомни и въ горькой бѣдѣ утѣшайся:
Знай, что сосѣди твои, устрашаемы долго и всюду
Гнѣвныхъ боговъ чудесами, твой прахъ напослѣдокъ умолятъ,
Холмъ создадутъ и могилѣ законную честь установятъ.
Самое мѣсто сіе Палинуромъ во вѣкъ наречется».
Прогнаны рѣчью заботы и скорбь понемногу изъ сердца
Грустнаго вышла: гордится единоименной страною.

Путь начатой продолжаютъ затѣмъ и къ потоку подходятъ.
Ихъ ужъ давно отъ пучины Стигійской узрѣлъ перевощикъ,
Рощей безмолвной идущихъ и близящихъ къ берегу ноги.
Къ нимъ обращается вдругъ и упреками ихъ осыпаетъ:
«Кто бы ты ни былъ, съ оружіемъ къ нашимъ водамъ подходящій,
Молви оттуда, зачѣмъ ты пришелъ и не двигайся съ мѣста.
Тѣней обители видишь и Сна и сонливыя ночи;
Тѣло живое въ Стигійскомъ возить караблѣ не годится.
Радости мало имѣлъ я, какъ путника принялъ Алкида
На воды здѣшнія, ниже Ѳесея вождя съ Пириѳоемъ,
Родъ хоть вели отъ безсмертныхъ и силою равныхъ не знали.
Тотъ охранителю Тартара цѣпи на вѣю накинулъ,
Взявъ при владыкѣ самомъ, и дрожащаго пса потащилъ онъ;
Дита хозяйку изъ спальни другіе хотѣли похитить» 9).

Въ краткихъ словахъ отвѣчаетъ ему Амфрисійская жрица:
«Умысловъ нѣтъ здѣсь такихъ; безполезно отъ насъ удаляться.
Мечъ объ насильи не думаетъ; можетъ привратникъ огромный
Лаемъ всегдашнимъ безкровныя тѣни страшить изъ пещеры;
Чистая можетъ Прозерпина въ дядиныхъ кущахъ таиться.
Тройскій Эней, благочестьемъ прославленъ равно и оружьемъ,
Къ дольнимъ Эреба тѣнямъ на свиданье съ родителемъ сходитъ.
Если такая почтительность лютаго тронуть не можетъ,
Вѣтку сію,—тутъ подъ ризой сокрытую вѣтку явила,—
Можешь узнать». Опадаетъ надменное яростью сердце;
Больше не сказано слова. Дивясь досточтимому дару:
Вѣткѣ боговъ роковой, черезъ долгое узрѣнной время,
Блѣдную мужъ обращаетъ ладью и ко брегу подводитъ.
Тѣни другія на длинныхъ скамьяхъ возсѣдавшія рядомъ
На берегъ гонитъ. Очистилось мѣсто и принятъ великій
Въ лодку Эней. Застонала подъ грузомъ ладья непривычнымъ;
Многую воду чрезъ скважины сшитый челнокъ принимаетъ.
Вотъ наконецъ за рѣкой невредимыми жрицу и мужа
Въ илѣ несвязномъ и въ синей болотной травѣ онъ покинулъ 10).

Керберъ великій зарѣчныя области лаемъ тризѣвнымъ
Тамъ оглашаетъ ужасный, въ пещерѣ напротивъ залегши

Видя, что стала у пса ужъ змѣями щетиниться выя,
Жрица пирогъ, напоенный и зельемъ снотворнымъ и медомъ
Вержетъ ему: открываются разомъ три гладныя горла;
Пищу схватилъ и ужъ сномъ исполинскій хребетъ разрѣшилъ онъ,
На землю павъ, и огромный по цѣлой пещерѣ разлегся.
Входомъ Эней овладѣлъ и, уснувшаго стража минуя,
Быстрыми всходитъ шагами на берегъ струи невозвратной.

Тотчасъ послышались вопли, младенческій плачъ неумолчный;
Плакали души младенцевъ, которыхъ на первомъ порогѣ
Сладостной жизни лишивъ и отъ самыхъ грудей оторвавши,
Черная смерть унесла и кончиной жестокой сгубила.
Въ смежной странѣ обитаютъ безвинно казненные смертью.
Домы сіи не случайно назначены имъ не безъ судій:
Урну Миной потрясаетъ, безмолвные тѣней соборы
Онъ же сбираетъ, усопшихъ и жизнь и дѣла узнаетъ онъ.
Рядомъ живутъ тѣ несчастные, смерть что себѣ присудили
Собственной дланью, безумцы, и свѣтомъ небеснымъ соскучась,
Духъ испустили; о, какъ бы желали подъ горнимъ эфиромъ
Нынѣ и бѣдность сносить и нужду и тяжелыя страды!
Рокъ запрещаетъ и блато противное зыбью тоскливой
Ихъ замыкаетъ и Стиксъ девять разъ окружилъ ихъ разливомъ [11]).

Близко отъ нихъ широко во всѣ стороны тянутся степи,
Кои долинами слезъ въ преисподнемъ Аидѣ зовутся.
Тамъ всѣхъ несчастныхъ, что лютымъ недугомъ любовь истерзала,
Тайныя тропы скрываютъ и миртовый лѣсъ злополучныхъ
Тѣнью одѣлъ, но тоска не покинула ихъ и по смерти.
Тамъ и Прокриду и Федру съ печальною онъ Эрифилой,
Сына жестокую рану понынѣ являющей, видитъ;
Зритъ Пасифаю съ Эвадной, при коихъ и Лаодамія
Грустная ходитъ и юноша древле, но женщина нынѣ
Оный Кеней, въ прежній образъ судьбами опять возвращенный.
Между иныхъ и Тирянка Дидона со свѣжею раной
Въ рощѣ великой бродила, которую только увидѣлъ
Тройскій герой, подойдя, и узналъ сквозь печальныя тѣни,
Словно какъ тотъ, что во дни новолунья порою вечерней

Зритъ или думаетъ зрѣть сквозь туманы родившійся мѣсяцъ,
Слезы онъ пролилъ тогда и съ любовію слово промолвилъ:
«О, Сидонянка несчастная. видно правдивыя вѣсти
Я получилъ, что желѣзомъ себя ты убила и сгибла.
Горе! причиною гибели я! небесами клянуся,
Вышними я, всѣми клятвами здѣшнихъ обителей дольнихъ:
Брегъ твой, царица! не собственной волей тогда покидалъ я.
Вышнихъ велѣнья, что нынѣ идти заставляютъ сквозь тѣни,
Сквозь запустѣлыя дикія страны и сумракъ глубокій,
Гнали въ ту пору меня, да притомъ и не могъ я повѣрить,
Бѣгствомъ своимъ чтобъ толикое горе тебѣ причинилъ я.
Шагъ удержи, на себя наглядѣться очамъ не препятствуй;
Что ты спѣшишь?—вѣдь послѣднее это свиданье межъ нами!»
Такъ-то Эней раздраженную, дикимъ смотрѣвшую взоромъ,
Ласковой рѣчью смягчалъ, проливая обильныя слезы.
Взоръ отвращая и въ землю свирѣпыя очи вперяя,
Рѣчью начатой не больше она умягчается нынѣ,
Чѣмъ непреклонный кремень или твердыя скалы Марпеса.
Вотъ наконецъ устремилась и злобой пылая бѣжала
Въ рощу тѣнистую: тамъ у нея прежній мужъ утѣшаетъ
Лютую скорбь и любовью Сихей за любовь награждаетъ.
Мощный Эней тѣмъ не менѣе, злою судьбой потрясенный,
Гонится долго и слезы бѣгущей во слѣдъ посылаетъ [12]).

Путь предлежащій затѣмъ продолжаютъ и вскорѣ достигли
Крайнихъ полей отдаленныхъ, гдѣ славные въ браняхъ витаютъ.
Вотъ повстрѣчался великій Тидей, вотъ оружіемъ громкій
Парѳеноней ратоборецъ и блѣднаго призракъ Адраста.
Вотъ и оплаканный горними строй: Дарданиды, на битвахъ
Павшіе лютыхъ; увидя ряды безконечные сразу,
Онъ застоналъ: увидалъ Ѳерсилоха и Главка съ Медонтомъ,
Трехъ Антеноровыхъ чадъ и Кереры жреца Полифойта;
Тутъ же Идея, держащаго возжи еще и оружье.
Справа и слѣва столпилися тѣни, его обступая.
Видѣть еще недостаточно, шагъ удержать имъ потребно,
Съ другомъ бесѣду завесть и узнать о причинахъ прихода.
Всѣ же Данаевъ князья и царя Агамемнона рати,
Только завидѣли мужа и ясныя латы сквозь сумракъ,

Страхомъ великимъ объяты: иные ужъ тылъ обратили,
Словно тогда при судахъ, кликъ воинскій другіе воздвигши,
Гласъ испускаютъ неслышный; зіяющимъ звукъ измѣняетъ 13).

Вотъ и герой Пріамидъ, по всему изувѣченный тѣлу
Зрится въ толпѣ Денфобъ; ликъ свирѣпо обрубленный виденъ;
Ликъ и могучія руки, виски безъ ушей похищенныхъ,
Раной позорной изрытыя витязя жалкія ноздри.
Только съ трудомъ распозналъ онъ дрожавшаго, крывшаго тщетно
Лютыя казни и съ рѣчью знакомой къ нему обратился:
«О, Денфобъ копьеносный! порода высокая Тевкра!
Кто-жъ отъ несчастнаго пени толикія взять покусился?
Кто надъ тобою толико дерзнулъ? Были слухи, что оной
Ночью послѣдней, отъ многихъ уставъ низложенныхъ Пелазговъ,
Палъ наконецъ ты и самъ на громаду нестройную труповъ.
Ради сего и могилу пустую на брегѣ Ретейскомъ
Самъ я воздвигнулъ и Манъ громогласно и трижды закликалъ;
Имя съ доспѣхомъ гробницѣ вручилъ, самого-жъ не успѣлъ я
Въ трупахъ найти и въ родимой землѣ положить до отъѣзда.
Такъ отвѣчалъ Пріамидъ: «все, какъ слѣдуетъ, другъ, ты исполнилъ,
Все Денфобъ и гробовыя Маны давно ужъ пріяли.
Жребій несчастный меня и Лаконки свирѣпое дѣло
Въ бѣды повергнули: это она мнѣ оставила память.
Какъ мы въ весельи напрасномъ послѣднюю ночь проводили,
Помнишь конечно и самъ, для того, что нельзя намъ не помнить!
Конь роковой лютымъ скокомъ когда ужъ на Пергамъ высокій
Прянулъ и воевъ оружныхъ въ утробѣ чреватой доставилъ,
Хоры она учредивши, Троянокъ, эванъ возглашавшихъ,
Вслѣдъ за собою водила, въ срединѣ толпы воздвигала
Свѣточъ великій и Граевъ звала отъ высокаго за̀мка.
Въ пору сію, отъ заботъ утомившись и сномъ отягченный,
Въ спальню ушелъ я несчастную; тамъ овладѣлъ распростертымъ
Сладкій, глубокій покой съ безмятежною сходственной смертью.
Эта супруга примѣрная втайнѣ межъ тѣмъ все оружье
Вынесла вонъ и у спящаго мечъ неизмѣнный украла;
Въ домъ Менелая зоветъ и ужъ двери предъ нимъ отворяетъ,
Видно надѣясь, что этимъ влюбленному сильно услужитъ,
Такъ что и толки о старыхъ грѣхахъ можетъ быть прекратятся.

Далѣе что? ворвались разъяренные; съ ними вступаетъ
Лютыхъ выдумщикъ злодѣйствъ Эолидъ... О, безсмертные! Граямъ
Ту же пошлите судьбу, если праведно требую мести.
Молви однако и самъ, что за жребій тебя въ эти страны
Въ тѣлѣ приводитъ живомъ: занесенный ли моремъ приходишь
Или по волѣ боговъ или случай иной заставляетъ
Грустные домы безъ солнца, смятенныя страны увидѣть» 14).

Такъ-то рѣчами мѣнялись; Аврора межъ тѣмъ на румяной
Мчась четвернѣ, ужъ средины небесъ колесницей достигла.
Можетъ быть данное время въ бесѣдахъ однѣхъ пронеслось бы,
Если-бъ Сибилла сопутница въ краткихъ словахъ не вмѣшалась:
«Ночь ужъ подходитъ, Эней, мы же въ плачѣ все время проводимъ.
Здѣсь, гдѣ стоимъ, на двѣ стороны путь раздѣляется мрачный:
Тотъ, что направо ко стѣнамъ великаго Дита уходитъ,
Насъ приведетъ во Элисій, дорога же лѣвая видитъ
Грѣшниковъ казни и къ Тартарамъ онымъ безбожнымъ стремится».
Такъ говоритъ Денфобъ: «не гнѣвись, о великая дѣва!
Тотчасъ уйду и пополню число и во мракъ возвращуся,
Ты же гряди, наша честь! и судьбиною пользуйся лучшей!»
Больше не вымолвилъ слова и тутъ же стопы обратилъ онъ.

Взоры внезапно возводитъ Эней и подъ скалами слѣва
Городъ онъ видитъ великій, тройной огражденный стѣною.
Пламенемъ жгучимъ его быстротечный потокъ обѣгаетъ,
Тартарскій тотъ Флегеѳонтъ и ворочаетъ звучные камни.
Видитъ напротивъ великую дверь: вереи адаманта,
Такъ что никая не сможетъ ихъ сила, не смогутъ желѣзомъ
Самые боги сломить. Башня къ высямъ желѣзная всходитъ;
Ризой кровавой одѣта, сидитъ у дверей Тисиѳона;
Денно и нощно врата стережетъ и очей не смыкаетъ.
Вотъ ужъ доносятся стоны, удары ужъ лютые слышны;
Вотъ и желѣзо скрипитъ и волочатся звонкія цѣпи.
Сталъ Дарданіецъ и звукомъ испуганный, шагъ удержалъ онъ.
«Что за преступники тамъ? о, дѣвица! скажи мнѣ, какія
Кары назначены имъ? что за шумъ долетаетъ ужасный?»
Такъ отвѣчаетъ пророчица: «князь знаменитѣйшій Тевкровъ!

Чистому праговъ безбожныхъ касаться не слѣдъ и не можно;
Впрочемъ, къ Авернскимъ лѣсамъ какъ меня приставляла Геката,
Казни боговъ показала сама и повсюду водила.
Лютою областью сей Радаманѳъ обладаетъ Гносійскій,
Слушаетъ злыхъ и казнитъ и признанье отъ нихъ вымогаетъ
Въ тайныхъ винахъ, что подъ небомъ, довольные тщетнымъ обманомъ,
Даже до поздней кончины загладить они не собрались.
Тотчасъ же плетью свирѣпой отместница ихъ Тисиѳона
Хлещетъ, ругаясь, и змѣями лютыми въ шуйцѣ махая,
Гнѣвныхъ сестеръ безпощадные хоры къ себѣ созываетъ.
Тутъ-то святыя и страшныя, грознымъ скрипящія звукомъ,
Двери злодѣямъ растворятся. Видишь, какой передъ ними
Сторожъ сидитъ? видишь образъ, что лютый порогъ охраняетъ?
Даже и иной страшнѣй, пятьдесятъ черныхъ зѣвовъ являя,
Гидра въ палатѣ сидитъ, самъ же Тартаръ спускается втрое
Въ пропасть отвѣсную, втрое во мраки глухіе уходитъ,
Чѣмъ отъ жилища людей до небеснаго будетъ Олимпа.
Тамъ-то старинное племя земли, Титаниды младые,
Свержены молньей, на днѣ преисподнемъ катаются нынѣ.
Тамъ я и двухъ Алоидовъ тѣла несказанныя зрѣла,
Коихъ могучія длани великое небо хотѣли
Древле разбить и Юпитера съ горняго царства низринуть.
Зрѣла царя Салмонея, несущаго лютыя кары,
Зевсово пламя зане представлялъ онъ и грохотъ Олимпа.
Сей на коняхъ четырехъ и въ рукѣ потрясая свѣтильникъ.
Ѣздилъ чрезъ сонмы Данаевъ, священной Элиды чрезъ городъ,
Въ шумномъ тріумфѣ ликуя и божеской требовалъ чести.
Жалкій безумецъ, что грозы небесъ и перунъ несравнимый
Мѣдью и звучнокопытныхъ коней передразнивалъ скокомъ.
Видя сіе, всемогущій отецъ чрезъ сгущенныя тучи
Ярую молнью спустилъ; не свѣтильники онъ, не лучины
Дымныя кинулъ и страшной стрѣлой пригвоздилъ нечестивца.
Съ оными Тилій великій, земли всеродящей питомецъ,
Видѣлся въ пропасти; девять онъ тамъ десятинъ занимаетъ
Тѣломъ простертымъ и коршунъ огромный излучистымъ клювомъ
Печень безсмертную щиплетъ, для казней растущую гложетъ
Внутренность жертвы и роется въ яствахъ живыхъ и подъ сердцемъ
Вѣчно гнѣздится и сроку не дастъ возрождаемой плоти.
Что говорить объ Лапиѳахъ: Иксіонѣ иль Пириѳоѣ?

Страшныя скалы надъ ними! вотъ-вотъ упадутъ и подобно
Рухнувшимъ виснутъ онѣ, а у праздничныхъ ложей высокихъ
Блещутъ подпорки златыя и съ роскошью дивной и царской
Пиръ уготованъ, но горе! старѣйшая Фурія сѣла
Тамъ за столами и къ яствамъ мѣшаетъ рукой прикоснуться.
Вскочетъ и свѣточемъ блещетъ и голосомъ лютымъ пугаетъ.
Тамъ-то всѣ тѣ, что при жизни на братьевъ своихъ озлоблялись,
Дряхлымъ ругались отцамъ и послушникамъ строили ковы;
Также и тѣ, что богатства наживъ на богатствахъ лежали,
Части не давъ сыновьямъ: велико это сонмище будетъ;
Или въ распутствѣ убитые или, что въ полкъ нечестивыхъ
Волей пошли и присягу владыкамъ дерзнули нарушить,
Кару несутъ за грѣхи. Не проси, чтобы я разсказала,
Кто тамъ къ чему присужденъ и за что̀ и какими судьбами.
Камень вращаетъ одинъ, между тѣмъ какъ на спицахъ колесныхъ
Грѣшникъ другой тамъ растянутъ; сидитъ и во вѣки не встанетъ
Жалкій Ѳесей; злополучный же Флегій весь міръ призываетъ,
Громко въ свидѣтели ставитъ себя и изъ сумрака вопитъ:
«Правдѣ примѣромъ моимъ научитесь, боговъ почитайте!
Родину продалъ одинъ и тиранна надъ нею поставилъ,
Сдѣлалъ законы на мздѣ и за деньги опять передѣлалъ;
Дочери ложемъ другой завладѣлъ и любовью запретной;
Всѣ несказанный задумали грѣхъ и его совершили.
Если бы сто языковъ я, сто устъ, гласъ желѣзный имѣла,
Даже и тутъ не могла бы всѣ виды злодѣйствъ перечислить,
Даже и тутъ не могла-бъ всѣ названія вымолвить казней» 15).

Рѣчи окончивъ сіи, говоритъ многолѣтняя жрица:
«Впрочемъ пойдемъ, поспѣшимъ, начатую мы жертву окончимъ.
Должно ускорить шаги; порожденіе горна Киклоповъ,
Стѣны вдали и нависшіе своды воротъ различаю.
Тамъ-то безсмертные намъ положить приношенье велѣли».
Такъ говоритъ и дорогою мрачною оба стремятся,
Мигомъ пространство они протекли и къ воротамъ подходятъ.
Входомъ Эней завладѣлъ и ужъ свѣжей водой по уставу
Тѣло кропитъ, а священную вѣтвь на дверяхъ прибиваетъ.

Дѣло свершивъ наконецъ и богинѣ вручивъ приношенье,
Въ радостный входятъ предѣлъ и вступаютъ въ пріятныя чащи
Оныхъ блаженныхъ дубравъ и жилищъ достигаютъ блаженныхъ.
Тамъ разливается шире эфиръ и поля одѣваетъ
Свѣтомъ багрянымъ; особое солнце и звѣзды имѣютъ.
Члены свои въ травяныхъ упражняютъ иные палестрахъ,
Спорятъ въ игрѣ и на желтомъ песку состязанья заводятъ;
Пляшутъ иные, ногами стуча, и поютъ громогласно.
Вотъ и священникъ Өракійскій, одѣянный длинною ризой,
На семь ладовъ измѣняя свой голосъ, друзьямъ подпѣваетъ,
Перстами вторя себѣ и смычкомъ изъ слоновыя кости.
Тамъ-то порода старинная Тевкрова, красное племя,
Эти вожди веледушные, лучшихъ временъ порожденье,
Илъ, Ассаракъ обитаютъ и Дарданъ, Троянъ основатель.
Ихъ колесницъ и оружій по близости призраки видны;
Въ землю вонзенныя копья стоятъ и разсыпавшись въ полѣ
Добрые кони пасутся; какую имѣли охоту
Въ тѣлѣ къ доспѣхамъ они, колесницамъ и холенью гладкихъ
Оныхъ коней, та же самая мощныхъ и здѣсь утѣшаетъ.
Видитъ и слѣва и справа иныя толпы на муравахъ,
Пиръ заводящихъ и сладостнымъ гласомъ Пеаны гласящихъ,
Въ рощѣ изъ лавровъ душистыхъ, откуда въ долины стекая,
Льется, по темнымъ дубравамъ кружась, Эриданъ многоводный.
Здѣсь водворяются всѣ, что за родину раны пріяли
Или при жизни жрецами святыми и чистыми слыли,
Набожнымъ былъ кто пѣвцомъ и достойное вымолвилъ Феба;
Всѣ, что судьбу человѣковъ искусствомъ украсили новымъ
Или чрезъ милости добрую память себѣ заслужили,
Бѣлой повязкой они по вискамъ всѣ украшены нынѣ.
Къ нимъ, обступившимъ чету, обратилась съ вопросомъ Сибилла,
Паче же прочихъ къ Мусею затѣмъ, что въ срединѣ стоялъ онъ
Сонма густого и станомъ высокимъ изъ всѣхъ выдѣлялся:
«Молвите, души блаженныя, молви пѣвецъ наилучшій,
Мѣсто какое Анхиса скрываетъ: вѣдь онаго ради
Прибыли мы и великія рѣки Эреба преплыли».
Въ краткихъ словахъ отвѣчаетъ пророчицѣ мужъ знаменитый:
«Нѣтъ постоянныхъ жилищъ, обитаемъ въ дубравахъ тѣнистыхъ.
Берегъ намъ ложе даетъ, на лужайкахъ ручьями кропимыхъ
Держимся мы, но когда ужъ такое желаніе въ сердцѣ,

Къ этимъ ступайте высотамъ и путь укажу вамъ удобный».
Рекши, идетъ впереди и поляны цвѣтущія сверху
Имъ указалъ пѣснопѣвецъ; вершины затѣмъ покидаютъ [16]).

Самъ же родитель Анхисъ въ это время въ зеленой долинѣ
Тамъ заключенныя души, что шествовать къ свѣту имѣютъ
Всѣ озиралъ, изучая прилежно, и родъ свой случайно
Сталъ пересчитывать онъ и грядущихъ любезнѣйшихъ внуковъ.
Силу и нравы потомковъ и счастье и рокъ обсуждалъ онъ;
Вдругъ по лугамъ подходящаго видитъ онъ сына и тотчасъ
Радости полный къ Энею онъ руки свои простираетъ.
Брызнули слезы изъ глазъ и пресѣкся отъ счастія голосъ.
«Чадо! пришелъ, наконецъ, и твоя трудный путь совершила,
Какъ я и думалъ, любовь и дается мнѣ, чадо, увидѣть
Очи твои и знакомый услышать твой гласъ и отвѣтить!
Въ этомъ себя увѣрялъ я и мыслилъ, что сбудется вскорѣ;
Время высчитывалъ я и надежды мои не солгали.
О, черезъ сколько земель, черезъ сколько морей перешедшій,
Нынѣ приходишь! въ какихъ ты опасностяхъ, сынъ, обрѣтался!
Какъ я страшился, чтобъ Ливіи царство тебя не смутило!»
Сынъ отвѣчаетъ: «родитель, печальный и строгій твой образъ,
Часто въ ночи приходившій, меня къ этимъ странамъ приводитъ;
Въ морѣ Тирренскомъ стоятъ корабли; дай коснуться десницы,
Дай же отецъ! и себя не скрывай отъ сыновнихъ объятій».
Такъ говоря, орошалъ онъ потокомъ лицо изобильнымъ;
Трижды стремился къ нему, чтобы руки вкругъ выи окинуть;
Трижды, напрасно объятый, изъ рукъ его выскользнулъ образъ,
Легкостью равенъ вѣтрамъ и съ летучимъ мечтаніемъ сходенъ.

Видитъ Эней между тѣмъ въ отдаленной и тайной долинѣ
Темные своды лѣсовъ и кустарникъ, какъ роща шумящій;
Видитъ Леѳейскую рѣку, вкругъ мирныхъ текущую сѣней.
Оной окрестъ племена и народы несчетные рѣютъ.
Точно, какъ шумныя пчелы порою безоблачной лѣта
Въ сонмахъ на пестрыхъ садятся цвѣтахъ и вокругъ бѣлоснѣжныхъ
Лилій кружатся,—такимъ-то жужжаньемъ все поле рокочетъ.
Видомъ внезапнымъ Эней изумленъ и желаетъ причины

Онаго знать и какая рѣка передъ нимъ протекаетъ,
Что̀ за народъ на прибрежьи толпою толикой собрался.
Старецъ отвѣтствуетъ: «души, которымъ судьба обѣщаетъ
Тѣло второе, при Леѳы струяхъ собираются нынѣ,
Пьютъ безпечальный напитокъ и прежней забвеніе жизни.
Ихъ имена разсказать и предъ окомъ твоимъ по порядку
Это потомство поставить мое ужъ давно замышляю,
Найденной нами Италіей больше чтобъ ты утѣшался».
«Отче! ужели возможно, чтобъ къ ясному небу отсюда
Души какія-бъ то ни было шли и опять возвращались
Въ тяжкое тѣло? ужели такъ дорого солнце безумнымъ?»
«Все объясню и въ сомнѣніи чадо тебя не оставлю»;
Древній Анхисъ начинаетъ и все по порядку сказуетъ:

«Слушай: во-первыхъ и небо и землю и влажныя степи,
Шаръ свѣтозарный Луны и Титановы оба свѣтила
Духъ животворный питаетъ внутри и разлившись по членамъ,
Движетъ громадою умъ и мѣшается съ тѣломъ великимъ.
Родъ человѣковъ отсюда и звѣри и племя пернатыхъ,
Такъ же и тѣ, что подъ мраморнымъ понтомъ чудовища ходятъ,
Сила огнистая въ нихъ и небесное скрыто начало
Въ ихъ сѣменахъ, но тѣла вредоносныя ихъ отягчаютъ,
Ихъ замедляютъ суставы земные и смертные члены.
Въ силу того и хотятъ и дрожатъ и смѣются и плачутъ,
Свѣта не видя, во мракѣ глухомъ и въ темницѣ замкнуты;
Даже и жизнь какъ покинутъ, послѣдняго солнца достигши,
Все-таки зло не совсѣмъ изъ несчастныхъ, не вовсе изъидутъ
Язвы тѣлесныя: дива въ томъ нѣтъ, вѣдь конечно не могутъ
Бывшія долго въ союзѣ въ конецъ межъ собой не спаяться.
Ради сего подвергаются карамъ и муку пріемлютъ
Древнихъ въ уплату грѣховъ; распинаются души иныя,
На вѣтеръ бывши повѣшены; въ омутѣ мрачномъ другія
Злую смываютъ чуму или пламенемъ ихъ опаляютъ.
Каждому жребій особенный; послѣ въ Элисій обширный
Насъ посылаютъ, но въ радостный край лишь немногіе входятъ.
Прочіе ждутъ, чтобы долгое время и лѣтъ исполненье
Выгнало язву упорную, чистыми въ духѣ оставя.
Разумъ эфирный и пламя воздушной частицы не сложной.

Вотъ, какъ ужъ тысячу разъ оборотъ совершится годичный,
Къ волнамъ Леѳейскимъ великимъ соборомъ ихъ богъ посылаетъ
Ради того, чтобъ, забывъ о быломъ, подъ небесные своды
Снова пошли и опять пожелали въ тѣла возвратиться».

Такъ-то бесѣдовалъ старецъ; затѣмъ онъ и сына и дѣву
Въ сонмы ведетъ и въ средину шумящей толпы помѣщаетъ,
Выбравши холмъ, отъ вершины котораго можно чредою
Всѣхъ увидать и узнать проходящихъ лицо и осанку.

«Славу тебѣ, что Дарданское племя украситъ и внуковъ,
Кои отъ роду Итальскаго намъ обѣтованы небомъ,
Славныя души, въ Троянскій нашъ родъ что вступить долженствуютъ
Я разскажу и съ судьбами твоими тебя познакомлю»:

«Юноша сей, что на древко безкровное, видишь, оперся,
Мѣсто ближайшее въ мірѣ займетъ и къ потокамъ эѳирнымъ
Первый пріидетъ, отъ смѣшанной крови Итальской возникшій:
Сильвій, Албанское имя, потомокъ твой послѣрожденный,
Коего мужу супруга Лавинія поздно зачавши,
Къ людямъ изъ рощъ изведетъ, и царя и царюющихъ предка.
Вотъ чрезъ кого наши правнуки въ длинной владѣть будутъ Альбѣ.
Рядомъ является Прокъ, Дарданійскаго племени слава;
Слѣдуютъ Капій, Нумиторъ и витязь тебѣ соименный,
Сильвій Эней, благочестьемъ равно и оружіемъ славный;
О, еслибъ только онъ могъ воцариться хоть нѣкогда въ Альбѣ!
Что за воители! силы какія, гляди, въ нихъ сокрыты!
Дубомъ гражданскимъ притомъ осѣняютъ высокія главы.
Габіи—городъ тебѣ и Номентъ и Фидены воздвигнутъ,
Твердой Коллатіи стѣны на скалахъ высокихъ поставятъ,
Иную за́мокъ, Пометіи крѣпкіе, Болу и Кору;
Въ будущемъ все имена, а теперь безъименныя страны» 17).

«Къ дѣду въ сопутники вѣрные вотъ поступаетъ и оный
Ромулъ Мавортовъ; отъ славной крови Ассараковой будетъ
Илія матерь. Смотри, какъ два гребня на темени блещутъ,
Какъ самъ родитель боговъ славой божеской внука вѣнчаетъ.

Сынъ мой! сего-то вождя руководствомъ тотъ Римъ знаменитый
Власть со вселенной сравняетъ, а гордую душу съ Олимпомъ
Семь окруживши твердынь исполинской единой стѣною,
Мощнымъ потомствомъ блаженный, какъ та Берекинтія матерь
Въ башенномъ ѣздитъ вѣнцѣ на повозкѣ чрезъ Фригіи грады,
Радуясь дѣтямъ богамъ, сто сыновъ обнимая великихъ,
Все небожителей, все на Олимпѣ высокомъ царящихъ» 18).

«Взоры сюда обрати и на эту взгляни ты породу:
Римлянъ твоихъ. Вотъ и Кесарь и все поколѣнье Іула,
Родъ, что высокаго неба современемъ долженъ достигнуть.
Вотъ онъ, вотъ мужъ, что тебѣ ужъ давно обѣщаютъ судьбины;
Вотъ Августъ Кесарь, сынъ Кесаря бога; вѣка золотые
Латію нѣкогда онъ возвратитъ и полямъ, что Сатурну
Были подвластны когда-то; на край Гарамантовъ и Индовъ
Мощную руку простретъ; внѣ свѣтилъ помѣстили ихъ боги;
Внѣ оборотовъ годичныхъ и солнца, Атлантъ небоносный
Ось гдѣ вращаетъ плечемъ, прикрѣпленную къ звѣздамъ огнистымъ.
Онаго чуя приходъ, и теперь ужъ Каспійскія царства
Божьимъ вѣщаньямъ внимаютъ, дрожатъ и брега Меотиды;
Нила, рѣки семиструйной трепещутъ смущенныя устья.
Нѣтъ, не прошелъ столько странъ и людей ни Алкидъ знаменитый,
Ниже герой, что коней виноградными возжами правитъ,
Либеръ, отъ верха крутого Нисейскаго тигровъ гонящій.
Мы же еще сомнѣваемся доблесть дѣлами прославить;
Страхъ намъ препятствуетъ даже въ Авзонской странѣ основаться!» 19)

«Это же кто вдалекѣ, осѣненный вѣтвями оливы,
Жертву несетъ?»—«Узнаю и власы, и сѣдой подбородокъ
Римлянъ царя, что законами первыми городъ упрочитъ,
Посланъ судьбами изъ бѣднаго края, изъ Курій ничтожныхъ,
Царствомъ великимъ владѣть. Вслѣдъ за нимъ воцарившійся Туллій
Гражданъ нарушитъ покой и въ суровыя битвы лѣнивыхъ
Двинетъ мужей и отъ громкихъ тріумфовъ отвыкшія рати.
Онаго смѣнитъ тщеславнѣйшій нѣсколько Анкъ, что̀ и нынѣ
Слишкомъ гордится народной молвой и пристрастіемъ люду.
Хочешь Тарквиніевъ этихъ державныхъ и гордую душу

Мстителя Брута и связки, къ нему перешедшія, видѣть?
Сей-то и консула власть и сѣкиры свирѣпыя первый
Приметъ у васъ и дѣтей, зачинающихъ новыя распри,
Самъ за свободу прекрасную къ смерти жестокой присудитъ.
О несчастливецъ! но какъ бы ни назвали это потомки,
Боретъ къ отчизнѣ любовь и стремленье безмѣрное къ славѣ» 20).

«Декіевъ нынѣ и Друсовъ вдали и съ сѣкирою строгой
Можешь Торквата узрѣть и со стягомъ отбитымъ Камилла,
Эти же двѣ въ одинакихъ доспѣхахъ блестящія души,
Дружныя нынѣ, пока сокрываются ночью глубокой,
Горе! какіе бои межъ собой, если жизни достигнутъ,
Будутъ вести и какіе полки и убійства воздвигнутъ!
Тесть отъ Альпійскихъ вершинъ, отъ Монекова горнаго за̀мка,
Вижу спускается; зять на него весь востокъ ополчаетъ.
Отроки, отроки, къ войнамъ такимъ не берите привычки!
Силы могучей на родины грудь обращать не дерзайте!
Ты укротися, ты первый, что племя съ Олимпа выводишь!
Слушайся, кровь ты моя! . . . . .
Сей отъ Коринѳа въ тріумфѣ къ холму Капитолія придетъ,
Гордой несомъ колесницей, разгромомъ Ахейскимъ прославленъ;
Арги иной сокрушитъ, Агамемноновъ городъ низвергнетъ,
Въ плѣнъ Эакида возьметъ, всеоружнаго отпрыскъ Ахилла,
Дѣдовъ Троянскихъ отмстивъ и Минервы поруганный за̀мокъ.
Кто бы, великій Катонъ! о тебѣ иль объ Коссѣ не вспомнилъ?
Кто бы о Гракховомъ родѣ, о двухъ Скипіадахъ могучихъ,
Молніяхъ битвъ и Пунійцевъ бичахъ, о Фабрикіѣ ономъ,
Въ бѣдности мощномъ, забылъ, иль объ сѣявшемъ въ полѣ Серранѣ?
Будетъ! усталъ я, о Фабіи! Максимъ, не ты-ль тотъ единый,
Нашу погибшую власть промедленьемъ что снова упрочишь?
Выкуютъ лучше иные искусствомъ металлъ оживленный,
Лики быть можетъ живые изъ мраморовъ высѣкутъ твердыхъ;
Лучше дѣла защитятъ и небеснаго свода движенья
Тростью опишутъ своей и восходы свѣтилъ обозначатъ.
Ты же народами править великими, Римлянинъ! помни.
Вотъ въ чемъ искусства твои: эту землю обуздывать миромъ,
Разъ побѣжденныхъ щадить и войною смирять горделивыхъ» 21).

Такъ-то родитель вѣщалъ и затѣмъ изумленному молвитъ:
«Зришь ли какъ мощный Маркеллъ, возвеличенъ добычей верховной,
Шествуетъ тамъ и надъ сонмищемъ всѣмъ побѣдитель вознесся?
Сей-то владычество Римлянъ, великимъ смятенное бунтомъ,
Всадникъ спасетъ и Пунійцевъ и Галловъ мятежныхъ низложитъ,
Взятый доспѣхъ въ третій разъ предъ Квириномъ отцемъ положивши» 22)

Видитъ Эней между тѣмъ вмѣстѣ съ онымъ идущаго рядомъ
Краснаго юношу: въ ясныя латы одѣтъ онъ, но грустенъ
Ликъ величавый и въ землю опущены витязя взоры.
«Отче!» спросилъ онъ, «скажи, кто такъ грустно сопутствуетъ мужу?
Сынъ или можетъ быть кто изъ потомковъ великихъ героя?
Сколько сопутниковъ, шумъ-то какой! самъ-то сколькимъ онъ равенъ!
Только зачѣмъ вкругъ главы тьмой унылою ночь облетаетъ?»
Тутъ со слезами въ очахъ начинаетъ Анхисъ прародитель:
«Чадо, молчи! не пытай, о печали неслыханной рода!
Только покажутъ сего небеса и затѣмъ не дозволятъ
Быть на землѣ. Видно слишкомъ ужъ сильнымъ бы Римское племя
Вамъ показалось, о боги, когда-бъ вы даровъ не отняли.
Стоны какіе мужей ты, Мавортово поле! услышишь
Возлѣ великаго града и ты, Тиберинъ знаменитый!
Тризну какую увидишь, струясь близъ могилы недавней!
Нѣтъ, ни единый Илійскаго племени отрокъ толикихъ
Дѣдамъ Латинскимъ надеждъ не подастъ; ни единымъ питомцемъ
Ромула такъ не похвалится край отъ созданія града.
Охъ, добродѣтель! охъ древняя правда и страшная въ битвахъ
Мощнаго мужа десница! о, съ этимъ никто не вступилъ бы
Въ бой безнаказанно, пѣшимъ ли-бъ онъ на враговъ ополчался
Иль острогами пѣнящейся лошади ребра взрывалъ онъ.
Отрокъ несчастный! о, если жестокаго рока избѣгнешь,
Будешь Маркелломъ... Горстями обильными лиліи сыпьте!
Дайте пурпуровыхъ розъ и прискорбную правнука душу
Пусть же хоть сими утѣшу дарами и тщетную почесть
Оной воздамъ». Такъ по области цѣлой, дивуясь, бродили,
Въ тѣхъ безконечныхъ долинахъ тумана и все примѣчали.
Сыну любезному все показавъ по порядку и сердце
Къ славѣ грядущей влеченьемъ возжегши, Анхисъ вслѣдъ за этимъ
Войны ему разсказалъ, что вести имъ приходится вскорѣ,

Мощное племя Лаврентовъ и градъ описалъ онъ Латиновъ:
Какъ имъ бѣды избѣжать, какъ бѣду одолѣть онъ возможетъ 23).

Двое дверей сонъ имѣетъ; одна, говорятъ, роговая,
Легкій исходъ завсегда что правдивымъ даетъ сновидѣньямъ.
Бѣлой слоновою костью блистаетъ другая,—но къ небу
Ложныя грезы однѣ посылаютъ чрезъ онную Маны.
Вотъ, распростившись и съ сыномъ Анхисъ и съ великой Сибиллой,
Рѣчи прервалъ и гостей чрезъ слоновую дверь выпускаетъ.
Къ морю стремится герой и къ товарищамъ вѣрнымъ приходитъ.
Тотчасъ вдоль берега ѣдутъ и въ пристань Каеты вступаютъ.
Якорь низвергнулся съ носа, на берегъ надвинулись кормы 24).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Кумы были основаны выселенцами изъ Халкиды, города на островѣ Эвбеѣ. Впрочемъ Виргилій предполагаетъ, что этотъ городъ существовалъ и во время Энея. Далѣе идетъ рѣчь о Дедалѣ и Миноѣ. Сущность этого весьма извѣстнаго преданія такова. Аѳиняне убили Андрогея, сына могучаго Критскаго царя Миноя. За это Миной наложилъ на нихъ обязанность посылать ему ежегодно семерыхъ человѣкъ, выбранныхъ по жребію изъ ихъ дѣтей. Присланныхъ отправляли въ построенный искусникомъ Дедаломъ Лабиринѳъ и тамъ ихъ пожиралъ чудовищный Минотавръ, сынъ Пасиѳаи, жены Миноя и быка, въ котораго она влюбилась, вслѣдствіе гнѣва Венеры. Наконецъ жребій палъ на героя Ѳесея, молодого Аѳинскаго царевича. Онъ убилъ Минотавра и съумѣлъ выйти со своими спутниками изъ Лабиринѳа, благодаря помощи самого Дедала, котораго просила объ этомъ дочь Миноя Аріадна, потомъ бѣжавшая съ Ѳесеемъ. Вслѣдствіе этого Миной долженъ былъ по условію освободить Аѳинянъ отъ дальнѣйшей пени, но прогнѣвался на Дедала. Тогда Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну своему Икару крылья и они улетѣли съ Крита. Икаръ взлетѣлъ слишкомъ высоко, воскъ, скрѣплявшій его крылья, былъ растопленъ солнцемъ и онъ утонулъ въ названномъ по его имени Икарійскомъ морѣ (около Крита). Тривіей называлась Діана, она же и Геката. Имя происходитъ отъ латинскаго слова тривіумъ, то-есть перекрестокъ, ибо ей поклонялись на перекресткахъ.

2) Ахиллъ былъ убитъ Паридомъ, которому помогалъ Аполлонъ. Сибиллины книги хранились потомъ въ Римѣ, впрочемъ древнія преданія говорятъ, что онѣ принадлежали другой, позднѣйшей Сибиллѣ и сдѣлались извѣстными только при Римскихъ царяхъ.

3) Ѳракійскій пѣвецъ Орфей вывелъ изъ ада свою умершую жену Эври-

дику, убѣдивъ Плутона своей игрой. Касторъ и Поллуксъ были братья Елены Троянской; второй отъ Зевса, подобно Еленѣ, и потому безсмертный, первый отъ смертнаго отца. Потому Поллуксъ съ согласія боговъ проводилъ въ Аидѣ половину года, уступая свою жизнь Кастору, а потомъ Касторъ смѣнялъ брата. Ѳесей и Геркулесъ оба сходили въ адъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

4) Орномъ звали Римляне южную породу ясеня. Омела—чужеядное растеніе, живущее на деревьяхъ и цвѣтущее въ южномъ климатѣ зимой.

5) Мать Эвменидъ или фурій есть Ночь. Она же мать земли.

6) Флегеѳонъ или точнѣе Флегеѳонтъ есть одна изъ адскихъ рѣкъ, текущая пламенемъ.

7) Подъ злорадными утѣхами духа разумѣется зависть.

8) Кентавры—полукони, полулюди. Бріарей—пятидесятиголовый и сторукій исполинъ, убитый богами. Гидру или змѣя Лернейскаго болота въ Арголидѣ убилъ Геркулесъ. Химера—ликійское чудовище, убитое Беллерофонтомъ.

9) Геркулесъ увелъ изъ ада Кербера. Ѳесей и его другъ Пириѳой задумали похитить Просерпину, но Пириѳой былъ разорванъ Керберомъ, а Ѳесей сидѣлъ нѣкоторое время въ аду, но былъ освобожденъ пришедшимъ за нимъ Геркулесомъ.

10) Амфрисъ—рѣка въ Ѳессаліи. Тамъ, по словамъ преданія, Аполлонъ, изгнанный съ Олимпа, пасъ быковъ царя Адмета. Амфрисійскій значитъ Аполлоновъ.

11) Миной, древній царь Критскій, отличный отъ второго Миноя, про котораго сказано выше, судилъ мертвыхъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Радаманѳомъ и Эакомъ или точнѣе Аякомъ, дѣдомъ Ахилла.

12) Прокрида—жена охотника Кефала. Она ревновала мужа и подсматривала, что онъ дѣлаетъ на охотѣ. Наконецъ она была имъ убита по ошибкѣ, принятая за звѣря. Федра—дочь Миноя, жена Ѳесея. Она погубила пасынка своего Ипполита, въ котораго была безнадежно влюблена, а затѣмъ умертвила себя. Эрифила—жена Аргосскаго царя Амфіарая. Онъ уклонялся отъ участія въ Ѳиванской войнѣ, зная, что ему суждено тамъ погибнуть, но Эрифила открыла его убѣжище, когда ей предложили драгоцѣнное ожерелье. За это она была потомъ убита своимъ сыномъ Алкмеономъ. Пасифая—жена Миноя, мать Федры. О ней уже сказано выше. Эвадна—жена Капанея, одного изъ сражавшихся подъ Ѳивами. Она кинулась на смертный костеръ своего убитаго мужа. Лаодамія—жена царя Протесилая, убитаго подъ Троей. Она умерла съ горя. Кеней, по преданію, родился же щиной и потомъ былъ обращенъ богами въ мужчину Марпесъ—мраморная гора на островѣ Парѣ.

13) Парѳенопей—одинъ изъ семи вождей, осаждавшихъ Ѳивы. Адрастъ—царь Сикіонскій, главный вождь изъ тѣхъ же семи. Главкъ—Ликійскій вождь, помогавшій Троянамъ. Идей—возница Пріама. Остальные—Трояне или союзники Троянъ.

14) Деифобъ, сынъ Пріама, женился на Еленѣ послѣ смерти Парида, убитаго на войнѣ. Эолидомъ названъ Улиссъ, потомокъ Эола по матери. Эванъ—праздничный возгласъ у древнихъ.

15) Тисифона—одна изъ трехъ Фурій. Остальныя зовутся Аллекто и Мегера. Алоиды звались Отомъ и Эфіальтомъ. Титій хотѣлъ сдѣлать насиліе Ла-

тонѣ, матери Аполлона и убитъ послѣднимъ. Лапиѳы были однимъ изъ Ѳессалійскихъ народовъ. Иксіонъ хотѣлъ похитить Юнону. Отношенія между Римскими патриціями и ихъ кліентами, то-есть послушниками или вассалами по Римскимъ законамъ считались особенно священными. Далѣе намекается на бѣглыхъ рабовъ, которые наполняли во множествѣ полки Секста Помпея, врага Августова. Флегій былъ отцомъ Иксіона. Онъ сжегъ Аполлоновъ храмъ.

16) Палестра—мѣсто для гимнастическихъ упражненій. Ѳракійскій священникъ есть Орфей. Пеанами Греки называли праздничные гимны въ честь боговъ. Эриданъ—баснословная рѣка, которую потомъ отождествляли съ Падомъ или нынѣшнимъ По. Предполагали, что она беретъ начало изъ Элисія. Мусей подобно Орфею пѣвецъ баснословныхъ временъ.

17) Сильвій, сынъ Энея, родившійся уже по смерти отца, наслѣдовалъ впослѣдствіи Іулу въ Альбѣ. Отъ него, по словамъ преданій, и произошли всѣ Албанскіе цари даже и до Нумитора, дѣда Ромулова, а отъ Іула произошелъ родъ Юліевъ. Капій и Эней Сильвій тоже Албанскіе цари. Эней Сильвій, говорятъ, былъ въ дѣтствѣ лишенъ престола и только долѣе время спустя могъ его возвратить. Прокъ—отецъ Нумитора и Албанскій царь.

18) Ромулъ родился отъ Марта и отъ Иліи, дочери Нумитора. Берекинтіей называлась Кибела или Кибеба, мать Юпитера и такъ-называемая мать боговъ. Прозваніе она получила отъ Фригійской горы Берекинта. Она считалась покровительницей городовъ и потому изображалась въ башенномъ вѣнцѣ.

19) Меотида есть Азовское море. Намекается на завоеваніе Египта и походъ въ Эѳіопію. Либеръ или Вакхъ особенно почитался (такъ по крайней мѣрѣ утверждали древніе) въ Индійскомъ городѣ Нисѣ. Онъ ѣздилъ на тиграхъ.

20) Говорится сначала о преемникѣ Ромула, Нумѣ Помпиліѣ, который былъ Сабинянинъ изъ города Курій и которому преданіе приписывало установленіе религіозныхъ обрядовъ и многіе другіе законы. Его преемникъ Туллъ Гостилій завоевалъ Альбу, а его преемникъ Анкъ Мартій по нѣкоторымъ извѣстіямъ умышлялъ противъ Тулла, считая себя законнымъ наслѣдникомъ въ качествѣ внука Нумы, а сдѣлавшись царемъ, воздвигнулъ много зданій. Тарквиній древній былъ его преемникомъ. Между нимъ и Тарквиніемъ гордымъ царствовалъ знаменитый Сервій Туллій, но объ немъ ни слова. Иные догадываются, что здѣсь есть пропускъ и что второй стихъ объ Анкѣ относился первоначально къ Сервію, который былъ покровителемъ плебеевъ и расширилъ ихъ права. Брутъ низвергнулъ Тарквинія гордаго, установилъ республику и въ качествѣ консула приговорилъ къ смерти своихъ же сыновей, замышлявшихъ возстановить Тарквинія.

21) Декіи были иавѣстны тѣмъ, что нѣсколько разъ приносили себя въ жертву за спасеніе отечества. Друсы, извѣстные болѣе подъ именемъ Ливіевъ, были предками Ливіи, жены Августа. Одинъ изъ нихъ прославился во второй Пунической войнѣ. Манлій Торкватъ, будучи консуломъ, казнилъ своего сына за то, что тотъ сражался вопреки его приказаніямъ. Далѣе говорится о борьбѣ Юлія Кесаря съ его зятемъ Помпеемъ великимъ. Монековъ зáмокъ есть Монако. Коринѳъ былъ взятъ Муммiемъ, покорившимъ и всю Грецію. Эакида, то-есть царя Македонскаго Персея, происходившаго, какъ по крайней мѣрѣ полагалъ Виргилій, отъ Эпирскихъ царей, потомковъ Эакова внука Ахилла, уничтожилъ Эмилій, но въ Греціи онъ не воевалъ и похоже, что этотъ стихъ или испорченъ,

или не получилъ окончательной отдѣлки. Агамемноновъ городъ есть Микены. Катонъ древній былъ извѣстенъ своими добродѣтелями и строгостью, которую онъ проявилъ, будучи Римскимъ цензоромъ. Корнеллій Коссъ убилъ въ бою Этрусскаго царя и первый послѣ Ромула принесъ доспѣхъ непріятельскаго военачальника, убитаго Римскимъ военачальникомъ, въ храмъ Юпитера. Такіе доспѣхи назывались у Римлянъ богатѣйшей, то-есть главной или, какъ мы перевели, верховной добычей и снятіе ихъ со врага считалось величайшей удачей, которую можетъ получить воинъ. Гракхи прославились частью какъ военачальники, частью какъ трибуны народные. Скипіады (такъ называетъ Виргилій на Греческій ладъ Скипіоновъ) были знаменитѣйшими изъ военачальниковъ времени Пунійскихъ войнъ. Фабрикій, извѣстный простотой жизни и безкорыстіемъ, побѣдилъ Пирра Эпирскаго. Аттилій Серранъ былъ приглашенъ на диктатуру въ то время, какъ засѣвалъ свое поле, почему и получилъ прозвище Серрана, то-есть сѣятеля. Фабій Максимъ, знаменитѣйшій изъ своего знаменитѣйшаго рода, удержалъ первый напоръ Аннибала, уклоняясь отъ битвы, и этимъ спасъ отечество.

22) Маркеллъ нанесъ сильныя пораженія Пунійцамъ во вторую Пунійскую войну, убилъ въ сраженіи царя Галловъ и принесъ въ храмъ Юпитера третью верховную добычу. Преданія утверждали, что по древнимъ законамъ первый доспѣхъ принадлежалъ Юпитеру, и его добылъ Ромулъ, второй, добытый Коссомъ, слѣдовалъ Марту, а третій самому Ромулу, обоготворенному подъ именемъ Квирина.

23) Августъ, не имѣя сыновей, выдалъ свою дочь Юлію за своего племянника Маркелла, сына своей сестры Октавіи, и прочилъ его въ свои наслѣдники, но Маркеллъ умеръ еще въ молодыхъ годахъ.

24) Каета есть нынѣшняя Гаэта.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

При описаніе Аверна послѣ стиха: Духъ возстаетъ, и пр., имѣется еще слѣдующій, не встрѣчающійся въ лучшихъ рукописяхъ стихъ:

Ради сего и зовется у Граевъ все мѣсто Аорномъ. Аорнъ значитъ лишенный птицъ.

Послѣ описанія Августа Кесаря и послѣ стиха: Нѣтъ, не прошелъ столько странъ, и пр., слѣдуютъ еще два стиха:

Лань мѣдноногую сей хоть умѣтилъ и лѣсъ Эриманѳа
Онъ умирилъ, устрашивъ и болото Лернейское лукомъ.

Геркулесъ доставилъ Эврисѳею живую, а не убитую лань; что же касается до Эриманѳскаго вепря и Лернейской гидры, то они жили недалеко отъ Геркулеса; потому ученые считаютъ эти стихи ошибочными, не идущими къ мѣсту и, вѣроятно, не принадлежащими Виргилію.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Нашему брегу и ты, о кормилица князя Энея!
Вѣчную память, Каета, кончиной своей завѣщала;
Имя твое осѣняетъ могилу и кости въ великой
Оной Гесперіи славятся, ежели есть въ этомъ слава.

Тутъ богомольный Эней, по уставу свершивъ погребенье,
Насыпь воздвигнулъ и только утихло великое море,
Въ путь паруса напрягаетъ и пристань свою покидаетъ.
Вѣтеръ ночной помогаетъ пловцамъ и безоблачный мѣсяцъ
Плыть не препятствуетъ; блещутъ подъ трепетнымъ свѣтомъ пучины;
Смежный съ Киркеиной областью берегъ суда обѣгаютъ.
Тамъ недоступныя рощи богатая солнцева дѣва
Пѣснью всегда оглашаетъ и въ гордыхъ палатахъ высокихъ
Вмѣсто полночныхъ лампадъ благовонные кедры сжигаетъ,
Тонкія гребнемъ звенящимъ основы въ ночи пробѣгая.
Вотъ ужъ доносятся львиные стоны и гнѣвныхъ рычанье,
Цѣпи съ трудомъ выносящихъ и позднею ночью ревущихъ;
Вепри, щетиной покрытые, злые медвѣди въ оградахъ,
Слышно, ярятся и воютъ волковъ исполинскихъ подобья...
Всѣмъ имъ богиня свирѣпая зеліемъ мощнымъ отъяла
Образъ людской и въ звѣриный ихъ видъ и тѣла обратила.
Праведный Трои народъ, чтобъ такимъ не подвергнулся страхамъ,
Въ пристань попавъ, чтобъ ко брегу жестокому ихъ не пригнало,

Вѣтромъ попутнымъ Нептунъ паруса кораблей наполняетъ,
Бѣгство даруетъ и ихъ черезъ пѣнистый понтъ переноситъ.

Вотъ ужъ краснѣли моря подъ лучами и въ небѣ златяся,
Въ алой своей колесницѣ блистала заря, какъ внезапно
Всѣ замолчали вѣтры и дыханіе всякое сразу
Въ воздухѣ стихло и въ понтѣ недвижномъ работаютъ весла.
Видитъ отъ моря Эней на прибрежьи великую рощу
Съ тѣнью густой; Тиберинъ сквозь деревья потокомъ прекраснымъ,
Мощныя волны крутя и далече песками желтѣя,
Къ морю несется; надъ нимъ и вокругъ береговъ возлетая,
Птицы, что ложе рѣки и лѣсные брега населяютъ,
Пѣньемъ эѳиръ оглашали и въ рощѣ окрестной порхали.
Путь измѣнить и носы корабельные къ сушѣ направить
Витязь велитъ и въ тѣнистую рѣку съ веселіемъ входитъ [1]).

Нынѣ, Эрато, царей и старинныхъ порядокъ событій,
Древняго Латія образъ въ то время, какъ пришлое войско
Флотъ свой впервые Гесперіи дальней ко брегу пригнало,
Вкратцѣ скажу и сраженій начальныхъ причины припомню;
Ты помогай, ты, богиня! внушай! войны лютыя смертныхъ,
Битвы скажу и къ убійству царей устремленныя души,
Войско Тиррении мощной, на бой ополченную лютый
Разомъ Авзонію всю; ужъ событія бо́льшія вижу;
Бо́льшій и трудъ зачинаю. Полями и градами правилъ
Царь престарѣлый Латинъ средь глубокаго давняго мира.
Былъ онъ, какъ слышно, отъ Фавна рожденъ и отъ нимфы Марики;
Фавну родителемъ Пикъ, а за дѣда тебя признавалъ онъ,
Мощный Сатурнъ! ты стариннаго рода сего основатель.
Сына по волѣ боговъ не имѣлъ и мужского потомства
Былъ онъ лишенъ: въ первой юности отнято было судьбами.
Домъ и палаты толикія дочь лишь одна украшала,
Брачныхъ вполнѣ ужъ достигшая лѣтъ и созрѣлая къ свадьбѣ.
Сватались многіе въ Латіи, въ цѣлой странѣ Авзонійской;
Сватался всѣхъ знаменитѣйшій, всѣхъ красотой превышавшій
Турнъ, и дѣдами и предками славный, его же царица
Сильно любила и зятемъ имѣть несказанно старалась.

Браку различными страхами знаменья вышнихъ мѣшаютъ:
Въ сердцѣ палатъ, средь построекъ великихъ тамъ лавръ находился
Въ листьяхъ священныхъ, ужъ многіе годы блюдомый и чтимый.
Древо сіе обрѣтя, какъ впервые закладывалъ зáмокъ,
Фебу державному самъ посвятилъ царь Латинъ многолѣтній,
Имя Лаврентовъ отъ лавра своимъ поселенцамъ нарекши.
Молвятъ, что нѣкогда частыя пчелы (и слушать-то дивно!)
Съ гуломъ великимъ сквозь воздухъ текучій примчась издалека,
Верхъ окружили его и взаимно ногами сплетенный,
Рой неожиданный съ вѣтки зеленой внезапно повиснулъ.
Тотчасъ вѣщаютъ жрецы: «видимъ чуждаго князя и войско.
Вотъ ужъ пришли; въ этомъ самомъ хотятъ успокоиться мѣстѣ,
Путь свой оттуда-жъ держа, и ужъ зáмкомъ высокимъ владѣютъ».
Кромѣ того, какъ святою лучиной алтарь зажигала,
Вышнихъ моля, и близъ старца стояла Лавинія дѣва,
Видятъ, увы! вдругъ охвачены пламенемъ длинныя косы;
Съ трескомъ пылаетъ уборъ, занимаются быстрымъ пожаромъ
Царственной дѣвы власы и младая глава и корона
Въ камняхъ драгихъ и ужъ дымомъ объятая чернымъ и мрачнымъ,
Скрылась она и огнемъ всѣ палаты вокругъ запаляетъ.
Знаменье это и дивнымъ, и страшнымъ жрецы объявили,
Молвя, что славу и жребій высокій оно обѣщаетъ
Дѣвѣ самой, но великія войны пророчитъ народу [2]).

Дивомъ испуганный, царь ко священнымъ оракуламъ идетъ
Фавна, родителя вѣщаго; тамъ въ Альбунеѣ высокой
Рокъ вопрошаетъ, въ лѣсу, что изъ всѣхъ величайшій, священнымъ
Токомъ гремитъ и тяжелую сѣру во тьмѣ выдыхаетъ.
Тамъ-то народы Италовъ и всѣ Энотрійскія царства
Любятъ сомнѣнья свои разрѣшать; тамъ, какъ жертву исполнитъ
Набожный жрецъ и въ ночи молчаливой на шкурахъ возляжетъ
Агницъ закланныхъ, и очи сомкнувши, ко сну обратится,
Многія зритъ привидѣнья, парящія въ образахъ дивныхъ;
Гласы внимаетъ различные; вѣчныхъ боговъ разговоры
Слушаетъ онъ и Аверновъ на днѣ говоритъ съ Ахеронтомъ.
Такъ и родитель Латинъ, за отвѣтами самъ поспѣшая,
Сто шерстоносцевъ двузубыхъ заклалъ по уставу и тутъ же.
Кожи овецъ и руно подъ себя подостлавъ, возлегаетъ.

Вдругъ изъ глубокой дубравы пророческій голосъ выходитъ:
«Брака Латинскаго дочери ты не готовь безполезно,
Чадо мое! и задуманной свадьбѣ не вѣрь, повелитель!
Чуждые придутъ зятья, что свойствомъ подъ небесныя звѣзды
Имя твое вознесутъ и отъ коихъ рожденные внуки,
Солнце доколѣ досяжетъ, межъ двухъ обходя океановъ,
Всѣмъ наконецъ завладѣютъ и все подъ ногами увидятъ».
Фавна родителя рѣчи сіи и въ ночи молчаливой
Данный богами совѣтъ не сокрылъ отъ народа владыка:
Предалъ другимъ и широко молва по Авзоніи градамъ
Все ужъ давно разнесла, какъ наслѣдники Лаомедонта
Къ Тибра валамъ травянистымъ впервые свой флотъ привязали 3).

Славный Эней и начальники первые съ краснымъ Іуломъ
Члены свои подъ высокаго древа шатромъ простираютъ;
Пиръ учреждаютъ затѣмъ и лепешки на дернѣ расклавши,
Брашна иныя на нихъ возлагаютъ (Юпитеръ внушилъ имъ);
Снѣди Керерины сельскихъ плодами древесъ отягчаютъ.
Съѣдена прочая пища и вотъ недостатокъ въ припасахъ
Даже и скудную эту Кереру вкусить принуждаетъ:
Дланью и дерзкими деснами корки святой разрушаютъ
Кругъ роковой и широкихъ столовъ не щадятъ за обѣдомъ.
«Охъ! и столы поѣдаемъ», Іулъ знаменитый промолвилъ,
Смысла не чуя въ словахъ. Эта рѣчь въ тотъ же мигъ возвѣстила
Тягостныхъ бѣдствій конецъ, въ тотъ же мигъ изъ устенъ изъ сыновнихъ
Выхватилъ звуки Эней и подавленный дивомъ обдумалъ.
Тотчасъ же вымолвитъ: «радуйся, рокомъ сужденное царство!
Радуйтесь вкупѣ и вы, неизмѣнные Трои Пенаты!
Здѣсь наши домы, здѣсь родина! древній Анхисъ, мой родитель,
Помню теперь, таковыя мнѣ таинства рока повѣдалъ:
«Тамъ, гдѣ къ безвѣстному брегу приплывшаго голодъ принудитъ,
Сынъ мой! тебя и столы поѣдать ради скудости въ пищѣ,
Тамъ-то усталому домъ предназначенъ, и тамъ-то скорѣе
Градъ воздвигай и валами его обводи для защиты».
Вотъ оный гладъ, вотъ судьба, что послѣдняя намъ оставалась,
Несшая бѣдамъ конецъ. . . .
Что-жъ? поспѣшимъ и съ весельемъ при первомъ сіяніи солнца,

Что здѣсь за край, что за люди живутъ, гдѣ твердыня народа,
Станемъ искать и отъ пристани радостной вдаль устремимся.
Нынѣ же Зевсу вино возливайте, въ мольбахъ призывайте
Старца Анхиса и снова сосуды на трапезу ставьте».
Такъ говоритъ и, зеленою вѣткой виски осѣнивши,
Генія мѣста сего и старѣйшую между богами
Землю онъ кличетъ и Нимфъ и еще неизвѣстнымъ потокамъ
Молится князь; вотъ и Ночь и встающія Ночи свѣтила,
Зевса Идейскаго онъ и Фригійскую мать призываетъ;
Съ ними родителей: въ небѣ одну, а другого въ Эребѣ.
Тутъ всемогущій отецъ Дарданидамъ съ высокаго неба
Трижды безъ тучъ загремѣлъ и блестящее свѣтомъ и златомъ,
Самъ потрясая въ рукѣ, показалъ онъ имъ облако съ выси.
Тотчасъ по сонмамъ Троянскимъ молва пролетаетъ, что близокъ
День вожделѣнный, сужденныя стѣны въ который воздвигнутъ.
Въ запуски пиръ учреждаютъ и знаменью дивному рады,
Ставятъ кратеры они и цвѣтами сосуды вѣнчаютъ 4).

Съ новой лампадою земли младая земля обходила;
Въ разныя стороны градъ и границы и бреги народа
Тевкры изслѣдуютъ: здѣсь Нумикійское блато разлилось;
Тамъ извивается Тибръ, тамъ Латины могучіе сѣли.
Тутъ порожденный Анхисомъ изъ всѣхъ изъ чиновъ отобравши
Сто посылаетъ пословъ ко святымъ повелителя стѣнамъ.
Всѣ, осѣненные древомъ Паллады, идти долженствуютъ,
Князю подарки нести и испрашивать мира для Тевкровъ.
Долго не медлятъ; приказъ получивъ, поспѣшаютъ въ дорогу,
Быстро идя. Самъ онъ рвомъ неглубокимъ стѣну означаетъ,
Градъ воздвигаетъ и первыя эти на брегѣ жилища
Стану подобно зубцами и валомъ притомъ окружаетъ 5).

Вотъ ужъ, дорогу свершивъ, созерцали и башни и домы
Витязи Тевкровъ и въ гордыя стѣны вступали Латина.
Въ полѣ предъ городомъ дѣти и отроки нѣжные съ ними
Въ быстрой ѣздѣ упражняются, правя въ пыли колесницу,
Или, удалые, лукъ напрягаютъ иль гибкіе дроты
Вдаль устремляютъ, и скачкой и стрѣлами быстрыми споря.

Вотъ, на конѣ поскакавъ, престарѣлому вѣстникъ владыкѣ
Вѣсти приноситъ, что прибыли въ чуждыхъ одеждахъ подъ городъ
Мужи великіе; царь приказалъ пригласить ихъ въ палату,
Самъ же на дѣднiй престолъ посрединѣ толпы возсѣдаетъ.
Кровъ исполинскій, священный на сотнѣ столповъ возвышался
Въ городѣ вышнемъ, великая Пика Лаврента палата,
Страшная рощей окрестной и грозной святынею предковъ.
Тамъ-то и скиптры цари принимали и первыя связки
Имъ воздвигались издревле; служило имъ куріей зданье.
Въ немъ и святые пиры совершались и, агнца заклавши,
Старцы за трапезой долгой до свѣта дневного сидѣли.
Тамъ изъ стариннаго кедра дѣдовъ изваянья стояли
Другъ возлѣ друга: Италъ и родитель Сабинъ вертоградарь,
Серпъ искривленный имѣвшій у ногъ; вмѣстѣ съ ними священный
Старецъ Сатурнъ возвышался и Яна двуликаго образъ
Древній порогъ охранялъ и другіе цари изъ начала,
Также и тѣ, что на битвахъ за родину раны пріяли.
Многіе кромѣ того на святыхъ притолокахъ доспѣхи,
Взятыя въ плѣнъ колесницы висятъ и сѣкиры кривыя,
Шлемы, щиты и затворы великіе градовъ плѣненныхъ,
Копья, мечи и у вражескихъ суденъ отъятыя кормы.
Тамъ съ Квиринальскимъ жезломъ и короткой одѣянъ трабеей,
Самъ конеборецъ сидѣлъ, въ лѣвой длани анкилій имѣя,
Пикъ знаменитый, его же ревнивая Кирка подруга,
Розгой златою ударивъ и чарами образъ отнявши,
Быстрою сдѣлала птицей и крылья ему испестрила.
Въ ономъ-то храмѣ святомъ, на сѣдалищѣ дѣдовскомъ сидя,
Тевкровъ Латинъ предъ себя и въ чертоги свои принимаетъ;
Только вошли, благосклонную рѣчь обращаетъ къ нимъ первый 6):

«Молвите днесь, Дарданиды, зане и порода и городъ
Вѣдомы намъ и предшествовалъ слухъ чужеземцевъ приходу,
Что вамъ потребно? какая причина и въ чемъ недостатокъ
Васъ къ Авзонійскому брегу чрезъ столько морей пригоняетъ?
Сбившись съ дороги ли, бурями-ль грозными въ понтѣ носимы
(Много такого вѣдь терпятъ пловцы въ океанѣ открытомъ),
Въ рѣку вступили теперь и у пристани тихой сидите,
Нашихъ домовъ не бѣгите и знайте, что племя Сатурна,

Здѣшній Латинскій народъ не законами крѣпкими связанъ
Правду блюдетъ, но по волѣ своей, по обычаю бога.
Помню притомъ, хоть уже забывается древняя повѣсть:
Молвили старцы Аврунковъ, что въ этихъ предѣлахъ рожденный
Дарданъ ко Фригіи градамъ Идейскимъ когда-то проникнулъ,
Къ Саму Ѳракійскому: днесь Самоѳракіей островъ зовется.
Нынѣ его, выселенца Кориѳа, Тирренскаго града,
Звѣзднаго неба златая палата давно ужъ пріяла,
Тронъ предложила и жертвенникъ новый прибавила къ прежнимъ» 7).

Смолкнулъ и такъ повелителю Иліоней отвѣчаетъ:
«Царь, знаменитое Фавново племя! не понтомъ носимыхъ
Черная буря заставила къ вашимъ предѣламъ склониться,
Ниже звѣзда или берегъ, съ дороги насъ сбивъ, обманула.
Волей своей и согласно желаніямъ сердца приходимъ
Къ странамъ твоимъ, потерявшіе царство, которое древле
Солнцу, съ востока встающему, всѣхъ величайшимъ являлось.
Родъ отъ Юпитера нашъ, прародителемъ Зевсомъ Дарданцы
Мы величаемся; Зевса отъ крови верховной возникшій
Царь нашъ, Троянскій Эней, насъ ко прагамъ твоимъ посылаетъ.
Сколько по нивамъ Идейскимъ Микенская оная злая
Буря носилась и рокомъ какимъ, другъ на друга возставши,
Сшиблись міры и Европы и Азіи въ битвѣ жестокой,
Знаетъ и тотъ, что на крайнемъ предѣлѣ земли, при возвратномъ
Токѣ сидитъ океана и тотъ, что срединною пятой
Областью солнца свирѣпаго замкнутъ отъ насъ и отрѣзанъ.
Послѣ потопа сего черезъ столько пучинъ переплывши,
Отчимъ богамъ невеликое мѣсто и брегъ безопасный
Просимъ себѣ и воды и эѳиру, что всѣмъ вѣдь открыты.
Вашего царства не спортимъ и чести у васъ не убудетъ,
Ниже изгладится память о столь благодушномъ поступкѣ,
Ниже раскаются, Тевкровъ на лоно пріявши, Авзоны.
Рокомъ Энея клянусь и героя могучей десницей,
Дланью и вѣрностью славной и въ битвахъ испытанной лютыхъ:
Многія, многія насъ племена (не глядите, что нынѣ
Руки повязкой обвиты и рѣчи молящія держимъ)
Звали къ себѣ и къ своимъ однородцамъ желали причислить.
Только святыя судьбины боговъ вашихъ странъ добиваться

Тевкровъ теперь заставляютъ. У васъ вѣдь и Дарданъ родился.
Къ вамъ посылаетъ и строгимъ велѣніемъ Фебъ понуждаетъ
Къ Тибру Тирренскому насъ, ко святому Нумикія блату.
Прежней Фортуны при семъ небольшіе дары предлагаетъ
Царь нашъ тебѣ: изъ пылающей Трои спасенный остатокъ.
Этимъ вотъ золотомъ древній Анхисъ возливалъ предъ богами;
Это Пріаму служило, какъ людъ свой предъ трономъ созвавши,
Судъ имъ творилъ по обычаю: скиптръ со святою тіарой,
Съ ризой, трудомъ Иліадъ . . . . . [8])».

Иліонеевы рѣчи такія внимаетъ владыко,
Пристальный взоръ устремляя, и тѣломъ недвижнымъ коснѣя,
Очи внимательно движетъ; не столько багряныя ризы
Духъ поражаютъ Латиновъ, не столько Пріамовы скиптры,
Сколько о дочернемъ бракѣ и ложѣ герой размышляетъ.
Древняго Фавна пророчество въ сердцѣ своемъ онъ толкуетъ:
«Сей-то изъ дальняго края по волѣ судебъ приходящій
Зять предназначенъ ему; тѣ же самыя, мнится, примѣты
Тронъ предвѣщаютъ вождю; у сего-то потомство родится
Доблестью славное, силой своей что вселенную схватитъ».
Съ радостью рекъ наконецъ: «боги добрый исходъ пусть даруютъ
Замысламъ нашимъ и волѣ своей: Тевкръ! исполнена просьба!
Даръ принимаю съ почетомъ, а вамъ при Латиновой жизни
Въ тучныхъ поляхъ и въ Троянскомъ довольствѣ быломъ не нуждаться.
Только пускай самъ Эней, если этого такъ онъ желаетъ,
Если связаться гостьбой и союзникомъ стать поспѣшаетъ,
Придетъ скорѣе и дружескихъ лицъ не страшится напрасно.
Мира не малый залогъ для меня мощной длани коснуться,
Вы же царю своему и мои предложенья снесите:
Дочь воспиталъ я, которую выдать за здѣшняго мужа
Ниже отцовскій оракулъ, ни частыя знаменья неба
Намъ не даютъ: изъ предѣловъ далекихъ зятьевъ намъ пророчатъ,
Молвятъ, что въ Латіи нашемъ пребудутъ и кровью своею
Имя Латиновъ ко звѣздамъ подымутъ: такъ сей-то судьбами
Намъ предназначенъ, какъ думаю, нынѣ и, мнится, желаю».

Молвитъ отецъ и коней изъ всего табуна выбираетъ.
Триста лоснистыхъ стояло въ заградахъ высокихъ у князя.
Тотчасъ же всѣмъ по порядку велѣлъ онъ подвесть Дарданійцамъ

Крытыхъ багромъ легконогихъ, попонами шитыми гордыхъ;
Съ выи на мощную грудь чепраки золотые повисли.
Князю Энею заочно повозку и двухъ подъяремныхъ,
Крови небесной, ноздрями огонь выдыхающихъ лютый,
Племя ведущихъ отъ тѣхъ незаконныхъ, что хитрая Кирка,
Матерь земную подсунувъ, создала, отца обокравши.
Взявши такіе дары и такія-то выслушавъ рѣчи,
Тевкры, возсѣвъ на коней, пріѣзжаютъ и дружбу привозятъ.

Вотъ между тѣмъ отъ Инаховыхъ Арговъ неслась по эфиру
Лютая Зевса жена и на крыльяхъ вѣтровъ возсѣдала.
Вдругъ увидала Энея довольнаго, флотъ Дарданійскій
Издали съ выси небесъ отъ Сиканскаго видитъ Пахина.
Стѣны уже воздвигаютъ, уже довѣряются брегу;
Лодки покинуты. Стала, свирѣпой сраженная раной.
Вотъ головою трясетъ и такія слова изрекаетъ:
«Га! ненавистное племя, судьбинамъ противныя нашимъ
Фриговъ судьбы! не могли на Сигейскихъ полянахъ погибнуть;
Плѣнные въ плѣнъ не попались, горящая Троя Троянцевъ
Сжечь не могла; сквозь огонь, сквозь враждебныя рати прорвавшись,
Путь обрѣли. Что-жъ? должно быть мое божество, утомившись,
Спитъ наконецъ и насытившись гнѣвомъ свирѣпымъ, покоюсь?
Я, что изгнаннымъ изъ родины самой чрезъ волны дерзнула
Гнаться во слѣдъ и на всемъ океанѣ бѣгущимъ предстала?
Въ Тевкровъ напрасно истрачены силы и неба, и моря.
Что мнѣ отъ Сиртовъ, отъ Скиллы лихой, отъ бездонной Харибды
Вышло полезнаго? въ Тибровомъ лонѣ укрылись желанномъ,
Моря и насъ избѣжавъ. Несказанное племя Лапитовъ
Мартъ уничтожить возмогъ и Діанину лютому гнѣву
Самъ прародитель боговъ уступилъ Калидонъ стародавній.
Вины такія-ль у нихъ, у Лапитовъ съ Этолами были?
Я же, великаго Зевса подруга, на всякія средства,
Бѣдная, нынѣ дерзнула и всюду безплодно метавшись,
Тевкромъ Энеемъ разбита, но ежели собственной силы
Намъ не хватаетъ, пойдемъ умолять все, что есть во вселенной.
Ежели вышнихъ склонить не смогу, преисподнихъ подвигну.
Пусть отъ Латинскаго царства его устранить невозможно;
Пусть остается при немъ роковая Лавинія дѣва;

Все-таки можно тянуть, можно жребій толикій замедлить;
Можно обоихъ царей истреблять понемногу народы.
Этой цѣной тесть и зять межъ собой пусть союзъ заключаютъ;
Тевкровъ и Рутуловъ кровью приданое примешь дѣвица;
Свахой Беллона тебѣ! не одна Киссеида Гекуба
Свѣточемъ лютымъ чреватая, брачный пожаръ породила;
Тотъ же и сынъ Киѳереинъ, вторымъ прослыветъ онъ Паридомъ;
Смертные снова свѣтильники въ Пергамъ направлены горькій» 9).

Вымолвивъ рѣчи такія, ужасная долу стремится;
Горькую кличетъ Аллекту свирѣпыхъ богинь отъ предѣла;
Ада изъ мраковъ зоветъ, коей гнѣвъ и плачевныя войны
Любы всегда и засады и лютый обманъ и злодѣйства.
Самъ ненавидитъ родитель Плутонъ; ненавидятъ и сестры
Злое чудовище: столько у яростной ликовъ свирѣпыхъ,
Столь ужасающій видъ, столько змѣевъ кишитъ въ темнолицей.
Оную такъ возбуждаетъ и такъ къ ней Юнона глаголетъ:
«Эту мнѣ службу, рожденная Ночью! теперь сослужи-ко;
Эту работу сработай, чтобъ честь и старинная наша
Слава при насъ пребыла, чтобъ супружествомъ Тевкры Латина
Въ руки забрать не могли и въ предѣлахъ засѣсть Италійскихъ.
Братьямъ единосовѣтнымъ оружье влагать ты умѣешь;
Домы раздоромъ смущаешь, ты злые удары и смертный
Свѣточь подъ кровли ввергаешь; не тысячу-ль прозвищъ имѣешь?
Тысячи способовъ зла? ну, тряхни-жъ плодовитою грудью!
Миръ заключенный разбей, посѣвай сѣмена ты раздора;
Пусть молодежь и желаетъ и проситъ и сыщетъ оружій!» 10)

Горгонскимъ ядомъ облитая, въ путь ужъ стремится Аллекто;
Въ Латій сперва и подъ гордыя кровли Лаврентскаго князя
Входитъ она и садится на прагѣ безмолвномъ Аматы,
Кою Тевкрійскаго ради прихода и Турнова брака,
Сердцемъ горящую, женскія думы и гнѣвъ возбуждали.
Оной богиня изъ сизыхъ кудрей тутъ единаго змѣя
Въ лоно кидаетъ и въ пазухѣ самой подъ сердцемъ скрываетъ,
Симъ воспалившись чудовищемъ, домъ чтобы весь возмутила.
Промежъ одежды блестящей и гладкой груди завалившись,

Вьется, не трогая женщины, змѣй и отъ ярой таится,
Духъ ей вливая змѣиный; вотъ златомъ крученымъ для шеи
Сдѣлался лютый драконъ; вотъ повязки ужъ лентою длинной
Сталъ онъ и кудри сжимаетъ и, скользкій, вкругъ членовъ блуждаетъ.
Тутъ, какъ зародышъ чумы, черезъ ядъ сообщившійся влажный,
Чувства затронулъ и въ кости проникъ, но еще не успѣла
Цѣлою грудью всосать занесенное пламя царица,
Въ мягкихъ словахъ, матерей по обычаю, мужу пеняла:
«Или пришельцу Троянскому выдать Лавинію хочешь?
Или, отецъ! ни ее, ни себя не жалѣешь, ни бѣдной
Матери сей, что при первомъ ужъ вѣтрѣ попутномъ покинетъ
Хищникъ лукавый и въ море съ похищенной дѣвой умчится?
Развѣ Фригійскій пастухъ въ Лакедемонъ не такъ же проникнулъ?
Развѣ Елену Ледейскую въ Трою не такъ же умчали?
Гдѣ-жъ справедливость святая твоя? гдѣ о кровныхъ забота?
Гдѣ же десница, что кровному Турну дана ужъ стократно?
Если-жъ изъ племени чуждаго зять подобаетъ Латинамъ,
Если ужъ такъ рѣшено и велѣніемъ отчимъ ты связанъ,
Всякій, казалось бы, край, что отъ скипетровъ нашихъ свободенъ,
Былъ бы чужимъ; полагаю, въ семъ смыслѣ и боги вѣщали.
Впрочемъ и Турну, зачало коль самое рода припомнить,
Будутъ Инахъ и Акрисій дѣдами, а градомъ Микены» 11).

Хитрою рѣчью такой попытавъ безполезно Латина,
Видитъ, что сталъ на своемъ, а проникшая въ самыя нѣдра
Адскаго змѣя чума между тѣмъ ужъ повсюду въ ней бродитъ.
Тутъ-то несчастная, призраковъ страшныхъ яримая видомъ,
Въ бѣшенство впала прямое и мчится сквозь городъ обширный,
Словно кубарь иногда подъ ударами гибкими скачетъ,
Коего дѣти кругами великими въ сѣняхъ обширныхъ
Гонятъ, игрой заняты: подстрекаемый плетью летитъ онъ,
Круглымъ путемъ обходя; юный сонмъ изумляется чуду
Тайныхъ не зная причинъ и ходячему шару дивуясь;
Силы бичи придаютъ. Такъ не болѣе медленнымъ бѣгомъ
Градовъ срединой, народами храбрыми мчалась царица.
Вотъ и въ лѣса наконецъ, притворившись, что Вакхомъ объята,
Бо́льшій задумавши грѣхъ и въ безуміе бо́льшее впавши,
Ринулась мать и въ дремучихъ ущеліяхъ дочь сокрываетъ,

Тевкрамъ ее чтобъ не дать и свѣтильники брака замедлить.
«Эвоэ, Вакхъ!» вопія; «ты одинъ сей невѣсты достоинъ»;
Такъ восклицаетъ; «тебѣ пусть воздвигнетъ зеленые тирсы;
Пляшетъ вкругъ бога ходя; для него распускайтеся косы!»
Мчится молва между тѣмъ и ужъ всѣхъ матерей изступленныхъ
Пылъ заставляетъ такой же къ жилищамъ лѣснымъ устремиться.
Домы покинули, выю и кудри вѣтрамъ выставляютъ;
Воемъ иныя прерывистымъ воздухъ ночной наполняютъ,
Тирсы нося виноградные, шкурой одѣты звѣриной.
Свѣточъ сосновый средь сонма царица сама воздвигаетъ,
Гнѣвомъ пылая и Турна съ Лавиніей бракъ воспѣвая;
Очи, налитыя кровью, вращаетъ и, вдругъ обезумѣвъ,
«Іо! вы матери», кличетъ, «внимайте повсюду, Латинки!
Если въ душахъ сострадательныхъ къ бѣдной Аматѣ осталась
Жалость какая-нибудь, матерей если дорого право,
Главъ разрѣшайте покровы и къ оргіямъ вмѣстѣ приступимъ!»
Такъ-то Аллекто въ лѣсахъ, въ неисходныхъ пустыняхъ звѣриныхъ
Вакха рожномъ подстрекаетъ и гонитъ повсюду царицу [12]).

Видя, что первые гнѣвы уже обострила довольно,
Миръ и совѣтъ истребивъ и весь домъ ниспровергнувъ Латиновъ,
Тотчасъ свирѣпая дѣва на крыліяхъ темныхъ оттуда
Къ башнямъ удалаго Рутула, къ оному граду, что древле,
Молвятъ, Даная построила съ людомъ своимъ Акрисійскимъ,
Нотомъ уносится быстрымъ. Ардеей когда-то назвали
Мѣсто отцы; и понынѣ велико названье Ардеи,
Только судьба отошла. Тамъ подъ кровлей палаты высокой
Въ черной ночи половиной ужъ отдыха Турнъ насладился.
Образъ Аллекто свирѣпый и Фуріи лютые члены
Вмигъ отлагаетъ и дряхлый старушечій видъ принимаетъ;
Лобъ неприглядный изрыла морщинами, кудри сѣдыя
Вяжетъ повязкой святой и оливой главу оплетаетъ.
Стала Калибой, Юнониной старицей, жрицею храма,
Юноши взорамъ явилась и рѣчи такія глаголетъ:
«Турнъ! или стерпишь, труды чтобъ толикіе тщетными стали?
Царства твои чтобъ пришельцамъ Дарданскимъ въ наслѣдство достались?
Царь и жену, и приданое, кровью своей что стяжалъ ты,

Хочетъ отнять и ужъ чуждый наслѣдникъ на царство зовется.
Что-жъ? безполезнымъ работамъ, осмѣянный, вновь предавайся;
Шествуй, Тирреновъ громи, осѣняй прочнымъ миромъ Латиновъ!
Эти упреки тебѣ, въ безмятежномъ лежащему мракѣ,
Вѣдай, Юнона сама всемогущая сдѣлать велѣла.
Встань же скорѣй и бойцовъ ополчай, и изъ града съ весельемъ
Ихъ выводи, а Фригійскихъ вождей, при потокѣ прекрасномъ
Нынѣ сидящихъ и лодки ихъ пестрыя жги безъ остатка.
Силы великія неба велятъ! Пусть и самъ повелитель,
Если невѣсту отдать и обѣты сдержать не захочетъ,
Турнову мощь наконецъ на себѣ на самомъ испытаетъ» 13).

Тутъ, посмѣваясь пророчицѣ, юноша рѣчь начинаетъ,
Такъ говоря: «что суда на Тибрійскія воды вступили,
Вѣсти объ этомъ, не думай, чтобъ нашихъ ушей избѣжали.
Страховъ такихъ не выдумывай. Знаю, что вышнихъ царица
Помнитъ всегда обо мнѣ . . . .
Ты же годами измучена, матерь! и вздорная старость
Думой напрасной тебя безпокоитъ, вѣщунью сѣдую
Ложной заботой мутя изъ-за войнъ и царей Италійскихъ.
Дѣло твое о божественныхъ ликахъ пещись и о храмѣ;
Войны и миръ устрояютъ мужи, что на войнахъ предводятъ».

Рѣчи услышавъ надменныя, вспыхнула гнѣвомъ Аллекто;
Съ ней говорившаго члены внезапная дрожь охватила;
Взоръ цѣпенѣетъ: толиками гидрами вдругъ зашипѣла;
Образъ такой принимаетъ Эринія! Дико вращаетъ
Пламень очей; у смущеннаго, тщетно хотящаго молвить,
Рѣчь отымаетъ и змѣевъ двоихъ на главѣ воздвигаетъ;
Лютою хлопаетъ плетью и голосомъ ярымъ вѣщаетъ:
«Вотъ удрученная вѣкомъ, которую вздорная старость
Страхомъ напраснымъ мутитъ изъ-за войнъ и царей Италійскихъ!
Вотъ я, гляди! отъ порога свирѣпыхъ сестеръ прихожу я;
Войны и гибель несу!». . . .
Такъ возгласившая, въ юношу свѣточъ кидаетъ и чернымъ
Свѣтомъ дымящійся пламенникъ въ самое сердце вонзаетъ.
Страхомъ великимъ нарушился сонъ; и суставы, и члены

Потъ, изъ всего устремившійся тѣла, рѣкой обливаетъ.
Съ воплемъ оружія проситъ, оружія въ сумракѣ ищетъ,
Страсть запылала къ мечу и преступное браней безумство,
Также и гнѣвъ; точно пламя изъ хвороста съ трескомъ великимъ
Къ ребрамъ котла приступаетъ, волнистымъ шумящаго токомъ:
Прядаетъ влага отъ зною, свирѣпствуетъ снизу кипучій
Ключъ раскаленный и пѣной высоко встающею брызжетъ.
Вотъ ужъ не сдержится зыбь, чернымъ паромъ на воздухъ несется.
Тотчасъ походъ на царя за нарушенный миръ объявляетъ;
Витязей первыхъ созвалъ и велитъ имъ оружье готовить,
Край Италійскій стеречь, изъ границъ непріятеля выгнать;
Будетъ достаточно Турна и Тевкрамъ самимъ и Латинамъ.
Эти какъ вымолвилъ рѣчи и жертвы богамъ обѣщалъ онъ,
Въ запуски Рутулы тутъ на сраженье другъ друга торопятъ.
Образъ цвѣтущій и младость сего подстрекаютъ на подвигъ,
Онаго предки цари, а иного старинная слава.

Духомъ отваги покамѣстъ могучихъ онъ Рутуловъ полнитъ,
Къ Тевкрамъ свирѣпая дѣва на крыльяхъ несется Стигійскихъ
Съ новою лестью: мѣста подсмотрѣвъ, гдѣ на Тибровомъ брегѣ
Красный Іулъ и засадой звѣрей, и погоней тревожилъ,
Псамъ Дарданійскимъ внезапное бѣшенство дѣва Коцита
Въ сердце вливаетъ и духомъ знакомымъ имъ ноздри смущаетъ,
Вслѣдъ за оленемъ ретивыхъ направя, и вотъ гдѣ причина
Первая бѣдъ; отъ сего-то зажглись деревенскія души.

Видомъ прекрасный, олень велерогій въ той мѣстности пася,
Коего дѣти Тиррея у матери дикой похитя,
Въ домѣ вскормили съ Тирреемъ отцомъ, что надъ стадомъ царевымъ
Главнымъ считался и кому стража полей довѣрялась.
Сильвія, оныхъ сестра, повелѣньямъ послушному роги
Съ нѣжной заботой вѣнками цвѣтовъ молодыхъ убирала,
Звѣря чесала и въ чистомъ потокѣ его омывала.
Руки людскія снося и къ хозяйскому хлѣбу привычный,
Въ рощахъ скитался олень и затѣмъ ко знакомому прагу
Самъ приходилъ, хоть и поздно, домой на ночлегъ возвращаясь.
Такъ-то бродившій, свирѣпыми псами ловящаго Юла

Поднятъ онъ былъ, какъ случайно проплывши рѣкой по теченью,
На берегъ вышелъ зеленый и въ чащѣ отъ солнца таился.
Видя его и влекомый желаніемъ славы великой
Самъ тутъ Асканій изогнутымъ лукомъ стрѣлу посылаетъ.
Боги десной помогли и со свистомъ великимъ промчавшись,
Чрево насквозь и кишки смертоносная трость уязвила.
Къ дому пораненный звѣрь и подъ кровли знакомыя скачетъ,
Въ стойло со стономъ вбѣжалъ и кровавый, молящимъ подобный,
Жалобой громкой своей все жилище кругомъ наполняетъ.
Сильвія первая тутъ, по плечамъ заплескавши руками,
Кличетъ на помощь и грубыхъ селянъ отовсюду сзываетъ.
Оные (въ дебряхъ безмолвныхъ зане язва злая таится)
Сходятся разомъ, нежданные: этотъ съ жезломъ обожженнымъ,
Съ тяжкимъ жезломъ узловатымъ другой; что попалося въ руки,
Ярость въ мечи обращаетъ. Полки самъ Тиррей набираетъ.
Дубъ на четыре онъ доски распиливалъ, клинья вогнавши,
Въ дланяхъ сѣкиру имѣя, теперь онъ свирѣпое мыслитъ.

Съ высей богиня межъ тѣмъ, для вреда улучивши мгновенье,
Кровлю крутую хлѣва занимаетъ и съ самой вершины
Знакъ имъ пастушескій тотчасъ даетъ и излучистымъ рогомъ
Тартарскій гласъ посылаетъ, отъ коего сразу великій
Лѣсъ задрожалъ и далеко дремучія пущи завыли.
Слышало Тривіи дальнее озеро, слышалъ и сѣрный
Наръ бѣловодный съ ключами Велина и страхомъ объяты,
Робкія матери къ сердцу младенцевъ дрожащихъ прижали.
Тутъ-то на голосъ свирѣпой трубы, на призывъ смертоносный
Быстро бѣгутъ отовсюду, оружье схвативъ по дорогѣ,
Пахари ярые; также и юные Тевкры къ Іулу
Мчатся на помощь и льются рѣкой изъ открытаго стана.
Строятъ поспѣшно ряды; ужъ не въ сельскомъ они состязаньи
Твердымъ коломъ иль жезломъ обожженнымъ войну зачинаютъ:
Бьются желѣзомъ опаснымъ; широко ужасная встала
Нива мечей обнаженныхъ и мѣдь, отливаясь на солнцѣ,
Блещетъ въ поляхъ и подъ облако трепетный свѣтъ посылаетъ;
Точно какъ пѣна морская при первомъ дыханіи вѣтра
Станетъ бѣлѣть и встаетъ океанъ понемногу и выше
Волны подъемлетъ и вдругъ ко звѣздамъ нижней бездною грянетъ.

Тутъ-то въ началѣ сраженья, свистящей прострѣленъ стрѣлою,
Сынъ первородный Тирреевъ, Альмонъ на полянѣ поверженъ.
Въ горло вонзилась стрѣла и горячею кровью закрыла
Влажную гласа дорогу и жизни дыханье пресѣкла.
Много другихъ упадаетъ окрестъ: и Галесъ престарѣлый,
Распри хотѣвшій посредникомъ быть; справедливѣйшій былъ онъ
Между Авзонами древле и всѣхъ богатѣйшій полями.
Пятеро стадъ изъ блеющихъ и пять возвращалось бывало
Крупныхъ къ нему табуновъ; сто плуговъ на поля выѣзжало.

Дѣло такое въ поляхъ равнымъ Мартомъ покамѣсть ведется,
Выполнивъ данный богиня обѣтъ и начатую сѣчу
Кровью увлаживъ и битвѣ ужъ первыя жертвы вручивши,
Край Италійскій кидаетъ и къ небу взнесясь по эѳиру,
Гласомъ надменнымъ Юнонѣ, побѣдою гордая, молвитъ:
«Вотъ и готовы раздоры тебѣ и плачевныя войны!
Нутко теперь помири и вели, чтобы миръ заключили,
Кровью Авзонской когда обливаются витязи Тевкровъ.
Можно прибавить къ сему, если точно ты этого хочешь:
Грады сосѣдніе слухами къ битвѣ склоню и наполню
Жаждой безумнаго боя сердца и пылать ихъ заставлю.
Придутъ полки отовсюду, желѣзомъ долины засѣю».
Такъ отвѣчаетъ Юнона: «довольно раздоровъ и страха;
Поводы есть для войны, рукопашнымъ ужъ боемъ дерутся;
Случай счастливый ужъ первою кровью оружье увлажилъ;
Браки такіе теперь, пусть такія-то празднуютъ свадьбы
Родъ знаменитый Венеры и самъ царь Латинъ престарѣлый!
Ты же не въ мѣру свободно путями эѳирными ходишь,
Разъ что не любитъ сего на высокомъ Олимпѣ царящій.
Горнія страны покинь; если дѣло еще остается,
Можно самой направлять». Рѣчь такую Сатурнія молвитъ.
Фурія тутъ воздвигаетъ шипящія змѣями крылья,
Къ дому Коцита стремится и высь покидаетъ крутую.
Есть подъ горами высокими, въ сердцѣ земли Италійской
Мѣсто извѣстное, слухъ о которомъ далече проникнулъ.
Кличутъ долиной Амсанкта: густою листвой отовсюду
Чернаго лѣса опушка стоитъ, по срединѣ же самой
Громкій потокъ по каменьямъ излучистымъ виромъ грохочетъ.

Тамъ-то ужасный вертепъ и отдушины лютаго Дита
Кажутъ пришельцамъ и смраднымъ жерломъ Ахеронтъ раздробленный
Пропасть пріемлетъ и въ оной-то злая Эринія скрывшись,
Небо и земли, несносная всѣмъ, отъ себя облегчила 14).

Временемъ тѣмъ начатой ужъ войнѣ совершенье даруетъ
Зевса царица. Ударились сонмищемъ цѣлымъ изъ боя
Пастыри въ городъ и съ воплемъ убитыхъ къ Латину приносятъ:
Юноши тѣло Альмона и ликъ оскверненный Галесовъ,
Просятъ о мщеньи боговъ и Латина царя заклинаютъ.
Турнъ ужъ явился и въ пени свирѣпыя, въ гнѣвы мѣшаясь,
Люда мятежъ удвояетъ: «Троянъ на престолъ призываютъ,
Людъ принимаютъ Фригійскій, а кровнаго изъ дому гонятъ».
Тутъ же и тѣ, коихъ жены, яримыя Вакхомъ могучимъ,
Пляшутъ въ далекихъ лѣсахъ (велика вѣдь въ народѣ Амата),
Въ городъ бѣгутъ отовсюду и въ бѣшенствѣ Марта торопятъ.
Вотъ ужъ и всѣ нечестивой войны, предвѣщаньямъ противной,
Волѣ противной боговъ, божество попираючи, просятъ.
Въ запуски праги Латина толпой обступаютъ безумцы.
Онъ же какъ въ морѣ утесъ неподвижно противится сонму;
Словно скала, что прибоемъ великимъ окрестъ оглашаясь,
Держится вѣсомъ и вспять отплываютъ истертыя травы.
Вотъ какъ и сей наконецъ превозмочь ослѣпленныхъ совѣта
Средства не видитъ и все мановеньемъ Юноны творится,
Много, отецъ, и боговъ, и эѳиръ заклинавъ безполезно,
«Горе! судьба одолѣла», речетъ «и уносимся бурей.
Сами преступною кровью неправду искупите эту,
Бѣдные вы! на тебѣ этотъ грѣхъ, на тебѣ и отплата
Горькая, Турнъ! остается; безсмертныхъ потомъ не умолишь.
Мнѣ же покой уготованъ и пристань ужъ близкую вижу;
Только счастливой кончины лишаюсь». И съ этимъ онъ словомъ
Въ домѣ своемъ заперся и державныя бразды покинулъ.

Въ Латіи былъ Гесперійскомъ обычай, котораго послѣ
Грады Албанцевъ держались, а нынѣ, изъ всѣхъ величайшій,
Держится Римъ, какъ на первые Марта бои подымаетъ,
Хочетъ ли руки на Гетовъ занесть или тяжкой войною

Родъ Аравійскій громить, на Гирканъ ли, на Индовъ ли мыслитъ
Къ дому Авроры идти или требовать стяги у Парѳа.
Есть тамъ двойныя ворота войны (такъ въ народѣ зовутся),
Именемъ божьимъ и страхомъ свирѣпаго Марта святыя.
Сто загражденій мѣдяныхъ и вѣчная сила желѣза
Ихъ замыкаютъ и Янъ не отходитъ стрегущій отъ прага.
Вотъ, какъ войну объявить на совѣтѣ отцы постановятъ,
Тутъ, Квиринальской трабеей одѣтъ и въ нарядѣ Габинскомъ
Двери скрипящія дланью своей отворяетъ самъ консулъ;
Самъ возглашаетъ войну, а за нимъ и другіе и хоромъ
Мѣдныя трубы ему отвѣчаютъ согласіемъ хриплымъ.
Такъ-то и въ оную пору войну объявить Энеадамъ
Былъ заставляемъ Латинъ и врата роковыя разверзнуть.
Онъ и коснуться, отецъ, не хотѣлъ, погнушался державный
Сквернымъ служеньемъ и въ сумракѣ сѣни домашней сокрылся.
Тутъ-то царица боговъ, низлетѣвъ отъ высокаго неба,
Двери упорныя нудитъ сама и, крюки обративши,
Брани ворота желѣзныя силой она распахнула 15).

Пышетъ Авзонія, тихій дотолѣ предѣлъ и недвижный:
Пѣшимъ иной выступать приготовился, съ коней высокихъ
Пылью покрытый ярится другой; всякъ оружія ищетъ;
Гладкіе чистятъ щиты и блестящіе дротики мажутъ
Саломъ свинымъ и сѣкиры свои на брусу изостряютъ,
Рады знамена увидѣть и трубные гласы услышать;
Пять городовъ вѣдь великихъ, свои наковальни поставя,
Стрѣлы готовятъ: Атина могучая съ Тибуромъ гордымъ.
Градъ Крустумерскій, Ардея и въ башняхъ высокихъ Антемны
Главъ углубляютъ покровы, изъ вербы младой соплетаютъ
Легкую доску щитовую; прочіе мѣдныя брони
Или окреи блестящія гибкимъ сребромъ обиваютъ.
Честь потеряли и плугъ, и коса, и оружіемъ рало
Всякое сдѣлалось; въ горнахъ мечи прародителей чинятъ.
Вотъ ужъ и трубы звучатъ, ужъ ясакъ между воиновъ ходитъ.
Шлемъ торопливо хватаетъ иной, а другой запрягаетъ
Ржущихъ коней и ужъ на руку щитъ и изъ злата тройную
Броню надѣлъ и по чресламъ мечемъ опоясался вѣрнымъ 16).

Днесь Геликонъ распахните, богини! и въ пѣсняхъ воспойте,
Что̀ за цари на войну поднялись, кто кому подчиненный
Въ полѣ наполнилъ ряды и какими уже въ ту годину
Край Италійскій мужами процвѣлъ, чьимъ оружіемъ вспыхнулъ?
Помните, дѣвы! зане и другимъ вы способны напомнить,
Насъ же едва достигаетъ молвы дуновеніе легкой.

Первымъ выходитъ на бой изъ предѣловъ Тирреніи дальней
Дикій Мезентій, ругатель боговъ, и толпу ополчаетъ.
Спутникомъ Лавсъ у него: въ цѣломъ войскѣ красивѣе тѣломъ
Не было юноши кромѣ Лаврентскаго онаго Турна.
Лавсъ, конеборецъ, дубравныхъ звѣрей побѣдитель счастливый,
Тысячу воевъ, вотще вслѣдъ за нимъ изъ Агиллы исшедшихъ,
Нынѣ ведетъ; былъ достоинъ бы онъ, чтобъ владычествомъ отчимъ
Больше гордился, отцомъ чтобъ своимъ не Мезентія звалъ онъ 17).

Слѣдомъ за ними въ лугахъ, колесницей увѣнчанной правя,
Гонитъ коней побѣдителей доблего сынъ Геркулеса,
Доблестный князь Авентинъ и отцовскимъ щитомъ величаясь,
Сто воздвигаетъ онъ змѣевъ и ими увитую Гидру.
Въ рощѣ холма Авентинскаго жрица прекрасная Рея
Тайнымъ рожденьемъ его къ свѣтозарнымъ предѣламъ послала;
Смертная, съ богомъ смѣсясь, какъ Лаврентовыхъ доловъ достигнулъ,
Злого сразивъ Геріона, герой знаменитый Тириноа,
Въ Тибрѣ Тирренскомъ великихъ воловъ Иберійскихъ омывши.
Дроты несутъ и свирѣпыя пики сіи устремляютъ;
Круглымъ грозятъ лезвіемъ и Сабельскими копьями бьются.
Самъ, съ колесницы сойдя и окутанъ великою львиной
Шкурою съ гривой всклокоченной, бѣлые зубы вкругъ шлема,
Такъ одѣянный, подъ царскія кровли Латина вступаетъ,
Страшный и плечи свои Геркулеса одеждой вскосмативъ 18).

Далѣе братьевъ чета покидаютъ Тибурскія стѣны.
Градъ отъ Тибурта, старѣйшаго брата обоихъ названный:
Катилъ отважный и бодрый Корантъ, Арголійское племя·
Оба предъ воинствомъ цѣлымъ на частыя копья несутся,

Точно отъ темени горнаго къ доламъ зеленымъ нисходятъ
Облачныхъ двое Кентавровъ, Гомолу и Ѳѳрій подснѣжный
Въ бѣгствѣ лихомъ покидая: бѣгущимъ широкое мѣсто
Лѣсъ открываетъ и съ трескомъ великимъ кусты уступаютъ 19).

Ниже отсутствовалъ тамъ основатель Пренесты могучей,
Коего всѣ времена отъ Вулкана рожденнымъ считали:
Царь, средь полей обрѣтенный въ кострѣ и на царство избранный:
Кекулъ герой: широко окруженъ ополченьемъ онъ сельскимъ.
Всѣ, что Пренесту высокую, всѣ, что Юноны Габинской
Пашни и хладный Аньенъ и ручьями кропимыя скалы
Герниковъ заняли, всѣ, что Анагніей кормятся тучной
Или тобой, Амасенъ! Колесницы гремятъ не повсюду,
Ниже щиты со бронями: великая часть ополченья
Пращами синій кидаетъ свинецъ, часть другая въ десницахъ
Парные дротики держитъ; изъ сѣраго волка шеломы
Служатъ покровами главъ; босикомъ на траву наступаютъ
Лѣвыя ноги, десныя же шкурой сырою одѣты 20).

Вотъ и Мессапъ конеборецъ, Нептуново мощное племя,
Коему смерть причинить ни огнемъ, ни желѣзомъ не можно.
Праздныхъ издавна мужей и отъ битвы отвыкшія рати
Онъ подымаетъ внезапно и мечъ на войну обнажаетъ:
Городъ Фесценій одни населяютъ и Эквы Фалиски;
Правятъ иные Соракта твердыней и полемъ Флавинскимъ,
Высью Киминской и озеромъ, рощей священной Капены;
Въ равныхъ рядахъ выступали и въ пѣсняхъ царя прославляли.
Точно какъ бѣлые лебеди въ тучахъ порою текучихъ
Съ паствы домой возвращаясь, напѣвъ испускаютъ согласный:
Выями длинными стонетъ Каистръ и Асійское блато
Въ пѣсняхъ далече звенитъ . . . .
Ниже повѣрилъ бы кто, увидавши толпу, что на битву
Строй броненосный идетъ, но воздушною тучей пернатыхъ
Счелъ бы, отъ понта глубокаго къ берегу съ кликомъ спѣшащихъ 21).

Вотъ и отъ древняго рода Сабинскаго цѣлое войско
Клавсъ величавый ведетъ, самъ великому войску подобный.

Нынѣ отъ онаго Клавдіевъ племя и трибъ многолюдный
Въ Латіи нашемъ, какъ часть получили и въ Римѣ Сабины.
Вотъ Амитерна когорта и старые съ ними Квириты;
Тутъ же Эрета бойцы и богатой елеемъ Мутуски;
Всѣ, что въ Номентѣ живутъ и на полѣ росистомъ Велина,
Тетрики страшныя скалы и гору Северъ обитаютъ;
Градъ Касперійскій и Форулы; всѣ, что сидятъ при Гимеллѣ,
Тибрій и Фабарій пьютъ или хладная коихъ на битвы
Нурсія шлетъ и Гортинскіе классы; Латины и грады,
Аллія коихъ, несчастное имя, струей раздѣляетъ.
Столько сошлось, сколько волнъ въ океанѣ Ливійскомъ бушуетъ,
Лютый когда Оріонъ подъ волной сокрывается зимней;
Точно какъ солнцемъ полуденнымъ частые жгутся колосья
Герма на брегѣ и Ликіи тучной на нивахъ златистыхъ;
Звонъ отъ щитовъ, отъ ноги ударяющей зыблется почва 22).

Вѣтвь Агамемнона слѣдомъ, Троянскаго имени недругъ,
Коней Галесъ въ колесницу запрягъ и свирѣпыхъ народовъ
Тысячу къ Турну приводитъ: и тѣхъ, что блаженныя Вакхомъ
Граблями Массики роютъ, и тѣхъ, что отъ холмовъ высокихъ
Старцы Аврунковъ послали и съ тучныхъ полей Сидикинскихъ;
Тѣхъ, что покинули Калы, Вултурна, рѣки многобродной,
Жителей храбрыхъ, суровыхъ Сатикуловъ съ ними и Осковъ
Войско великое. Круглыя имъ булавы на сраженьяхъ
Служатъ оружьемъ: на вервіе гибкое ихъ нацѣпляютъ.
Въ шуйцахъ щиты изъ ремней, серповидныя сабли для схватки 23).

Нашею пѣснью забытый, конечно и ты не отыдешь,
Храбрый Эбалъ, что Телономъ рожденъ отъ Себеѳиды нимфы,
Царствомъ Капрей Телебойскихъ какъ правилъ могучій родитель,
Старецъ уже. Не довольствуясь отчимъ наслѣдственнымъ полемъ,
Сынъ знаменитый въ то время давно ужъ привелъ подъ законы
Племя Серрастовъ и нивы, что Сарнъ орошаетъ глубокій,
Въ Руфрахъ и въ Батулѣ жившихъ и поле священной Келены
Съ тѣми, что яблочной стѣны Абеллы вблизи созерцаютъ.
Словно Тевтоны великими копьями биться привыкли;
Съ дуба содранная корка шеломы бойцамъ замѣняетъ;
Мѣдью щиты луновидные, мѣдью и мечъ ихъ сіяетъ 24).

Тутъ и тебя на войну высылаютъ гористыя Нерсы,
Уфентъ могучій, счастливымъ оружьемъ и славою громкій.
Дикій народъ у него и охотиться въ дебряхъ привычный.
Ратнымъ доспѣхомъ одѣты, Эквиколъ суровую почву
Мужи сіи упражняютъ и свѣжую любятъ добычу
Вѣчно въ дома приносить и похищеннымъ жить и кормиться 25).

Вотъ изъ народа Маррувіевъ жрецъ знаменитый приходитъ,
Шлемъ осѣняя листвой и блаженной украшенъ оливой;
Храбрый Умбронъ, отъ Архиппа царя на сраженіе посланъ.
Лютому роду ехидны и дышущимъ ядами змѣямъ
Сонъ наводить разумѣлъ онъ десницей святой и напѣвомъ,
Гнѣвы смягчалъ и искусствомъ своимъ исцѣлялъ угрызенья.
Только не смогъ онъ копья Дарданійскаго язву изгладить;
Рану его заживить не съумѣли снотворныя пѣсни,
Ниже въ Марсійскихъ цѣлебныхъ горахъ обрѣтенныя травы.
Плакала роща Ангвитіи, плакалъ и Фукинъ, рыдали
Плеса кристальныя водъ . . . . . 26).

Шелъ ко сраженьямъ и сынъ Ипполита, прекраснѣйшій видомъ;
Силою славнаго матерь Арикія въ битву послала,
Въ рощѣ Эгеріи темной, на брегѣ рожденнаго злачномъ,
Гдѣ возвышается жертвенникъ тучный и кроткій Діанинъ.
Молвятъ зане, что герой Ипполитъ, какъ скончался преступной
Мачихи лестью и кары отцовскія вынесъ безвинно,
Бѣшеной парой разорванъ, затѣмъ подъ небесные своды
Снова пришелъ и подъ горняго неба эѳиръ свѣтозарный,
Зельемъ Пеоновымъ вновь оживленъ и любовью Діаны.
Тутъ всемогущій отецъ, не терпя, чтобы кто-либо смертный,
Дольнія тѣни покинувъ, на жизненный свѣтъ возвращался,
Самъ обрѣтателя зелій такихъ и такого искусства
Фебова сына ко странамъ Стигійскимъ перуномъ низринулъ.
Тривія-жъ добрая, въ тайныхъ обителяхъ скрывъ Ипполита,
Нимфѣ Эгеріи мудрой и темнымъ довѣрила рощамъ,
Вѣкъ чтобъ безвѣстный въ лѣсахъ Италійскихъ одинъ проводилъ онъ
Тайно отъ всѣхъ и, отрекшись отъ имени, Вирбіемъ звался.
Вотъ почему отъ Діанина храма и рощъ посвященныхъ

Кони копытные въ вѣкъ устраняются, кои на брегѣ
Князя съ повозкой низвергли, морскимъ устрашенные чудомъ.
Сынъ тѣмъ не менѣе пылкихъ своихъ бѣгуновъ упражняетъ
Въ полѣ широкомъ и въ ярыя битвы стремитъ колесницу 27).

Между иными вождями и Турнъ обрѣтался прекрасный,
Длань ополчая и цѣлой главой всѣхъ мужей превышая.
Гривой тройною украшенный, шлемъ исполинскій Химеру
Страшную держитъ, изъ пасти Этнейскимъ палящую вихремъ;
Въ битвахъ тѣмъ больше ярится, тѣмъ болѣе огнь изрыгаетъ,
Чѣмъ лютый бой пролитою сильнѣй обагряется кровью.
Ясный же щитъ подъ рогами широкими Іо богиня
Золотомъ краситъ, ужъ шерсть получивъ, ужъ телицею ставши
(Зрѣлище дивное); тутъ же и Аргусъ, хранитель дѣвицы;
Тутъ же родитель Инахъ, изваянною урной ліющій.
Слѣдуетъ облако пѣшихъ и сонмъ щитоносный повсюду
Въ полѣ широкомъ тѣснится: толпа поселенцевъ Аргивскихъ,
Войско Аврунковъ и Рутуловъ строй и старинныхъ Сикановъ;
Слѣдомъ Сакраны идутъ и щиты росписные Лабиковъ;
Всѣ, что дубровы твои, Тиберинъ, что Нумикія берегъ
Пашутъ священный и Рутуловъ холмы сохой упражняютъ
Вмѣстѣ съ горою Киркеиной; люди, что Зевса Анксура
Чтутъ покровителемъ; рощей Феронія гордая темной;
Черное блато Сатурское; страны, гдѣ хладный къ долинамъ
Низменный путь обращаетъ и въ понтъ изливается Уфентъ 28).

Слѣдомъ за ними приходитъ отъ Вольскаго рода Камилла,
Конныхъ ватагу ведя и блестящія мѣдью дружины;
Ратница дѣва: не прялкой она, не искусствомъ Минервы
Женскія руки трудитъ, но войну и суровыя битвы
Юная сноситъ и въ бѣгѣ летучемъ вѣтры обгоняетъ.
Оная въ полѣ-бъ несжатомъ по самымъ верхамъ пробѣжала
Злаковъ дрожащихъ и въ бѣгствѣ колосьевъ не смяла бы нѣжныхъ;
Оная въ понтѣ глубокомъ на вздувшійся валъ наступивши,
Путь бы нашла и подошвы своей не увлажила быстрой.
Оной и вся молодежь изъ домовъ и полей, и густая
Женщинъ дивится толпа и на дѣву грядущую смотритъ,

Взоръ изумленный вперивъ и дивясь, какъ багрянецъ владычный
Ясное кроетъ плечо, какъ и пряжка блестящая кудри
Золотомъ дѣлитъ; Ликійскій колчанъ какъ сама воздвигаетъ
Съ миртовымъ древкомъ пастушескимъ, острымъ желѣзомъ вѣнчаннымъ 29).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Тиберинъ—божеское имя рѣки Тибра.

2) Эрато—одна изъ девяти музъ. Турнъ былъ царемъ Рутуловъ, смежнаго съ Латинами народа. Его городъ Ардея находился къ юго-востоку отъ Рима. Онъ былъ племянникомъ Аматы, жены Латина.

3) Роща Альбунея находилась около Тибура къ востоку отъ Рима.

4) Фригійская мать есть Кибела. Пророчество о столахъ въ 3-й книгѣ приписано Гарпіи, а здѣсь Анхису. Это происходитъ оттого, что седьмая книга, какъ и слѣдующія за ней, не получила окончательной отдѣлки.

5) Древо Паллады есть олива.

6) Янъ—одинъ изъ древнихъ Италійскихъ боговъ, нѣкогда едва ли не главный, но впослѣдствіи вытѣсненный новыми и сохранившій только должность привратника мира и войны. Его храмъ запирался на время мира и отпирался на время войны. Янъ по словамъ преданій былъ царемъ въ Латіи въ то время, какъ туда пришелъ Сатурнъ. Италъ и Сабинъ—родоначальники одноименныхъ народовъ. Пикъ значитъ дятелъ. Какимъ образомъ Пикъ именуется Лаврентомъ, когда выше сказано, что имя Лаврентовъ введено только Латиномъ, это можно объяснить только необдѣланностью всего мѣста. Анкиліемъ назывался небольшой щитъ, бывшій въ употребленіи у древнихъ Римлянъ.

7) Аврунки—народъ въ Кампаніи, смежный съ Латинами и отчасти подвластный Латину.

8) Древніе представляли себѣ Океанъ въ видѣ соленой рѣки, обтекающей кругомъ вселенной. Они же полагали, что одна пятая часть земли, лежащая около экватора, непроходима отъ зноя и препятствуетъ людямъ, живущимъ къ сѣверу отъ нея и къ югу, имѣть между собою сношенія. Нумикійское болото и вытекавшая изъ него рѣка Нумикій, которая, если вѣрить преданіямъ, была нѣкогда очень велика, но потомъ высохла, лежали въ Латіи, недалеко отъ Тибра. Иліады значитъ Троянки.

9) Инахъ есть древнѣйшій царь Арголиды. Лапиты или точнѣе Лапиѳы жили въ Ѳессаліи и были сильнымъ народомъ, а потомъ, оскорбивъ Марта, завели тяжкую войну съ Кентаврами. Калидонъ есть столица Этоліи. Этолы испытали нѣкогда великія бѣды отъ гнѣва Діаны. Беллона есть богиня войны. Гекуба была дочерью Киссея. Передъ рожденіемъ Парида, погубившаго Трою, она видѣла во снѣ, что родила горящій свѣточъ.

10) Аллекто—одна изъ трехъ фурій.

11) Даная,—дочь Аргосскаго царя Акрисія; преслѣдуемая своимъ отцомъ, она укрылась въ Италіи и вышла замужъ за царя Пилумна, предка Турнова.

12) Эвоэ есть греческое восклицаніе, бывшее въ ходу на оргіяхъ Вакха. Іо—Латинскій возгласъ.

13) Ардея находилась тоже въ Латіи и была очень знаменита въ древности.

14) Амсанктъ находился въ южной Италіи, въ срединѣ этой области.

15) Гирканы жили у Каспійскаго моря. Парѳы разбили во времена Юлія Цезаря Римскаго полководца Красса и овладѣли Римскими знаменами, но впослѣдствіи, устрашенные силой Августа, отдали ихъ назадъ, чѣмъ немало гордился Августъ. Квиринальская, то-есть царская трабея, которую иногда носили консулы, была красная съ бѣлымъ. Габинскій нарядъ есть тога, закинутая на голову,

16) Окреи защищали ноги воиновъ.

17) Агиллы находились въ Этруріи. Тамошній царь Мезентій, низверженный за тиранство, укрылся у Турна и потомъ помогалъ ему на войнѣ.

18) Авентинъ есть одинъ изъ семи Римскихъ холмовъ. Геркулесъ овладѣлъ знаменитыми волами Иберійскаго или Испанскаго исполина Геріона и потомъ пригналъ ихъ въ Грецію, причемъ его путь лежалъ черезъ Италію. Сабеллы есть древнее названіе Сабиновъ, жившихъ къ сѣверу отъ Латиновъ. Геркулесъ, по словамъ преданія, убилъ Немейскаго льва въ Арголидѣ и носилъ съ тѣхъ поръ его шкуру.

19) Тибуръ—древній Сабинскій городъ. Катиллъ и Корантъ—внуки Аргійскаго царя Амфіарая. Кентавры были рождены Иксіономъ отъ призрака, сотвореннаго Зевсомъ изъ тучи, и представлявшаго Юнону. Они были полулюди полукони. Гомола и Оѳрій—горы въ Ѳессаліи, родинѣ Кентавровъ.

20) Пренеста—городъ въ Латіи. Пашни Юноны Габинской суть земля Габиновъ, почитавшихъ Юнону и впослѣдствіи построившихъ Габіи. Аніенъ раздѣлялъ Латиновъ отъ Сабиновъ. Герники имѣли столицей Анагнію. Рѣка Амасенъ находилась уже не въ Латіи, а въ Кампаніи, то-есть въ Неаполитанскомъ округѣ.

21) Мессапъ—родоначальникъ Мессапіевъ, Латинскаго народца. Земли его лежали при Тибрѣ. Рѣка Каистръ и Асійское озеро лежали въ Малой Азіи.

22) Сабинскій вождь Клавсъ переселился въ Римъ въ первые годы республики и былъ предкомъ Клавдіевъ, къ числу которыхъ принадлежали Тиберій и Друсъ, пасынки Августа. Виргилій выводитъ одного изъ предковъ этого Клавса, желая прославить родъ Клавдіевъ. Подъ старыми Квиритами разумѣются жители Курій, одного изъ Сабинскихъ городовъ. Было мнѣніе, что отъ нихъ прозвались Квиритами Римляне, послѣ того, какъ приняли при Ромулѣ Сабинскихъ поселенцевъ. Отряды, на которые раздѣлялась Гортинская конница, назывались классами. На рѣкѣ Алліи происходила несчастная для Римлянъ битва съ Галлами, послѣ которой Галлы сожгли Римъ. Гермъ—рѣка въ Лидіи.

23) Галесъ былъ изъ потомковъ Агамемнона. Его владѣнія были въ Кампаніи.

24) По словамъ преданій Телебои, одинъ изъ древнихъ народовъ Греціи, переселились на островъ Капрею, противъ Неаполя.

25) Владѣнія Уфента лежали на восточныхъ границахъ Латія.

26) Архиппъ былъ царемъ Марсовъ, жившихъ тоже къ востоку отъ Рима. Озеро Фукинъ зовется нынѣ Челано.

27) Преданіе говорило, что Ипполитъ, сынъ Аѳинскаго царя Ѳесея, оклеветанный своею мачихой Федрой, былъ по молитвѣ Ѳесея погубленъ Нептуномъ. Его воскресилъ богъ Эскулапъ, который самъ былъ наказанъ за это Зевсомъ, а Діана, покровительница Ипполита, перенесла его въ Италію, къ Арикинскому озеру въ Латіи, гдѣ онъ построилъ городъ Арикію. Страшась Зевса, онъ перемѣнилъ имя и звался Вирбіемъ. Пеонъ былъ врачемъ боговъ.

28) Іо, дочь Аргосской рѣки Инаха, была обращена полюбившимъ ее Зевсомъ въ телицу, дабы скрыть ее отъ Юноны. Аргусъ былъ потомъ приставленъ Юноной стеречь телицу. Сиканы считались древнѣйшимъ народомъ Италіи, но впослѣдствіи отъ нихъ уцѣлѣли на материкѣ только слабые еостатки.

29) Вольски—одно изъ племенъ Латія.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Иные сомнѣваются, принадлежатъ ли Виргилію полтора стиха, находящіеся въ рѣчи Иліонея и говорящіе о срединной необитаемой отъ зноя полосѣ земли.

Въ описаніи возникшаго смятенія и натиска на Латина онъ сравнивается со скалою, неподвижною среди бурнаго моря. Въ подлинникѣ это сравненіе очень растянуто и по мнѣнію большинства ученыхъ испорчено переписчиками. Вмѣсто трехъ стиховъ стоитъ пять, а именно:

Онъ же какъ въ морѣ утесъ неподвижно противится сонму,
Словно морская скала, что великимъ тѣснимая громомъ,
Многимъ прибоемъ волны средь пучины окрестъ оглашаясь,
Держится вѣсомъ: вотще и утесы кругомъ и подъ пѣной
Камни дрожатъ и вотще отплываютъ истертыя травы и пр.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Только лишь знамя войны изъ высокой твердыни Лаврента
Вынесъ имъ Турнъ и свирѣпою пѣснью рога застонали,
Только лишь борзыхъ коней, только пѣшія силы подвигнулъ,
Тотчасъ же души смутились и въ трепетной Латій тревогѣ
Князю на бой присягаетъ, а юноши пылкіе въ битву
Рвутся, ярясь. Предводители главные Уфентъ съ Мессапомъ
Съ онымъ ругателемъ вышнихъ Мезентіемъ людъ отовсюду
Гонятъ въ полки и далече поля отъ селянъ обнажаютъ.
Тутъ же и Венулъ посломъ къ Діомеду великому посланъ
Съ просьбой о помощи, съ вѣстью, что въ Латіи Тевкры засѣли,
Прибылъ Эней на судахъ, побѣжденныхъ въ Италію вноситъ
Трои боговъ и гласитъ, что судьбами въ цари предназначенъ.
Многіе къ мужу Дарданскому будто бы люди пристали,
Такъ что во всей ужъ странѣ повторяется витязя имя.
Что онъ построитъ на семъ и чего домогаться онъ будетъ
Если поможетъ судьба, Діомеду объ этомъ извѣстнѣй,
Нежели Турну царю и державному старцу Латину [1]).

Въ Латіи такъ-то творилось, воитель же Лаомедонтовъ,
Видя сіе, въ треволненьи великомъ заботъ находился.
Мысли крылатыя онъ то туда, то сюда направляетъ,
Въ разныя стороны мчитъ и повсюду свой умъ обращаетъ.
Точно какъ трепетный отблескъ отъ влаги въ сосудѣ мѣдяномъ,
Солнцемъ горя или призракъ лучистой луны отражая,

Бродитъ далече вокругъ и на воздухъ уже устремившись,
Къ небу идетъ и до самой вершины палатъ досягаетъ.
Полночь была и созданья усталыя въ цѣлой вселенной
Мертвый оковывалъ сонъ: и скотовъ и пернатыхъ породу.
Тутъ-то отецъ у рѣки и подъ осью холоднаго неба,
Духомъ смущенъ и войной многотрудной Эней растревоженъ,
Легъ наконецъ и ужъ позднему отдыху члены довѣрилъ.
Оному самъ мѣстный богъ, Тиберинъ изъ прекраснаго тока
Въ образѣ старца предсталъ, тополевую чащу раздвинувъ.
Санимъ ему одѣяньемъ прозрачная ткань покрывала
Плечи и станъ, и рѣчнымъ тростникомъ осѣнялися кудри.
Такъ провѣщала Рѣка, отымая заботы словами 2):

«О порожденный богами, что Трою изъ полчищъ враждебныхъ
Къ намъ возвращаешь опять и Пергамъ вѣковѣчный спасаешь,
Чаянный полемъ Лаврента и нивою тучной Латинской!
Здѣсь-то обитель надежная, здѣсь, не убойся! Пенаты;
Грозной войны не страшись: и ненависть и всякіе гнѣвы
Вѣчныхъ уснули боговъ. . . .
Вотъ ужъ тобой, чтобы тщетнымъ сего не считалъ сновидѣньемъ,
Найдена будетъ великая ростомъ средь падубовъ брега,
Чадъ породившая тридцать на берегѣ веприца темномъ.
Бѣлая, спитъ на землѣ и такія же чада при лонѣ.
Тамъ-то и мѣсто для града и отдыхъ надежный отъ бѣдствій.
Трижды какъ десять исполнится лѣтъ отъ найденнаго звѣря,
Именемъ славную Альбу великій Асканій воздвигнетъ
Вѣрно пророчество наше; теперь же какими судьбами
Трудъ побѣдишь настоящій, въ немногихъ словахъ возвѣщаю:
Знай, что Аркады вблизи, отъ Палланта идущее племя,
Вслѣдъ за Эвандромъ царемъ и за стягомъ его устремившись,
Мѣсто избрали и градъ на сосѣднихъ скалахъ заложивши,
Дѣда Палланта по имени кличутъ его Паллантеемъ.
Войны съ народомъ Латинскимъ пришельцы ведутъ непрестанно;
Оныхъ во станѣ прими и союзъ межъ собой заключите.
Самъ проведу межъ бреговъ и прямою дорогой рѣчною
Противъ струи ты подымешься, веслами токъ побѣждая.
Встань же, богинино чадо! и съ первымъ свѣтилъ захожденьемъ
Вѣчной Юнонѣ молись по уставу, мольбой и обѣтомъ

Гнѣвъ и грозу укрощая, а мнѣ, ужъ враговъ побѣдивши,
Почесть воздашь. Я тотъ самый, что полной струей предъ тобою
Здѣшніе гладитъ брега, разсѣкая цвѣтущія нивы,
Тибрій лазурный, пріятнѣйшій небу потокъ во вселенной;
Здѣсь-то великій мнѣ домъ, здѣсь глава мощнымъ градомъ возникнетъ» 3).

Такъ говоритъ и въ пучинѣ глубокой сокрылся владыко,
Ко дну стремясь; покидаютъ Энея и ночь, и дремота.
Всталъ и взирая на свѣтъ восходящій эѳирнаго солнца,
Набожно длани согнулъ и воды зачерпнувъ по уставу,
Держитъ въ рукахъ и такіе онъ гласы вѣтрамъ посылаетъ:
«Нимфы, Лаврентовы Нимфы, отъ коихъ потокамъ рожденье!
Тибрій, родитель благой и съ твоею священной рѣкою!
Днесь пріимите Энея, отъ бѣдъ наконецъ защитите!
Гдѣ бы ты ни былъ, въ какихъ бы ключахъ и пещерахъ ни крылся,
Насъ пожалѣвшій! откуда-бъ, прекрасный! ни бралъ ты начала,
Вѣчно почетъ отъ меня, приношенія вѣчно получишь,
Ты, рогоносный Потокъ, Гесперійскихъ пучинъ повелитель!
Только въ бѣдѣ помогай, подтверди ты сильнѣй прорицанье!»
Такъ возглашаетъ и двѣ онъ биремы себѣ выбираетъ;
Тотчасъ гребцами снабдилъ и оружьемъ мужей надѣляетъ 4).

Дивное вдругъ между тѣмъ появляется знаменье взорамъ:
Бѣлая въ рощѣ прибрежной съ потомствомъ своимъ одноцвѣтнымъ
Веприца спитъ и на брегѣ зеленомъ великая зрится.
Оную витязь тебѣ, да, тебѣ, величайшей Юнонѣ,
Въ жертву приноситъ, и съ племенемъ всѣмъ къ алтарю пригоняя.
Цѣлую длинную ночь Тиберинъ свой потокъ многоводный
Тайно смягчалъ и отхлынулъ, и сталъ молчаливою влагой,
Словно въ спокойномъ пруду или тихомъ лѣнивомъ болотѣ
Волны свои уравнялъ и убавилъ работы гребущимъ.
Тотчасъ же съ радостнымъ кликомъ предпринятый путь совершаютъ.
Въ Тибрѣ купается киль осмоленный; дивятся и волны;
Лѣсъ непривычный дивится, смотря, какъ ужъ издали блещутъ
Воевъ щиты и по волнамъ несутся ладьи расписныя.
Греблей своей неустанной и сумракъ, и день наполняютъ,

Длинныя рѣжутъ луки, сокрываются тѣнью древесной,
Рощи зеленыя въ тихой пучинѣ ладьей разсѣкаютъ.
Солнце огнистое высшаго круга небесъ ужъ достигло:
Стѣны и замокъ вдали и жилища нечастыя граждан
Видятъ они, что могущество Римское съ небомъ сравняло
Въ наши года, у Эвандра-жъ тогда лишь немногое было.
Кормы скорѣй обращаютъ и вотъ ужъ ко брегу подходятъ.

Въ самый тотъ день Аркадійскій владыко великую жертву
Амфитріонову мощному сыну и прочимъ безсмертнымъ
Въ рощѣ предъ градомъ своимъ приносилъ. Съ нимъ Паллантъ находился
Сынъ и изъ воиновъ лучшіе всѣ и сенатъ небогатый
Ладанъ курилъ; ужъ дымилася теплая кровь предъ богами.
Только лишь кормы высокія, только гребцовъ пристающихъ
Видятъ сквозь темную рощу, гребущихъ весломъ молчаливымъ.
Тотчасъ же видомъ внезапнымъ смутились и яства покинувъ,
Всѣ подымаются съ мѣста, но удалый Паллантъ воспрещаетъ
Пиръ нарушать и на встрѣчу съ оружіемъ самъ устремившись,
Издали съ холма взываетъ: «о витязи, что за причина
Гонитъ безвѣстнымъ путемъ и куда направляетесь нынѣ?
Что вы за племя? откуда плывете? съ войной или съ миромъ?»
Такъ-то родитель Эней отъ высокой кормы отвѣчаетъ,
Мирную вѣтку оливы ему показуя въ десницѣ:
«Племя Троянъ и оружье враждебное видишь Латинамъ,
Ратью кичливой изгнанниковъ насъ отъ себя отогнавшихъ.
Ѣдемъ къ Эвандру, скажите ему, передайте, что Тевкровъ
Князи избранные прибыли, дружбы прося и союза».
Тутъ изумился Паллантъ, пораженный названьемъ толикимъ:
«Кто бы ты ни былъ, изыди; съ Эвандромъ ты самъ побесѣдуй»;
Такъ говоритъ онъ; «гостями подъ кровли вы наши вступите».
Молвилъ и за руку принялъ, десницу ему пожимая,
Тотчасъ же въ рощу вступаютъ и берегъ рѣчной покидаютъ 5).

Съ дружеской рѣчью такой обратился Эней ко владыкѣ:
«Лучшій изъ Граевъ, къ нему же Троянъ заставляетъ Фортуна
Просьбы нести и въ повязкахъ священныхъ протягивать вѣтви!

Я не страшился, хоть зналъ, что Аркадъ и что князь ты Данайскій,
Родомъ высокимъ своимъ что съ Атридами братьями связанъ.
Вѣрность моя и святые оракулы вышняго неба,
Общіе предки и слава твоя, по землямъ разлитая,
Насъ единятъ и охотно велѣнье судебъ выполняю.
Дарданъ, Илійскаго города первый отецъ основатель,
Какъ утверждаютъ Данаи, Эликтры Атлантиды чадо,
Нѣкогда къ Тевкрамъ приплылъ, но Электру Атлантъ величайшій
Молвятъ родилъ, что плечами небесную ось подпираетъ.
Вамъ же родитель Меркурій, котораго бѣлая Мая,
Древле на высяхъ ледяной Киллены зачавъ, породила;
Маю-жъ тотъ самый Атлантъ, если вѣры достойно преданье,
Тотъ же Атлантъ произвелъ, подпирающій неба свѣтила.
Стало быть наши роды отъ единой расходятся крови.
Симъ ободренный, пословъ не послалъ, не съ какой-либо лестью
Сдѣлку устроить пытался: себя и свою предоставилъ
Голову я и съ мольбою ко прагамъ твоимъ обратился.
Тотъ же народъ, что и васъ, тѣ же самые Давновцы лютой
Ратью тѣснятъ; если выгонятъ Тевкровъ, помыслятъ, что можно
Всю Гесперійскую область теперь привести имъ подъ иго;
Моремъ и верхнимъ, и нижнимъ равно завладѣть пожелаютъ.
Клятву и дай, и прими: есть у насъ закаленныя въ браняхъ
Груди мужей, есть и храбрость, и въ битвахъ извѣстное войско» 6)

Кончилъ великій Эней. Говорившаго образъ и очи
Царь ужъ давно изучалъ и всего онъ оглядывалъ взоромъ.
Въ краткихъ словахъ отвѣчалъ: «какъ тебя, о сильнѣйшій изъ Тевкровъ!
Сладко теперь и принять, и признать; какъ я рѣчь вспоминаю
Старца Анхиса великаго: гласъ, и лицо, и осанку.
Помню, какъ царства сестры Гесіоны увидѣть хотѣвшій
Лаомедонтово чадо Пріамъ, въ Саламинъ направляясь,
Хладныя грани ледяной Аркадіи древле проникнулъ.
Молодость въ оные дни первымъ пухомъ ланиты мнѣ крыла.
Много дивился Тевкрійскимъ князьямъ, изумлялся и сыну
Лаомедонтову я, но изъ всѣхъ величайшимъ казался
Славный Анхисъ, такъ что сердце младое желаньемъ горѣло
Съ мужемъ бесѣду завесть и коснуться десницей десницѣ.
Вотъ приступилъ и въ Феней знаменитаго съ жадностью взялъ я.

Тулъ знаменитый и стрѣлы Ликійскія онъ на прощанье
Мнѣ подарилъ и хламиду вручилъ, испещренную златомъ,
Съ парой удилъ золотыхъ, что теперь ужъ Палланту достались.
Стало быть дружбой ужъ связана длань, о которой ты просишь;
Завтра же, только лишь первое солнце землямъ возвратится,
Съ помощью радостныхъ васъ отпущу и полкомъ пособлю я.
Нынѣ обряды годичные, разъ что друзьями пришли вы,
Жертву сію, что отсрочки не терпитъ, свершайте охотно
Съ нами друзьями и къ нашимъ союзнымъ пирамъ привыкайте» 7).

Смолкнулъ и яства затѣмъ приказалъ и принятые кубки
Снова подать и на ложахъ муравчатыхъ Тевкровъ сажаетъ.
Мѣстомъ высокимъ, покрытымъ косматою львиною шкурой,
Онъ отличаетъ Энея и тронъ предлагаетъ кленовый.
Тотчасъ служащіе юноши всѣ и священникъ алтарный
Жареныхъ мясо приносятъ быковъ, наполняютъ корзины
Спеченнымъ даромъ Кереры и Вакха пришельцамъ подносятъ.
Вотъ насыщаются славный Эней и воители Трои
Тыломъ вола исполинскаго съ жертвеннымъ потрохомъ вмѣстѣ.

Только насытился гладъ и желанье подавлено пищи,
Рѣчь начинаетъ Эвандръ: «этотъ праздникъ священный, о Тевкры!
Пиръ ежегодный и бога толикаго требище это
Мы, не пустымъ суевѣріемъ движимы или незнаньемъ
Древнихъ боговъ, завели. Нѣтъ, изъ бѣдъ, гость Троянскій! свирѣпыхъ
Вырваны, празднуемъ; честь заслуженную радостно вводимъ.
Прежде всего на утесъ сей взгляни ты, на глыбахъ висящій:
Видишь, какъ груды разбросаны, видишь, какъ за́мокъ нагорный
Грустно стоитъ и великой развалиной сдвинуты камни.
Тамъ находилась пещера, чернѣя жилищемъ обширнымъ.
Солнца лучамъ неизвѣстною Какусовъ яростный образъ,
Злого получеловѣка, владѣлъ и всегда согрѣвалась
Свѣжимъ убійствомъ земля, а на лютыхъ вратахъ возвышаясь,
Кровью гніющей облитые, блѣдные лики висѣли.
Чудищу злому Вулканъ былъ родитель, Вулкановъ-то черный
Огнь изрыгалъ онъ устами, громадой великой движась.
Вотъ наконецъ принесли по желаніямъ нашимъ судьбины
Божій приходъ и спасенье, затѣмъ что великій отмститель,
Гордый Герьйона триглаваго смертью и взятой добычей,

Къ намъ приближался Алкидъ; побѣдитель воловъ великановъ
Гналъ по лѣсамъ: и долины, и берегъ быки покрывали.
Тутъ-то неистовый тать, не терпя, чтобы что-либо злое,
Что-либо грѣшное имъ не зачато, не сдѣлано было,
Съ пастбища взялъ четырехъ исполинскихъ воловъ и четыре
Съ ними телицы увелъ, превосходныхъ и ростомъ, и видомъ.
Ихъ, чтобы не было слѣда прямого къ жилищу злодѣя,
Взявъ за хвосты, на скалу потащилъ и запутавъ примѣты,
Кражу свою подъ навѣсомъ тѣнистой пещеры запряталъ.
Какъ ни ищи, никакихъ тутъ слѣдовъ до жилья не нашлось бы.
Вотъ между тѣмъ, какъ быковъ напитавшихся съ мѣста ужъ поднялъ
Амфитріоновъ герой и въ дорогу идти собирался,
Съ мѣстомъ прощаясь, ревнули волы и наполнили стономъ
Рощу окрестную всю и покинули съ воплемъ долины.
Имъ отвѣчала телица одна изъ пещеры обширной;
Вдругъ замычала и Какуса козни въ плѣну погубила.
Тотчасъ же въ черной Алкидовой желчи какъ пламя возжегся
Яростный гнѣвъ: ухватилъ онъ оружья и дубъ узловатый;
Съ ними на кручи горы поднебесной бѣгомъ побѣжалъ онъ.
Въ первый тутъ разъ увидали смущеннымъ и трепетнымъ татя
Наши глаза: устремился быстрѣе летучаго Эвра
Къ дому спѣшитъ, окрыляются страхомъ неслыханнымъ ноги.
Только замкнулся и цѣпи порвавъ, необъятный низринулъ
Камень, что силой желѣза и отчимъ искусствомъ у входа
Вѣчно висѣлъ и подперъ онъ низверженной грудою двери,
Вотъ ужъ стоитъ разъяренный Тиринѳій и входа въ пещеру
Всюду ища, и туда и сюда обращаетъ зѣницы,
Злобно зубами скрипя. Воспаленный враждою свирѣпой,
Трижды обыскивалъ весь Авентинъ, безполезно и трижды
Каменный прагъ потрясалъ онъ и трижды садился уставши;
Острый утесъ возвышался, обрывистый весь и отвѣсный;
Тылъ закрывалъ онъ пещеры, высоко надъ нею вздымаясь,
Хищнымъ пернатымъ для гнѣздъ и жилья подходящее мѣсто.
Оный, къ сосѣдней и лѣвой рѣкѣ наклонявшійся верхомъ,
Справа потрясъ полубогъ и съ великою силой отъ самыхъ
Корней скалу оторвалъ, а затѣмъ навалился и разомъ
Съ мѣста толкнулъ: застоналъ отъ паденья эѳиръ необъятный,
Берегъ разсѣялся, рѣка устрашенная вспять понеслася,
Злой же вертепъ и ужасная татя открылась палата,

Кровъ потерявъ, и насквозь засіяли тѣнистыя норы.
Точно какъ еслибъ отъ нѣкоей силы земля разверзаясь,
Адскіе домы раскрыла и оныя царства явила,
Блѣдныя, небу противныя, такъ что до дна бы зіяла
Пропасть великая вся и отъ солнца забѣгали-бъ Маны.
Тотчасъ врага, изловленнаго въ свѣтѣ внезапномъ и новомъ,
Въ каменной ямѣ запертаго, крикомъ кричащаго дивнымъ,
Стрѣлами сверху и всякимъ оружьемъ Алкидъ поражаетъ:
Онъ и колодами сыплетъ, и тяжкими глыбами давитъ.
Тотъ же, не видя ужъ способа бѣгствомъ напасти избѣгнуть,
Дымъ непомѣрный изъ пасти великой (и слушать-то дивно)
Сталъ изрыгать и глубокою тьмой обиталище полнитъ,
Зрѣнье у глазъ отымая, и въ лютой пещерѣ сгущая
Дымную ночь и сліянные съ пламенемъ черные мраки.
Тутъ не стерпѣлъ Геркулесъ и себя самого онъ сквозь пламя
Дерзкимъ низринулъ прыжкомъ и туда устремился, гдѣ гуще
Дымъ подымается, черною тучей гдѣ пропасть клубится.
Въ сумракѣ темномъ злодѣя, пожаръ изрыгавшаго тщетный,
Вскорѣ сыскалъ и узломъ охватилъ, и впиваяся давитъ
Очи, ползущія вонъ и сухое, безкровное горло.
Тотчасъ же сорваны двери и домъ распахнулся свирѣпый;
Скотъ похищенный и Какуса клятвопреступныя кражи
Небу открылись и за ноги трупъ безобразный злодѣя
Тащутъ съ горы; не насытятся наши глаза, созерцая
Страшныя очи и яростный ликъ, и въ щетинѣ косматой
Грудь полузвѣря и въ горлѣ свирѣпомъ угасшее пламя.
Почести съ оной поры воздаемъ и съ веселіемъ люди
Празднуютъ памятный день; основатель обряда Потитій
Вмѣстѣ съ Пинаріевъ домомъ, святыни Геракловой стражемъ.
Въ рощѣ алтарь имъ самимъ сограждёнъ; что теперь величайшимъ
Сталъ называться у насъ и всегда величайшимъ пребудетъ.
Стало быть, молодцы! подвигъ толикій хвалой прославляя,
Зеленью главы одѣньте и чаши въ рукахъ выставляйте,
Общаго бога зовите и съ радостью всѣ возливайте».
Смолкнулъ и тотчасъ же тополь Геракловъ двуцвѣтною тѣнью
Кудри его осѣнилъ и сплетенной листвою повиснулъ;
Чаша святая въ десницѣ и въ тоже мгновенье всѣ Тевкры
Столъ окропляютъ съ весельемъ и громко боговъ призываютъ [8].

Вертится небо межъ тѣмъ и сближается Весперъ съ Олимпомъ;
Вотъ ужъ священники всѣ и Потитій, старѣйшій межъ ними,
Шкуры надѣвъ по уставу и свѣточи взявъ, выступаютъ,
Пиръ учреждаютъ второй и на вечерю сладкія вина
Ставятъ они и тяжелыя блюда на жертвенникъ тучный.
Вотъ ужъ и Саліи съ пѣснью вокругъ алтарей запаленныхъ
Тополью главы свои увѣнчавъ, предъ народомъ собрались,
Старцевъ и юношей хоръ, чтобы въ пѣсняхъ Гераклову славу,
Славу и подвиги намъ представлять: какъ начальныхъ чудовищъ,
Мачихой посланныхъ змѣевъ, двумя удавилъ онъ руками,
Грады великіе какъ разметалъ онъ свирѣпой войною,
Трою съ Эхаліей древней и тысячу подвиговъ трудныхъ
Волей царя Эврисѳея, лукавствомъ враждебной Юноны
Выполнилъ онъ: «тучеродныхъ, о непобѣдимый! Кентавровъ,
Фола съ Гилеемъ ты дланью сразилъ, ты Кресійскія чуда,
Мощный! громишь и великаго льва подъ Немейской скалою.
Дрогнуло Стиксово плесо, дрожалъ и привратникъ Аида,
Звѣрь на костяхъ раздробленныхъ въ пещерѣ залегшій кровавой.
Чьихъ ты не вынесъ очей? не смутилъ и Тифей исполинскій,
Грозный, съ оружьемъ въ рукахъ, не безъ способа ведшаго битву
Лерны страшилище сонмищемъ змѣевъ тебя окружило.
Радуйся, истая Зевсова кровь! честь, приданная небу!
Къ намъ и къ своимъ алтарямъ поспѣшай благосклонной стопою!»
Такъ воспѣвали Аркады, всего же охотнѣй и чаще
Какуса славятъ пещеру и пламя устенъ поминаютъ.
Воплемъ дубрава гремитъ, откликаются дальніе холмы 9).

Жертвы исполнивъ святыя, къ сосѣднему граду собранье
Все направляется, шествуетъ царь, удручаемый вѣкомъ,
Славнымъ Энеемъ и сыномъ съ боковъ огражденный обоихъ.
Шли и рѣчами различными сильные путь коротали;
Смотритъ и взоры подвижные всюду Эней обращаетъ,
Видомъ плѣненный и жадно о всемъ у царя по порядку
Онъ испытуетъ, старинныхъ людей изучая разсказы.
Такъ-то отвѣтствуетъ Римскаго замка Эвандръ основатель:
«Рощами сими туземные Фавны владѣли и Нимфы
Съ родомъ людей, что отъ пней родились и отъ твердаго дуба,

Кои законовъ и нравовъ не знали, воловъ не умѣли
Въ плугъ запрягать и амбаръ наполнять и беречь нажитое.
Плодомъ древесъ и охотой они многотрудной кормились.
Первый съ Олимпа небеснаго прибылъ Сатурнъ престарѣлый.
Зевсовой силы бѣжавъ и отнятыя царства покинувъ.
Онъ-то народъ своевольный, въ долинахъ разсѣянный горныхъ
Вмѣстѣ собралъ и законы имъ далъ, а странѣ повелѣлъ онъ
Латіемъ зваться, затѣмъ что укрылся онъ въ ней безопасно.
Эти златые вѣка, о которыхъ вѣщаютъ преданья,
Были при немъ: въ безмятежномъ онъ мирѣ народами правилъ
Худшій пока и по малу тускнѣющій вѣкъ не подкрался
Съ лютымъ желаньемъ войны и съ любовію злой ко стяжанью.
Тутъ-то Тирренскія силы и мужи приходятъ Сиканы,
Тутъ то нерѣдко мѣняютъ Сатурновы области имя;
Тутъ и цари, и суровый съ главою высокою Тибрій,
Коему честь воздавая, и рѣку теперь Италійцы
Тибромъ зовутъ: потеряла старинное Альбула имя.
Насъ же изгнанныхъ изъ родины, чуждыя волны преплывшихъ.
Власть всемогущей Фортуны и рокъ неизбѣжный направилъ
Къ этимъ мѣстамъ и Карментіи, матери нашей и Нимфы.
Грозныя пѣсни пригнали сюда и пророчества Феба».
Такъ говоритъ, а затѣмъ, подошедщи, алтарь посвященный
Кажетъ вождю и врата Карментальскія, кои у Римлянъ
Такъ и поднесь именуются, мудрой Карментіи въ память,
Вѣщей богини, что первая Тевкровъ воспѣла грядущихъ,
Родъ Энеадовъ державныхъ и тотъ Паллантей благородный.
Слѣдомъ великую рощу, которую Ромулъ удалый
Назвалъ Азиломъ и въ хладной скалѣ Луперкалъ указуетъ,
Имя Аркадское, Пану Ликейскому данное въ почесть.
Тутъ же и лѣсъ Аргилета святой называетъ Энею,
Мѣстомъ клянется и Арга пришельца кончину сказуетъ.
Къ высямъ Тарпейскимъ оттолѣ и къ тѣмъ Капитоліямъ славнымъ,
Нынѣ златымъ, а въ ту пору лѣснымъ и тернистымъ приходятъ.
Даже и въ оные дни поселянъ потрясала пугливыхъ
Грозная мѣста святыня, страшили и рощи, и скалы.
Молвитъ Эвандръ: «эту дебрь, этотъ холмъ, осѣненный листвою,
Богъ обитаетъ, не знаю какой, говорятъ, что видали
Зевса въ лѣсу самого, что нерѣдко эгидою черной
Онъ потрясалъ на вершинѣ, громовыя тучи сгущая.

Кромѣ того посмотри на разбитыя стѣны двухъ градовъ:
Можешь остатки и памятникъ древнихъ мужей ты увидѣть.
Яномъ родителемъ этотъ заложенъ, другой же Сатурномъ.
Сей Яникуломъ, сосѣдній же городъ Сатурніей звался» 10).

Рѣчи такія ведя, наконецъ къ небогатой подходятъ
Кровлѣ Эвандровой, глядя, какъ стадо по форуму Римлянъ
Мирно бродило и въ пышныхъ Каринахъ разсѣясь, мычало.
Къ дому придя, начинаетъ Эвандръ: «эти самые праги
Мощный Алкидъ перешелъ, этотъ домъ былъ палатой Геракла.
Гость! презирай же избытокъ и самъ, и стараясь достойнымъ
Бога великаго быть, не гнушайся убожествомъ нашимъ».
Такъ говоритъ и подъ кровлю обители тѣсной Энея
Вводитъ великаго онъ и на ложѣ уснуть приглашаетъ,
Листья ему подославъ и Ливійской медвѣдицы шкуру 11).

Ночь устремилась и черными крыльями міръ обнимаетъ.
Матерь Венера, не тщетнымъ увы возмущенная страхомъ,
Злобой Лаврентовъ и лютымъ смятеньемъ страшимая въ сердцѣ,
Рѣчь обращаетъ къ Вулкану и въ брачномъ златомъ ихъ чертогѣ
Такъ говоритъ и супругу божественный пламень внушаетъ:
«Лютой войною пока пустошили князья Арголійцевъ
Имъ обреченный Пергамъ и огней ожидавшія стѣны,
Помощи бѣднымъ никоей, никоихъ искусныхъ доспѣховъ
Я не просила у мудраго, ниже, супругъ мой дражайшій,
Тщетной работой тебя упражнять Киѳерея желала,
Многимъ хотя и обязана славному роду Пріама,
Много хотя сожалѣла о трудной Энеевой долѣ.
Нынѣ велѣніемъ Зевсовымъ въ Рутуловъ страны онъ прибылъ;
Нынѣ напротивъ прошу и у бога, Венерѣ святаго,
Сыну оружія, матерь, молю. Возмогла Нереида
Плачемъ тебя преклонить, возмогла и супруга Тиѳона.
Видишь, какіе полки собрались и въ затворенныхъ градахъ
Стрѣлы какія острятъ: все въ меня и моимъ на погибель!» 12)

Молвитъ и снѣжными бога руками обнявъ обоюду,
Въ сладкомъ объятіи нѣжитъ упрямаго, онъ же внезапно

Пламя знакомое принялъ и въ самое сердце обычный
Жаръ проникаетъ ему и бѣжитъ по костямъ сотрясеннымъ.
Точно при ясномъ перунѣ на небѣ бразда расщепившись,
Блещетъ огнемъ и сіяющимъ свѣтомъ расходится въ тучахъ.
Чуетъ, успѣхомъ гордясь и красу сознавая, супруга;
Такъ отвѣчаетъ родитель, любовію вѣчной опутанъ:
«Что вымышляешь причины далекія? или, богиня!
Вѣру въ меня ты утратила? Если бы такъ попросила,
Можно бы намъ и тогда для Троянцевъ готовить оружье.
Развѣ отецъ всемогущій и рокъ не дозволили-бъ Троѣ
Дольше стоять, а Пергаму еще десять лѣтъ возвышаться?
Я и теперь, если войны готовишь и такъ ужъ рѣшила,
Все, что отъ мудрости нашей зависитъ, тебѣ обѣщаю;
Все, что желѣзо творитъ и янтарь создаетъ растопленный,
Все, что доступно огню и мѣхамъ. Перестань же мольбами
Силы свои унижать». Таковыя онъ вымолвивъ рѣчи,
Тотчасъ въ объятья желанныя палъ и въ усталые члены
Сладостный принялъ покой, задремавъ на Венериномъ лонѣ.

Только проснулся отъ перваго сна, какъ пути половину
Ночи повозка свершила: въ то время, какъ съ ложа возставши,
Женщина, коей назначено прялкой и скудной Миневрой
Семью поддерживать, пепелъ и огнь пробуждаетъ уснувшій,
Ночь прибавляя къ трудамъ, и рабынь при огнѣ упражняетъ
Длинной куделью, хозяйка затѣмъ, чтобъ супружнее ложе
Ей въ чистотѣ сохранить и дѣтей чтобы выкормить малыхъ,
Такъ-то и самъ Огневластный, ничѣмъ не позднѣе поднявшись,
Съ мягкаго ложа къ работѣ кузнечной своей поспѣшаетъ.

Островъ у брега Сиканскаго, противъ Эоловой оной
Виденъ Липары: въ дымящихся скалахъ подъ небо встаетъ онъ.
Снизу пещеры и печью Киклоповъ разъѣденный стонетъ
Этнѣ подобный вертепъ, подъ ударами тяжкими въ коемъ
Вѣчно желѣзо звучитъ и въ глубокихъ норахъ завываютъ
Руды Халибовъ и въ горнахъ пыхтитъ несказанное пламя.
Служитъ жилищемъ Вулкану земля и отъ бога зовется;
Въ оную съ неба высокаго тутъ Огневластный нисходитъ.

Руды въ обширной пещерѣ Киклопы ковали усердно:
Бронтъ и великій Стеропъ, и нагой помогалъ имъ Пиракмонъ.
Въ дланяхъ начатую молнью съ отдѣланной нѣкоей частью
Мужи держали: изъ тѣхъ, что во множествѣ Юпитеръ съ неба
Сыплетъ порой отовсюду; неконченной часть оставалась.
Три дождевые крутили луча, три изъ тучъ прибавляли
Влажныхъ и три изъ златаго огня и крылатаго Австра.
Страшные громы туда же и грохотъ великій и ужасъ
Въ дѣло мѣшали и гнѣвы и огнь, вслѣдъ за ними идущій.
Марту повозку другіе и быстрыя къ оной колеса
Спѣшно работали, ими-жъ людей возмущаетъ и грады.
Страшную также эгиду, смятенной оружье Паллады
Въ запуски змѣй чешуями и златомъ драгимъ убирали;
Сплетшихся змѣевъ ковали и грудь защищали богини
Горгоной лютой, главой отсѣченной что очи вращаетъ.
«Все уберите», глаголетъ, «и трудъ начатой отложите,
Мужи Киклопы Этнейскіе! умъ на другое направьте!
Храброму мужу обѣщанъ доспѣхъ; нынѣ силы потребны,
Нынѣ въ рукахъ быстрота, нынѣ все призовите искусство.
Мѣшкать не слѣдуетъ». Больше не вымолвилъ слова, а мужи
Тотчасъ за дѣло берутся и поровну всѣ раздѣляютъ
Трудъ предназначенный; хлынула мѣдь, заструилося злато,
Сталь смертоносная въ горнѣ пространномъ давно растопилась.
Щитъ зачинаютъ великій: одинъ противъ всѣхъ Авзонійскихъ
Копій и стрѣлъ; изъ семи исполинскихъ круговъ составляютъ
Мощную доску; мѣхами свистящими мужи другіе
Вѣтеръ впускаютъ и гонятъ; иные-жъ въ студеную влагу
Мѣдь окунаютъ шипящую; млатами стонетъ пещера.
Руки съ великою силой Этнейскіе братья чредою
Къ верху стремятъ и клещами упорными сплавъ обращаютъ 13).

Симъ въ Эолійскихъ странахъ упражнялся покамѣсть Лемніецъ,
Радостный вызвалъ ужъ свѣтъ изъ-подъ низменной кровли Эвандра:
Вызвали раннія пѣсни подъ кровлей живущихъ пернатыхъ.
Вотъ подымается старецъ и члены туникою кроетъ;
Слѣдомъ Тирренскую обувь подъ ноги свои подвязалъ онъ;
Грудь и рамена затѣмъ облекаетъ мечемъ онъ Тегейскимъ,
Барсовой шкурою, спущенной слѣва, себя препоясавъ.

Съ онымъ и сторожа два, отъ высокаго прага поднявшись,
Рядомъ идутъ и хозяина, вѣрные псы, провожаютъ.
Храмины гостя Энея и тайной искалъ онъ бесѣды,
Помня вчерашнія рѣчи съ вождемъ и свои обѣщанья.
Славный Эней не позднѣе Эвандра въ дорогу пустился;
Съ онымъ удалый Паллантъ, а съ Энеемъ Ахатъ находился.
Вотъ повстрѣчались и руки пожавъ, подъ сосѣднюю кровлю
Входятъ вожди и ужъ тамъ на свободѣ бесѣду заводятъ.
Такъ начинаетъ Эвандръ . . . . . 14):

«Князь знаменитѣйшій Тевкровъ, при жизни котораго Трою
Или Троянскій народъ побѣжденными я не признаю!
Силы Аркадскія слишкомъ ужъ малы въ сравненьи съ толикимъ
Именемъ будутъ: отсюда Тирренскій потокъ замыкаетъ,
Слѣва же Рутулъ тѣснитъ и оружьемъ звенитъ подъ стѣною.
Впрочемъ великій народъ и царями обильные станы
Къ вамъ постараюсь придать, ибо случай нежданный спасенье
Тевкрамъ устроилъ: зовомый судьбами въ Италію входишь.
Знай, что отъ насъ недалеко изъ древнихъ воздвигнутый камней
Городъ Агильскій стоитъ, гдѣ порода Лидійская древле,
Въ битвахъ оружьемъ прославясь, на холмахъ засѣла Этрусскихъ.
Градъ, процвѣтавшій ужъ долгіе годы, затѣмъ горделивымъ
Царствомъ и лютымъ желѣзомъ Мезентій себѣ подчиняетъ.
Что говорить про убійства свирѣпыя, что про тиранна
Злыя дѣла? Пусть ему и сынамъ небеса воздадутъ ихъ!
Мертвыя даже тѣла сопрягалъ онъ съ тѣлами живыми,
Руки съ руками сплетая, уста съединяя съ устами
(Новый мученія родъ!), и гніющею кровью облитыхъ,
Въ страшномъ объятьи тѣснимыхъ кончиною медленной мучимъ.
Вотъ наконецъ утомившись свирѣпостью сей несказанной,
Люди, оружье схвативъ, и его, и порогъ обступаютъ,
Рубятъ наемниковъ, пламя подъ кровлю высокую мещутъ. . . . .
Онъ ускользнулъ отъ убійства и къ Рутульскимъ нивамъ бѣжавшій,
Турна пріятеля силой и войскомъ отъ гибели спасся.
Тотчасъ же праведнымъ гнѣвомъ Этрурія вся запылала,
Требуютъ выдать на казнь и немедленно Марта воздвигли.
Тысячамъ онымъ тебя въ предводители я назначаю,
Ибо, стѣснившись у берега, всѣ сотрясаются кормы,

Стяги поднять ужъ велятъ; не даетъ престарѣлый гадатель,
Такъ воспѣвая: «о силы избранныя странъ Меонійскихъ,
Древнихъ мужей мощь и цвѣтъ! коихъ праведный днесь воздвигаетъ
Гнѣвъ на врага и возжегъ заслуженной враждою Мезентій!
Рода толикаго мужу Италу сломить невозможно:
Чуждыхъ ищите вождей». Тутъ Этрусское полчище въ полѣ
Сѣло недвижно, вѣщаньемъ боговъ устрашенное грознымъ.
Тотчасъ пословъ посылаетъ ко мнѣ и Тирреновъ корону
Вмѣстѣ со скипетромъ Тархонъ и царскіе знаки вручаетъ.
Проситъ, чтобъ къ войску пришелъ я и власть получилъ надъ народомъ.
Мнѣ же холодная, тяжкая старость и вѣкъ истощенный
Царство мѣшаютъ принять и къ великому слабыя силы.
Сына послалъ бы, когда-бъ, отъ супруги Сабельской рожденный,
Здѣшнимъ онъ не былъ отчасти, но ты, что къ велѣньямъ судьбины
Вѣкомъ и родомъ подходишь, кого небеса призываютъ,
Шествуй, о бодрый начальникъ и Тевкровъ своихъ и Италовъ!
Въ помощь тебѣ и сіе утѣшенье мое и надежду
Сына Палланта даю; отъ тебя пусть научится нынѣ
Войны и тяжкую Марта работу сносить и къ дѣяньямъ
Пусть привыкаетъ твоимъ и тебѣ пусть изъ млада дивится.
Всадниковъ двѣсти Аркадскихъ, отборную часть ополченья,
Съ нимъ посылаю, да столько-жъ Паллантъ отъ себя предлагаетъ 15).

Только сказалъ онъ сіе, какъ недвижно уставили взоры
Анхисіадъ знаменитый и вѣрный Ахатъ Дарданіецъ.
Много бы страшнаго въ сердцѣ печальномъ они обсудили,
Если бы знаменья съ ясныхъ небесъ не дала Киѳерея.
Ибо внезапная молнія, вдругъ въ небесахъ задрожавши,
Съ трескомъ великимъ грядетъ, точно рушится разомъ все небо;
Словно Тирренской трубы по эѳиру несется мычанье;
Снова и снова ударъ и при грохотѣ страшномъ сквозь тучу
Мнится оружія блещутъ въ безоблачной области неба
Въ ясный и ведренный день и звучатъ сотрясеннымъ подобно.
Прочіе всѣ онѣмѣли, но доблестный Трои воитель
Знакъ узнаетъ и божественной матери рѣчь понимаетъ.
Тотчасъ воскликнетъ: «не спрашивай днесь, не пытай, о, хозяинъ!
Что за событія дивомъ предсказаны: я призываюсь!

Раньше вѣщала создавшая насъ, что съ Олимпа святого
Знаменье Тевкрамъ предъ боемъ пошлетъ, что Вулкановы латы
Сыну съ небесъ принесетъ . . . . .
Горе! какія-жъ убійства Лаврентамъ готовятся жалкимъ!
Пени какія заплатишь, о Турнъ! о, сколь многіе въ волнахъ
Шлемы мужей и щиты, и великіе трупы покатишь,
Тибрій отецъ! что-жъ? просите войны, разрушайте обѣты!»

Вымолвивъ рѣчи такія, съ высокаго сходитъ престола.
Прежде всего Геркулесовой жертвой алтарь усыпленный
Будитъ герой и вчерашняго Лара и малыхъ Пенатовъ
Радостно молитъ; избранныхъ тельцовъ по обычаю рѣжутъ
Древній Эвандръ и Троянскіе мощные витязи съ онымъ.
Слѣдомъ къ судамъ возвращается князь и друзей навѣщаетъ.
Онъ изъ отряда всего для сопутствія въ лютыя битвы
Лучшихъ по доблести выбралъ, другіе же внизъ по теченью
Мчатся домой и безъ веселъ уносятся токомъ попутнымъ
Вѣсти Асканію дать объ отцѣ и о всемъ, что случилось.
Тевкрамъ, въ Тирренскіе станы грядущимъ, даруются кони;
Лучшій назначенъ Энею: златистою львиною шкурой
Онъ осѣненъ до земли и златыми копытами блещетъ.

Мчится молва и расходится вскорѣ по малому граду:
Всадники тотчасъ поѣдутъ ко станамъ Тирренскаго князя;
Матери въ страхѣ мольбы удвояютъ: опасности близость
Множитъ смятенье и большимъ ужъ кажется образъ Маворта.
Тутъ-то родитель Эвандръ, за десницу идущаго взявши.
Держитъ, слезами не сытый, и рѣчи такія глаголетъ:
«О, еслибъ Юпитеръ мнѣ возвратилъ мимотекшіе годы,
Время, какъ воевъ переднихъ подъ самой Пренестой высокой
Я ниспровергнулъ и груды щитовъ запалилъ въ знакъ побѣды
Или Эрила царя какъ десницею въ Тартары кинулъ,
Коему матерь Феронія три при рожденіи души
(Вымолвить страшно!) дала: вѣдь оружіе трижды хваталъ онъ,
Трижды сражать приходилось и все-таки всѣ эти души
Дланью похищены сей и оружіе трижды снималъ я.
Нѣтъ, никогда бы тогда изъ объятія сладкаго, сынъ мой!
Не былъ исторгнутъ отецъ, никогда бы свирѣпый Мезентій,
Дряхлой сосѣда ругаясь главѣ, не нанесъ бы толикихъ

Бѣдъ и убійствъ, не вдовилъ бы мужами толиками грады.
Васъ, небожители всѣ, и тебя, величайшій Юпитеръ,
Царь надъ богами! молю: пожалѣйте Аркадскаго князя,
Отчимъ прошеніямъ внявъ: если хочетъ величіе ваше
Мнѣ невредимымъ Палланта вернуть, если рокомъ спасется,
Если увижу его и съ возлюбленнымъ снова сойдуся,
Жизни прошу, на какіе угодно недуги согласенъ.
Если же нѣкіимъ горемъ, Фортуна, грозишь несказаннымъ,
Нынѣ же, нынѣ прервитесь печальные годы Эвандра,
Бѣды покамѣсть невѣрны и будущность вся подъ сомнѣньемъ,
Можно доколѣ тебя, запоздалую нашу утѣху,
Отрокъ драгой! обнимать и несчастія вѣстникъ не ранилъ
Отчего слуха». Такую-то рѣчь при послѣднемъ прощаньи
Старецъ твердилъ; полумертваго слуги подъ кровли относятъ.

Вотъ выѣзжала ужъ конница вся изъ воротъ растворенныхъ:
Мощный Эней на челѣ при сопутствіи вѣрномъ Ахата;
Слѣдомъ другіе Дарданцевъ князья, по срединѣ же строя
Славный Паллантъ и расписаннымъ блещетъ щитомъ и хламидой
Точно струей Океана обрызганный Лукиферъ ясный,
Коего паче всѣхъ звѣздъ возлюбила Венера богиня,
На небѣ ликъ воздвигаетъ священный и тьму разрѣшаетъ.
На стѣну робкія матери встали и взоромъ безумнымъ
Пыльную тучу слѣдятъ и блестящія мѣдью дружины.
Оные полемъ сквозь терны, гдѣ путь пролегаетъ ближайшій,
Съ кликомъ оружные ѣдутъ; сплотилися въ полкъ и грохочутъ
Четверократнымъ ударомъ объ пыльное поле копыта.

Роща великая есть при Керитскомъ потокѣ студеномъ,
Вѣрой отеческой чтится далеко; холмы отовсюду
Долъ окружили и черными лѣсъ опоясалъ вѣтвями.
Молвятъ, что Фавну ее въ старину посвятили Пелазги,
Стада и пажитей богу и праздничный день учредили,
Люди, что нѣкогда первые краемъ Латинскимъ владѣли.
Близко оттуда Тиррены и Тархонъ поставили станы
Въ мѣстности крѣпкой: съ пригорка высокаго весь ужъ виднѣлся
Ихъ легіонъ и далеко въ широкихъ поляхъ разстилался.

Къ этому мѣсту Эней и на битву избранные мужи
Ѣдутъ коней пріютить и усталые члены покоить.

Въ тучахъ небесныхъ межъ тѣмъ бѣлоснѣжная мчалась Венера,
Князю подарки неся и въ долинѣ укромной увидѣвъ
Издали чадо свое, отдѣленнаго токомъ студенымъ,
Рѣчи такія глаголетъ, богиней предъ сыномъ представши:
«Мужнимъ искусствомъ исполненъ обѣщанный мною подарокъ;
Онъ предъ тобою, возьми и Лаврентовъ затѣмъ горделивыхъ
Или удалаго Турна на бой вызывай дерзновенно».
Молвитъ и къ сыну въ объятія мать Киѳерея упала,
Ясный доспѣхъ положивъ подъ сосѣднимъ раскидистымъ дубомъ.
Витязь, дарами богини и честью обрадованъ многой,
Смотритъ очами несытыми; въ сердцѣ дивясь, по порядку
Все изучаетъ и въ дланяхъ своихъ изумленныхъ вращаетъ
Страшный, гребнистый шеломъ, изрыгающій лютое пламя,
Мечъ роковой и мѣдяную оную крѣпкую броню,
Кровью горящую: точно какъ синее облако въ небѣ
Солнца лучами горитъ и далече по воздуху блещетъ.
Гладкій сапогъ изъ электра и золота дважды литого,
Лютую сталь копія и щита несказанный рисунокъ... 16)

Тамъ Италійцевъ судьбы и великіе Римлянъ тріумфы,
Вѣдая рѣчи пророковъ и съ будущимъ вѣкомъ знакомый,
Вырѣзалъ богъ огневластный, на семъ начерталъ онъ доспѣхѣ
Все поколѣнье Асканія, всѣ по порядку сраженья.
Сдѣлалъ въ зеленой пещерѣ Маворта волчиху щенную,
Кротко лежащую, двое младенцевъ веселыхъ повисли,
Звѣря сосцы обхвативъ, и играючи лижутъ безстрашно
Лютую мать, а волчица, закинувъ великую вью,
Оныхъ ласкаетъ чредой и своимъ языкомъ образуетъ.
Римскій по близости градъ и Сабинянокъ, противъ закона,
Въ шумномъ собраньи, при играхъ великихъ похищенныхъ въ циркѣ,
Онъ сотворилъ и внезапно возставшую новую сѣчу
Ромула съ Татіемъ старымъ и съ племенемъ Курій суровымъ.
Далѣе тѣ же цари, прекративъ межъ собой состязанье,
Оба, у требища Зевсова, чаши въ рукахъ, при оружьи,

Рядомъ стоятъ, и свинью заколая, союзъ подтверждаютъ.
Вотъ недалеко отъ нихъ быстротечныя Метта квадриги
Рвутъ на куски (а зачѣмъ же, Албанецъ, въ словахъ не стоялъ ты?)
Лживаго мужа утробу карающій Туллъ по дубравѣ
Всю разносилъ и сочились облитые кровію терны.
Тамъ и Порсенна приказывалъ бѣглыхъ Тарквиніевъ въ городъ
Снова принять и великой тѣснилъ онъ осадою Римлянъ.
Мечъ ухвативъ, за свободу стремились на бой Энеады.
Онъ негодующій зрѣлся, грозящему мужу подобный,
Видя, какъ мостъ разрывалъ дерзновенный предъ воинствомъ Коклитъ,
Цѣпи разбивъ, какъ плыла горделивая Клелія дѣва.
Выше всего охранитель Тарпейскаго, Манлій, оплота
Храма на прагѣ стоялъ и высокій стерегъ Капитолій.
Свѣжей соломой щетинилась Ромула рядомъ палата;
Въ сѣняхъ порхая златыхъ, гусь серебрянный Римлянъ тревожилъ,
Спящихъ будилъ и на прагѣ стоящихъ имъ Галловъ вѣщалъ онъ.
Галлы сквозь терны ползли и высокимъ ужъ за́мкомъ владѣли,
Мракомъ хранимы густымъ и дарами тѣнистыя ночи.
Кудри златыя у нихъ и изъ золота сдѣланы ризы;
Тканью блестятъ полосатою; млечныя воиновъ выи
Золотомъ яснымъ обвиты и по два альпійскіе геса
Каждый колеблетъ въ рукѣ, закрываясь щитомъ исполинскимъ:
Тутъ же и Саліевъ пляску и рой обнаженныхъ Луперковъ,
Шапки жрецовъ шерстоносныя, съ неба щитовъ нисхожденье
Вырѣзалъ богъ: непорочныя жены святыню по граду
Въ мягкихъ качалкахъ носили; далеко отъ нихъ онъ прибавилъ
Тартаровъ темныхъ обители, Дита высокіе праги,
Грѣшниковъ кары, тебя, Катилина! на грозномъ утесѣ
Вѣчно висящаго тамъ и предъ ликомъ дрожащаго фурій;
Тутъ же и добрыхъ предѣлъ и судящаго онымъ Катона 17).

Между сего широко расходилось бурливое море;
Златомъ сіяло, но волны его бѣлизной отливались,
Окрестъ же ихъ серебромъ красовались дельфины и въ кругѣ
Море хвостами мели и надувшійся понтъ разсѣкали.
Мѣдные флоты въ срединѣ, Актійскія лютыя битвы
Зрѣлись очамъ: ополчившись на бой, закипала Левката
Воинствомъ вся и блистали отъ яснаго злата пучины.

Вотъ Августъ Кесарь, Италовъ на грозную сѣчу ведущій,
Съ ликомъ отцовъ и съ народомъ, и съ сонмомъ великихъ Пенатовъ,
Сталъ на высокой кормѣ: испускаютъ веселое пламя
Оба виска и на темени блещетъ родное свѣтило.
Съ боку другого Агриппа, и вѣтромъ несомъ и богами,
Воинство гордо ведетъ; у сего воздаяньемъ воинскимъ
Блещутъ виски: знаменитой горятъ ростроносной короной.
Слѣва Антоній съ полкомъ чужеземнымъ и войскомъ различнымъ,
Всѣхъ побѣдитель народовъ Авроры и Чермного моря,
Гордый Египетъ и силу востока и крайнія даже
Бактры везетъ и свою, о позоръ! Египтянку супругу.
Ринулись разомъ на бой и ужъ пѣнится все безъ остатка
Взрытое веслами ихъ и тризубыми рострами море.
Къ понту стремятся открытому: точно какъ съ мѣста сорвавшись,
Вдругъ бы Киклады поплыли иль горы съ горами сразились.
Такъ-то воители кормы, покрытыя башнями, движутъ,
Паклю горящую сыплятъ и быстрое мечутъ желѣзо;
Лютой и новою сѣчей багрятся Нептуновы нивы.
Систромъ отеческимъ воиновъ кличетъ на битву царица:
Аспидовъ двухъ смертоносныхъ не чуетъ еще за плечами.
Лики боговъ иноземныхъ и лающій Нильскій Анубисъ
Противъ Нептуна съ Венерой и противъ могучей Минервы
Копья подъемлятъ, свирѣпствуетъ лютый Мавортъ по срединѣ,
Мѣдью окованъ и Фуріи въ воздухѣ стали и бродитъ
Между бойцами въ растерзанной ризѣ довольная Распря.
Оной во слѣдъ поспѣшаетъ съ бичемъ обагреннымъ Беллона.
Видя бѣду съ высоты, Аполлонъ напрягаетъ Актійскій
Пагубный лукъ и, исполнившись страха, Египетъ и Инды
Тылъ обращаютъ и всякій бѣжитъ и Арабъ, и Сабеецъ.
Вѣтеръ, казалось, царица звала, расширяла вѣтрила,
Бѣгствомъ своимъ торопясь, отпускала скорѣе канаты.
Оную, въ сѣчѣ дрожащую, блѣдную смертью грядущей,
Волны и Япигъ искусствомъ Вулкановымъ въ даль уносили.
Ей супротивъ написалъ онъ великое Нилово тѣло:
Пазуху Нилъ раскрывалъ, раскрывалъ одѣянье и въ лоно
Синее звалъ и въ свои сокровенныя воды побитыхъ.
Кесарь же временемъ тѣмъ, во тріумфѣ трегубомъ вступая
Въ Римскія гордыя стѣны, богамъ посвящалъ Италійскимъ
Вѣчный обѣтъ и по городу триста закладывалъ храмовъ.

Радостью, играми стогны и плескомъ гремѣли великимъ;
Въ капищѣ каждомъ матроны поютъ, въ каждомъ жертвенникъ храмѣ.
Землю тельцы устилаютъ, у требищъ закланные божьихъ.
Самъ онъ, на свѣтломъ порогѣ сидя бѣлоснѣжнаго Феба,
Дани народовъ считалъ и вдоль стѣнъ размѣщалъ горделивыхъ.
Идутъ чредой безконечной на битвѣ сраженныя страны:
Сколько языкомъ различны, на столько-жъ оружьемъ и ризой.
Тамъ непослушныхъ Номадовъ и всѣхъ распоясанныхъ Афровъ,
Тамъ и Лелеговъ, и Каровъ, и рой стрѣлоносныхъ Гелоновъ
Мулькиберъ дланью создалъ; выступалъ и Эвфратъ усмиренный,
Крайніе люди Морины и Реновъ потокъ двоерогій,
Буйные Даги, свирѣпый Араксъ негодующій на мостъ.

Битвы такія на божьемъ доспѣхѣ, Венериномъ дарѣ,
Смотритъ Эней и, не вѣдая смысла, картинамъ дивится,
Правнуковъ славу и рокъ на могучихъ плечахъ подымая.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Діомедъ, одинъ изъ главныхъ Греческихъ вождей подъ Троей, былъ принужденъ удалиться изъ отечества и основалъ поселеніе въ Южной Италіи.

2) Рѣка Тибръ, какъ божество, именовалась Тиберином̃ъ.

3) Паллантей стоялъ на той горѣ, которая потомъ названа Палатинской и составляла древнѣйшую часть Рима. Аркады были Греческимъ племенемъ и жили въ срединѣ Пелопонеса.

4) Боги рѣкъ изображались рогатыми.

5) Амфитріоновъ сынъ есть Геркулесъ, рожденный отъ Зевса и Алкмены, жены Аргосскаго князя Амфитріона.

6) Давномъ назывался отецъ Турна.

7) Гесіона, сестра Пріамова, была замужемъ за Теламономъ, царемъ острова Саламина.

8) Пинаріи и Потитіи были наслѣдственными жрецами Геркулеса у Римлянъ. Величайшій алтарь, о которомъ здѣсь говорится, существовалъ впослѣдствіи въ Римѣ. Геркулесу былъ посвященъ серебристый тополь, первые черенки котораго онъ будто бы принесъ съ сѣвера изъ земли Гипербореевъ и посадилъ въ Элидѣ.

9) Жрецы Саліи, существовавшіе впослѣдствіи въ Римѣ, исполняли при своихъ обрядахъ священныя пляски. Разсказъ о томъ, какъ новорожденный

Геркулесъ удавилъ двухъ змѣевъ, посланныхъ Юноною, всѣмъ извѣстенъ. Эхалія—городъ на островѣ Эвбеѣ. Геркулесу приписывали первое взятіе Трои при Лаомедонтѣ. Велѣніемъ судебъ Геркулесъ долженъ былъ исполнить двѣнадцать работъ по указанію Аргосскаго царя Эврисѳея. Далѣе говорится о главныхъ подвигахъ: о битвѣ съ Немейскимъ львомъ и съ Лернейскою многоглавою Гидрой или водянымъ змѣемъ, о нисхожденіи въ Тартаръ, откуда Геркулесъ выручилъ своего друга Ѳесея и гдѣ онъ видѣлъ исполина Тиѳея, нѣкогда возстававшаго на боговъ.

10) Имя Латій происходитъ отъ Латинскаго слова, которое значитъ скрываться. Тибрій, по словамъ преданія, былъ Этрусскимъ царемъ. Азилъ значитъ убѣжище. Луперкалъ и Ликей происходятъ оба отъ словъ, означающихъ по-латыни и по-гречески волка. Преданіе говоритъ, что нѣкоторый Аргъ, гость Эвандра, былъ безъ вѣдома Эвандра убитъ его друзьями за то, что хотѣлъ овладѣть царствомъ.

11) Каринами называлась одна изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ частей Рима.

12) Нереида Ѳетида выпросила у Вулкана оружій для своего сына Ахиллеса, а Аврора для своего сына Мемнона.

13) Островъ этотъ одинъ изъ Липарскихъ или Эоловыхъ и назывался Гіерой или святымъ, а также Вулкановымъ, нынѣ Волкано. Халибы—народъ въ Арменіи, имѣвшій желѣзныя руды.

14) Вулканъ назывался Лемнійцемъ отъ посвященнаго ему острова Лемна въ Архипелагѣ. Тегея—городъ въ Аркадіи.

15) Сабеллы—тоже что Сабины.

16) Электръ—янтарь.

17) Римляне, по словамъ преданій, составились изъ молодежи, примкнувшей къ Ромулу. Они не имѣли женъ и никто изъ окрестныхъ народовъ не хотѣлъ вступать съ ними въ родство. Потому они заманили къ себѣ, подъ видомъ священныхъ игръ, сосѣднихъ Сабиновъ изъ города Курій и овладѣли ихъ дочерями. Сабины пришли на нихъ войной со своимъ царемъ Татіемъ, но потомъ помирились съ Ромуломъ и часть ихъ поселилась въ Римѣ. Третій царь Римскій Туллъ подчинилъ себѣ Альбу, но диктаторъ Албанцевъ Меттъ скоро задумалъ измѣну и былъ за это разорванъ квадригами, то-есть четвероконными колесницами. Послѣ изгнанія Римлянами царскаго рода Тарквиніевъ, вступился за изгнанниковъ Этрурскій царь Порсенна и осаждалъ Римъ, но не достигъ цѣли. При этомъ Гораті Коклитъ защищалъ мостъ на Тибрѣ противъ всего непріятельскаго войска, а дѣва Клелія, отданная вмѣстѣ съ другими дѣвушками въ заложницы непріятелю, переплыла вмѣстѣ съ подругами Тибръ и такимъ образомъ ушла изъ плѣна. Впослѣдствіи Римъ былъ взятъ Галлами, но крѣпость Римская, то-есть Капитолій, не сдавалась. Галлы уже взобрались на нее ночью, но воинъ Манлій, услышавъ крикъ священныхъ гусей, испуганныхъ Галлами, опрокинулъ враговъ со скалы и спасъ городъ. Гесами назывались копья Галловъ. Крытый соломою домъ Ромула долго существовалъ на Капитоліи. Далѣе говорится о уже извѣстныхъ намъ Саліяхъ, имѣвшихъ въ рукахъ священные щиты, по преданію упавшіе съ неба, о Луперкахъ, нагихъ жрецахъ Пана, о старшихъ жрецахъ или Фламинахъ, носившихъ шапки съ шерстяною кисточкой

и о священныхъ процессіяхъ Римскихъ женщинъ. Катилина нѣкогда задумалъ овладѣть властью съ помощью поджога и убійства. Катоновъ было два—одинъ древній, извѣстный справедливостью и строгостью съ которой онъ исполнялъ должность цензора нравовъ. Другой Катонъ тоже славился добродѣтелью. Онъ боролся съ Юліемъ Цесаремъ и лишилъ себя жизни, не желая пережить паденіе республики. Кого разумѣлъ Виргилій, трудно сказать.

18) Рѣчь идетъ о знаменитой Актійской битвѣ между Августомъ и Антоніемъ. Левката—мысъ на островѣ Левкадѣ, по близости Актія. Во время игръ, отправленныхъ Августомъ въ честь Юлія Цесаря, появилась комета, которую приняли за обоготворенную душу Цесаря, почему его изображали со звѣздою на головѣ. Агриппа—главный полководецъ, а потомъ и зять Августа. Короною съ рострами, то-есть корабельными носами, награждали за морскія побѣды, которыя Агриппа и ранѣе одерживалъ. Антоній имѣлъ вспомогательныя войска отъ многихъ восточныхъ народовъ, впрочемъ Бактры, а ниже Инды упомянуты кажется болѣе для красоты слога. Городъ Бактры находился въ теперешнемъ сѣверномъ Афганистанѣ. Антоній женился вопреки Римскому закону на Египетской царицѣ Клеопатрѣ. Систръ—египетское музыкальное орудіе. Что Клеопатра потомъ умерла отъ змѣинаго укушенія, это всѣмъ извѣстно. Анубисъ—одинъ изъ египетскихъ боговъ. Онъ изображался съ собачьей головой. Беллона—богиня войны у Римлянъ. Сабеи—Арабскій народъ. Янигъ есть вѣтеръ, дующій отъ земли Яниговъ, отъ начала Адріатики, то-есть сѣверо-западный. Лелеги и Кары жили въ Малой Азіи, впрочемъ о Лелегахъ тогда уже не было слышно. Подъ именемъ древняго Скиѳійскаго народа Гелоновъ разумѣются просто различные Скиѳы. Морины жили у Британскаго пролива въ Галліи. Даги были Скиѳы, жившіе за Каспійскимъ моремъ. Рѣка Араксъ извѣстна.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

Нѣкоторые считаютъ нужнымъ исключить два стиха изъ описанія борьбы Геркулеса съ Какусомъ (послѣ стиха: вотъ ужъ стоитъ разъяренный и пр.), но, правду сказать, мы не видимъ къ этому достаточныхъ причинъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Дѣло такое въ странахъ отдаленныхъ покамѣсть творится;
Съ неба Юнона Сатурнія вновь посылаетъ Ириду
Къ Турну удалому. Витязь по случаю въ темной дубравѣ
Мощнаго предка Пилумна и въ долѣ сидѣлъ посвященномъ.
Такъ-то устами румяными молвитъ Ѳавмантида дѣва:
«Сильный! чего бы никто изъ боговъ обѣщать не рѣшился
Князю молящему, то безъ молитвы доставило время.
Бросилъ и городъ Эней, и товарищей вѣрныхъ, и лодки,
Къ царствамъ ушелъ Палатинскимъ и къ дому Эвандра сѣдого.
Мало того: къ отдаленнымъ Корифа проникнувши градамъ,
Лидовъ дружины и набранныхъ тамъ поселянъ ополчаетъ.
Что-жъ сомнѣваешься? нынѣ коней, нынѣ требуй повозку.
Прочь замедленье! скорѣй забирай устрашенные станы!» 1)

Молвитъ и къ ясному небу на равныхъ уносится крыльяхъ,
Въ бѣгствѣ великой дугой поднебесный эѳиръ разсѣкая.
Юноша дѣву узналъ и ко звѣздамъ направивши руки,
Рѣчи такія богинѣ бѣгущей во слѣдъ посылаетъ:
«Неба краса! кто-жъ, Ирида! тебя изъ-подъ облакъ эѳирныхъ
На землю къ намъ ниспослалъ и откуда внезапное это
Ясное вёдро взялось? раскрывается на-двое небо,
Звѣзды расходятся въ небѣ; иду за предвѣстьемъ толикимъ,
Кто бы на битву ни звалъ». Такъ сказавъ, ко святому потоку
Князь приступилъ и изъ омута верхнюю черпаетъ влагу,
Много молясь и эѳиръ бременя обѣщаніемъ всякимъ.

Вотъ выступало ужъ воинство цѣлое въ полѣ открытомъ,
Златомъ богатое, пестрыми ризами, конницей многой;
Славный Мессапъ на челѣ, ополченьями задними правятъ
Чада Тиррея, надъ среднимъ же воинствомъ Турнъ полководцемъ.
Такъ изъ семи укротившихся рѣкъ средь пустыни возникшій
Гангесъ глубокій безмолвно грядетъ или Нилъ плодородный,
Съ поля сбѣжавъ и вступивши въ русло, безмятежно струится.
Видятъ изъ чернаго праха внезапно возставшую тучу
Витязи Дардановъ, видятъ внезапную тьму надъ полями.
Первый Калкъ возопилъ имъ отъ башни, что къ недругамъ смотритъ:
«Граждане! что за громада изъ черной къ намъ катится пыли?
Живо беритесь за стрѣлы, за мечъ, на стѣну выходите!
Гей! непріятель идетъ!» Съ несказаннымъ тутъ кликомъ уходятъ
Тевкры воротами всѣми и стѣну собой увѣнчали.
Такъ, уѣзжая, велѣлъ имъ испытанный въ битвахъ начальникъ,
Славный Эней, что какая-бъ межъ тѣмъ ни случилась опасность,
Строить не должно полковъ и ввѣряться не слѣдуетъ полю:
Станы свои и надежныя стѣны пускай защищаютъ.
Помнятъ завѣтъ и къ сраженьямъ хоть ихъ стыдъ и гнѣвъ подстрекаютъ,
Града врата замыкаютъ и князя приказъ исполняя,
Недруга съ башенъ высокихъ съ оружьемъ въ рукахъ поджидаютъ.

Турнъ, устремившись впередъ, предварилъ замедленное войско,
Двадцат наѣздниковъ лучшихъ ведя, и въ набѣгѣ внезапномъ
Вражьему граду предсталъ; на Ѳракійскомъ сидитъ онъ пятнистомъ
Добромъ конѣ; красный гребень шеломъ золотой осѣняетъ.
«Молодцы! кто-жъ на врага? кто со мною на первую сѣчу?
Вотъ!» возгласилъ, и нацѣлившись, дротикъ на воздухъ отправилъ,
Битвы начало, и по полю всадникъ великій помчался.
Воины кликъ воздвигаютъ и съ воплемъ ужаснымъ несутся
Князю во слѣдъ: изумляются Тевкровъ лѣнивому сердцу,
Видя, что въ поле не смѣютъ пойти, ни противупоставить
Копья мужамъ, но во станахъ засѣли. И влѣво, и вправо
Скачетъ воитель вкругъ стѣнъ и пути невозможнаго ищетъ.
Точно какъ волкъ подступаетъ къ овечьему полному хлѣву,
Злобно рыча при дверяхъ, удрученный дождемъ и вѣтрами
Въ полночи хладной; межъ тѣмъ безопасно подъ матками агнцы
Голосъ въ дому подаютъ, а суровый, упорный ихъ недругъ

Гнѣвомъ ярится заочнымъ: давно накопившійся голодъ
Нынѣ терзаетъ его и безъ крови изсохшее горло.
Такъ и у Рутуловъ князя при видѣ оплотовъ и становъ
Гнѣвъ запылалъ и могучія кости печаль сожигаетъ.
Доступа какъ же добьется герой или какъ затворенныхъ
Тевкровъ изъ града изгонитъ и въ чистое вытѣснитъ поле?
Дарданскій флотъ, что у самаго стана въ тѣни укрывался,
Брегомъ рѣчнымъ окруженный и волнами Тибра святыми,
Онъ увидалъ и огня у товарищей радостныхъ проситъ,
Дланью поспѣшной лучину горящую самъ ухвативши.
Тутъ устремляются всѣ: понуждаетъ присутствіе Турна;
Тотчасъ же свѣточьми черными воинство все ополчилось;
Всѣ очаги расхватали: смолистое пламя лучины
Дымныя гонятъ и пепелъ Вулканъ ко звѣздамъ посылаетъ.

Муза! который же богъ отъ пожара столь лютаго Тевкровъ
Тутъ защитилъ и прогналъ отъ ладей столь великое пламя?
Молвите! Древняя повѣсть, но вѣрили всѣ поколѣнья.

Въ оные дни, какъ на Идѣ Фригійской впервые готовилъ
Флотъ свой Эней и въ далекое море идти собирался,
Матерь безсмертныхъ, сама Берекинтія, молвятъ, такія
Зевсу великому рѣчи глаголала: «чадо, исполни
Матери милой прошенье, исполни, владыко Олимпа!
Боръ у меня былъ сосновый, чрезъ многіе годы любимый;
Роща на темени самомъ, куда приносили святыню;
Сумракомъ черныхъ елей и кленовыхъ стволовъ наполнялась.
Я Дарданійцу охотно, когда въ корабляхъ онъ нуждался,
Все отдала, но теперь безпокоюсь заботой тоскливой.
Страхъ разрѣши: пусть на столько моленія матери смогутъ,
Въ бѣгѣ своемъ чтобъ не бились суда, чтобъ какой-либо бурей
Въ морѣ не сгибли, чтобъ были имъ въ помощь священныя горы».
Такъ-то отвѣтствуетъ сынъ, потрясающій міра свѣтила:
«Матерь! куда направляешь судьбы и чего ты имъ просишь?
Смертною-ль дланью созданныя жребій безсмертный получатъ
Лодки твои и сквозь бѣды-ль невѣрныя шествіемъ вѣрнымъ
Дарданскій витязь пойдетъ? Вѣдь сіе недоступно и богу.

Лучше, какъ путь ужъ свершатъ и предѣловъ коснутся Авзонскихъ,
Тутъ я у тѣхъ кораблей, что отъ бурь и отъ волнъ избѣжали,
Князя Троянскаго къ нивамъ Лаврентскимъ безвредно доставя,
Смертный составъ отыму и велю, чтобы были отнынѣ
Нимфами моря великаго: пусть какъ Нереида Дото,
Иль Галатея грудями пѣнящійся понтъ разсѣкаютъ».
Кончилъ и рѣчь подтвердилъ чрезъ потоки Стигійскіе брата;
Русла, смолой и пучиною черной кипящія, назвалъ;
Слѣдомъ кивнулъ и киваніемъ цѣлый Олимпъ всколебалъ онъ.

Вотъ и насталъ обѣтованный день и года роковые
Парки исполнили въ самый тотъ часъ, какъ насиліе Турна
Матерь заставили огнь отогнать отъ деревьевъ священныхъ.
Тутъ-то сначала невиданный свѣтъ заблисталъ и съ востока
Облако, мнилось, великое по небу съ хоромъ Идейскимъ
Вдругъ пронеслось, а затѣмъ голосъ страшный изъ облака грянулъ,
Громомъ великимъ и Тевкровъ, и Рутуловъ рать наполняя:
«Тевкры! оставьте, моихъ кораблей защищать не спѣшите!
Къ битвѣ мечей не взымайте! Пучины зажжетъ онъ морскія,
Раньше, чѣмъ сосны священныя. Вы же идите свободно,
Моря богини! родившая кличетъ». И въ тоже мгновенье
Каждый корабль ко брегамъ прикрѣплявшую вервь обрываетъ,
Словно дельфины ныряютъ и, ростерами въ глубь устремившись,
Въ безднахъ сокрылися. Смотрятъ и столько-жъ дѣвическихъ ликовъ
(Зрѣлище дивное!) всплыли и радостно къ понту несутся.

Замерло сердце у Рутуловъ, самъ тутъ Мессапъ ужаснулся,
Коней сдержавъ устрашенныхъ, съ глухимъ клокотаньемъ пресѣклись
Волны потока и вспять отступилъ Тиберинъ отъ пучины.
Только удалаго Турна еще не покинула дерзость:
Онъ и другихъ ободряетъ и къ воинамъ такъ возглашаетъ:
«Знаменье это Дарданцамъ грозитъ: самъ Юпитеръ отъемлетъ
Тевкрамъ спасенье обычное; даже и стрѣлъ не дождались,
Даже огней корабли. Непроходны пучины для Троевъ.
Нѣтъ и на бѣгство надежды. Вселенной ужъ часть потеряли;
Суша, союзники! въ нашихъ рукахъ; столько сильныхъ Италовъ
Взялись теперь за мечи. Не смущаютъ меня роковыя

Вѣчныхъ боговъ прорицанья, которыми хвалится недругъ.
Будетъ довольно Венерѣ и року, что поля коснулись
Тучной Авзоніи Дарданы. Есть и у Турна судьбины
Троямъ противныя: слѣдуетъ мнѣ уничтожить желѣзомъ
Родъ, оскверненный хищеніемъ женъ. Не однихъ вѣдь Атридовъ
Это касается; развѣ лишь Граямъ дозволены битвы?
Скажутъ, что разъ ужъ погибли—зачѣмъ же не разъ согрѣшили?
Должно бы имъ послѣ кары подобной во-вѣкъ ненавидѣть
Весь женскій полъ. Въ этомъ мигъ имъ защита стѣны и широкихъ
Рвовъ огражденье, ничтожныя смерти жестокой препоны
Храбрость внушаютъ, но развѣ не зрѣли стѣну Иліона
Дланью Нептуна созданную, ставшую пепломъ и прахомъ?
Кто же, избранные! кто этотъ валъ раскопаетъ желѣзомъ?
Кто устремится со мной на смущенные недруговъ станы?
Противъ Дарданцевъ доспѣхи Вулкана и тысяча лодокъ
Намъ не потребны; пускай хоть и всѣ ихъ союзники Туски
Разомъ являются. Мрака ночного и хитростей робкихъ
Да не страшатся пришельцы: во чревѣ не скроемся конскомъ:
Днемъ на-яву похваляемся пламя пустить по оградѣ.
Скоро поймутъ, что не съ войскомъ Данайскимъ, не съ родомъ Пелазговъ
Войны ведутъ, какъ тогда, какъ до лѣта десятаго Гекторъ
Бой протянулъ, но ужъ большая дня миновалася доля.
Первымъ успѣхомъ довольные, тѣло свое подкрѣпляйте,
Храбрые мужи, и боя готоваго ждите спокойно».

Тотчасъ Мессапу велитъ сторожей при воротахъ разставить,
Цѣпью горящихъ костровъ окруживъ непріятелей стѣну.
Рутуловъ онъ дважды семь, чтобы съ войскомъ врага сторожили,
Выбралъ въ начальники; съ каждымъ изъ нихъ сто воителей идутъ,
Золотомъ яснымъ блестя и багряными гривами шлемовъ,
Рыщутъ вкругъ стѣнъ и смѣняются новыми, сами-жъ на дернѣ
Тянутъ вино и кратеры литыя вверхъ дномъ обращаютъ.
Свѣтятъ огни и безсонную ночь средь вина и забавы
Стража проводитъ сія . . . . .

Смотрятъ съ валовъ осажденные Тевкры и грознымъ оружьемъ
Стѣны свои охраняютъ, иные же движимы страхомъ,

Твердость воротъ испытуютъ, мостами твердыни связуютъ,
Камни несутъ; понуждаютъ Мнесѳей съ расторопнымъ Серестомъ,
Коихъ на случай опасности славный Эней прародитель
Раньше вождями народа и главами битвы поставилъ.
Воинство все, по стѣнамъ размѣстясь и труды подѣливши,
Стражу чредой совершаетъ, кому что поручено было.

Былъ въ сторожахъ у воротъ знаменитый оружьемъ и силой,
Нисъ Гиртакидъ, что Энею въ сопутники матерью Идой,
Быстрой охотницей данъ, и съ копьемъ и съ колчаномъ проворный.
Съ нимъ Эвріалъ находился, котораго не было краше
Въ людяхъ Энея, во всѣхъ, что Троянскія латы носили.
Первую младость цвѣтущую ликомъ являлъ онъ безбрадымъ;
Равно любили другъ друга и вмѣстѣ на битвы стремились.
Также и въ оную ночь при однихъ воротахъ сторожили.
Нисъ говоритъ: «небеса ли въ меня этотъ пламень вливаютъ,
О Эвріалъ! или богомъ для каждаго страсть роковая?
Битву зачать или что-либо сдѣлать великаго духъ мой
Ищетъ давно и покой безмятежный ему непріятенъ;
Видишь, какую увѣренность недруги наши имѣютъ:
Рѣдкіе блещутъ огни; и виномъ, и дремотой объяты,
Стражи уснули; далеко молчитъ вся окрестность. Внимай-же,
Что обсуждаю въ душѣ и какіе въ ней замыслы бродятъ:
Къ войску вождя воротить и народъ, и старѣйшины жаждутъ;
Ищутъ мужей, черезъ коихъ бы вѣсти о немъ получили.
Только-бъ тебѣ все, о чемъ попрошу, обѣщали (для Ниса-жъ
Чести достаточно), думаю возлѣ могилы сосѣдней
Можно дорогу найти ко стѣнамъ и валамъ Паллантея» 2).

Тутъ изумился, великимъ желаньемъ похвалъ сотрясенный,
Другъ Эвріалъ и товарищу пылкому такъ отвѣчаетъ:
«Или меня въ соучастники взять для опаснаго дѣла
Нисъ не рѣшаешься? Я ли тебя одного на погибель
Нынѣ пошлю? Не тому вѣдь родитель Офельтъ ратоборецъ
Между Аргійской войной и Троянскимъ рожденнаго горемъ
Раньше училъ, не такія дѣла и съ тобой мы творили,
Вслѣдъ за вождемъ веледушнымъ и рокомъ послѣднимъ направясь.

Есть въ этомъ сердцѣ, есть духъ, презирающій смерть и готовый
Честь, объ которой ты молвилъ, и жизнью купить, не жалѣя».
Нисъ отвѣчаетъ: «и я ничего вѣдь не думалъ такого;
Какъ же и думать-то? Нѣтъ, пусть съ побѣдой меня столь же вѣрно
Зевсъ или богъ благосклонный иной возвратитъ Эвріалу.
Если однако (въ подобныхъ вещахъ обычайное дѣло)
Если въ какое несчастіе богъ или жребій повергнутъ,
Пусть же хоть ты уцѣлѣешь: твой возрастъ достойнѣе жизни;
Ты изъ сраженья отбитое, ты искупленное златомъ
Тѣло схоронишь, когда же и въ этомъ откажутъ судьбины,
Жертвы заочно свершишь и могилой почтишь несчастливца.
Пусть же и матери бѣдной толикаго горя причиной,
Отрокъ, не буду потомъ, что изъ многихъ единая женщинъ
Сыну сопутствуетъ днесь, объ Акестовомъ градѣ не мысля».
Юный отвѣтствуетъ: «тщетно предлоги сплетаешь пустые,
Ниже рѣшенье мое уступить убѣжденіямъ можетъ.
Должно спѣшить!» Тутъ заснувшихъ онъ будитъ, они же пріемлютъ
Трудъ на себя и чреду соблюдаютъ, а юноша съ Нисомъ
Идутъ, покинувъ врата, и царю о себѣ возвѣщаютъ.

Прочія всѣ существа по землѣ сладкимъ сномъ облегчали
Тяжкія думы и сердцемъ труды забывали дневные.
Первые Тевкровъ старѣйшины съ витязей избранныхъ сонмомъ
Тайный держали совѣтъ о великихъ опасностяхъ царства:
Что сотворятъ и кого ко владыкѣ съ вѣстями отправятъ.
Всѣ, опираясь на длинныя копья, щитовъ не слагая,
Становъ и града въ срединѣ стоятъ. Тутъ-то Нисъ съ Эвріаломъ
Славныхъ мужей о немедленномъ доступѣ ревностно просятъ;
Молвятъ, что съ дѣломъ не малымъ пришли и вниманья достойнымъ.
Тотчасъ Іулъ допускаетъ поспѣшныхъ и слово даетъ имъ:
Такъ Гиртакидъ начинаетъ: «внемлите душой благосклонной,
Вы, Энеады! по нашимъ годамъ не судите о дѣлѣ,
Съ коимъ являемся. Сномъ и виномъ отягченные многимъ,
Рутулы стихли; для выхода мѣсто ужъ мы подсмотрѣли
Тамъ на распутьи, у вратъ, что на близкое смотрятъ поморье;
Рѣдко пылаютъ костры и ко звѣздамъ во множествѣ черный
Дымъ подымается. Если дозволите случай удобный
Намъ уловить, чтобъ Энея достичь и стѣны Паллантея,

Скоро обоихъ съ добычею послѣ побоищъ великихъ
Снова увидите. Сбиться съ дороги извѣстной не можемъ.
Въ темныхъ долахъ ежедневно охотясь, не разъ мы видали
Самого города часть и давно всю рѣку изучили.

Тутъ отягченный годами и разумомъ зрѣлымъ богатый
Молвитъ Алетъ: «о родимые боги! подъ властью которыхъ
Троя поднесь; не совсѣмъ же Троянъ истребить вы хотите,
Если подобныхъ вы юношей, если столь крѣпкія груди
Намъ даровали». Сказавъ, обнимаетъ обоихъ и крѣпко
За руки держитъ, слезами и очи, и ликъ орошая.
«Что же, воители, вамъ? что достойное доблести вашей
Можемъ теперь обѣщать? воздаяніемъ лучшимъ во-первыхъ
Боги и нравы украсятъ, а прочее тотчасъ уплатитъ
Благочестивый Эней и цвѣтущій годами Асканій,
Столь знаменитыхъ заслугъ позабыть никогда не способный».
«Да, обѣщаюся вамъ», молвитъ Юлъ, «что возвратомъ Энея
Можете Трою одни сохранить и Пенатовъ великихъ
Сонмомъ ручаюся, Нисъ! и Ассарака Ларомъ и древней
Весты святилищемъ; рокъ и надежды свои полагаю
Въ мощныя ваши сердца: призовите родителя нынѣ,
Дайте увидѣть его и ничто не покажется тяжкимъ.
Дамъ изъ сребра сотворенныя, съ выпуклой дивной рѣзьбою
Парныя чаши, которыя взялъ изъ плѣненной Арисбы
Мощный отецъ, и треножника два, два великихъ таланта
Къ нимъ приложу и старинный кратеръ, подаренный Дидоной.
Если-жъ Италію взять и на царствѣ возсѣсть покоренномъ
Боги дадутъ и добычу мужамъ побѣдитель раздѣлитъ,
Видѣли, Турнъ на какомъ скакунѣ, подъ какимъ онъ доспѣхомъ
Златомъ блисталъ? такъ и лошадь, и щитъ, и багряные гребни
Я исключу изъ раздѣла; о Нисъ! можешь звать ихъ своими.
Избранныхъ, кромѣ того дважды шесть подаритъ вамъ родитель
Женщинъ прекрасныхъ и плѣнныхъ мужей и со всѣмъ ихъ оружьемъ.
Дамъ и поля, что царю самому отдѣлили Латины.
Ты же, за коимъ мой возрастъ слѣдами ближайшими идетъ,
Отрокъ достойный, тебя съ сей минуты всѣмъ сердцемъ пріемлю;
Въ спутники я избираю для всякихъ случайностей жизни.
Славы искать безъ тебя никакими дѣлами не буду;

Миръ ли, война ли въ дѣлахъ и въ словахъ я тебѣ довѣряю
Паче всѣхъ прочихъ». На эту Асканія рѣчь отвѣчаетъ
Такъ Эвріалъ: «не наступитъ тотъ день, что меня недостойнымъ
Замысловъ столь дерзновенныхъ покажетъ, удача бы только
Иль, все равно, неудача была, но одинъ, всѣхъ дражайшій,
Даръ у тебя попрошу. Отъ Пріамова древняго рода
Матерь имѣю; сопутствовать сыну Илійское поле
Горькой вдовѣ помѣшать не могло, ни Акестовы царства.
Нынѣ ее, про опасности эти безвѣстную вовсе,
Я безъ прощанья кидаю. Клянуся и ночью, и славной
Дланью твоей, что не могъ бы я вытерпѣть матери слезы!
Горькую ты, заклинаю, покой! будь оставленной въ помощь!
Эту надежду подай и смѣлѣе пойду на опасность,
Чтобъ ни грозило». Въ душѣ сотрясенные, пролили слезы
Всѣ Дарданиды, но болѣе всѣхъ самъ Асканій прекрасный,
Вспомнилъ родителя онъ, видя нѣжности образъ сыновней
Такъ отвѣчаетъ Іулъ: . . . . .
«Самъ назначай, что достойнымъ твоихъ начинаній считаешь.
Матерью будетъ Іулу она; только имя Креусы
Дать не могу, да и можно-ль родившую сына такого
Намъ не уважить; но, чѣмъ бы ни кончились замыслы ваши,
Этой главою клянусь, коей клялся и самъ мой родитель:
Все, что тебѣ обѣщалъ я, удачно свершившему подвигъ,
Матери все передамъ и всему Эвріалову роду» 3).

Такъ говоритъ со слезами и съ юныхъ раменъ повелитель
Мечъ золотой скидаетъ, что искусный Гносіецъ Ликаонъ
Нѣкогда сдѣлалъ и спряталъ въ ножнахъ изъ слоновыя кости,
Нису могучій Мнесѳей надѣваетъ косматую шкуру,
Львиный отбитый доспѣхъ, а шеломомъ Алетъ обмѣнялся.
Тотчасъ уходятъ оружные; слѣдомъ вожди ополченья
Къ самымъ воротамъ идутъ; и младые, и старцы обѣтомъ
Витязей храбрыхъ напутствуютъ, самъ же Асканій прекрасный,
Разумъ имѣющій свыше годовъ и заботу мужскую,
Многія рѣчи къ отцу посылаетъ, но вѣтромъ летучимъ
Всѣ разнесло и подъ облако ихъ безполезно умчало.

Вышедши, рвы переходятъ и сумракомъ ночи одѣты,
Идутъ ко стану враждебному... все-жъ на погибель для многихъ.

Сномъ и виномъ отягченныхъ, повсюду на дернѣ лежащихъ
Недруговъ видятъ; закинуты дышлами вверхъ колесницы;
Между ремней и колесъ залегаютъ оружья и мужи;
Тутъ же и вина стоятъ. Гиртакидъ прерываетъ молчанье:
«О Эвріалъ! да осмѣлится длань: дѣло въ руки дается.
Здѣсь намъ дорога лежитъ; ты, чтобъ кто не накинулся сзади,
Стражу за мною держи и посматривай вдаль осторожно,
Я же расчищу проходъ и широкой пройдешь ты дорогой».
Такъ говоритъ онъ и гласъ подавляя, съ оружьемъ къ Рамнету
Гордому идетъ: на пышные витязь ковры взгромоздившись
Цѣлой широкою грудію сонъ выдыхалъ безмятежный.
Былъ онъ царемъ и у Турна владыки любимымъ авгуромъ,
Только авгурствомъ не смогъ отъ напасти спастись неизбѣжной.
Трехъ тутъ приспѣшниковъ Нисъ, межъ доспѣховъ безпечно лежавшихъ,
Вмѣстѣ съ оружничимъ Рема убилъ, а возницу находитъ
Онъ подъ конями и выю простертую рубитъ желѣзомъ.
Слѣдомъ владыкѣ главу отрубилъ онъ, а тѣло покинулъ,
Собственной кровью шипящее; чернымъ согрѣты потокомъ,
Почва и одръ увлажаются. Бьетъ и Ламира, и Лама
Съ юнымъ Серраномъ, что болѣе прочихъ въ ту ночь роковую
Пилъ и шутилъ, знаменитый красой, а затѣмъ повалился,
Вакхомъ обильнымъ сраженъ; о, блаженъ бы онъ былъ, еслибъ только
Съ ночью веселье сравнялъ и довелъ бы его до разсвѣта!
Такъ-то въ овчарнѣ обильной свирѣпствуетъ левъ безпощадный.
Гладомъ неистовымъ движимый, рветъ и терзаетъ онъ робкій
Скотъ, онѣмѣвшій отъ страха и пастью рыкаетъ кровавой 4).

Мечъ Эвріаловъ не менѣе пагубенъ: въ гнѣвѣ такомъ-же
Витязь ярится. Не мало попавшихся воевъ незнатныхъ:
Фида съ Гербесомъ межъ ними, Абарія съ Ретомъ сгубилъ онъ.
Прочіе спали, но Ретъ пробудился и, видя все дѣло,
Только въ великомъ испугѣ себя межъ патерами пряталъ.
Оному въ грудь Эвріалъ, въ самый мигъ, какъ привстать онъ рѣшался,
Мечъ роковой погрузилъ и со кровію многой исторгнулъ.
Съ кровію духъ изблевалъ онъ и яства въ минуту кончины
Съ кровью смѣшалъ. Ободренный успѣхомъ, герой продолжаетъ.
Вотъ ужъ къ отряду Мессапову крадется: тамъ погасаетъ

Пламя костровъ и рядами привязаны, добрые кони
Щиплятъ траву, но товарищъ въ немногихъ словахъ возбраняетъ,
Видя, что слишкомъ увлекся успѣхомъ и жаждой добычи.
«Будетъ! оставимъ сіе; скоро день наступаетъ враждебный.
Кару довольно пріяли, дорога сквозь войско открыта».
Много доспѣховъ мужей, изъ литого сребра сотворенныхъ,
Много оружій, кратеръ и ковровъ довелось имъ покинуть.
Взялъ Эвріалъ ожерелье Рамнета царя и блестящій
Поясъ съ гвоздями златыми: его богатѣйшій когда-то
Ремулу Кедикъ послалъ, чтобы дружбой связаться заочной.
Ремулъ потомъ, Тибуртинецъ, сокровище передалъ внуку;
Рутулы вскорѣ затѣмъ на сраженьи оружіемъ взяли.
Все захватилъ Эвріалъ и вотще возложилъ на рамена;
Вздѣлъ и хорошій Мессаповъ шеломъ со сверкающимъ гребнемъ.
Станъ покидаютъ затѣмъ и ужъ мѣстъ безопасныхъ достигши.

Вотъ между тѣмъ предпосланные всадники града Латиновъ,
Прочее войско покамѣсть готовое въ полѣ ночуетъ,
Шли и великому Турну несли отъ союзниковъ вѣсти,
Триста числомъ, щитоносные всѣ, подъ начальствомъ Вольскента.
Къ мѣсту уже подходили и Рутуловъ валу касались;
Вдругъ на дорогѣ, что влѣво уходитъ, мужей усмотрѣли.
Шлемъ Эвріала оплошнаго въ тѣняхъ рѣдѣющихъ ночи
Выдалъ врагамъ и подъ первыми утра лучами зажегся.
Видятъ, что дѣло не малое; кличетъ Вольскентъ изъ дружины:
«Мужи! постойте! идете за чѣмъ? для чего подъ оружьемъ?
Путь свой куда направляете?» Тѣ не отвѣтили слова;
Къ темнымъ лѣсамъ поспѣшаютъ, на сумракъ ночной полагаясь.
Всадники ринулись вмигъ на извѣстные имъ перекрестки
Вправо и влѣво, и воинствомъ выходы всѣ окружили.
Лѣсъ находился по близости: терномъ и падубомъ чернымъ,
Оный далеко щетинился, частымъ шиповникомъ полный;
Тамъ межъ путями заросшими рѣдко тропинка блестѣла.
Сумракъ вѣтвей Эвріала и тяжесть добычи недавней
Тутъ задержали и сбилъ его страхъ съ незнакомой дороги.
Нисъ ускользнулъ и, о другѣ не вспомнивъ, погони избѣгнулъ,
Мѣста достигши, что послѣ отъ города Альбы Албанскимъ
Названо было (въ ту пору Латина высокіе хлѣвы

Видѣлись тамъ). Тутъ шаги удержалъ и любимца ужъ поздно
Началъ искать. «Эвріалъ злополучный! да гдѣ-же оставилъ
Бѣднаго я? и куда мнѣ идти? неужели невѣрный
Лѣса лукаваго путь повторю?» Съ этимъ словомъ по прежнимъ
Онъ устремился слѣдамъ и въ терновникѣ тихомъ блуждаетъ.
Вдругъ услыхалъ онъ коней, услыхалъ голоса и погоню;
Малое время прошло и внезапно ушей достигаютъ
Громкіе клики и зритъ Эвріала, который всѣмъ войскомъ,
Ночью смущенный и мракомъ и страхомъ внезапной погони,
Взятъ и влечется, усильно и тщетно стараясь отбиться.
Что сотворитъ? какъ онъ друга спасетъ и которымъ оружьемъ
Вырветъ у нихъ? Или въ сонмы и самъ устремится на гибель,
Славную смерть чрезъ жестокія раны себѣ добывая?
Дротикъ скорѣе нацѣлилъ, откинувши въ сторону локоть;
Смотритъ горе на Луну и такія молитвы глаголетъ:
«Ты помогай! ты, богиня, спасенью несчастныхъ способствуй,
Неба краса и дубравамъ защита, Латонино племя!
Если родитель Гиртакъ за меня на алтарь твой высокій
Жертвы когда возлогалъ, если ловами ихъ я умножилъ,
Если подъ куполомъ вѣшалъ, подъ кровлей священной добычу,
Дай мнѣ толпу разогнать и сама направляй эту руку!»
Молвитъ и всѣмъ ополчившійся тѣломъ, метнулъ онъ желѣзо.
Тѣни ночныя копье на полетѣ крылатомъ разсѣкло,
Въ спину Сульмона ударило сзади и тутъ же на мѣстѣ
Треснуло въ ранѣ и легкія сломаннымъ древкомъ пронзило.
Онъ опрокинулся, теплый потокъ изъ груди изрыгая,
Самъ же хладѣя и громкимъ хрипѣньемъ бока сотрясая.
Въ разныя стороны смотритъ толпа. Ободренный успѣхомъ
Дротикъ онъ новый надъ ухомъ занесъ и въ десницѣ колышетъ.
Тѣ разсуждаютъ еще, а желѣзо летитъ и со свистомъ
Тагу проходитъ виски и, согрѣвшись, въ мозгу застрѣваетъ.
Лютый ярится Вольскентъ, но виновника выстрѣловъ тайныхъ
Ищетъ напрасно; не знаетъ во гнѣвѣ куда обратиться.
«Ты за обоихъ покамѣсть горячею кровію пени
Тотчасъ же, плѣнникъ, заплатишь!» Сказалъ и съ мечемъ обнаженнымъ
Онъ къ Эвріалу идетъ. Тутъ, смятенный и умъ потерявшій,
Горестно Нисъ закричалъ и ужъ дольше скрываться во мракѣ
Онъ не возмогъ, ни такое свирѣпое вытерпѣть горе.

«Бейте меня! виноватый предъ вами! въ меня всѣ направьте,
Рутулы, копья, моя вся вина; не осмѣлился-бъ этотъ
Вамъ повредить и не смогъ бы. Клянусь и звѣздами, и небомъ,
Въ томъ лишь виновенъ, что слишкомъ любилъ злополучнаго друга.
Такъ вопіялъ, но съ великою силою мечъ устремленный
Въ ребра проникнулъ и бѣлую грудь растерзалъ несчастливцу.
Онъ полумертвый вращается, льется по членамъ прекраснымъ
Теплая кровь; на груди повисаетъ прекрасная выя.
Словно пурпуровый цвѣтъ, безпощаднымъ подрѣзанный раломъ,
Смертью томится иль словно какъ маки усталую шею
Долу склоняютъ, случайнымъ дождемъ отягченные въ полѣ.
Ринулся въ сонмище Нисъ и Вольскента единаго ищетъ,
Между Латинами всѣми, единаго хочетъ Вольскента.
Тщетно, кругомъ обступивъ, отстраняютъ и слѣва, и справа
Ратниковъ сонмы: тѣмъ болѣе рвется и мечъ молньеносный
Бѣшено вертитъ, доколѣ убійцы въ устахъ вопіющихъ
Онъ не потопитъ желѣза и съ недругомъ вмѣстѣ не сгинетъ.
Слѣдомъ на друга безжизненный трупъ, охладѣвъ, упадаетъ,
Копьями раненный; тутъ наконецъ умираетъ спокойно.

О, треблаженные оба! коль пѣсни мои не безсильны,
Память о васъ никогда у сего не отымется міра,
Племя Энея пока на недвижной скалѣ Капитольской
Будетъ сидѣть и владычествомъ Римскій отецъ обладаетъ 5).

Тутъ побѣдившіе мужи, забравъ убіенныхъ доспѣхи,
Съ плачемъ во станы несутъ бездыханное тѣло Вольскента.
Въ станахъ не меньшій подъемлется плачъ, какъ находятъ Рамнетовъ
Трупъ обезкровленный, съ нимъ и начальниковъ прочихъ, что разомъ
Въ лютой погибли рѣзнѣ: и Серрана, и Лама. Великій
Сонмъ устремляется тутъ къ тѣлесамъ полумертвымъ, къ согрѣтымъ
Свѣжимъ убійствомъ мѣстамъ и къ пѣнящимся алою кровью
Полнымъ ручьямъ. Узнаютъ и доспѣхи, и шлемъ свѣтозарный
Князя Мессапа и поясъ съ великимъ трудомъ возвращенный.

Новымъ сіяньемъ впервые вселенную всю окропляла,
Ложе златое Тиѳоново въ небѣ заря покидая;

Солнце уже разлилось, на свѣту всѣ открылись предметы.
Турнъ подъ оружье мужей, одѣянный и самъ всеоружьемъ,
Гонитъ скорѣй и мѣдяные въ битву строи ополчаетъ.
Всякій начальникъ разсказами гнѣвъ у своихъ возбуждаетъ;
Даже на копья подъятыя (зрѣлище грустное) главы
Падшихъ враговъ натыкаютъ и съ воплемъ великимъ несутся
Нису и другу во слѣдъ . . . . .
Твердые люди Энея на лѣвой странѣ укрѣпленья
Полкъ утвердили затѣмъ, что десную рѣка защищаетъ.
Рвы занимаютъ свои; но печально отъ башенъ высокихъ
Смотрятъ могучіе, главы зане вознесенныя видятъ,
Слишкомъ извѣстные горькимъ и черной облитыя кровью.

Вотъ между тѣмъ полетѣла сквозь трепетный градъ и на крыльяхъ
Вѣстница мчится молва и касается слуха несчастной
Матери отрока; вмигъ поражаются холодомъ кости;
Руки челнокъ покидаютъ, падутъ и мотки, и кудели.
Ринулась бѣдная въ двери и съ женскимъ отчаяннымъ воемъ
Волосы рветъ и на стѣны, въ переднія рати несется
Въ бѣгѣ безумномъ она, не глядя на мужей, на опасность,
Стрѣлы забывъ, и упреками небо далекое полнитъ.
«Ты-ль предо мной, Эвріалъ!» вопіетъ, «ты ли это услада
Поздняя старческихъ лѣтъ! и возмогъ ты, жестокій, покинуть
Бѣдную мать? и съ тобой, на такую грядущимъ опасность,
Даже проститься несчастной свирѣпые не дали мужи!
Горе! въ землѣ отдаленной, добычею псамъ и Латинскимъ
Коршунамъ будешь лежать! и за тѣломъ-то я въ погребальномъ
Ходѣ не шла и очей не закрыла и ранъ не обмыла!
Ризой тебя не одѣла, что денно и нощно кончая,
Тяжкія думы старушечьи пряжей ночной услаждала.
Что же мнѣ дѣлать теперь? гдѣ обрывки суставовъ и членовъ,
Тѣло безглавое гдѣ мнѣ искать? таковую-то радость,
Сынъ мой! даруешь? за этимъ-то шла по землямъ и по морю?
Цѣльте въ меня, если жалость имѣете; всѣ ваши стрѣлы
Въ эту стремите, о Рутулы! грудь; прежде всѣхъ поразите!
Ты же, великій родитель боговъ, надъ несчастною сжалясь,
Въ Тартары молньей своей ненавистную голову эту
Самъ ниспошли, если иначе лютая жизнь не угаснетъ!»

Воплемъ такимъ сотрясаются души, плачевные стоны
Слышатся всюду; коснѣютъ къ бою неспособные мужи.
Плача виновницу храбрый Идей наконецъ со Акторомъ
Иліонея велѣньемъ и слезы ліющаго Юла
На руки бережно взяли вдвоемъ и подъ кровли уносятъ.

Рокотъ свирѣпый труба громогласною мѣдью пѣвучей
Издали шлетъ; воздвигается вопль и подъ облакомъ воетъ.
Главы щитами покрывъ, ко вратамъ устремляются Вольски;
Рвы завалить поспѣшаютъ и валъ раскопать Дарданійскій.
Прочіе на стѣны лѣзутъ и лѣстницы крѣпкія ставятъ
Тамъ, гдѣ рѣдѣетъ вѣнецъ и сквозятъ межъ дружинъ промежутки
Скудости радости въ мужахъ. На враговъ изливаютъ Трояне
Всякихъ оружій потокъ и суровыми копьями колятъ:
Станы свои защищать пріучили ихъ долгія войны.
Вотъ и каменья великіе движатъ, надѣясь громадой
Строй щитоносный пробить, но подъ твердою тѣ черепахой
Бѣдствія всѣ претерпѣть храбрымъ сердцемъ давно положили.
Впрочемъ ужъ тяжко приходится: въ самую сонма средину
Глыбу великую Тевкры и катятъ, и внизъ устремляютъ.
Давитъ она и далече громитъ, и покровъ ихъ щитовый
Въ дребезги бьетъ. Не дерзаютъ ужъ Марту слѣпому ввѣряться
Рутулы смѣлые: стрѣлами только съ высокаго вала
Ищутъ враговъ удалить . . . .
Видомъ ужасный, съ другой стороны между тѣмъ потрясаетъ
Сосну Мезентій Этрурскую, дымный пожаръ устремляя;
Славный Мессапъ конеборецъ, Нептуна священное племя
Валомъ давно завладѣлъ и кричитъ, чтобы лѣстницу дали 6).

Васъ, Калліопа! молю. Пѣснопѣвцу, богини! внушите,
Кои убійства тогда и какія желѣзомъ побѣды
Турнъ совершилъ и изъ прочихъ мужей кто кого ниспровергнулъ.
Битвы великой листы предо мной вы теперь разверните,
Помните, дѣвы! зане и другимъ вы способны напомнить 7).

Башня вставала съ объемомъ великимъ и съ мостомъ высокимъ,
Важная мѣстомъ своимъ: всѣми силами врагъ домогался

Оную взять; всѣми силами Рутулы башню старались
Въ прахъ обратить, а Трояне, напротивъ, ее защищали,
Тучами камни и частыя стрѣлы изъ оконъ пускали.
Первый горящій свѣтильникъ въ нее мощный Турнъ устремивши,
Пламенемъ въ бокъ поражаетъ; отъ вѣтра усилившись тотчасъ,
Доски снѣдаетъ огонь и впивается въ твердыя бревна.
Тутъ суетятся замкнутые, бѣгствомъ отъ гибели крайней
Ищутъ спастись, но покамѣстъ толпятся и вспять отступаютъ
Къ мѣсту, еще невредимому, вдругъ отягченная башня
Рухнула сразу и громъ отдается по цѣлому небу.
Долу летятъ полумертвые, слѣдомъ несется громада.
Ихъ же оружьемъ пронзенные, съ грудью пробитою древомъ
На землю падаютъ; только одинъ Геленоръ Меоніецъ
Съ Ликомъ вдвоемъ уцѣлѣли: изъ нихъ Геленоръ былъ старѣйшій.
Онаго Лидовъ владыкѣ рабыня Ликимнія тайно
Встарь, говорятъ, родила и неправдою къ Троѣ послала.
Бился единымъ мечемъ, со щитомъ былъ пустымъ и безславнымъ
Видя себя между тысячей Турновыхъ въ полѣ стоящимъ,
Видя и справа, и слѣва Латиновъ враждебныхъ дружины,
Точно, какъ звѣрь, что великой облавой ловцовъ окруженный,
Съ ревомъ на стрѣлы летитъ и въ опасность сознательно вдавшись,
Прыгаетъ вдругъ и прыжкомъ черезъ копья уносится вражьи,
Такъ-то и юноша сей въ середину враговъ на погибель
Ринулся самъ и туда устремился, гдѣ копія чаще;
Ликъ же, ногами проворнѣйшій много, сквозь воевъ и копья
Въ бѣгствѣ ко граду спѣшитъ, до высокихъ зубцовъ домогаясь
Трепетной дланью достать и союзныхъ десницъ прикоснуться.
Турнъ устремился за нимъ и стрѣлою равно и ногами.
Вслѣдъ вопіетъ побѣдитель: «безумецъ! изъ нашихъ ли мыслишь
Вырваться рукъ?» Съ этимъ словомъ висящего дланью хватаетъ
Яростный князь и съ великою частью стѣны отрываетъ,
Словно какъ зайца когда или бѣлаго лебедя къ небу
Зевса оружничій быстрый на лапахъ когтистыхъ уноситъ
Или блеяньемъ искомаго многимъ отъ матери агнца
Мартовъ изъ хлѣва какъ выхватитъ волкъ. Отовсюду возстали
Клики и вопль; напираютъ и хворостомъ рвы засыпаютъ;
Свѣточи мещутъ иные до самаго верху построекъ.
Камнями тутъ Ильйоней и горы исполинскимъ обломкомъ
Мужа Лукетія, къ самымъ вратамъ подносившаго пламя;

Эмаѳіона Лигеръ, Коринея Азилъ ниспровергнулъ:
Дротикомъ славился первый, другой же крылатой стрѣлою.
Тутъ же Ортигій Кенеемъ, Кеней побѣдитель великимъ
Турномъ убитъ; съ нимъ могучій Промолъ Діоксиппъ и Сагарій,
Итій и Клоній, предъ башнями бившійся Идъ знаменитый.
Капій Приверна низринулъ; сего легкій дротикъ Ѳемилла
Ранилъ сначала: безумецъ, покинувши щитъ, прикоснулся
Къ ранѣ рукой: вдругъ на крыльяхъ стрѣла прилетѣвъ по эѳиру
Къ лѣвому боку ее пригвоздила и внутрь устремившись,
Жизни дыханье ему смертоносной разрушила раной.

Въ ризахъ безцѣнныхъ Аркентовъ воинственный сынъ находился,
Шитой хламидой одѣтъ и порфирой горящій Иберской,
Также и ликомъ прекрасный, его же Аркентъ престарѣлый
Въ битвы изъ матерней рощи послалъ отъ Симеѳа потока,
Гдѣ возвышается жертвенникъ тучный и кроткій Паликовъ
Пращу свистящую лютый Мезентій, копье отложивши,
Трижды вокругъ головы на могучемъ ремнѣ обращаетъ,
Сразу оплошный високъ растопленнымъ свинцомъ пробиваетъ,
Ранитъ на смерть и далеко его по землѣ разстилаетъ [8]).

Тутъ-то впервые для битвы стрѣлу, говорятъ, изготовилъ
Юный Асканій, дотолѣ звѣрей лишь однихъ устрашавшій;
Тутъ-то могучею дланью своей ниспровергъ онъ Нумана.
Ремуломъ сей прозывался и взялъ за себя онъ меньшую
Турна сестру, лишь недавно супружествомъ съ ней сопряженный.
Онъ передъ Рутульскимъ строемъ и добрыя тутъ и пустыя
Рѣчи вопилъ, надмѣваясь недавнимъ родствомъ и царевной;
Шелъ и съ великими воплями такъ Дарданидамъ вѣщалъ онъ:
«Или не стыдно вдругорядь сидѣть за валами въ осадѣ,
Дважды плѣненные Фриги, отъ смерти стѣной ограждаясь?
Вотъ эти люди, что войнами нашихъ невѣстъ добываютъ!
Кто изъ боговъ васъ въ Италію, кое пригнало безумство?
Нѣтъ ни Атридовъ у насъ, ни выдумщика лести Улисса;
Твердый мы родъ отъ рожденья: родившихся чадъ окунаемъ
Въ рѣки сначала, и холодомъ злымъ, и волной закаляя.
Отроки въ дебряхъ трудятся, дубравныхъ звѣрей утомляя;

Скачки забавой имъ служатъ и стрѣлы, летящія съ лука;
Юноши, малымъ довольные, къ тяжкимъ привычные страдамъ,
Или поля утруждаютъ иль грады войной потрясаютъ.
Вѣчно желѣзо въ рукахъ: мы и самыхъ воловъ подстрекаемъ
Древкомъ копейнымъ; и самая эта лѣнивая старость
Силъ не ослабитъ душевныхъ и мощи былой не измѣнитъ.
Шлемъ сѣдину осѣняетъ и свѣжую любимъ добычу
Вѣчно въ жилища сносить и похищеннымъ жить и кормиться.
Вы же одежды шафраномъ и пурпуромъ красите гордымъ,
Лѣнь пребываетъ въ сердцахъ, привлекаютъ веселья и пляски;
Ризи у васъ съ рукавами, подъ горломъ завязаны митры.
О Фригіянки, не Фриги! идите же къ Диндимамъ горнымъ,
Пѣнье откуда знакомое вашей двустворчатой флейты,
Буксъ и тимпанъ вопіютъ и зоветъ Берекинтія матерь,
Иды богиня; желѣзо мужамъ! отъ желѣза бѣгите!» 6)

Рѣчи такія твердилъ и ругательства лютыя сыпалъ.
Оныхъ не вынесъ Асканій и въ сторону князь обратившись,
Конскою жилою лукъ натянулъ и, раздвинувши руки,
Къ Зевсу сначала съ мольбой и обѣтомъ герой обратился:
«Юпитеръ, богъ всемогущій! отважнымъ кивни начинаньямъ.
Самъ принесу предъ кумиромъ твоимъ знаменитую жертву.
Станетъ у требницъ твоихъ златорогій телецъ бѣлоснѣжный,
Ростомъ своимъ и главою высокой ужъ матери равенъ;
Рогомъ бодется уже и ногами песокъ разметаетъ».
Внемлетъ родитель и вмигъ изъ безоблачной области неба
Слѣва ударилъ и разомъ же лукъ зазвенѣлъ обреченный.
Страшно свистя, сорвалось напряженное лукомъ желѣзо;
Ремулу сквозь головы, сквозь обоихъ висковъ проскочило.
«Нутка, рѣчами надменными доблести нашей посмѣйся!
Дважды плѣненные Фриги противникамъ такъ отвѣчаютъ».
Только и молвилъ всего, а Трояне отгрянули кликомъ;
Радостно вопятъ и души свои ко звѣздамъ воздвигаютъ.

Въ царствахъ эѳирныхъ случайно тогда Аполлонъ волосатый
Сверху на силы Авзоновъ и городъ смотрѣлъ Дарданійскій,
Въ тучѣ сидя, и вѣщалъ побѣдителю славному Юлу:

«Доблестью новою, отрокъ! крѣпись; такъ ко звѣздамъ восходятъ
Племя боговъ и боговъ прародитель! грядущія войны
Праведно всѣ подъ вождемъ Ассаракова рода утихнутъ.
Троя тѣсна для тебя». Произнесши сіе, устремился
Съ неба высокаго, воздухъ свистящій собой раздвигая.
Прямо къ Асканію мчится и образъ цвѣтущій мѣняетъ,
Старому Буту подобясь: Дарданскому древле Анхису
Сей щитоносцемъ служилъ и хранителемъ вѣрнымъ порога;
Послѣ къ Іулу приставленъ отцомъ. Подошелъ Лукодержецъ,
Всѣмъ походящій на старца: и гласомъ, и цвѣтомъ тѣлеснымъ,
Бѣлыхъ волною кудрей и свирѣпо звенящимъ оружьемъ.
Пылкому юношѣ рѣчи такія могучій вѣщаетъ:
«Будетъ съ тебя, Энеидъ! что стрѣлу безнаказанно кинулъ
Въ Ремула ты. Уступаетъ тебѣ эту первую славу
Царь Аполлонъ и ко сходнымъ твоимъ не ревнуетъ оружьямъ;
Большаго, сынъ! не дерзай!» Такъ сказалъ Аполлонъ и сейчасъ же
Смертныя очи Іула, не выждавъ отвѣта, покинулъ;
Сгинулъ вдали и безслѣдно пропалъ, въ тонкій паръ обратившись.
Бога познали Дардановъ князья и оружія бога:
Тула его зазвенѣвшаго гулъ на лету услыхали.
Тотчасъ не сытому битвы словами и властію Феба
Юлу они возбраняютъ, а сами на новую сѣчу
Снова идутъ и открытой опасности грудь подвергаютъ.

Кликъ раздается по цѣлой стѣнѣ и по всѣмъ укрѣпленьямъ;
Сильные лукъ напрягаютъ и копій ремни запускаютъ;
Стрѣлами устланъ помостъ; подъ ударами щитъ завываетъ;
Круглые стонутъ шеломы, свирѣпствуетъ лютая битва.
Точно, съ заката насунувшись, въ пору козловъ водоносныхъ
Дождь поражаетъ поля; точно градомъ великимъ стремится
Туча въ потоки дождя, какъ встревоженный Юпитеръ гонитъ
Австрами бурю воды и небесъ облака прорываетъ 10).

Пандаръ и Битій тогда, сыновья Алканора Идейца,
Коихъ въ дубравѣ Юпитера дѣва лѣсная Іера
Равныхъ елямъ и высокимъ горамъ родила и вскормила,
Вдругъ воеводой врученныя имъ ворота растворяютъ,
Духомъ бодрясь, и противниковъ сами во градъ приглашаютъ.
Справа и слѣва межъ тѣмъ подъ великими башнями стали:

Въ дланяхъ мечи, надъ высокими главами гребни сверкаютъ.
Такъ при текучихъ водахъ, до небесъ досягая главами,
Пада при злачныхъ брегахъ или красномъ Аѳесія токѣ
Два подымаются дуба и къ небу косматую гриву
Гордо подъемлютъ они и вершинами грозно киваютъ.
Кинулись Рутулы сразу, лишь дверь отпертую узрѣли.
Тотчасъ великій Кверкентъ и въ доспѣхѣ Аквиколъ прекрасномъ,
Тмаръ необузданный съ ними и Гемонъ отъ крови Маворта
Иль ополченіемъ всѣмъ, опрокинуты, спины явили,
Или на самомъ порогѣ воротъ испустили дыханье.
Тутъ умножается гнѣвъ ратоборцевъ въ душахъ несогласныхъ;
Тевкры, сбираяся къ мѣсту сему, отовсюду стремятся,
Бой рукопашный заводятъ и далѣе вала дерзаютъ [11]).

Турну вождю, что съ иной стороны той порою бушуетъ,
Воиновъ вражьихъ тѣсня, вдругъ приносится вѣсть, что вскипѣли
Яростью новой враги и ужъ сами врата предлагаютъ.
Дѣло бросаетъ воитель и гнѣвомъ горя несказаннымъ,
Прямо къ Дарданскимъ воротамъ, ко братьямъ надменнымъ стремится.
Раньше другихъ Антифата, зане впереди находился
(Славный его Сарпедонъ породилъ отъ наложницы Ѳивской),
Верженнымъ дротомъ сражаетъ: сквозь воздухъ стремится текучій
Деренъ земли Италійской и впившись въ желудокъ, подъ грудью
Скрылся великой; изъ черной пещеры пѣнистую влагу
Язва струитъ, согрѣвается въ раненомъ легкомъ желѣзо.
Слѣдомъ Меропа вблизи, Эриманта разитъ и Афидна,
Битія, взоромъ пылавшаго, гордымъ рыкавшаго духомъ.
Мужа сего ужъ не дротикомъ: дротику жизни-бъ не отдалъ:
Страшно свистя, соскочила фаларика съ верви могучей,
Молньи подобная: оной сдержать не смогли ни двойныя
Шкуры воловъ, ни двойной чешуей и блистающимъ златомъ
Латы надежныя. Сразу падутъ исполинскіе члены,
Стонетъ земля, а надъ воиномъ щитъ завываетъ великій.
Точно какъ въ Баяхъ Эвбейскихъ при берегѣ моря порою
Каменный столпъ упадаетъ, его же, изъ глыбъ непомѣрныхъ
Выстроивъ, въ море поставили: въ бокъ наклонился и съ шумомъ
Страшнымъ развалину мчитъ и, разбившись объ воды, ложится.
Море смущается, темный песокъ на поверхность выходитъ;

Звономъ великимъ Прохита гремитъ и суровое ложе
Волею Зевса постланное встарь, Инарима, Тиѳею [12]).

Тутъ копьевластный Мавортъ и отваги, и силы Латинамъ
Въ сердце прибавилъ и мощнымъ рожномъ подстрекнулъ ихъ подъ груди,
Тевкрамъ же бѣгство послалъ и неистовый, черный имъ ужасъ;
Разомъ сбѣжались враги, получивъ для сраженья возможность,
Бога воителя чуя въ сердцахъ. . . .
Пандаръ, увидѣвшій долу упавшее братнее тѣло,
Понялъ, куда обратилась Фортуна и жребій сраженья.
Тотчасъ же съ силой крюки обращая, врата замыкаетъ,
Мощными ихъ подпирая плечами, и множество Тевкровъ,
Двери лишенныхъ, въ свирѣпомъ бою за стѣною покинулъ,
Прочихъ же заперъ съ собой, устремившихся въ городъ изъ поля.
О, неразумный! не видѣлъ, что Рутуловъ царь межъ другими
Въ городъ ворвался тогда, что его затворилъ добровольно,
Словно какъ страшнаго тигра межъ слабыми овцами въ хлѣвѣ.
Вмигъ изъ очей новый свѣтъ заблисталъ, зазвенѣли доспѣхи
Звономъ ужаснымъ, дрожитъ надъ челомъ разъяренными героя
Грива кровавая, молніи страшныя щитъ посылаетъ.
Ликъ узнаютъ ненавистный и эти огромные члены
Тевкры смущенные. Тутъ-то великій кидается Пандаръ,
Гнѣвомъ горя, и отмщенье за братнюю смерть замышляя.
Такъ говоритъ: «не въ Аматиной нынѣ приданой палатѣ
Вижу тебя, не въ Ардейскихъ родимыхъ стѣнахъ ты укрылся.
Вражіи станы кругомъ, ускользнуть невозможно отсюда».
Съ гордой усмѣшкой и гласомъ спокойнымъ герой отвѣчаетъ:
«Что-жъ, начинай, если доблесть имѣешь, подъемли десницу;
Скажешь Пріаму, что Тевкры Ахилла и здѣсь повстрѣчали!»
Смолкнулъ, а недругъ копье узловатое съ свѣжей корою
Поднялъ и всю напрягаючи силу, на воздухъ отправилъ.
Воздухъ единый разитъ, отклонила Юнона богиня
Рану грядущую, стала въ воротахъ вонзенная пика.
«Ты же оружья сего, что десница моя потрясаетъ,
Врядъ ли избѣгнешь: не тотъ и удара, и раны виновникъ».
Молвитъ и мечъ высоко занеся и всѣмъ тѣломъ подъемлясь,
Лобъ пополамъ между двухъ онъ висковъ и младыя ланиты

Гордаго недруга страшнымъ ударомъ меча разсѣкаетъ.
Звонъ раздается, отъ тяжести многой земля потряслася;
Члены ослабшіе вмигъ и броню, обагренную мозгомъ,
Онъ на землѣ распростеръ и съ обоихъ тутъ плечъ повисаетъ
Равною долей и вправо, и влѣво глаза несчастливца.
Въ бѣгство, гонимые страхомъ дрожащимъ, ударились Тевкры.
Тутъ, еслибъ только подумалъ неистовый ихъ побѣдитель
Дланью затворы сломать и союзныхъ впустить воротами,
День бы единый конецъ положилъ и войнѣ, и народу.
Ярость кипящаго мужа и жажда безумная мщенья
Вслѣдъ убѣгающимъ мчитъ. . . .
Тутъ для начала Фаларія, онъ и съ подрубленной жилой
Гига свалилъ, а затѣмъ, овладѣвши оружіемъ, въ спину
Цѣлитъ бѣгущимъ: Юнона и силы, и мужество множитъ.
Галиса витязя онъ и сквозь щитъ поражаетъ Фегея,
Въ станахъ не чуявшихъ бѣдъ и скликавшихъ Дарданцевъ на сѣчу;
Мужа Алкандра съ Нокмономъ и Галія бьетъ со Пританомъ;
Онъ и Линкея, что встрѣчу бѣжалъ, созывая союзныхъ
Справа свистящимъ мечемъ, наклоняяся съ груды ударилъ.
Близкимъ ударомъ однимъ отсѣченные сразу, далеко
Шлемъ съ головой отлетаютъ. Засимъ низлагаетъ Амика,
Дикихъ звѣрей истребителя, лучше кого ни единый
Быстрой стрѣлы не намазывалъ, ядомъ снабжая желѣзо;
Клитія бьетъ Эолида и милаго Музамъ Креѳея,
Спутника Музамъ Креѳея, которому дороги были
Пѣсни одни и киѳара, и звуки струны напряженной:
Вѣчно коней и доспѣхи бойцовъ и бои воспѣвалъ онъ.

Слыша погибель своихъ, наконецъ и вожди ополченья
Къ мѣсту сему прибѣгаютъ: Мнесѳей и Серестъ знаменитый.
Видятъ разсѣянныхъ воевъ и недруга въ городѣ самомъ.
Вопитъ Мнесѳей: «да куда-жъ вы бѣжите и гдѣ вы спасетесь?
Или другая стѣна, или городъ другой остается?
Какъ? лишь одинъ человѣкъ, отовсюду притомъ окруженный
Вашей, Трояне! стѣной, безнаказанно въ городѣ сдѣлалъ
Столько убійствъ, столько лучшихъ воителей къ Орку низрину
Или несчастной отчизны и вашихъ Пенатовъ старинныхъ?
Или Энея великаго, трусы! не жалко, не стыдно?»

Симъ возбужденные, храбрость пріемлютъ и строемъ стѣсненнымъ
Стали полки. Понемногу изъ схватки уходитъ воитель
Къ Тибру святому и къ города части, рѣкой окруженной.
Онаго Тевкры тѣмъ болѣе съ кликомъ преслѣдуютъ громкимъ,
Полкъ умножая, подобно какъ яраго льва донимаетъ
Стрѣлами ловчихъ толпа. Устрашаемый множествомъ вражьимъ,
Лютый, свирѣпо смотрящій, назадъ отступаетъ, но тыла
Доблесть и гнѣвъ показать не дадутъ; ни впередъ устремиться,
Какъ ни желаетъ сего, невозможно, сквозь стрѣлы и копья.
Такъ-то назадъ отступаетъ невѣрнымъ и медленнымъ шагомъ
Турнъ удалой, а въ душѣ необузданный гнѣвъ закипаетъ.
Даже и тутъ двоекратно въ средину враговъ устремлялся;
Дважды въ неистовомъ бѣгствѣ назадъ обращались дружины.
Вотъ собирается въ кучу ужъ цѣлое воинство Тевкровъ,
Ниже дерзаетъ любимцу сама тутъ Юнона богиня
Силы придать, ибо съ неба Ириду воздушную мощный
Зевсъ ниспослалъ; не пустыя угрозы сестрѣ возвѣщая,
Если не выйдетъ герой изъ высокаго города Тевкровъ.
Вотъ ужъ не смогутъ ни тяжкій доспѣхъ, ни десница княжая
Долѣе выдержать битву: толикимъ онъ множествомъ копій
Весь засыпается тутъ; вкругъ висковъ поминутно бряцаетъ
Мощный шеломъ, разсѣдается твердая мѣдь отъ каменьевъ,
Смята на темени грива, не вытерпитъ частыхъ ударовъ
Щитъ знаменитый. Напоръ удвояютъ и Трои, и оный
Молньеподобный Мнесѳей. Проступаетъ по цѣлому тѣлу
Потъ непомѣрный и грязнымъ потокомъ (дышать вѣдь не можетъ!)
Льется по членамъ, неполные вздохи всю грудь сотрясаютъ.
Вотъ, наконецъ, головою впередъ и во всемъ всеоружьи
Въ рѣку падетъ. Принимаетъ его золотистой пучиной
Богъ благосклонный и на берегъ тихой волной возлагая,
Радостнымъ воямъ вождя, отъ убійства омывъ, возвращаетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Пилумнъ—прадѣдъ Турна и полубогъ. Ѳавмантъ—сынъ Океана; былъ отцомъ Ириды.

2) Ида была Нимфой.

3) Арисба—городъ въ Троянской землѣ.

4) Авгурами назывались у Римлянъ птицегадатели.

5) Подъ Римскимъ отцомъ Виргилій разумѣетъ Августа, пророча ему, такимъ образомъ, безсмертіе. Впрочемъ, можетъ статься, что онъ имѣлъ въ виду вообще Римскаго императора, потомка Августа.

6) Черепаха—военный терминъ у Римлянъ.

7) Калліопа—Муза эпической поэзіи.

8) Аркентъ—Сицилійскій герой, мужъ какой-то Нимфы. Палики—мѣстныя Сицилійскія божества.

9) Диндима—священная гора во Фригіи; Буксъ означаетъ флейту изъ буксоваго дерева.

10) Козлы—осеннее созвѣздіе.

11) Аѳесій теперь называется Адижемъ, а у нѣмцевъ Эчемъ.

12) Дротикъ Турна былъ сдѣланъ изъ кустарника дерна. Баи—городъ въ южной Италіи, вблизи основанныхъ Эвбейцами Кумъ. Прохита и Инарима—острова по близости. Подъ Инаримой, говорили древніе, находился побѣжденный Зевсомъ титанъ Тиѳей.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Въ началѣ пѣсни послѣ стиха: «Чада Тиррея» и проч. слѣдуетъ стихъ:

Длань ополчаетъ и воинство цѣлой главой превышаетъ.

Этотъ стихъ, очевидно, взятъ изъ седьмой пѣсни и не встрѣчается въ лучшихъ рукописяхъ.

Послѣ стиха: «Въ безднахъ сокрылися» и проч. при описаніи метаморфозы судовъ стоитъ:

Сколько ихъ раньше стояло судовъ мѣднобранныхъ у брега.

Этотъ стихъ перенесенъ изъ десятой пѣсни и тоже въ высшей степени сомнителенъ.

Въ рѣчи Турна къ воинамъ послѣ стиха:

«Разомъ являются» и проч.

стоитъ:

Кражи Палладія, стражей какъ въ зàмкѣ они перебили.

Рѣчь идетъ о похищеніи Палладія Греками. Стихъ заимствованъ изъ второй пѣсни и здѣсь вовсе не къ мѣсту.

Сомнѣваются и на счетъ стиха, находящагося въ описаніи ночныхъ убійствъ Ниса и Эвріала:

Рутулы вскорѣ затѣмъ на сраженьи оружіемъ взяли.

Правду сказать, мы не понимаемъ, что тутъ сомнительнаго.

Въ концѣ воззванія къ Калліопѣ стоитъ стихъ:

Помните, дѣвы, зане и другимъ вы способны напомнить.

И этого стиха нѣтъ въ лучшихъ рукописяхъ, однако онъ вовсе не портитъ поэмы, почему мы и не рѣшились его исключить.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ растворился межъ тѣмъ всемогущаго замокъ Олимпа;
Думу сзываетъ родитель боговъ и людей повелитель
Въ области звѣздной, откуда онъ зритъ подъ ногами всѣ земли,
Станы мужей Дарданидовъ и всѣ поколѣнья Латиновъ.
Настежь отворены двери; садятся, а Зевсъ начинаетъ:
«Жители неба великіе! какъ же намѣренья ваши
Вспять обратились и гнѣвными спорите такъ вы душами?
Я запретилъ Италійцамъ войною сбираться на Тевкровъ;
Что-жъ не блюдете завѣта? какой это страхъ побуждаетъ
Къ битвамъ то тѣхъ, то другихъ и поддразнивать учитъ желѣзо?
Будетъ для боя законное время, зачѣмъ торопиться!
Лютый когда Карѳагенъ на твердыни высокія Римлянъ
Разомъ великую гибель и Альпы разверстыя двинетъ.
Тутъ-то враждуйте и спорьте, тогда-то берите добычу.
Нынѣ оставьте и съ радостью выгодный миръ заключите».

Онъ-то немного вѣщалъ, а златая Венера, напротивъ,
Многое молвила тутъ. . . . .
«Вѣчный родитель! о вѣчная власть и людей, и безсмертныхъ,
Нѣтъ ужъ другого зане, что могли бы призвать мы на помощь!
Видишь, какъ Рутулы рыщутъ и какъ между всадниковъ скачетъ
Турнъ исполинскій и помощью Марта надменный стремится.
Даже стѣна запертая не дастъ безопасности Тевкрамъ.
Въ самыхъ вратахъ зачинаютъ бои, между самаго вала

Дарданскихъ стѣнъ и ужъ кровью глубокіе рвы наполняютъ.
Князь же не чуетъ бѣды и отсутствуетъ; или осаду
Ты прекратить не дозволишь? вторые враги угрожаютъ
Трои родящейся стѣнамъ, второе собралося войско.
Снова на Тевкровъ межъ тѣмъ изъ Этольскихъ подъемлется Арповъ
Чадо Тидеево; что жъ, видно новыхъ мнѣ ранъ дожидаться?
Смертнымъ оружіямъ видно порода обѣщана Зевса?
Если тебѣ вопреки и безъ воли божественной Тевкры
Въ эту приплыли страну, да постраждутъ за грѣхъ и не будетъ
Помощи имъ, но когда прорицаніямъ вняли толикимъ
Вышнихъ и дольнихъ они, то зачѣмъ же твои повелѣнья
Всякому рушить дано и зачѣмъ рокъ иной сочиняютъ?
Что повторять про суда на Сиканскомъ сожженныя брегѣ?
Что про властителя бурь и про ярыхъ Вѣтровъ возбужденныхъ
Въ царствѣ Эола и вновь ниспосланную съ неба Ириду?
Даже и Манъ подымаетъ (лишь эта одна оставалась
Область нетронутой). Вотъ насылается ею внезапно
Злая Аллекто и буйствуетъ въ градахъ она Италійскихъ.
Я ужъ о царствѣ не спорю; надѣялись мы и на это,
Счастіе было пока, но бери, кто Юпитеру дорогъ!
Если же нѣтъ ужъ страны, что твоя, о родитель! супруга
Тевкрамъ дала бы, свирѣпая, Трои дымящейся прахомъ
Мощный отецъ! заклинаю, дозволь же теперь изъ сраженій
Ты хоть Іулу спастись; хоть бы внукъ у несчастной остался!
Что до Энея, то пусть на безвѣстныхъ скитается волнахъ,
Путь совершая, какой бы ему ни судила Фортуна.
Только-бъ Іула покрыть и изъ лютаго боя исторгнуть.
Есть Амаѳонтъ и возвышенный Паѳъ, и утесы Киѳеры;
Есть и обитель Идаліи; броню безславно сложивши,
Пусть проживаетъ онъ тамъ; пусть великимъ владычествомъ давитъ
Нивы Италіи градъ Карѳагенъ—отъ моихъ не увидитъ
Въ этомъ препятствій. Да что и хорошаго въ томъ, что успѣли
Ратной чумы избѣжать, сквозь огней проскользнуть Арголійскихъ,
Вытерпѣть столько несчастій и моря, и суши обширной,
Латія тщетно ища и вторыхъ добиваясь Пергамовъ?
Развѣ-бъ не лучше имъ было на прахѣ отчизны остаться
Въ полѣ, гдѣ Троя была? О, отдай же и Ксанѳъ и Симоисъ,
Бѣднымъ опять! Умоляю, дозволь повторить Дарданійцамъ
Трои погибшей судьбины!» На это царица Юнона

Съ гнѣвомъ великимъ глаголетъ: «глубокое нынѣ молчанье
Что заставляешь прервать и явить сокровенное горе?
Кто изъ людей и боговъ твоего принуждаетъ Энея
Войны вести и вражду затѣвать со владыкой Латинскимъ?
Рока велѣньемъ вошелъ онъ въ Италію? Да, иль точнѣе
Движимъ Кассандры безумствомъ, но крѣпкіе станы покинуть
Я-ль приказала ему и предаться вѣтрамъ и пучинамъ,
Отроку въ битвахъ начальство и города стѣны довѣрить,
Съ родомъ Тирренскимъ дружиться и мирныя страны тревожить?
Кто изъ безсмертныхъ, какое могущество гнѣвное наше
Гнали въ бѣду? гдѣ Юнона и вѣстница съ неба Ирида?
Трою созданную роду Италовъ огнемъ уничтожить
Видишь, нельзя, да и Турну на отчей землѣ оставаться,
Внукъ хоть Пилумновъ слыветъ и богини Веניліи чадо.
Ну, а Троянамъ-то можно насиліе дѣлать Латинамъ,
Поле чужое захватывать, брать на сраженьи добычу,
Тестей себѣ назначать и невѣстъ вырывать изъ объятья,
Дланями мира просить и щитами обвѣшивать кормы?
Ты вѣдь съумѣла Энея изъ Грайскаго выхватить войска,
Вмѣсто воителя тучу и призракъ пустой имъ оставя;
Ты и суда Дарданійцевъ во столько же нимфъ обратила,
Я же виновна, коль Рутуловъ сколько-нибудь защитила.
Сынъ твой, не зная, ушелъ? Пусть, незнающій, тамъ и пребудетъ.
Есть вѣдь Идалій и Паѳъ у тебя, и утесы Киѳеры;
Что же воинственный градъ и сердца ты суровыя дразнишь?
Мы ли Фригійцевъ плачевное дѣло въ конецъ ниспровергнуть
Нынѣ стараемся? мы ли? Да Троевъ несчастныхъ на Арги
Кто натолкнулъ? Для чего захотѣла ты разомъ встревожить
Азію всю и Европу, и миръ похищеньемъ нарушить?
Мной ли ведомый, во Спарту проникъ любодѣй Дарданійскій?
Я ли предлоги дала и войну съ Купидономъ раздула?
Тутъ бы пещись о своихъ, а теперь ты съ неправедной пеней
Поздно являешься къ намъ и безплодные споры заводишь» [1].

Такъ говорила Юнона и слышался ропотъ различный
Всѣхъ небожителей, точно какъ первый задержанный вѣтеръ
Ропщетъ въ лѣсахъ и съ глухимъ бормотаніемъ носятся звуки,
Бури грядущія вскорѣ отважнымъ пловцамъ возвѣщая.

Тутъ всемогущій родитель, вещей повелитель верховный
Рѣчь начинаетъ и смолкнулъ предъ нимъ домъ великій Олимпа,
Дрогнула снизу земля, замолчалъ и эѳиръ поднебесный,
Стихли Зефиры, сравняло пучины спокойное море.
«Въ души примите сіе и въ сознаньи своемъ закрѣпите:
Если Авзоновъ и Тевкровъ союзомъ связать невозможно,
Если не вижу конца состязаніямъ вашимъ и распрямъ,
Кто бы успѣха теперь не имѣлъ, кто къ чему-бъ ни стремился,
Дарданъ ли, Рутулъ ли будетъ, различія дѣлать не стану.
Рокъ ли Италовъ Троянскія стѣны огнемъ окружаетъ,
Троя-ль сама обманулась, пророчествамъ вреднымъ повѣря.
Я не стою и за Рутуловъ. Всякій своимъ начинаньемъ
Горе и счастье твори; царь Юпитеръ для всѣхъ одинаковъ.
Жребій дорогу отыщетъ». Потоки Стигійскіе брата;
Русла смолой и пучиною черной горящіе назвалъ;
Слѣдомъ кивнулъ и киваніемъ цѣлый Олимпъ всколебалъ онъ.
Тѣмъ и окончилась рѣчь; отъ высокаго Юпитеръ трона
Тотчасъ встаетъ. Небожители всѣ до воротъ провожаютъ.

Рутулы временемъ тѣмъ ужъ на всѣ ворота нападаютъ,
Воевъ грозя истребить и огнемъ окружить укрѣпленья,
Полкъ же Энея стѣсненный въ осадѣ сидитъ за оплотомъ;
Нѣтъ и на бѣгство надежды. На башни высокія тщетно
Бѣдные стали и рѣдкой короной стѣну увѣнчали.
Асій Имбрасовъ, Тиметъ Гикетаона чадо и съ ними
Два Ассарака и Ѳимбрій, герой престарѣлый и Касторъ
Въ первомъ ряду, а за ними стоятъ Сарпедоновы братья,
Кларъ и Ѳемонъ, что изъ Ликіи Тевкрамъ сопутствуютъ славной.
Вотъ исполинскую глыбу, немалую долю утеса,
Тащитъ Лирнесскій Акмонъ, напрягаючи разомъ все тѣло.
Клитію онъ не уступитъ отцу, да и брату Мнесѳею.
Копьями эти, другіе каменьями градъ защищаютъ,
Огнь устремляютъ и стрѣлы свои къ тетивамъ прижимаютъ.
Вотъ посрединѣ и онъ, Киѳереи драгая забота,
Дарданскій отрокъ, смотрите! прекрасной главой возвышаясь,
Блещетъ какъ яхонтъ, что желтое злато собой раздѣляетъ,
Выи, главы ли краса или словно съ искусствомъ великимъ
Въ буксѣ замкнутая иль въ Орикійскомъ порой теребинѳѣ

Свѣтитъ слоновая кость. Млечнобѣлая выя густыя
Кудри пріемлетъ и тонкимъ кольцомъ окружило ихъ злато.
Тутъ и тебя, о Исмаръ! веледушные видѣли вои,
Какъ ты стрѣлу направлялъ и намазывалъ ядомъ желѣзо,
Родъ знаменитый Меоніи, гдѣ плодородныя нивы
Мощные мужи орутъ, а Пактолъ орошаетъ ихъ златомъ.
Былъ и Мнесѳей, что недавнимъ прославленный Турна изгнаньемъ,
Градъ отъ врага свободивъ, до небесъ головой досягаетъ;
Съ онымъ и Капій, отъ коего городъ Кампанскій нарекся 2).

Оные между собой состязаньями тяжкими брани
Спорили долго, Эней же браздилъ океанъ полуночный,
Ибо къ Этрускамъ лишь только изъ дома Эвандрова прибылъ,
Тотчасъ къ царю приступилъ: объявляетъ и имя, и племя,
Ищетъ чего и является съ чѣмъ и какія дружины
Въ помощь Мезентій пріялъ и суровую Турнову душу
Имъ описалъ и напомнилъ насколько невѣрны бываютъ
Смертныхъ судьбы и мольбы примѣшалъ. Тутъ немедленно Тархонъ
Силы сливаетъ, союзъ заключивъ, и судьбы примиривши,
Племя Лидійское въ лодки идетъ, повелѣніемъ божьимъ
Чуждому князю послушно. Ладья золотая Энея
Прочимъ предшествуетъ всѣмъ со Фригійскими львами на рострахъ.
Ида надъ нею видна, для изгнанныхъ любезная Тевкровъ.
Тамъ-то великій сидитъ Пріамидъ и въ душѣ обсуждаетъ
Браней случайности лютыхъ. Паллантъ возсѣдаетъ ошую,
Князя о звѣздахъ пытая, о сумрачной ночи дорогахъ,
Что въ старину претерпѣлъ, по морямъ и по сушѣ скитаясь.

Днесь Геликонъ растворите, богини! и въ пѣсняхъ скажите,
Что за дружины межъ тѣмъ отъ Тускійскаго берега идутъ
Онымъ во слѣдъ и суда ополчивъ, по волнамъ выступаютъ.

Массикъ тутъ первый на Тигрѣ мѣдяномъ волну разсѣкаетъ.
Тысяча воиновъ съ нимъ, что покинули Клусія стѣны,
Косы для битвы покинули. Служатъ оружіемъ стрѣлы;
Легкіе тулы у нихъ за плечами и лукъ смертоносный.

Рядомъ свирѣпый Абантъ: у сего свѣтозарнымъ оружьемъ
Воинство свѣтится все, а корма золотымъ Аполлономъ.
Оному воевъ шестьсотъ Популонія мать даровала,
Витязей съ битвой знакомыхъ, а Ильва отправила триста,
Островъ богатый Халибскою неистощимой рудою.
Третьимъ Азилъ знаменитый, людей и безсмертныхъ посредникъ,
Коему жилы тельцовъ и небесныя звѣзды послушны;
Вѣщіе птицъ языки и огни прорицающихъ молній.
Тысячу взялъ онъ въ стѣсненномъ строю устремляющихъ копья:
Пизы, Алфейскія кровью, а почвой Этруріи городъ,
Оныхъ ему предоставили. Слѣдуетъ Астуръ прекрасный,
Астуръ конемъ боевымъ и доспѣхомъ расписаннымъ гордый.
Триста бойцовъ подчиняютъ (у всѣхъ пылъ души одинаковъ)
Тѣ, что въ Керетѣ живутъ и на тучныхъ поляхъ Миніона,
Старыя Пирги ему и зловредныя вѣчно Грависки 3).

Ниже тебя позабуду, храбрѣйшій Лигуровъ начальникъ,
Славный Киниръ и тебя, съ ополченьемъ Купавъ! невеликимъ,
Ты, надъ главою котораго перья восходятъ лебяжьи
(О, злополучная страсть!), и родителя въ мысли приводятъ.
Молвятъ зане, что какъ плакалъ въ лѣсахъ по драгомъ Фаэтонтѣ
Горестный Кикнъ и подъ тѣнью сестеръ тополей укрываясь,
Пѣлъ и любовь огорченную грустною тѣшилъ онъ музой,
Бѣлую тутъ сѣдину черезъ мягкія перья пріялъ онъ,
Землю покинулъ, а голосъ звенящій ко звѣздамъ направилъ.
Сверстниковъ полкъ предводя, надъ пучинами сынъ знаменитый
Веслами гонитъ Кентавра великаго, сей же надъ зыбью
Къ небу встаетъ и горой несказанной на волнахъ грозится,
Килемъ своимъ удлинненнымъ морей глубину разсѣкая 4).

Вотъ изъ отеческихъ странъ подымаетъ и Окнъ ополченье,
Манты пророчицы сынъ и Этрусскаго древняго тока.
Сей-то и стѣны тебѣ и родившей, о Мантуя! имя
Встарь даровалъ: предковъ многихъ имѣешь, но родомъ различныхъ.
Племя тройное у ней, по четыре во всякомъ народа;
Многимъ народамъ глава, отъ Этрусскаго племени силы.
Даже и оныхъ пятьсотъ на Мезентія взяли оружье,

Коихъ, Бенаково чадо, одѣянный тростію сизой,
Минкій на ратной соснѣ по морскимъ подвигаетъ равнинамъ.
Ѣдетъ великій Авлестъ: сотней веселъ пучину морскую
Бьютъ, привставая, гребцы, возмущенное пѣнится море.
Онаго грозный вывозитъ Тритонъ, устрашающій волны
Синей свирѣлью своей; у него лобъ косматый и тѣло
Даже до чреселъ людскіе, кончается-жъ чудище рыбой,
Ропщетъ пѣнистая влага подъ грудію полузвѣриной 5).

Столько-то избранныхъ витязей шло съ тридцатью кораблями
Троѣ на помощь и мѣдью поля соляныя браздили.
День ужъ давно удалился съ небесъ и въ полуночномъ бѣгѣ
Милая Феба вершину уже потрясала Олимпа.
Славный Эней, не давали покоя зане размышленья,
Самъ на кормѣ управляетъ рулемъ и слѣдитъ за вѣтриломъ.
Вотъ на срединѣ пути повстрѣчалось ему ополченье
Спутницъ знакомыхъ: соборище нимфъ, что благая Кибеба
Моря богинями сдѣлала, дѣвъ изъ судовъ сотворивши.
Вмѣстѣ неслися онѣ и толпою волну разсѣкали.
Столько-жъ ихъ было, какъ раньше ладей мѣднобронныхъ у брега.
Издали князя узнали и въ пляскѣ вокругъ обѣгаютъ.
Прочихъ мудрѣйшая въ словѣ, прекрасная Кимодокея
Сзади плыветъ, за корму ухватившись десницей и плечи
Вонъ изъ воды выставляя, а лѣвой гребетъ понемногу.
Такъ говоритъ изумленному: «Бдишь ли, богами рожденный,
Витязь прославленный? бди и ослабь у вѣтрила канаты.
Мы со священнаго верха Идейскаго горныя сосны
Нынѣ же нимфы морскія, твой флотъ. Какъ неправедный Рутулъ
Насъ наклоненныхъ желѣзомъ хотѣлъ и огнемъ уничтожить,
Тутъ противъ воли мы цѣпи свои разорвали и въ морѣ
Ищемъ тебя; пожалѣвши о насъ даровала намъ матерь
Лики сіи и богинями жить подъ волной повелѣла.
Отрокъ же юный Асканій въ стѣнахъ заключенъ и въ окопахъ,
Въ облакѣ стрѣлъ Авзонійскихъ и копьещетинныхъ Латиновъ.
Къ мѣсту условному вотъ прискакали ужъ кони Аркадовъ
Съ легкимъ отрядомъ Этрусскимъ; дружины противупоставить,
Въ станъ чтобъ войти не могли, замышляетъ ужъ Турнъ полководецъ.
Встань же, могучій! скорѣй и едва лишь настанетъ Аврора,

Воевъ на битву зови и возьми этотъ щитъ несравненный,
Богъ что сковалъ огневластный и золотомъ яснымъ украсилъ.
Завтрешній день, если рѣчи мои не пустыми считаешь,
Груды великія Рутульскихъ труповъ на нивахъ увидишь» 6).

Молвитъ и флотъ покидая, десницей высокую корму,
Съ дѣломъ знакомая, сильно толкнула, сама же по волнамъ
Словно копье иль быстрѣйшая вѣтра стрѣла унеслася.
Слѣдомъ другія помчались; незнающій ихъ изумился
Трой Анхисидъ, но предвѣстіемъ радостнымъ симъ ободренный,
Къ вышнему своду глядитъ и молитву недолгую шепчетъ:
«Матерь безсмертныхъ благая, Идейская, Диндимы коей
Любы и съ башнями грады и львы, запряженные парой!
Ты на сраженіе кличешь, такъ ты и пророчество это
Вскорѣ исполни и Фригамъ своимъ помогай благосклонно».
Только и молвилъ всего, между тѣмъ ужъ разсвѣтъ наступаетъ,
День устремляется новый и въ бѣгство онъ тьму обращаетъ.
Тотчасъ приказъ отдается, чтобъ знаки бойцы примѣчали,
Духъ ко сраженьямъ направили, къ битвамъ себя ополчали.

Вотъ ужъ и Тевкровъ своихъ увидалъ и знакомые станы,
Ставъ на высокой кормѣ, и пылающій щитъ вслѣдъ за этимъ
Выставилъ въ шуйцѣ; ко звѣздамъ направили кликъ несказанный
Всѣ Дарданиды со стѣнъ: умножается ярость надеждой.
Копьями въ недруга сыплютъ, подобно какъ въ облакѣ темномъ
Гласъ подаютъ журавли Стримонійскіе, путь по эѳиру
Звонко свершая и съ радостнымъ кликомъ зимы убѣгая.
Князю же Рутуловъ тутъ и начальникамъ прочимъ Авзонскимъ
Дивнымъ сіе показалось, пока обращенныхъ ко брегу
Лодокъ они не узрѣли и цѣлой рѣки подъ судами.
Пышетъ Энеевъ шеломъ, проливается пламя отъ гребней,
Щитъ золотой далеко изрыгаетъ огонь несказанный.
Точно какъ въ ясной ночи иногда багровѣютъ зловѣщимъ
Свѣтомъ кометы кровавыя или какъ Сиріусъ жаркій,
Жажду и злые недуги неся для несчастнѣйшихъ смертныхъ,
Въ сумракѣ всходитъ и небо сіяньемъ зловреднымъ печалитъ 7).

Впрочемъ отважнаго Турна и тутъ не покинула дерзость:
Берегъ спѣшитъ захватить и прогнать выходящихъ на сушу;
«Вотъ ужъ имѣемъ, чего домогались: десницею битву.
Мужи! сраженіе въ вашихъ рукахъ, пусть теперь-то супругу
Каждый припомнитъ и чадъ, пусть теперь-то припомнитъ былые
Подвиги громкіе, предковъ хвалу, устремимся къ пучинамъ,
Врагъ суетится пока и едва прикасается брегу!
Смѣлыхъ Фортуна хранитъ!» . . . . .
Такъ говоритъ и въ душѣ обсуждаетъ, кого на Этрусковъ
Онъ поведетъ и кому осажденныя стѣны довѣритъ.

Войско Эней между тѣмъ отъ высокихъ ладей торопливо
Сводитъ по сходнямъ на сушу, иные-жъ отливъ наблюдаютъ
Волнъ ослабѣвшихъ и прыгаютъ, мелкой водѣ довѣряясь.
Скачутъ на веслахъ иные. Мѣста усмотрѣвши такія,
Гдѣ не струится вода и не ропщутъ разбитыя волны,
Гдѣ безопасное море растетъ при встающемъ приливѣ,
Тархонъ внезапно туда повернулъ и товарищей проситъ:
«Нынѣ дружнѣе, избранные! мощныя весла трудите!
Движьте, несите суда! супротивную рострами рѣжьте
Землю сію; пусть дорогу себѣ каждый киль самъ проложитъ,
Пусть разобьется ладья, до причаловъ желанныхъ доплывши,
Только-бъ землей овладѣть». Таковыя-то вымолвилъ рѣчи
Мощный Тархонъ, а товарищи разомъ за весла и дружно
Пѣной покрытыя кормы на поле Латинское гонятъ,
Ростры доколѣ въ песокъ не вошли и причалили лодки
Всѣ невредимыми, кромѣ твоей лишь единой, о Тархонъ!
Ибо на мель наскочивъ и на гребнѣ зловредномъ повисши,
Долго качалась она, объ волну колотясь, наконецъ же
Треснула сразу и прямо въ пучину сидящихъ извергла,
Коимъ и веселъ несчастныхъ обломки и всплывшія лавки
Выйдти мѣшаютъ, притомъ и отливъ въ глубину увлекаетъ.

Тоже и Турнъ не замедлилъ, но цѣлое воинство въ Тевкровъ
Онъ устремилъ и на берегѣ противъ враговъ ополчился.
Трубы трубятъ, вотъ на сельскія рати кидается первый
Битвы надежда Эней и назадъ Латинянъ обращаетъ,

Мужа Ѳерона сваливъ, что сильнѣйшій межъ всѣми рѣшился
Даже съ Энеемъ сразиться. Сему сквозь кольчугу изъ мѣди,
Сквозь золотую тунику мечемъ разверзаетъ онъ ребра.
Слѣдомъ и Лиха разитъ, что изъ матери мертвой изъятый,
Былъ посвященъ Аполлону и въ дѣтствѣ желѣза избѣгнуть
Коему было дано. Вотъ суроваго рядомъ Киссея
Съ Гіемъ огромнымъ, сражавшимъ противниковъ палицей тяжкой,
Смерти Эней придаетъ: не спасли и доспѣхи Геракла,
Ниже могучія руки, ни самый Мелампъ, ихъ родитель,
Спутникомъ бывшій Алкиду, когда предлагала герою
Тяжкія страды земля. Вотъ и Фару, пока безполезно
Онъ вопіетъ, во уста вопіющія дротикъ влетаетъ.
Тутъ бы и ты, осѣняющій юности пухомъ ланиты,
Слѣдуешь Клитію Кидонъ пока, дружбѣ радуясь первой,
Палъ отъ десницы Дарданской, бѣднякъ, и оплаканный другомъ,
Юношамъ всѣмъ дорогой, на землѣ, злополучный! простерся,
Если бы плотная братьевъ толпа не предстала герою,
Форково племя: числомъ было семь и въ царя устремляли
Семеро дротовъ, но часть и щитомъ и шеломомъ отбиты;
Прочіе, тылу грозившіе, дланью своей отклонила
Матерь Венера. Промолвилъ тутъ вѣрному витязь Ахату:
«Дротиковъ дай поскорѣе; изъ нихъ ни одинъ безполезно
Въ Рутуловъ сихъ не ударитъ, вонзались же въ Грайскія груди
Въ полѣ Илійскомъ». Сказалъ и, схвативши великую пику,
Въ недруга шлетъ, а она понеслась и мѣдяный Меоновъ
Щитъ пробиваетъ и латы, и самое тѣло пронзаетъ.
Братъ подскочилъ Алкаѳой и падущаго навзничь Меона
Хочетъ рукой поддержать, но ее, выше локтя пронзая,
Новое мчится копье и кровавое путь соблюдаетъ,
Длань же утратила мощь и на жилахъ съ плеча повисаетъ.
Тотчасъ Нумиторъ, изъ братняго вырвавши тѣла желѣзо,
Мѣтитъ въ Энея, но видно въ него и попасть невозможно.
Вмѣсто его оцарапалъ бедро щитоносцу Ахату.
Тутъ-то Курійскій кидается Клавсъ и на силы младого
Тѣла надѣясь, Дріопа суровымъ копьемъ издалека
Сильнымъ ударомъ подъ бороду бьетъ и гортань прострѣливши,
Разомъ и голосъ, и жизнь похищаетъ, сраженный же недругъ
Землю челомъ поражаетъ, сгущенную кровь изрыгая.
Трехъ онъ Ѳракійцевъ затѣмъ, отъ Борея породу ведущихъ.

Трехъ отъ родителя Ида изъ доловъ Исмарскихъ посланныхъ,
Разнымъ оружьемъ сразилъ. Подоспѣлъ и Галесъ знаменитый
Съ войскомъ Аврунковъ, идетъ и Нептуна священное племя
Славный конями Мессапъ. Одолѣть то сіи, то другіе
Ищутъ въ бою и на самомъ порогѣ Италіи бьются.
Такъ-то, въ эѳирѣ возставши, вѣтры, межъ собой состязаясь,
Битву заводятъ, и силой великой, и мужествомъ равны;
Тутъ ни они не уступятъ, ни тучи, ни бурное море,
Долго исходъ неизвѣстенъ и все уперлось другъ во друга;
Такъ-то Троянскія рати и рати великихъ Латиновъ
Въ ту пору бились; съ ногою нога, съ мужемъ мужъ сопряглися 8).

Съ края-жъ другого, гдѣ круглые камни катилъ и ворочалъ
Горный потокъ и кусты выдиралъ изъ сыпучаго брега,
Видитъ Паллантъ, что къ боямъ неспособные пѣшимъ Аркады
Тылъ обращаютъ уже и погонѣ Латинской подверглись.
Коней покинуть надежныхъ суровая мѣста природа
Оныхъ заставила; нынѣ лишь бѣгство для нихъ остается.
Князь и мольбой, и упреками горькими ихъ осыпаетъ:
«Братья! куда? заклинаю самими и доблестью вашей,
Именемъ старца Эвандра, побѣдами прежними въ битвахъ,
Честью грядущей моей, что къ отцовской ужъ славѣ ревнуетъ,
Бѣгству не вѣрьте! желѣзомъ дорогу пробить черезъ войско
Слѣдуетъ намъ: гдѣ мужей ополченья стѣснилися гуще,
Тамъ-то пройти и велитъ знаменитая родина наша!
Мы не съ богами сражаемся: смертные смертныхъ стѣсняютъ.
Столько-жъ у насъ какъ у нихъ и десницъ, и сердецъ остается.
Море великимъ разливомъ отсюда намъ путь замыкаетъ,
Нѣтъ и земли для побѣга, въ пучинахъ ли Трою отыщемъ?»
Такъ говоритъ и въ густые ряды устремляется вражьи.
Первымъ ему повстрѣчался, жестокой судьбой приведенный,
Лагъ несчастливецъ. Покамѣстъ огромный подъемлетъ онъ камень,
Оному храбрый герой въ промежутокъ межъ ребрами дротикъ
Дланью вонзаетъ и съ силой его изъ костей извлекаетъ.
Тутъ подбѣгаетъ Гисбонъ, но въ-расплохъ не возмогъ онъ ударить,
Какъ ни надѣялся витязь; бѣгущаго князь Аркадійскій
Самъ принимаетъ на мечь, разъяреннаго гибелью друга,
Мужу оплошному въ буйную печень вонзая желѣзо.

Слѣдомъ Сѳенела бойца и отъ древняго Ретова рода
Онъ Анхемола разитъ, осквернившаго отчее ложе.
Рядомъ и вы, близнецы, въ Рутулійскихъ погибли долинахъ,
Ѳимберъ съ Ларидомъ, младое и сходное Давково племя!
Ихъ различить не могли: заблужденье пріятное родшимъ!
Нынѣ же лютую разницу сдѣлалъ Паллантъ между вами!
Голову, Ѳимберъ! тебѣ отрубилъ мечъ великій Эвандра,
Ищетъ напрасно Ларида рука отскочивши десная,
Пальцы дрожатъ полумертвые, тщетно хватая желѣзо 9).

Гласомъ Палланта возженныхъ и видящихъ подвиги мужа
Стыдъ Аркадійцевъ и гнѣвъ на Латинскую рать возбуждаетъ.
Юный Ретея межъ тѣмъ, въ колесницѣ летѣвшаго парной,
Ранилъ насквозь, небольшая тутъ вышла отсрочка для Ила,
Въ коего издали князь копіемъ намахнулся, Ретей же
Въ бѣгствѣ его перенялъ: предъ Теворантомъ онъ мощнымъ и Тиромъ
Братьевъ четой убѣгалъ, но внезапно упавъ съ колесницы,
Рутуловъ нивы пятой полумертвой въ пыли ударяетъ.
Словно весною желанной, дождавшись вѣтровъ и погоды,
Пастырь, огонь разсѣвая, въ дубравы пожаръ посылаетъ;
Мигомъ охвачены рощи и въ пламя единое слившись,
Грозное войско Вулкана въ лугахъ разбѣгается дальнихъ,
Самъ же сидитъ побѣдитель и пыломъ любуется мощнымъ,
Такъ и у воиновъ мужество въ тѣло единое слилось
Въ помощь тебѣ, о Паллантъ! но ужъ вотъ на бояхъ знаменитый
Шествуетъ прямо Галесъ и съ ногами щитомъ закрываясь;
Вотъ низлагаетъ Ладона, Ферета бойца съ Демодокомъ,
Яснымъ мечемъ отсѣкаетъ Стримонію руку десную,
Противъ врага занесенную; камнемъ въ лицо поразивши,
Черепъ Ѳоанта разсыпалъ, съ кровавымъ смѣшавшійся мозгомъ.
Вѣщій родитель въ дубравахъ Галеса скрывалъ, но лишь только
Смертью закрылись у старца его побѣлѣвшіе очи,
Тотчасъ наслѣдника Парка взяла и оружьямъ Эвандра
Въ даръ принесла; такъ предъ битвою сей Аркадіецъ молился:
«Даруй же, Тибрій родитель! копью, что рука потрясаетъ,
Счастье и дай ему путь чрезъ суровыя ребра Галеса
Мужа доспѣхъ и оружіе дубъ твой священный получитъ».
Богъ услыхалъ и пока Имаона Галесъ закрываетъ,

Недругу грудь незакрытую самъ онъ, несчастный, подставилъ.
Впрочемъ и этой потерей тяжелою не далъ смутиться
Воинству Лавсъ, часть великая битвы. Сначала Абанта
Встрѣтивъ, разитъ, средоточіе сѣчи и боя препону.
Падаютъ дѣти Аркадіи, падаютъ вои Этрусковъ,
Гибнете въ схваткѣ и вы, недобитые Граями Тевкры.
Бьются полки съ воеводами равными, съ мужествомъ равнымъ;
Задніе давятъ переднихъ, бойцамъ тѣснота возбраняетъ
Мечъ и десницу занесть; вотъ отсюда Паллантъ наступаетъ,
Лавсъ напираетъ оттуда. Немногимъ не сходятся лѣта,
Оба прекрасны лицомъ и обоимъ судьба запрещаетъ
Въ землю родную возвратъ. Не дозволилъ однако сразиться
Юношамъ симъ межъ собой повелитель святого Олимпа.
Скоро судьбу обрѣтутъ, съ непріятелемъ большимъ сойдяся.

Нѣжная тутъ понуждаетъ сестра, чтобы къ Лавсу на помощь
Турнъ поспѣшилъ, разсѣкающій рать колесницей крылатой.
Только увидѣлъ, велитъ: «прекратите сейчасъ же сраженье,
Я на Палланта одинъ выхожу, мнѣ единому витязь
Сей обреченъ. О, когда бы стоялъ и смотрѣлъ самъ родитель!»
Такъ говоритъ, а союзники тотчасъ очистили мѣсто.
Рутуловъ видя уходъ и дивясь повелѣньямъ надменнымъ,
Юноша смотритъ на Турна и взоръ изумленный по тѣлу
Движетъ великому, издали гордо врага изучая.
Послѣ того на владыки слова такъ отвѣтствуетъ юный:
«Или добычу верховную снявъ, побѣдитель, прославлюсь,
Или со славой умру; за обое похвалитъ родитель.
Полно грозить!» Такъ сказавъ, на средину поляны выходитъ;
Къ сердцу Аркадовъ трепещущихъ хладная кровь приливаетъ.
Съ пары спускается Турнъ и пѣшкомъ направляется витязь
Встрѣчу врагу. Точно левъ, какъ съ высокой скалы усмотрѣлъ онъ
Ставшаго въ полѣ быка и рогами готоваго къ битвѣ,
Мчится на бой, таковымъ же и Турнъ подходящій являлся.
Вотъ, какъ нашелъ, что копьемъ устремленнымъ врага ужъ достигнетъ,
Тронулся съ мѣста Паллантъ, уповая, что можетъ быть жребій
Силамъ слабѣйшимъ поможетъ и къ небу великому молвитъ:
«Дружбой отца и столомъ, за которымъ, пришелецъ, сидѣлъ ты,

Днесь заклинаю, Алкидъ! помоги начинаньямъ великимъ!
Дай, чтобъ узрѣлъ онъ, полмертвый, меня совлекающимъ латы!
Зрѣлъ чтобъ меня побѣдителемъ взоръ умирающій Турна!»
Отрока слышитъ Алкидъ и глубокій онъ вздохъ подавляетъ
Въ сердцѣ могучемъ и слезы воитель безсильныя пролилъ.
Сыну великій родитель тогда провѣщалъ дружелюбно:
«Каждому день предназначенъ; для всѣхъ невозвратенъ и кратокъ
Жизненный путь: пріумножить дѣлами и доблестью славу —
Вотъ добродѣтельныхъ трудъ! Подъ забралами Трои высокой
Сколько и божьихъ погибло сыновъ! Не избавилось даже,
Чадо мое, Сарпедонъ. Призываетъ и самого Турна
Жребій вождя и къ концу онъ приблизился даннаго вѣка».
Молвилъ и взоры свои отъ Латинскихъ полей отвратилъ онъ.

Вотъ ужъ съ великою силой Паллантъ копіе посылаетъ,
Слѣдомъ сіяющій мечъ изъ ноженъ опустѣлыхъ исторгнулъ.
Мчится желѣзо и тамъ, гдѣ броня надъ плечами восходитъ,
Пало оно и дорогу сквозь выпуклый щитъ проложивши,
Даже и самое тѣло слегка оцарапало князю.
Рутулъ затѣмъ устремляетъ желѣзомъ снабженное древо,
Долго его колебавъ и такія слова возглашаетъ:
«Вотъ поглядимъ, не проникнетъ ли глубже оружіе наше!»
Молвитъ и щитъ непріятельскій: столько желѣза и мѣди,
Кожи толикія мощныхъ воловъ, вкругъ щита обвитыя,
Пика дрожащая страшнымъ ударомъ въ срединѣ пронзаетъ,
Брони препону затѣмъ и могучую грудь пробиваетъ.
Онъ же напрасно изъ раны горячее вырвалъ желѣзо:
Тою же самой дорогой и кровь, и душа поспѣшили.
Рухнулъ на рану и звякнули глухо надъ воиномъ латы,
Вражью онъ землю устами кровавыми мертвый лобзаетъ.
Врагъ надъ убитымъ стоитъ. . . .
«Слушайте нынѣ, Аркады! и вашему князю вѣрнѣе
Рѣчь передайте. Какого достоинъ, такимъ посылаю
Сына къ нему. Честь могильную, слабую гроба утѣху
Я уступаю. И такъ вѣдь не дешево станетъ съ Энеемъ
Дружба ему». Тутъ сраженнаго лѣвой ногой попирая,
Пояса яснаго ношу великую съ трупа срываетъ
Вмѣстѣ съ грѣхомъ изваяннымъ: въ единую брачную полночь

Гнусно погубленнымъ юношей сонмомъ и спальнями злыми.
Клонъ Эвритидъ сотворилъ ихъ изъ многаго золота древле,
Нынѣ добычею Турнъ величается, радуясь въ сердцѣ,
О, человѣческій умъ, о грядущемъ и рокѣ безвѣстный!
Мѣры незнающій, если удачей случайной надмится!
Время наступитъ и дорого далъ бы, чтобъ тѣло оставилъ
Онъ неограбленнымъ, время, какъ эти доспѣхи и самый
День проклянетъ. Между тѣмъ со слезами и стономъ великимъ
Вои Палланта на щитъ возложили и въ сонмѣ относятъ.
О злополучье, о слава великая древнему старцу!
День, что на первую битву послалъ, этотъ день и похитилъ,
Впрочемъ великія Рутуловъ груды въ поляхъ ты оставилъ [10]).

Бѣдствій не только молва, но и вѣрный свидѣтель къ Энею
Мчится межъ тѣмъ: недалеко отъ гибели воины Трои
Днесь отстоятъ и ужъ время помочь опрокинутымъ Тевкрамъ.
Тотчасъ же все предъ собою скосилъ и чрезъ войско широкій
Путь просѣкаетъ желѣзомъ: тебя, что побѣдою новой,
Турнъ! величаешься, ищетъ. Паллантъ и Эвандръ предъ очами
Гнѣвными встали и трапезы первыя тѣ, что пришельцемъ
Онъ раздѣлилъ и десницы врученныя. Тотчасъ Сульмонскихъ
Юношей онъ четырехъ, четырехъ при Уфентѣ рожденныхъ
Въ плѣнъ забираетъ живыхъ, чтобы призраку въ жертву принесть ихъ,
Плѣнниковъ кровью костра окропивъ погребальнаго пламя.
Издали въ Мага затѣмъ копіе смертоносное кинулъ,
Тотъ наклонился, хитря, и надъ блѣднымъ промчалася пика.
Слѣдомъ колѣна объемлетъ и такъ, умоляющій, молвитъ:
«Тѣнью отца и надеждой твоей на растущаго Юла,
Сильный! молю: сохрани эту душу отцу и ребенку.
Домомъ владѣю великимъ, лежатъ зарытые таланты,
Есть серебро изваянное, злато въ работѣ и слиткахъ
Тамъ сохраняется. Тевкровъ успѣхъ отъ меня ли зависитъ?
Или такое различіе мертвый содѣлаетъ лишній?»
Такъ говорилъ онъ и такъ побѣдитель ему отвѣчаетъ:
«Эти, которыми хвалишься, злата-ль, сребра ли таланты
Дѣтямъ своимъ сохрани. До меня всѣ законы сраженій
Турнъ уничтожилъ свирѣпый, десницей Палланта сгубивши.

Такъ и Анхисовы думаютъ Маны и юный Асканій».
Вымолвивъ, шуйцей за шлемъ ухватилъ и въ загнутую выю
Мужу молящему онъ съ рукоятью вонзаетъ желѣзо.
Близко отъ нихъ Гемонидъ, Аполлона и Тривіи мощной
Жрецъ находился, повязкой святой по вискамъ окруженный.
Ризой златой и доспѣхами ясными весь онъ свѣтился.
Князь устремившійся по полю гонитъ и ставъ надъ лежащимъ,
Тѣнью великой его осѣнилъ и мечемъ поражаетъ.
Латы уноситъ Серестъ, для тебя, царь Градивъ, приношенье.
Бой обновляютъ отъ крови Вулкановой въ полѣ рожденный
Кекулъ и съ высей Марсійскихъ Умбронъ на сраженье посланный;
Князь низлагаетъ и ихъ. У Анксура и шуйцу и съ нею
Цѣлый онъ щитъ отрубилъ и въ пространство далеко отбросилъ.
Молвилъ высокое нѣчто и думалъ, что сбудется слово,
Тотъ дерзновенный и душу свою ко звѣздамъ воздвигалъ онъ,
Старость сѣдую и многіе годы себѣ прорицая.
Выскочилъ встрѣчу Тарквитъ и доспѣхами ясными блещетъ:
Фавну, дубравы жильцу, родился отъ Дріопы отъ Нимфы.
Ярому онъ подвернулся, а тотъ, копіе устремивши,
Броню и тяжкую ношу щита межъ собой сопрягаетъ,
Слѣдомъ главу, что напрасно взмолилась и многое хочетъ
Вымолвить тутъ, на поляну повергъ, а дрожащее тѣло
Катитъ ногой и надъ вражескимъ трупомъ онъ такъ возглашаетъ:
«Здѣсь оставайся, страшилище! матерь великая въ землю
Тѣло не спрячетъ твое и въ родимомъ краю не схоронитъ.
Коршунамъ хищнымъ достанешься или въ пучинѣ глубокой
Будешь носиться и рыбы голодныя раны полижутъ» 11).
Вотъ и Антея, и Лука, переднихъ воителей Турна
Губитъ могучій и Нуму великаго съ русымъ Камертомъ.
Сей веледушнымъ Вольскентомъ рожденъ, что отъ рода Авзоновъ
Слылъ богатѣйшимъ землей и царилъ въ молчаливыхъ Амиклахъ.
Точно какъ тотъ Эгеонъ, что имѣлъ, говорятъ, сто предплечій,
Сто необузданныхъ рукъ, ста устами и ста же грудями
Огнь изрыгалъ несказанный, какъ Зевсово страшное пламя
Столько-жъ щитовъ поражало и столько-жъ мечей опаляло,
Такъ-то и въ цѣломъ свирѣпствовалъ полѣ Эней побѣдитель,
Только нагрѣлось желѣзо въ рукѣ. На Нифеевыхъ вскорѣ
Онъ четырехъ скакуновъ и враждебную грудь наступаетъ.
Кони же только идущаго, гласомъ вопящаго лютымъ,

Издали въ полѣ узрѣли, какъ тотчасъ же вспять устремились,
Мужа извергли и въ ужасѣ къ берегу мчатъ колесницу.
Вотъ и Лукагъ на четѣ бѣлоснѣжной въ сраженье несется
Съ Лигеромъ братомъ вдвоемъ; управляетъ лихими конями
Лигеръ удалый, мечемъ обнаженнымъ Лукагъ потрясаетъ.
Вынесть не могъ Анхисидъ, увидавши мужей разъяренныхъ,
Ринулся встрѣчу герой и съ копьемъ предстаетъ имъ враждебнымъ.
Оному Лигеръ речетъ: . . .
«Нѣтъ, не коней Діомедовыхъ зришь, не повозку Ахилла,
Здѣсь не Фригійское поле, конецъ и войнѣ, и Энею
Въ этомъ назначенъ краю!» Далеко раздавались такія
Рѣчи безумнаго, витязь же Тевкровъ не рѣчи готовитъ:
Онъ копіе въ дерзновеннаго недруга съ силой пускаетъ.
Славный Лукагъ, наклонившись впередъ, подогналъ тутъ копейнымъ
Древкомъ коней и, имѣя отставленной лѣвую ногу,
Къ бою хотѣлъ ужъ готовиться, вдругъ копіе подъ краями
Яснаго мчится щита и вождя въ лѣвый пахъ ударяетъ.
Палъ съ колесницы и по полю катится, духъ испуская.
Къ воину славный Эней обращается съ горькою рѣчью:
«Храбрый Лукагъ! знать не конская лѣность твою колесницу
Выдала въ полѣ, не тѣни пустыя коней устрашили:
Самъ соскочилъ и повозку покинулъ». Такое-то слово
Молвилъ и пару схватилъ. Простираетъ дрожащія руки
Витязя братъ злополучный, упавшій и самъ съ колесницы.
«Матерью днесь и отцомъ, отъ которыхъ такимъ ты родился,
Тевкръ! умоляю, души не губи, надъ просителемъ сжалься!»
Много просилъ, а Эней говоритъ: «не такія недавно
Рѣчи ты молвилъ. Умри! братъ обязанъ сопутствовать брату».
Тотчасъ обитель души обнаженнымъ мечемъ отворяетъ.
Такъ-то побоища въ полѣ устраивалъ князь Дарданійскій;
Словно кипящій котелъ или черному смерчу подобный
Онъ бушевалъ. Прорвались наконецъ и покинули станы
Юный Асканій и тщетно врагомъ осажденные вои [12]).

Тутъ обратился къ Сатурніи Юпитеръ самъ добровольно:
«Ты и сестра, и любезная вѣчно для Зевса подруга!
Знать Киѳерея, да ты и сама догадалась конечно,
Дарданамъ помощь даетъ: не сильны у Латиновъ для битвы

Руки десныя, не яростенъ духъ и въ бѣдахъ не выносливъ».
Молвитъ смиренно Юнона: «зачѣмъ, о супругъ мой прекрасный!
Грустную нынѣ язвишь, рѣчи съ трепетомъ ждущую строгой.
Если бы такъ какъ бывало, да какъ бы и быть надлежало;
Силу имѣла Юноны любовь, то конечно-бъ дозволилъ
Богъ всемогущій и вывести Турна изъ битвы и Давну
Старцу его сохранить, передавъ невредимымъ въ объятья.
Что-жъ? пусть погибнетъ и Тевкрамъ невинною кровью отвѣтитъ.
Божья порода однако и племя отъ насъ онъ выводитъ,
Предкомъ Пилумна имѣетъ и щедрой десницей нерѣдко
Храмы твои украшалъ, принося знаменитыя жертвы».
Въ краткихъ отвѣтилъ словахъ на эѳирномъ княжащій Олимпѣ:
«Ежели смерти отсрочку и время душѣ обреченной
Просишь теперь и сего отъ меня ты желаешь, супруга!
Въ бѣгство его увлеки и у близкаго рока исторгни.
Я уступаю настолько, но если подъ этою просьбой
Большее кроется, если мечтаешь, что можетъ утихнуть
Иль измѣниться война, то напрасною льстишься надеждой».
Тутъ со слезами Юнона: «о если бы, чѣмъ упрекаешь,
Тѣмъ и утѣшилъ и Турнова жизнь пощаженной осталась!
Нынѣ безвинному лютая смерть суждена иль пустое
Кажется мнѣ; но пускай бы ужъ страхомъ напраснымъ смущалась,
Только-бъ на лучшее ты перешелъ: отъ тебя вѣдь зависитъ!»

Вымолвивъ рѣчи такія, съ высокаго тотчасъ же неба
Мчится, грозу возбуждая, летитъ, препоясана тучей,
Къ войску богиня Илійскому, къ станамъ Лаврентовъ примчавшись,
Мигомъ изъ тучи пустой и безсильный и призрачный образъ,
Съ виду Энею подобный (для зрѣнія дивное дѣло!),
Тройскимъ оружіемъ кроетъ и щитъ устрояетъ и гриву
Славной главѣ создала, словеса даровала пустыя,
Гласа безсмысленный звукъ и походку поддѣльную мужу.
Точно какъ смерти вкусившія, молвятъ, скитаются тѣни
Или какъ сны усыпленное сердце обманомъ смущаютъ,
Вотъ передъ ратью переднею скачетъ ликующій призракъ,
Турна оружіемъ дразнитъ и гласомъ своимъ возбуждаетъ.
Тотъ устремился во слѣдъ и свистящее издали кинулъ
Онъ копіе: обращается призракъ и тылъ показуетъ.

Мысля, что врагъ отступаетъ и смертнаго боя робѣетъ,
Турнъ охрабрился и въ душу надежду напрасную принялъ.
«Что убѣгаешь, Эней! не бѣги обреченнаго брака,
Землю, что за моремъ ищешь, сейчасъ же, пришлецъ! ты получишь».
Такъ вопія, поспѣшаетъ, мечемъ обнаженнымъ сверкая.
Бѣдный не видитъ, что вѣтеръ надежды его угоняетъ.
Въ морѣ корабль находился: по близости онъ подъ навѣсомъ
Твердой скалы отдыхалъ, и мосты выставляя и сходни.
Оный Осинія, князя Клусинцевъ, ко брегу доставилъ.
Къ морю Энея бѣгущаго трепетный призракъ примчавшись,
Скрылся въ ладьѣ, но и Рутулъ не тише за недругомъ гонитъ,
Всѣ побѣждаетъ препоны и мостъ пробѣгаетъ высокій.
Только достигъ онъ ладьи, какъ Юнона канатъ отрубаетъ;
Тотчасъ отходитъ корабль и теченьемъ уносится въ море,
Образъ же легкій, уже не нуждаясь въ порахъ сокровенныхъ,
Кверху несется и съ черною тучей подъ небомъ смѣшался.
Турна Эней между тѣмъ вызываетъ заочно на битву,
Многихъ могучихъ мужей предъ собой на пути повергая,
Онаго-жъ въ море открытое валъ увлекаетъ возставшій.
Смотритъ, не вѣдая дѣла, спасеньемъ своимъ недовольный;
Руки и голосъ ко звѣздамъ высокимъ съ тоской устремивши.
«Юпитеръ, богъ всемогущій! какую-жъ вину сотворилъ я,
Кары достойнымъ толикой чтобъ могъ я тебѣ показаться?
Ѣду куда и откуда бѣжалъ? какъ вернусь и сколь гнуснымъ!
Стѣны Лаврентскія, станы Латиновъ увижу ли снова?
Что-жъ сей подумаетъ сонмъ, что за мной на сраженье пошедшій
Мною теперь, о позоръ! въ несказанномъ побоищѣ кинутъ?
Вижу отсюда смятенныхъ и гибнущихъ смертные стоны
Слышать могу. Что-жъ мнѣ дѣлать? Какая настолько глубоко
Треснетъ земля подъ ногами? Вѣтры! лучше вы помогите!
Лодку на скалы, на камни; объ этомъ васъ, Турнъ, умоляю,
Киньте скорѣй, унесите на мели свирѣпыя Сиртовъ,
Гдѣ бы ни Рутулы насъ, ни людская молва не сыскали!»
Такъ говоритъ и колеблется въ разныя стороны духомъ,
Мечь ли въ себя, отъ такого позора совсѣмъ обезумѣвъ,
Онъ погрузитъ и сквозь ребра нагое продвинетъ желѣзо
Или въ пучину повергнется, берегъ излучистый силясь
Вплавь отыскать и вторично въ Дарданское ринуться войско.
Трижды пытался и то, и другое свершить, но Юнона

Трижды мѣшала великая, юношу въ сердцѣ жалѣя.
Мчится воитель, волной уносимъ и теченьемъ попутнымъ;
Давна родителя древняго града уже достигаетъ.

Маніемъ Зевса межъ тѣмъ принимаетъ кипящій Мезентій
Въ битвѣ участье и радостныхъ Тевкровъ назадъ обращаетъ.
Тотчасъ сбѣжались Тиррены и всѣ на врага, какъ единый,
Всѣ какъ единый и гнѣвомъ, и тучами копій стремятся.
Онъ же, какъ будто скала, что изъ моря великаго всходитъ
Бурнымъ вѣтрамъ супротивъ и пучины подвержена гнѣву,
Неба и моря угрозы и натиски всѣ переноситъ,
Стоя на мѣстѣ своемъ, такъ и сей неподвиженъ, сражаетъ
Долихаонова Гебра, Латага и робкаго Пальма.
Камнемъ Латага тогда и горы исполинскимъ обломкомъ
Въ ротъ поразилъ, а у робкаго Пальма подрѣзавши жилу,
Въ прахѣ ползущимъ покинулъ, доспѣхи же Лавсу даруетъ
Ношей имѣть для раменъ и убранствомъ главы знаменитой.
Фрига Эванѳа крушитъ и Паридова друга Миманта.
Спутникъ и сверстникъ царевичу былъ: въ ночь одну и Ѳеана,
Молвятъ, Амику сего родила и неистовый свѣточь
Въ Трою царица Гекуба внесла, но Паридъ подъ отцовскимъ
Градомъ погибъ, а Миманта Лаврентъ незнакомый скрываетъ.
Точно какъ псовъ угрызеньями съ горъ устремленный высокихъ
Вепрь исполинскій, котораго многіе годы соснистый
Везулъ берегъ, или тотъ, что въ болотѣ Лаврентскомъ скрывался,
Въ рощѣ кормясь тростниковой, теперь же какъ сѣти увидѣлъ,
Сталъ и неистово хрюкаетъ звѣрь и рамена щетинитъ;
Тутъ ни одинъ не посмѣетъ вспылать и направиться ближе,
Издали стрѣлами только и кликомъ грозятъ безопаснымъ,
Онъ же стоитъ, озираясь, не зная, куда обратиться;
Злобно зубами скрежещетъ и копья съ хребта отрясаетъ;
Такъ и сіи: хоть и праведный гнѣвъ на тирана стремитъ ихъ,
Все-жъ ни одинъ не дерзнетъ на мечѣ обнаженномъ сразиться;
Издали стрѣлами только и кликомъ преслѣдуютъ громкимъ 13).

Былъ на сраженьи Акронъ, изъ Кориѳа, стариннаго града,
Грайскій пришелецъ. Изъ родины, брака не кончивъ, бѣжалъ онъ.

Издали видя его, какъ въ толпѣ пробирался онъ частой
Въ перьяхъ багряныхъ и въ пурпурной ризѣ, невѣстиномъ дарѣ,
Точно какъ левъ, по высокимъ палатамъ лѣснымъ что блуждаетъ,
Гладомъ свирѣпымъ терзаемъ и вдругъ неожиданно узрѣлъ
Робкую козу въ кустахъ, иль высокіе роги оленя,
Страшно зіяя, ликуетъ и гриву щетинитъ, и съ ревомъ
Палъ на останкахъ кровавыхъ, свирѣпую пасть омывая
Черною кровью густой . . . . .
Такъ-то и бодрый Мезентій въ густые ряды устремился:
Рухнулъ несчастный Акронъ и пятами онъ черное поле
Бьетъ, издыхая, и кровію сломанный тулъ омываетъ.
Тутъ же Орода бѣгущимъ герой погнушался низринуть,
Ниже великимъ копьемъ поразить его издали въ спину;
Самъ напередъ забѣжалъ и схватилися оба, мужъ съ мужемъ:
Онъ не засадами славился, только оружіемъ мощнымъ.
Вскорѣ, на падшее тѣло копьемъ и ногой опираясь.
«Мужи»! речетъ: »вотъ великій Ородъ, часть немалая битвы,
Въ прахѣ лежитъ», а союзники громкій пеанъ возглашаютъ,
Врагъ же низверженный молвитъ: «не долго ты мной неотмщеннымъ,
Кто бы ты ни былъ, утѣшишься: рокъ и тебя ожидаетъ
Сходный съ моимъ и на этомъ же на полѣ скоро прострешься».
Тутъ усмѣхнулся Мезентій и злобу съ улыбкой мѣшая,
«Нынѣ умри», говоритъ, «обо мнѣ-жъ царь людей и безсмертныхъ
Послѣ промыслитъ». Сказавъ, извлекаетъ оружье изъ тѣла;
Оному тяжкій покой и желѣзный тутъ сонъ замыкаетъ
Взоры погасшіе, вѣчной дремотой смежилися очи.
Кедикъ убилъ Алкаѳоя межъ тѣмъ, а Сакраторъ Гидаспа;
Мужа Парѳенія съ Орсомъ могучимъ Рипонъ ниспровергнулъ;
Клоній Мессапомъ погубленъ и съ нимъ Эрикетъ Ликаоновъ:
Первый съ коня непослушнаго палъ и во прахѣ валялся,
Пѣшимъ другой умираетъ. Пѣшкомъ и Агидъ состязался,
Ликіи чадо: его не лишенный наслѣдственной мощи
Губитъ Валерій, а Ѳронія—Салій, а этотъ Неалкомъ
Храбрымъ убитъ, копіемъ и стрѣлою прославленнымъ мѣткой.

Такъ-то печали свирѣпый Мавортъ и взаимную гибель
Въ битвѣ равнялъ: упадали взаимно и гибнули равно,
Всѣ побѣдители, всѣ побѣжденные, бѣгства-жъ не знали.

Боги въ палатахъ Юпитера тщетной борьбѣ сострадаютъ:
Жалко и тѣхъ и другихъ, и такого несчастія смертныхъ.
Смотритъ Венера съ одной стороны, а съ противной Юнона:
Блѣдная тамъ Тисифона средь тысячъ свирѣпствуетъ многихъ.
Вотъ между тѣмъ, потрясая великую пику, Мезентій
По полю буйный идетъ словно тотъ Оріонъ исполинскій,
Если пѣшкомъ переходитъ Нерея глубокія воды,
Прямо дорогу держа, и плечами встаетъ изъ пучины
Или, съ далекихъ вершинъ принося многовозрастный ясень,
Землю пятой попираетъ, а голову въ тучахъ скрываетъ.
Такъ-то въ великія силы Мезентій вторгается грозный;
Вотъ и могучій Эней, усмотрѣвъ изъ далекаго строя,
Встрѣчу идти собирается, тотъ же, недвижимо стоя,
Ждетъ веледушнаго недруга, тяжкой громадою крѣпокъ.
Мѣсто отмѣривъ, доколѣ копье знаменитое хватитъ,
«Богъ мой, десница», речетъ, «и копье, что рука потрясаетъ,
Въ помощь да будутъ! клянусь, что съ разбойника латы сорвавши,
Оными, Лавсъ! я тебя облеку, да пребудешь трофеемъ
Вѣчнымъ Энеевымъ». Вымолвивъ, сильный свистящую пику
Издали шлетъ, а желѣзо летитъ и о щитъ загремѣвши,
Въ сторону мчится и промежъ бедромъ и желудкомъ Актора
Славнаго колетъ, Гераклова спутника, родомъ изъ Арговъ.
Сей при Эвандрѣ остался, во градѣ засѣвъ Италійскомъ.
Палъ злополучный отъ раны чужой и въ далекое небо
Онъ посмотрѣлъ передъ смертью и вспомнилъ онъ милые Арги.
Слѣдомъ Эней добродѣтельный пику направилъ, она же
Сквозь круглоту ясной мѣди тройной, сквозь покровы льняные,
Сквозь исполинскія шкуры тройныя идетъ и подъ чресломъ
Вражьимъ засѣла, утративши мощь. Извлекаетъ скорѣе
Мечь Дарданіецъ, обрадованъ зрѣлищемъ крови Тирренской,
Тотчасъ срываетъ съ бедра и за трепетнымъ яро стремится.
Тутъ тяжело застоналъ, побуждаемъ любовью сыновней
Лавсъ, какъ бѣду увидалъ и изъ глазъ покатилися слезы.
Горестной смерти твоей и твоихъ знаменитыхъ дѣяній,
Вѣры придастъ или нѣтъ не сказанному подвигу древность.
Все-жъ не забуду, достойнаго памяти, отрокъ! не скрою.
Тотъ отступалъ безполезный, своей замедляемый раной,
Шелъ и щитомъ копіе Дарданійское тяжко влачилъ онъ.
Ринулся юноша тутъ и вмѣшался въ свирѣпую схватку;

Мечь, занесенный горе́ и ударъ замышлявшій жестокій,
Выдержалъ онъ и Энея замедлилъ великаго натискъ.
Вотъ и союзники всѣ съ несказаннымъ нахлынули кликомъ,
Время даютъ, чтобъ родитель ушелъ за щитомъ за сыновнимъ,
Копья кидаютъ и стрѣлами въ недруга издали сыплятъ.
Гнѣвомъ пылаетъ Эней, но щитомъ принужденъ защищаться.
Точно какъ если порой изливается градомъ великимъ
Туча съ высотъ и съ полей удаляется всякій оратай,
Всякъ земледѣлецъ бѣжитъ, подъ скалой укрывается путникъ
Или у брега рѣки или горной пещеры подъ сводомъ,
Буря пока не утихнетъ, пока при вернувшемся солнцѣ
Трудъ не начнется опять; такъ засыпанный весь отовсюду
Тучу сраженья выноситъ Эней, всей гремящую силой.
Къ Лавсу межъ тѣмъ восклицаетъ онъ, Лавсу онъ такъ угрожаетъ:
«Что ты стремишься, мертвецъ! не по силамъ затѣялъ работу!
Губитъ тебя благочестье твое!» Но, совсѣмъ обезумѣвъ,
Рвется воитель по прежнему; тутъ и сильнѣе и глубже
Гнѣвъ разгорается въ князѣ Троянъ и послѣднія нити
Парки для Лавса прядутъ: вотъ ужъ мечь устремляетъ тяжелый
Въ юную грудь Дарданидъ и его съ рукоятью вонзаетъ.
Щитъ пробиваетъ онъ легкій, доспѣхъ смѣльчака ненадежный,
Съ нимъ и тунику, что сшила изъ злата крученаго матерь.
Пазуха кровью наполнилась, съ горемъ душа по эѳиру
Къ дольнимъ помчалась тѣнямъ и покинула блѣдное тѣло.
Тутъ, какъ узрѣлъ Анхисидъ умиравшаго очи и образъ,
Образъ, великой и дивною блѣдностью вдругъ обліянный,
Тяжко герой застоналъ и простеръ въ состраданіи руку.
Вспомнилъ къ родителю милому нѣжность свою побѣдитель.
«Что же тебѣ, злополучный! за подвиги славные эти,
Чтущій родителя, дамъ? что достойное доблести этой?
Щитъ твой, ему-жъ веселился, имѣй при себѣ, возвращаю
Трупъ твой отцу, если Манамъ и праху до этого дѣло.
Все же хоть симъ, несчастливецъ! въ бѣдѣ утѣшаться ты можешь:
Ты отъ десницы Энеевой палъ!» Такъ сказавъ, побуждаетъ
Трепетныхъ спутниковъ самъ и героя съ земли подымаетъ,
Кровью скверняшаго кудри свои и прическу родную 14).

Временемъ тѣмъ при струяхъ Тиберина родитель водою
Кровь останавливалъ въ ранѣ и тѣло больное покоилъ,

Къ дубу спиной прислоняясь. По близости шлемъ его мѣдный
Съ вѣтки виситъ, на травѣ отдыхаютъ тяжелыя латы;
Избранныхъ отроковъ стража кругомъ; самъ онъ блѣдный, дрожащій
Выю чуть держитъ больную, браду по груди разсыпая.
Много объ Лавсѣ онъ спрашивалъ, многихъ за нимъ посылалъ онъ
Юношу взять и приказомъ родителя вызвать изъ боя;
Лавса межъ тѣмъ бездыханнаго вотъ на щитѣ ужъ приносятъ
Грустные други: великій погибъ онъ великою раной.
Издали стоны предчувствіе злое ему объяснило:
Прахомъ несчастный сквернитъ сѣдину и къ далекому небу
Руки подъемлетъ свои и вцѣпляется въ мертвое тѣло.
«Или настолько ужъ, чадо! мнѣ дорого было дыханье,
Вражьей десницей свирѣпой чтобъ могъ за себя я подставить
Мною рожденнаго? Смертію-ль сына спасется родитель,
Смертью-ль твоей я живу? О, увы! вотъ несчастному гибель!
Вотъ злополучье конечное! вотъ ужъ пронзили до сердца.
Сынъ! вѣдь и имя твое я своей опозорилъ виною;
Недруговъ изгнанъ ненавистью съ отчаго трона и царства,
Родинѣ былъ и своихъ озлобленію пеней обязанъ.
О, еслибъ самъ эту душу на всѣ предоставилъ мученья!
Нынѣ живу и еще не покинулъ ни свѣта, ни смертныхъ,
Впрочемъ покину сейчасъ!» Такъ сказавъ, на болящую ногу
Онъ наступилъ и хоть рана глубокая шагъ замедляетъ,
Все же бодрится и проситъ коня: сей красою для мужа,
Сей утѣшеніемъ былъ; возсѣдая на немъ, возвращался
Съ войнъ побѣдителемъ всякихъ. Къ печальному такъ онъ промолвилъ:
«Ребъ мой! мы долго съ тобой, если что-либо долго для смертныхъ,
Жили вдвоемъ, но теперь иль доспѣхъ побѣдитель кровавый
Ты со главою Энея примчишь и со мной за печали
Лавса отмстишь или если безсильной окажется сила,
Вмѣстѣ умремъ, для того, что конечно не сможешь, могучій!
Волю чужихъ исполнять и не стерпишь хозяина Тевкра».
Молвилъ и сѣвъ на коня, на хребтѣ онъ привычные члены
Вновь утвердилъ и по дротику острому въ каждую руку
Взялъ шлемоблещущій, конскою гривой на шлемѣ щетинясь.
Такъ-то въ средину сраженья помчался; бушуетъ великій
На сердцѣ стыдъ и безуміе, съ горемъ сліянное лютымъ.
Тутъ же свирѣпая къ сыну любовь и сознаніе силы.
Трижды великимъ онъ гласомъ Энея къ себѣ призываетъ;

Недруга тотъ увидалъ и съ веселіемъ къ вышнимъ взмолился:
«Такъ пусть родитель боговъ сотворитъ, такъ и Фебъ знаменитый,
Бой чтобъ завелъ ты со мной» . . . . .
Только и молвилъ всего и съ копьемъ выступаетъ враждебнымъ.
Вопитъ Мезентій: «Чего устрашаешь, свирѣпѣйшій! сына
Взявъ у меня? Только эта одна и страшила потеря,
Смерти-жъ своей не боюсь: не спущу на сраженьи и богу!
Полно, иду умирать, но сначала тебѣ посылаю
Этотъ подарокъ!» Сказалъ и желѣзо въ Энея направилъ,
Слѣдомъ еще и еще. И стрѣляетъ и мчится великимъ
Кругомъ герой, но не можетъ щита прострѣлить золотого.
Трижды вокругъ щитоноснаго влѣво скакалъ онъ кругами,
Копья далеко стремя, и трикратно герой Дарданійскій
Вкругъ обращалъ несказанный ихъ лѣсъ на мѣдяномъ доспѣхѣ.
Вотъ, какъ ужъ времени столько потратилъ и стало ужъ скучно
Щитъ отрясать и слабѣетъ Эней въ этой битвѣ неравной,
Способа долго искавъ, наконецъ устремился и съ силой
Онъ ратоборцу коню межъ висковъ копіе посылаетъ.
Всталъ на дыбы легконогій и воздухъ могучимъ копытомъ
Бѣшено бьетъ и на витязя падшаго сверху ложится;
Давитъ его и къ землѣ сокрушенную руку притиснулъ.
Кликъ до небесъ воздвигаютъ и Троевъ полки и Латиновъ.
Къ недругу мчится Эней и желѣзо нагое схвативши,
Такъ говоритъ: «гдѣ теперь тотъ Мезентій великій и эта
Бурная сила души»? А Тирренъ, какъ вздохнулъ и увидѣлъ
Своды небесъ и въ сознанье пришелъ, такъ царю отвѣчаетъ:
«Врагъ ненавистный! зачѣмъ оскорбляешь и смертью грозишься?
Нѣту въ отмщеньи грѣха, не съ условіемъ въ битву вступилъ я,
Ниже союзъ заключилъ между нами мой Лавсъ убіенный.
Только сего, если нѣкая есть побѣжденнымъ пощада,
Только могилы меня не лиши! Вотъ кругомъ обступаетъ
Лютая ненависть кровныхъ: отъ бѣшенства ихъ, умоляю,
Тѣло спаси и дозволь, чтобы съ сыномъ меня положили».
Такъ говоритъ и желѣзо въ гортань сознающій пріемлетъ,
Въ пѣнистой душу крови по доспѣхамъ своимъ разливая.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Діомедъ ранилъ подъ Троей Венеру. Основанныя имъ въ Италіи Арпы называются Этолійскими, ибо самъ Діомедъ былъ Этоліецъ. Амаѳонтъ—городъ на Кипрѣ.

2) Орикъ—городъ въ Эпирѣ. Въ этой мѣстности росли теребинѳы. Буксъ—другое дерево. Меонія — то же, что Лидія. Тамъ протекала рѣка Пактолъ, изъ песка которой добывалось, говорятъ, золото. Отъ Капія названа Капуа, главный городъ Кампаніи.

3) Исчисляются города Этруріи. Ильва есть островъ Эльба. Пизы были по преданію основаны Элійцами, жителями береговъ Алфея. Грависки отличались вреднымъ климатомъ.

4) Лигуры жили около Генуи и далѣе по берегу моря до Тосканы. Киниръ и Купавъ — братья. Они дѣти Кикна, который былъ другомъ Фаэтонта, сына Солнцева. Фаэтонтъ, взявшійся управлять конями Солнца, погибъ, не съумѣвъ съ ними совладать, а Кикнъ пришелъ въ такое горе отъ его смерти, что былъ обращенъ богами въ лебедя, а сестры его по той же причинѣ въ тополи.

5) Окнъ — сынъ Тибра. Бенакомъ называлось озеро Гардъ, изъ котораго вытекалъ Минкій. Минкіемъ назывался и корабль Авлеста. Въ то время и этотъ край принадлежалъ Этрускамъ. Населеніе Мантуи состояло изъ нѣсколькихъ народовъ: вѣроятно Умбровъ, Венетовъ и Этрусковъ.

6) Феба—то же, что Луна.

7) Стримонъ—рѣка во Ѳракіи. Съ появленіемъ звѣзды Сиріуса совпадало наступленіе жары.

8) Исмаръ — гора во Ѳракіи.

9) Анхемолъ былъ сынъ Рета, царя Маррубіевъ, бѣжавшій къ Турну.

10) На поясѣ Палланта было изображено преданіе о дочеряхъ Даная, убившихъ своихъ мужей въ ночь послѣ брака.

11) Градивъ—то же, что и Мартъ.

12) Итальянскія Амиклы (около Каеты) были основаны, по словамъ преданій, выселенцами изъ Греческихъ (Лаконскихъ) Амиклъ, а эти были, говорятъ, взяты врагами потому, что граждане запретили безпокоить себя извѣстіями о приближеніи враговъ, почему Амиклы и звались молчаливыми. Затѣмъ это прозвище перешло и на колонію. Эгеонъ — одинъ изъ Титановъ.

13) Везулъ — гора въ Лигуріи.

14) Мезентій двусмысленными словами самъ напророчилъ гибель сыну.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

При описаніи высадки Энея послѣ стиха: «Берегъ спѣшитъ захватить» и пр. слѣдуетъ стихъ:

«Онъ и другихъ ободряетъ и къ воинамъ такъ возглашаетъ».

Этотъ стихъ взятъ изъ девятой пѣсни. Его нѣтъ въ хорошихъ рукописяхъ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ ложа возставъ, между тѣмъ, Океанъ покидаетъ Аврора.
Славный Эней, хоть и нужно для похоронъ витязей павшихъ
Время ему и смущается умъ отъ заботы гробовой,
Все-таки съ первой зарей исполнялъ, побѣдитель, обѣты.
Дубъ исполинскій, желѣзомъ суки обрубивъ отовсюду,
Онъ на холмѣ водрузилъ и надѣлъ на него свѣтозарный
Князя Тирреновъ доспѣхъ для трофея тебѣ, знаменитый
Богъ боевластный, надѣлъ обагренные кровію гребни
Съ пикою сломанной, съ броней, что дважды шесть разъ на сраженьи
Въ разныхъ пробита мѣстахъ, и мѣдяный по лѣвую руку
Щитъ утвердилъ онъ и мечъ, облеченный слоновою костью.
Слѣдомъ союзниковъ радостныхъ, тѣснымъ зане окружали
Витязя сонмомъ, такими словами герой убѣждаетъ:
«Мужи! исполнено главное дѣло, за прочее-жъ всякій
Страхъ пусть отсутствуетъ: вотъ и добыча и съ гордаго князя
Взятый начатокъ, десницей моей вотъ Мезентій созданный.
Нынѣ къ царю подобаетъ идти и ко стѣнамъ Латинскимъ;
Къ битвѣ готовьтесь пока и въ душѣ предвкушайте сраженье,
Такъ чтобы взятымъ въ-расплохъ, какъ впервые знамена исторгнуть
Боги велятъ и бойцовъ выводить изъ надежнаго стана,
Вдругъ замедленья не вышло отъ лѣности, страхомъ внушенной.
Временемъ этимъ товарищей мы и тѣла безъ могилы
Скроемъ въ землѣ: нѣту чести иной въ Ахеронтѣ глубокомъ.
«Шествуйте!» молвилъ, «и храбрыя души, что собственной кровью
Родину намъ породили сію, вы послѣднимъ почетомъ
Нынѣ украсьте, но первый къ печальнымъ Эвандровымъ стѣнамъ

Мощный Паллантъ будетъ посланъ, его-же, не бѣднаго духомъ,
День злополучный унесъ и въ могилу кровавую вринулъ».

Такъ говоритъ со слезами и къ дому стопы направляетъ,
Гдѣ бездыханное юноши тѣло Акетъ престарѣлый
Съ плачемъ стерегъ. Паррасійскому сей щитоносцемъ Эвандру
Нѣкогда былъ, но не въ столь же счастливый онъ часъ въ эту битву
Видно пошелъ, дорогому питомцу въ сопутники данный.
Окрестъ служителей сонмъ и Троянскій соборъ и съ мужами
Грустныхъ толпа Иліадъ, распустивъ по обычаю косы.
Только великій Эней чрезъ высокія двери проникнулъ,
Стонъ несказанный ко звѣздамъ, ударивши въ грудь, посылаютъ;
Плачемъ исполнена горькимъ, завыла палата княжая.
Самъ же Эней, лишь Палланта главу бѣлоснѣжнаго узрѣлъ,
Ликъ на подушкахъ и въ нѣжной груди растворенную рану,
Слѣдъ копія Авзонійскаго, такъ со слезами промолвилъ:
«Отрокъ несчастный! тебя ли, побѣду неся, у Энея
Отнялъ завистливый рокъ, чтобы царствъ не увидѣлъ ты нашихъ,
Ниже въ отеческій городъ не могъ побѣдителемъ въѣхать?
Нѣтъ, не такія Эвандру отцу обѣщанья недавно
Я повторялъ, какъ меня на прощанье лобзалъ онъ и гостя
Къ войску великому слалъ, съ безпокойствомъ внушая, что сильны
Рутуловъ мужи, что съ родомъ свирѣпымъ борьба предстоитъ намъ.
Онъ и теперь, можетъ быть, увлеченный надеждой напрасной,
Зевсу обѣты творитъ и дарами алтарь засыпаетъ.
Мы же усопшаго сына, ничѣмъ ужъ не должнаго вышнимъ,
Съ плачемъ напутствуемъ, тщетную почесть ему воздавая.
Старецъ несчастнѣйшій! сына жестокій конецъ ты увидишь!
Вотъ возвращенія наши, суленныя вотъ ликованья!
Вотъ и великая вѣрность Энея! но все-жъ не въ постыдныхъ
Ранахъ увидишь сраженнаго, ниже спасенному лютой
Смерти, отецъ пожелалъ бы. Увы мнѣ! коликій Италы
Щитъ потеряли и сколько ты самъ съ нимъ утратилъ, Асканій!» [1]).

Такъ-то оплакавъ, велитъ онъ поднять злополучное тѣло.
Выбравъ изъ цѣлаго воинства, тысячу вслѣдъ посылаетъ,
Съ тѣломъ чтобъ шли и послѣднюю почесть ему воздавая,

Были при отчихъ слезахъ: утѣшенье для страшнаго горя
Слишкомъ худое, но все жъ надлежащее бѣдному старцу.
Прочіе дружно плетенки и мягкія трупу носилки
Строятъ изъ гибкихъ вѣтвей, изъ дубовой коры волокнистой.
Ложе созданное тѣнью древесной кругомъ осѣняютъ,
Юношу сверху на одръ изъ травы полевой возлагаютъ,
Точно какъ дѣвы перстами похищенный цвѣтъ миловидный,
Нѣжную словно фіалку иль томнаго кисть гіацинта:
Блеска еще не утратилъ онъ, вида еще не лишился,
Только не кормитъ ужъ матерь земля, не вливаетъ ужъ силы.
Тутъ двѣ одежды и въ золотѣ твердомъ и въ пурпурѣ гордомъ
Вынулъ Эней, что трудомъ веселясь, Сидонянка Дидона
Собственной дланію встарь своему сотворила супругу,
Тонкими нитями золота ясную ткань раздѣливши.
Юношѣ въ почесть послѣднюю витязь одну надѣваетъ,
Ризой другой осѣнивъ обреченныя пламени кудри.
Многое кромѣ того изъ добычи Лаврентскаго боя
Онъ навалилъ и чредой безконечной везти заповѣдалъ.
Онъ и отбитыхъ коней и оружья прибавилъ Латиновъ,
Руки связалъ за спиной злополучнымъ, что призраку въ жертву
Днесь посылаетъ, чтобъ кровію смертный огонь окропили.
Тутъ же древа, окруженныя недруговъ падшихъ оружьемъ,
Несть воеводамъ вручилъ, имена написавъ побѣжденныхъ.
Тащится жалкій Акетъ, удручаемый вѣкомъ послѣднимъ,
Дланями грудь поражая, ногтями лицо раздирая;
Падаетъ онъ наконецъ и во прахѣ всѣмъ тѣломъ простерся.
Вотъ колесницу везутъ, обліянную Рутуловъ кровью;
Конь ратоборецъ Эѳонъ, чепракомъ не покрытый обычнымъ,
Плачущій идетъ и крупными каплями ликъ орошаетъ.
Далѣе шлемъ и копье, все же прочее Турнъ побѣдитель
Нынѣ имѣетъ. Печальная слѣдуетъ Тевкровъ фаланга,
Цѣлое войско Тирреновъ и съ копьями въ землю Аркады.
Вотъ, какъ далече прошло безконечное шествіе въ полѣ,
Сталъ полководецъ и громко стеная, сказалъ на прощанье:
«Насъ ужъ ко слезамъ инымъ тотъ же самый неистовый бранеи
Рокъ призываетъ. Такъ здравствуй во вѣки, Паллантъ знаменитый!
Вѣчно прощай!» Ничего не прибавивъ онъ болѣ, къ высокимъ
Стѣнамъ пошелъ и ко прагамъ Троянскимъ стопы обратилъ онъ [2].

Вотъ ужъ послы приближались изъ славнаго града Латиновъ,
Маслиной кудри одѣвъ и прося снисхожденья у князя;
Трупы, что кучами въ полѣ, оружія жертвой лежали,
Да возвратитъ и дозволитъ, чтобъ ихъ подъ курганами скрыли.
Нѣтъ ужъ войны съ побѣжденными, жизни лишенными самой;
Пусть пощадитъ онъ мужей, что друзьями и сватами звалъ онъ.
Добрый Эней, какъ услышалъ вниманья достойную просьбу,
Милость даруетъ сейчасъ и такія слова прибавляетъ:
«Что за судьбины свирѣпыя Тевкровъ и васъ, о Латины!
Въ распрю повергли? Зачѣмъ убѣгаете дружбы Троянской?
Просите мира усопшимъ и жребіемъ Марта погибшимъ?
Мужи! вѣдь я и живымъ бы его даровать согласился.
Я не пришелъ бы, когда бы судьбы не назначили мѣста,
Ниже войну объявлялъ: самъ властитель союзы разрушилъ,
Турна оружіямъ паче моихъ къ сожалѣнью довѣрясь.
Было-бъ приличнѣе Турну подвергнуться ужасамъ этимъ,
Если десницей окончить войну, если выгнать насъ хочетъ,
Днесь подобаетъ ему подъ оружьемъ со мною сойтися;
Пусть уцѣлѣетъ, кому небеса и десница помогутъ.
Нынѣ идите и гражданамъ бѣднымъ костры приготовьте».

Молвитъ Эней веледушный, а тѣ неподвижно коснѣютъ,
Очи и взоры другъ въ друга уставивши, словъ не имѣя.
Дранкъ, между всѣми старѣйшій, и злобой и пенями вѣчно
Юношѣ Турну вредившій, молчанье прервавъ напослѣдокъ,
Такъ говоритъ: «о великій молвой, величайшій оружьемъ,
Витязь Троянскій! какими хваленьями съ небомъ сравняю?
Правду-ль сначала твою восхвалю или подвиги въ браняхъ?
Рѣчи сіи съ благодарностью въ городъ родной отнесемъ мы,
Если же способъ доставитъ Фортуна, тебя и Латина
Вновь породнимъ: пусть иного супружества ищетъ твой недругъ.
Мы и громаду стѣны роковой вамъ поставить готовы,
Илія камни охотно на собственныхъ плечахъ потащимъ».
Такъ говорилъ онъ и ропотомъ прочіе всѣ подтверждали.
Тутъ имъ двѣнадцать назначили дней и порой перемирной
Въ рощахъ безвредно Трояне и съ ними смѣшавшись Латины
Въ темныхъ ходили горахъ. Подъ двойными звенитъ топорами
Ясень высокій, сосну поднебесную на землю валятъ;

Клиньями дубъ и душистые кедры колоть не престанутъ,
Ниже на стонущихъ колахъ съ высотъ перетаскивать орны.

Мчится Молва между тѣмъ, предлетая толикому горю;
Душу Эвандрову, домы и городъ его наполняетъ,
Только недавно Палланта враговъ побѣдителемъ звавши,
Ринулся людъ ко вратамъ и старинный обрядъ соблюдая,
Свѣточи взялъ погребальные; блещетъ дорога подъ длиннымъ
Рядомъ могильныхъ огней и далече виднѣется поле.
Фриговъ на встрѣчу подходитъ соборъ и стенящіе сонмы
Слились въ одинъ. Какъ узрѣли ихъ жены входящими въ городъ.
Тотчасъ печальными воплями горестный градъ возбуждаютъ.
Тутъ не могли удержать никакія ужъ силы Эвандра;
Въ сонмище прямо идетъ и въ носилкахъ Палланта узрѣвши,
Палъ на него и впивается въ мертваго съ плачемъ и стономъ.
Только съ трудомъ допустила печаль рѣчь такую промолвить:
«Нѣтъ, не сдержалъ ты, Паллантъ! обѣщаній, родителю данныхъ
Лютому Марту на первыхъ бояхъ осторожнѣй ввѣряться!
Вѣдалъ вѣдь я, какъ подъ латами новая слава дерзаетъ,
Сколько въ сраженіи первомъ сладчайшая честь увлекаетъ.
Горе! начатки несчастные, лютая эта наука
Брани столь близкой! Увы! и никто изъ боговъ не услышалъ
Жертвъ и моленій моихъ! О супруга святая Эвандра,
Смертью блаженная ранней, сего не видавшая горя!
Я же судьбы побѣдилъ и живу: знать затѣмъ, чтобы сына
Пережилъ я! о пускай самого бы, вступившаго въ битву,
Стрѣлами Рутуловъ рать завалила, пускай бы ужъ самъ я
Умеръ и въ шествіи этомъ Эвандръ, не Паллантъ, возвращался.
Нѣтъ, не виню, Дарданиды, ни васъ, ни союза, ни этихъ
Дланей врученныхъ. Для старости нашей кручина такая
Видно была суждена и когда обрекался судьбами
Сей прежде времени пасть, то ужъ лучше. что тысячу Вольсковъ
Раньше низвергнувъ и Дардановъ въ Латій вводя, пострадалъ онъ.
Ибо и я, о Паллантъ! ничего не придумалъ бы громче
Похоронъ сихъ, что Эней и великіе Фриги и Тусковъ
Правятъ князья и Тирренское воинство все совершаетъ.
Вотъ и трофеи несутъ со враговъ, что кончинѣ онъ предалъ;
Тутъ бы и ты, несказанное древо въ желѣзномъ доспѣхѣ,

Турнъ! возвышался, когда-бъ одинокіе годы и силы
Были у васъ, но зачѣмъ же несчастный Троянъ замедляю?
Въ станы идите и въ точности князю сіе передайте:
Жизнь что влачу ненавистную послѣ кончины Палланта,
Въ этомъ виною десница твоя, что родителю съ сыномъ
Турна обязана дать. И фортунѣ и долгу осталось
Это одно. Не живому себѣ утѣшеній прошу я,
Ниже возможны, но сыну снесу въ преисподнія страны».

Вотъ ужъ заря между тѣмъ человѣкамъ несчастнымъ любезный
Свѣтъ возвращала, работу и трудъ обновляя людскіе.
Вотъ на излучистомъ брегѣ Эней прародитель и Тархонъ
Ставятъ костры и на оные каждый своихъ убіенныхъ,
Отчій обрядъ исполняя, возноситъ. Огонь погребальный
Небо высокое мракомъ и дымомъ густымъ застилаетъ.
Трижды вокругъ запаленныхъ, блестящимъ доспѣхомъ одѣты,
Мчались костровъ, похоронное пламя печальное трижды
Вкругъ на коняхъ обскакали и горестный вопль испустили.
Землю слезами кропятъ и оружьемъ ее усыпаютъ;
Къ небу несутся мужей восклицанья и трубные звуки.
Мертвымъ Латинамъ доспѣхи отъятые въ пламя иные
Сыплютъ во множествѣ: вражьи мечи и прекрасные шлемы,
Узды, колеса горячія, съ ними извѣстные тѣнямъ
Падшихъ щиты и несчастные воевъ сжигаемыхъ копья.
Многихъ воловъ заколаютъ вокругъ въ приношеніе Смерти,
Вепрей щетинныхъ они и съ полей похищенный окрестныхъ
Скотъ избиваютъ и въ пламя вметаютъ. По цѣлому брегу
Смотрятъ горящихъ товарищей, полусожженныя груды
Нѣжно стрегутъ и не могутъ отъ нихъ оторваться, доколѣ
Влажная ночь небеса обратила въ свѣтилахъ блестящихъ.

Съ краю другого межъ тѣмъ и несчастные эти Латины
Ставятъ костры безъ числа и отчасти землѣ довѣряютъ
Падшихъ мужей тѣлеса, а другіе увозятъ къ сосѣднимъ
Странамъ и нивамъ и градамъ роднымъ мертвецовъ возвращаютъ.
Прочихъ и всю несказаннаго боя нестройную груду
Разомъ безъ чести и счета сжигаютъ. Уже отовсюду
Частыми свѣтятъ огнями поля, межъ собой состязаясь.

Третій ужъ день удаляетъ холодныя тѣни съ Олимпа.
Съ плачемъ и пепелъ обильный и въ грудахъ они собираютъ
Кости съ огнищъ и теплѣющимъ слоемъ земли покрываютъ.
Плачъ наибольшій во градѣ Латина богатаго слышенъ,
Плески и стоны и бо́льшая многимъ унынія доля.
Матери тутъ и несчастныя снохи и нѣжныя сестры
Въ горѣ жестокомъ и дѣти, отцовъ потерявшія въ битвѣ,
Злую войну проклинаютъ и Турновы лютые браки,
Вопятъ, чтобъ самъ разрѣшилъ онъ десницей своей и желѣзомъ,
Кто Италійскаго царства и почестей первыхъ достоинъ.
Дранкъ поджигаетъ свирѣпый, твердя, что единаго Турна
Требуетъ недругъ, единаго Турна на бой вызываетъ.
Много и мнѣній противныхъ въ защиту глаголется князя.
Тутъ и великое имя царицы ему помогаетъ;
Многая слава бойцу и трофеи добытыя въ помощь.

Между смятеньемъ такимъ и среди треволненій толикихъ
Вотъ имъ вдобавокъ послы изъ великаго Грайскаго града
Грустный приносятъ отвѣтъ: совершили вотще и безъ пользы
Трудъ несказанный, помочь не могли ни подарки, ни злато,
Ниже великія просьбы. Иныхъ подобаетъ Латинамъ
Воевъ добыть или мира просить у Троянскаго князя.
Тутъ сокрушился великой печалью и царь многолѣтній.
Ясно, что волей небесъ роковой побѣдитель приходитъ:
Это и кары безсмертныхъ и свѣжіе молвятъ курганы.
Тотчасъ великій совѣтъ и начальниковъ первыхъ народа
Въ домѣ высокомъ собралъ, повелѣніемъ царскимъ призванныхъ.
Вскорѣ стеклись и наполнивши стогны, подъ царскіе своды
Льются рѣкой. Возсѣдаетъ въ срединѣ, годами и скиптромъ
Первый межъ ними, Латинъ знаменитый съ челомъ не веселымъ.
Оный посламъ, изъ Этольскаго града назадъ отосланнымъ
Съ чѣмъ возвращаются молвить велитъ и отвѣтъ повторить имъ
Весь по порядку. Затѣмъ водворяютъ молчанье и Венулъ,
Волю царя исполняя, такія слова изрекаетъ:

«Видѣли, граждане! мы Діомеда и станы Аргійцевъ,
Путь совершили великій и трудности всѣ одолѣли,

Къ оной рукѣ прикоснулись, подъ коей низринулась Троя;
Онъ Аргирипу тогда, въ честь отчизны прозваніе давшій,
Недруговъ всѣхъ побѣдивъ, при Гарганѣ въ Япигіи строилъ.
Вотъ какъ вошли и дозволено слово предъ княземъ промолвить,
Тутъ предлагаемъ дары, объявляемъ и имя и городъ,
Кто нападаетъ войной, что за бѣдствіе въ Арпы приводитъ».
Выслушавъ все, съ безмятежнымъ челомъ такъ отвѣтствуетъ витязь:
«О треблаженное племя! Сатурново древнее царство!
Старый Авзонскій народъ! да какая-жъ судьбина спокойныхъ
Нынѣ мутитъ и зачать неизвѣстную брань побуждаетъ?
Кто ни дерзнулъ между нами Троянскую землю затронуть
(Я ужъ молчу про мужей, что подъ градомъ высокимъ погибли
Или которыхъ Симоисъ покрылъ), всѣ по цѣлому свѣту
Казнь несказанную, лютую кару давно претерпѣли,
Такъ что Пріамъ пожалѣлъ бы! Объ этомъ Минервы лихая
Знаетъ звѣзда и Эвбеи утесы со злымъ Кафереемъ.
Вотъ послѣ боя сего, разнесенные въ разныя страны
Царь Менелай до Протеевыхъ даже столповъ удалился,
Видѣлъ Этнейскихъ киклоповъ Улиссъ; говорить ли про гибель
Сына Ахиллова мнѣ, про низринутыхъ вовсе Пенатовъ
Идоменея вождя, про живущихъ средь Ливіи Локровъ?
Самъ онъ, Микенскій герой, предводитель великихъ Ахеевъ,
Дланью свирѣпой жены на порогѣ на самомъ погубленъ.
Азіи всей покорителя могъ любодѣй пересилить!
Стало завидно богамъ, что ко требищамъ отчимъ вернувшись,
Милую снова жену и прекрасный свой городъ увижу.
Вотъ и понынѣ ужасныя мужа преслѣдуютъ дива:
Спутники бѣдные въ перьяхъ по воздуху носятся съ кликомъ,
Птицами плаваютъ въ морѣ; увы! о жестокія кровныхъ
Кары моихъ! и печальными скалы стенаньями полнятъ.
Впрочемъ сего дожидаться съ той самой поры подобало,
Плоть небожителей острымъ копьемъ какъ дерзнулъ я безумецъ
Въ битвѣ разить и Венеры десницу желѣзомъ поранилъ.
Нѣтъ, не просите меня, на такіе бои не зовите!
Съ Тевкрами нѣтъ ужъ для насъ послѣ Трои низвергнутой спора,
Ниже о бѣдствіяхъ помню былыхъ или радуюсь онымъ.
Эти дары, что ко мнѣ изъ отчизны приносите дальней,
Лучше Энею несите. Стояли подъ выстрѣломъ оба,
Бились и въ близости мы; искушенному вѣрьте, каковъ онъ

Щитъ подымающій, бурей какой онъ копье посылаетъ.
Если бы трехъ таковыхъ породило Идейское поле
Сильныхъ мужей, то къ Инаховымъ, думаю, градамъ пришли бы
Тевкры войной и заплакалъ бы Грай надъ судьбой измѣненной;
Сколько задержекъ для насъ не случалось подъ стѣнами Трои,
Знайте, что только Энеемъ и Гекторомъ Граевъ побѣда
Такъ оттянулась тогда до десятаго года осады.
Храбростью оба, могучимъ оружіемъ оба равнялись;
Сей благочестьемъ предшествовалъ. Руки союзомъ свяжите,
Разъ что согласенъ, но бойтесь мечами съ мечемъ состязаться.
Царь наилучшій! теперь и отвѣты Этольскаго князя
Знаешь отъ насъ и какого онъ мнѣнья о спорѣ великомъ» 3).

Только сказалъ онъ, какъ тотчасъ бѣжитъ по устамъ Авзонійцевъ
Ропотъ различный, подобно какъ скалами если запруженъ
Быстрый потокъ и рокочетъ рѣка запертая и сильно
Бреги сосѣдніе зыблятся водъ подъ напоромъ гремящихъ.
Вотъ, какъ утихли умы и сомкнулись дрожащія губы,
Царь, помянувъ небожителей, съ трона высокаго молвитъ:

«Прежде, чѣмъ общее дѣло обсудимъ, скажу вамъ, Латины!
Былъ бы я радъ, да и лучше-бъ намъ было не въ пору такую
Думу сбирать, какъ ужъ города стѣны враги осаждаютъ.
Тяжкія, граждане! брани съ божественнымъ родомъ имѣемъ,
Съ непобѣдимыми воями, ихъ же не сломитъ никое
Горе во вѣкъ, что не смогутъ мечей и разбитые кинуть.
Ежели вы на Этоловъ какую надежду имѣли,
Бросьте ее: на себя лишь надежда, но сколь невелика,
Можете зрѣть и въ какомъ разрушеньи лежитъ наше дѣло,
Это предъ вами теперь, предъ очами у цѣлаго люду.
Я не виню никого. Что возможно оружіемъ сдѣлать,
Сдѣлано все и сразилися мы всѣми силами царства.
Нынѣ скажу, что въ сомнѣньи такомъ мнѣ на мысли приходитъ;
Въ краткихъ словахъ объясню, приложите вниманіе ваше!
Есть у меня стародавнее поле при Тибровомъ токѣ;
Къ западу тянутся нивы далеко до граней Сикановъ;
Пашутъ Аврунки и Рутулы; твердые холмы упорнымъ

Раломъ своимъ упражняютъ, а горы имъ пастбищемъ служатъ.
Цѣлую область сію и покрытыя соснами выси
Дружбѣ Тевкрійской уступимъ; на равныхъ правахъ заключимъ мы
Съ ними союзъ и товарищемъ царства признаю Энея.
Пусть поселятся, когда ужъ хотятъ и стѣну воздвигаютъ.
Если-жъ другою страной и другимъ завладѣть имъ народомъ
Въ мысли придетъ и возмогутъ очистить владѣнія наши,
Двадцать построимъ судовъ изъ Итальскаго твердаго дуба
Или и больше, наполнить-коль могутъ. Лежитъ на поморьи
Все, что потребно; число и пространство судовъ могутъ сами
Намъ указать; мы и мѣдь, и рабочихъ, и снасти даруемъ.
Рѣчи нести и союзъ укрѣпить межъ народами нынѣ
Пусть сто мужей, изъ знатнѣйшей избранные крови Латиновъ,
Къ Тевкрамъ пойдутъ, простирая съ оливою мирною руки,
Также дары предлагая: слоновую кость имъ и злато,
Тронъ и трабею святую притомъ, знаки царскіе наши;
Думайте нынѣ за всѣхъ и поправьте несчастіе люду».

Тутъ-то и ранѣе Дранкъ враждовавшій, котораго колетъ
Завистью Турнова слава косой и въ тиши подстрекаетъ,
Всталъ, и богатъ и гораздъ языкомъ, но холодная къ битвамъ
Изстари длань; на совѣтахъ же вѣсъ онъ имѣлъ непослѣдній,
Бунтомъ могучій; его благородная мать украшала
Родомъ великимъ и древнимъ, отцовскій же родъ неизвѣстенъ.
Всталъ и такими словами тѣснитъ и ненависть скопляетъ:
«Дѣло для всѣхъ очевидное, такъ что и думать не нужно,
Молвишь, владыко благой; знаютъ всѣ, въ положенье какое
Рокомъ поставленъ народъ, но страшатся лишь высказать мысли.
Пусть же даруетъ свободу и духъ укротитъ горделивый
Тотъ, изъ-за чьей несчастливой фортуны и мрачнаго нрава
(Выскажу все, хоть и знаю, что мечъ мнѣ и смерть угрожаетъ)
Столько вождей полегло и увидѣли мы, какъ весь городъ
Въ плачъ обратился, покамѣсть Троянскій онъ станъ задираетъ,
Въ бѣгствѣ надежду имѣя и небо копьемъ устрашая.
Только одинъ къ симъ дарамъ, что во множествѣ Тевкрамъ, властитель!
Несть и сулить приказалъ ты, одинъ лишь, о царь наилучшій!
Ты приложи; пусть ничье не удержитъ насиліе нынѣ.
Зятю великому дочь и достойному браку невѣсту

Дай же, отецъ! и союзомъ ты миръ укрѣпи неразрывнымъ
Если же страхъ ужъ такой и сердцами, и мыслями правитъ,
Что-жъ? самого заклянемъ, отъ него самого дозволенья
Будемъ просить: пусть права возвратитъ и царю, и отчизнѣ.
Гражданъ зачѣмъ же несчастныхъ ты столько ужъ разъ повергаешь
Въ явную смерть, о всѣхъ бѣдствій Латинамъ глава и причина!
Нѣтъ ужъ спасенія въ битвахъ, о мирѣ мы всѣ умоляемъ,
Турнъ! и объ ономъ единственномъ мира надежномъ залогѣ.
Первымъ вотъ я, что врагомъ почитаешь; ну что-жъ? пусть и буду!
Нынѣ съ мольбами къ тебѣ прихожу: пожалѣй же о кровныхъ!
Духъ укроти, отступи побѣжденный! Довольно ужъ зрѣли
Труповъ разбитые мы и далеко поля пустошили;
Иль, буде честь подстрекаетъ и силу толикую въ сердцѣ
Чуешь теперь и желаешь столь сильно палаты приданой,
Что же? дерзни наконецъ и подставь непріятелю тѣло.
Или затѣмъ, чтобы Турну въ невѣсты царевна досталась
Мы, малоцѣнныя души, безъ гроба, безъ тризны, толпами
Гибнуть должны? нѣтъ и самъ, если силу имѣешь и съ Мартомъ,
Дѣдомъ хоть чѣмъ-либо схожъ, на врага наконецъ погляди же!
Кличетъ вѣдь онъ! . . . . .»
Злобною рѣчью такой воспалилася ярость у Турна,
Стонъ издаетъ и отъ самаго сердца прорвалося слово:
«Да, искони изобильно, о Дранкъ! у тебя краснорѣчье,
Если десница нужна. Всякій разъ, какъ отцовъ созываютъ,
Первымъ поспѣлъ, но теперь не словами палату вѣдь полнить;
Слово-то громко летитъ у тебя, безопаснаго въ домѣ,
Если стѣна защищаетъ и рвы не наполнились кровью.
Что же? греми краснорѣчьемъ; не первый вѣдь разъ и на трусость
Турнову сѣтуй, когда столь великія Тевкровъ побитыхъ
Груды въ поляхъ навалилъ ты и столько трофеевъ наставилъ
Всюду, храбрецъ! Что возможно для доблести бодрой обоихъ,
Можемъ теперь испытать; недалеко враговъ вѣдь придется
Нынѣ отыскивать: стѣны градскія кругомъ обступаютъ.
Онымъ на-встрѣчу пойдемъ; что-жъ коснѣешь теперь? неужели
Въ тщетномъ Мавортъ языкѣ и въ ногахъ лишь твоихъ быстробѣжныхъ
Будетъ всегда обитать? . . . . .
Я побѣжденъ? о гнуснѣйшій! да кто-жъ по дѣломъ побѣжденнымъ
Турна признаетъ, на Тибръ поглядя, что отъ крови Дарданской
Весь разлился, на Эвандровъ на домъ, уничтоженный съ корнемъ

Или на взятые мной Аркадійскаго князя доспѣхи?
Нѣтъ, не признали-бъ разбитымъ ни Битій, ни Пандаръ великій
Съ тѣми, что цѣлою тысячей въ Тартаръ недавно отправилъ,
Вражьей стѣной окруженъ и валами Троянскими замкнутъ.
«Нѣтъ ужъ надежды на бой!» Головѣ, о безумецъ! Илійской
Это вѣщуй иль пожалуй своей! Весь народъ несказаннымъ
Страхомъ теперь онъ смущаетъ и силу хвалить не престанетъ
Дважды разбитаго люда, Латинову-жъ мощь унижаетъ.
Нынѣ Фригійскихъ мечей и князья Мирмидоновъ трепещутъ,
Нынѣ и мощный Тидидъ, да и самъ ужъ Ахиллъ изъ Лариссы;
Вспять обращается быстрый Авфидъ отъ пучины Адрійской.
Вотъ притворяется тутъ же страшащимся спора со мною
(Козни льстеца!) и боязнью такой клевету изостряетъ.
Будь же спокоенъ: столь гнусную душу десницей моею
Въ вѣкъ не утратишь: въ тебѣ пусть живетъ, этой грудью владѣетъ.
Нынѣ, родитель! къ тебѣ и къ дѣламъ возвращаюсь великимъ.
Если уже никакихъ на оружье надеждъ не имѣемъ,
Если ужъ такъ мы безсильны, что разъ потерявши сраженье,
Вовсе пропали и ждать возвращенья Фортуны не можемъ,
Будемъ о мирѣ просить и протянемъ безсильныя руки.
Все же (о если-бъ отъ доблести прежней хоть нѣчто осталось!)
Онаго смертью блаженнымъ своей, да и лучшимъ душою
Витязя назвалъ бы я, что сего не желая и видѣть,
Мертвый упалъ бы и землю вкусилъ угрызеньемъ единымъ.
Если-жъ и силы имѣемъ, и воиновъ, въ битвѣ не бывшихъ,
Если народы и грады Италіи съ нами согласны,
Если и Дарданамъ слава со многою кровью досталась
(Есть и у нихъ вѣдь могилы свои и равно разразилась
Туча надъ всѣми), къ чему-жъ на порогѣ на самомъ позорно
Вспять отступать и зачѣмъ до трубы трепетать и страшиться?
Многія вещи измѣнчивымъ бѣгомъ не сходнаго вѣка
Вдругъ измѣнялися къ лучшему; многихъ чредою Фортуна
Рушитъ сначала, потомъ же на мѣсто по прежнему ставитъ.
Въ помощь не будутъ Латинамъ Этольскіе князи и Арпы?
Такъ! но Мессапъ-то вѣдь будетъ, равно и счастливый Толумній
Съ прочими градовъ толикихъ вождями; не позднею будетъ
Воиновъ слава Латинскихъ, въ предѣлѣ Лаврента набранныхъ.
Есть у тебя и отъ Вольскаго славнаго рода Камилла;
Конныхъ ватагу ведетъ и блестящія мѣдью дружины.

Что-жъ до того, что лишь я вызываюсь на бой и пріятно
Это для всѣхъ и толико препятствую общему благу,
Все-жъ не настолько побѣда десницею сей возгнушалась,
Ради подобныхъ наградъ чтобы могъ я теперь отказаться
Что бы то ни было сдѣлать. Иду! пусть героя Ахилла
Онъ представляетъ, пускай хоть Вулкановы латы надѣнетъ;
Спорить не буду. За васъ эту душу, за тестя, Латины!
Я, никого межъ древнѣйшими доблестью ратной не меньшій,
Турнъ, ужъ обрекъ. Лишь меня онъ зоветъ? И молю, чтобы звалъ онъ!
Дранку-ль сему, если божій въ сраженіи гнѣвъ ожидаетъ,
Кровью боговъ умолить, если-жъ доблесть и слава, то взять ихъ?» 4)

Оные между собой, о сомнительномъ дѣлѣ стязуясь,
Спорили долго, Эней же и станы, и рати ужъ двигалъ.
Вотъ при смятеньи великомъ сквозь царскія храмины вѣстникъ
Прямо бѣжитъ и великими страхами градъ наполняетъ:
Въ строѣ воинскомъ отъ Тиброва брега и Тевкры, и съ ними
Все ополченье Тирренское по полю цѣлому идетъ.
Тотчасъ смутились умы, всколебались сердца и возстали,
Острымъ рожномъ возбужденные, гнѣвы свирѣпые въ людяхъ.
Длани желѣзо поспѣшно хватаютъ, войну возглашаютъ
Юноши пылкіе, старцы-жъ грустятъ и коснѣютъ; подъ небо
Споръ отовсюду нестройный и кликъ возстаетъ несказанный:
Словно какъ въ рощѣ высокой, на вѣткахъ случайно собравшись,
Птичья ватага сидитъ или въ рыбномъ потокѣ Падусы
Кликъ по зыбямъ говорливымъ гремучіе лебеди сыплятъ.
«Ну же, старѣйшины!» Турнъ, улучивши минуту, взываетъ:
«Что-жъ? собирайте совѣты и миръ, сидючи, одобряйте!
Вотъ ужъ съ оружьемъ на царство идутъ!» Ничего не прибавивъ,
Кинулся онъ и поспѣшно изъ храмины выбѣжалъ царской.
«Вольской пѣхотѣ, Велусъ! поскорѣе вели ополчаться;
Также и Рутуламъ всѣмъ; ты всѣхъ конныхъ, Мессапъ! подъ оружье.
Вмѣстѣ съ Корантомъ и Катилломъ въ полѣ разсыпьтесь широкомъ.
Городъ иные пускай стерегутъ и на башняхъ засядутъ;
Прочіе вои, куда прикажу, пусть со мною ударятъ».
Тутъ ужъ изъ цѣлаго города на стѣны все устремилось.
Самъ прародитель Латинъ и совѣтъ, и великое дѣло
Съ горемъ покинулъ и временемъ тяжкимъ подавленъ, отсрочилъ,

Много себя обвиняя за то, что не взялъ добровольно
Въ зяти Энея, не сдѣлалъ Дарданца товарищемъ царства.
Рвы у воротъ вырываютъ, каменья и тяжкія бревна
Тащатъ скорѣй; ко сраженью ужъ знакъ подаетъ смертоносный
Рогъ громозвучный. Различной толпою стѣну увѣнчали
Жены и дѣти; опасность послѣдняя всѣхъ призываетъ 5).

Вотъ ужъ ко прагамъ боговъ, ко святилищамъ вышнимъ Паллады
Ѣдетъ царица, великимъ матронъ окруженная сонмомъ,
Даръ принося копьеносной; при ней и Лавинія дѣва,
Горя причина толикаго, ясныя очи потупивъ.
Входятъ и прочія жены, и храмъ ѳиміамомъ наполнивъ,
Жалкія рѣчи такія съ высокаго прага глаголятъ:
«Ты, копьевластная! битвы царица! Тритонія дѣва!
Дланью разбойника Фрига копье сокруши, самого же
Ницъ на землѣ протяни, у высокихъ дверей распростерши!»

Тутъ торопливо на битву и яростный Турнъ ополчался.
Въ ясную броню уже облеченъ, чешуями онъ мѣди
Грозно щетинился, икры могучія златомъ одѣвши.
Шлема еще не имѣя, къ бедру ясный мечъ прицѣплялъ онъ;
Золотомъ блещетъ, съ высокаго зáмка поспѣшно сбѣгая;
Духомъ ликуетъ и Тевкра въ надеждахъ уже побѣждаетъ.
Словно, какъ цѣпь разорвавъ, изъ заграды уносится тѣсной,
Конь, свободясь наконецъ, и ужъ полемъ открытымъ владѣя,
Или на пастбища онъ къ табунамъ кобылицъ поспѣшаетъ,
Или въ знакомой привыкши рѣкѣ освѣжаться струею,
Къ оной стремится и ржетъ, высоко запрокинувши вью,
Ярости полонъ, и хлещетъ онъ гривой и шею, и плечи.
Встрѣчу вождю при сопутствіи Вольскаго строя Камилла
Мчится межъ тѣмъ: передъ самыми града вратами царица
Спрыгнула съ лошади; оной весь полкъ подражаетъ и на земь
Съ коней летучихъ скользитъ, а царица союзнику молвитъ:
«Турнъ! если сильные могутъ на доблесть свою полагаться,
Нынѣ дерзну и на Дардановъ рать наскочить похваляюсь.
Я и на конницу Тусковъ сегодня одна устремлюся;
Мнѣ дай испробовать дланью начальные ужасы битвы,

Самъ же съ пѣхотой у города стой, охраняя ворота».
Въ грозную дѣву вперяя глаза, такъ отвѣтствуетъ Рутулъ:
«Дѣва! Италіи честь! что же можемъ тебѣ въ благодарность
Молвить иль сдѣлать теперь, но хотя ничего не страшится
Духъ твой могучій, однако со мной раздѣли ты работу.
Если не лгутъ ни молва, ни лазутчиковъ посланныхъ рѣчи,
Легкіе всадниковъ сонмы Эней предпослалъ криводушный
Поле ѣздой потрясать: между тѣмъ черезъ выси крутыя
Самъ онъ пустынный хребетъ перейдетъ и предъ градомъ предстанетъ.
Ратный обманъ приготовлю: въ проходѣ излучистомъ лѣса
Людомъ займу копьеноснымъ тѣснины ворота двойныя;
Ты же Тирренскую конницу, стяги содвинувши, встрѣтишь.
Смѣлый Мессапъ при тебѣ и отряды Латинскіе будутъ;
Съ ними Тибурское воинство: стань и сама полководцемъ».
Такъ говоритъ, а равно и Мессапа съ иными вождями
Рѣчью такой же герой возбудилъ и на бой выступаетъ.

Есть тамъ долина кривая, для воинскихъ козней и лести
Годная ратной; ее отовсюду вѣтвями густыми
Лѣсъ окружаетъ и узкой тропой къ ней дорога приходитъ.
Тѣсныя жерла ведутъ и для жизни опасные входы.
Выше ея за скалами, на самомъ на темени горномъ
Площадь лежитъ непримѣтная, мѣсто, удобное воямъ,
Справа ли, слѣва-ль замыслятъ въ открытую ринуться битву,
Холмы-ль рѣшатся занять и на недруга скатывать камни.
Къ этой долинѣ воитель дорогой знакомой пустившись,
Мѣстомъ скорѣй завладѣлъ и въ дубравѣ засѣлъ онъ коварной.

Быструю Опію временемъ тѣмъ во предѣлахъ эѳирныхъ,
Дѣвицъ союзныхъ единую, въ строй принятую священный,
Дѣва Латонина кличетъ и грустныя рѣчи такія
Оной глаголетъ: «идетъ на свирѣпую битву Камилла,
Нашимъ оружіемъ, дѣва! напрасно себя препоясавъ,
Мнѣ паче всѣхъ дорогая, и эта любовь не сегодня
Въ сердце пришла и внезапною сладостью душу плѣнила.
Зависти ради и власти надменной съ престола изгнанный,
Съ древнимъ Приверномъ простясь, какъ спасался Метабъ злополучный,

Въ трепетномъ бѣгствѣ своемъ, средь великихъ опасностей ратныхъ
Спутницу дочь пріобрѣлъ онъ и матери именемъ назвалъ,
Слово Касмилла слегка измѣнивъ и Камиллой нарекши.
Оную спрятавъ за пазухой, къ дальнимъ горамъ направлялся,
Къ дебрямъ пустыннымъ спѣшилъ; отовсюду свирѣпыя стрѣлы;
Конницей быстрой со всѣхъ ужъ сторонъ разсыпаются Вольски.
Вотъ на срединѣ пути, до высокихъ бреговъ доставая,
Пѣной шумитъ Амасенъ: таковой-то прорвался изъ тучи
Въ ту пору дождь. Переплыть онъ готовъ, но, младенца жалѣя,
Медлитъ, за милую ношу дрожа. Самъ съ собой обсуждая
Средства къ спасенію всѣ, наконецъ на такое напалъ онъ:
Въ мощныхъ рукахъ ратоборецъ случайно великую пику
Съ древкомъ держалъ узловатымъ, на жаркомъ огнѣ обозженномъ;
Къ оному дѣву, въ кору заключивъ и въ дубравную пробку,
Онъ привязалъ, на срединѣ копья легкій грузъ помѣстивши.
Пику десницей великой трясетъ и подъ небо глаголетъ:
«Дѣва Латонина, рощей жилица! сію-то на службу
Самъ посвящаетъ отецъ! Подъ твою вѣдь защиту отдавшись,
Съ первымъ оружьемъ враговъ убѣгаетъ. Прими же, богиня!
Эту твою, что невѣрнымъ вѣтрамъ довѣряется нынѣ!»
Молвитъ и, локоть откинувъ, копье исполинское съ силой
Витязь метнулъ: содрогнулись струи и чрезъ быстрыя воды.
Къ пикѣ свистящей прильнувъ, злополучная мчится Камилла;
Самъ же Метабъ, какъ ужъ близкіе недруговъ сонмы увидѣлъ,
Въ рѣку скорѣй и волну побѣдивъ, и оружье и дѣву,
Тривіи даръ, изъ зеленаго дерна съ весельемъ исторгнулъ.
Кровли его не пріяли затѣмъ, ниже стѣны градскія
Зрѣли вождя, да прощенья бы, лютый, и самъ онъ не принялъ.
Пастырей жизнь провождалъ онъ въ пустынныхъ горахъ и вертепахъ;
Тамъ-то и дочь во терновникѣ частомъ, въ трущобахъ колючихъ
Стадной сосцемъ кобылицы и дикимъ млекомъ онъ звѣринымъ
Тайно кормилъ, выжимаючи вымя въ уста молодыя.
Только ребенокъ пятами впервые о землю оперся,
Тотчасъ же дротики острые въ руку родитель вложилъ ей,
Стрѣлы на юныя плечи повѣсилъ и лукъ приспособилъ.
Вмѣсто убранства златого кудрей, вмѣсто ризъ удлиненныхъ
Шкура тигриная на спину ей съ головы упадаетъ.
Нѣжною дланью ужъ дѣтскія стрѣлы она запускала;
Пращу на кругломъ ремнѣ вкругъ главы молодой обращала,

Бѣлаго лебедя иль журавля Стримонійского съ неба свергая.
Оную въ градахъ Этруріи многія матери тщетно
Въ снохи стремились принять, но единой довольна Діаной,
Къ дѣвству и стрѣламъ любовь и понынѣ въ душѣ непорочной
Чистая дѣва лелѣетъ; желала бы я, чтобъ въ такія
Войны она не мѣшалась и Тевкровъ не трогала лютыхъ:
Другомъ была-бъ для меня и изъ спутницъ единою нашихъ.
Впрочемъ, когда ужъ несчастную жребій преслѣдуетъ лютый,
Нимфа! съ небесъ низлети и Латинскія страны провѣдай,
Гдѣ при несчастныхъ предвѣстьяхъ заводится горькая битва.
Это возьми и отмщенья стрѣлу извлеки изъ колчана.
Оною тотъ, кто желѣзомъ священное тѣло поранитъ,
Трой ли, Тирренецъ ли будетъ, своей онъ мнѣ кровью отвѣтитъ.
Послѣ же въ тучѣ пустой злополучной любимицы тѣло
Съ броней неснятой въ отчизну снесу и въ курганѣ сокрою.
Молвитъ, а Нимфа, на легкихъ струяхъ устремившись эѳирныхъ,
По небу мчится и смерчемъ себя опоясала чернымъ 6).

Дардановъ силы межъ тѣмъ ужъ ко стѣнамъ Латинскимъ подходятъ
Вмѣстѣ съ вождями Тирреновъ, со всѣмъ ополченіемъ коннымъ,
Счетомъ въ рядахъ размѣстившись, и вотъ ужъ по цѣлому полю
Скачутъ и ржутъ звонконогіе, съ крѣпкими уздами споря;
Рыщутъ туда и сюда, и широко желѣзная нива
Рощей копейной щетинится, пышетъ оружьемъ высокимъ.
Вотъ и Мессапъ супротивъ и Латинскіе всадники тучей,
Съ братомъ Корантъ и дружина летучая дѣвы Камиллы
Въ полѣ, оружные, носятся, древки далеко закинувъ.
Держатъ въ десницахъ могучихъ и дротики яро колышатъ.
Шумъ возрастаетъ мужей, умножается конское ржанье,
Вотъ на копейный полетъ подступили они другъ ко другу;
Стали сначала, но вдругъ устремляются съ кликомъ, удалыхъ
Коней бодря, и уже отовсюду несется желѣзо,
Частому снѣгу подобно, и тьмой небеса застилаетъ.
Мощный Тирренъ съ Аконтеемъ удалымъ, уставивши копья,
Мчатся, оружье стремя, и паденіе первое въ полѣ
Съ громомъ великимъ являютъ; трещатъ, грудь о грудь сокрушаясь,
Четвероножцы въ бою; изъ сѣдла Аконтей вылетаетъ,
Словно какъ молнія или махиною кинутый камень,

Палъ далеко и несчастную жизнь по вѣтрамъ онъ разсыпалъ.
Разомъ смѣшались враги и разбитые въ схваткѣ Латины
За спину мечутъ щиты и ко граду коней направляютъ;
Тевкры женутъ, надвигаетъ дружины Азилъ воевода.
Къ стѣнамъ уже подлетали, какъ вдругъ побѣжденные вои
Кликъ воздвигаютъ и выи послушныхъ коней обращаютъ:
Въ бѣгство и тѣ и совсѣмъ отпустивши поводья несутся.
Точно какъ море, чредой надвигая кипящую бездну,
Нынѣ стремится къ землѣ и утесы водой затопляетъ,
Пѣну клубя и разливомъ ближайшій песокъ занимая,
Нынѣ же мчится назадъ и каменья ворочая, снова
Ихъ поглощаетъ и влагой бѣгущею брегъ покидаетъ,
Такъ-то и Рутуловъ Дарданы дважды ко стѣнамъ гоняли.
Дважды, оружьемъ отбитые, тылъ закрывая бѣжали.
Въ третью-же схватку вступивши, какъ цѣлымъ ужъ войскомъ сразились,
Рати взаимно смѣшавъ, и въ сраженіи выбралъ мужъ мужа,
Тутъ-то и гибнущихъ стонъ и въ крови утопаютъ обильной
Копья и трупы, катаются между мужей убіенныхъ
Кони полмертвые, встало побоище лютое въ полѣ.
Вотъ Орсилохъ, опасаясь приблизиться къ Ремулу въ битвѣ,
Пику направилъ въ коня, и подъ ухомъ желѣзо вонзаетъ;
Всталъ на дыбы звучноногій и раны своей не терпящій,
Грудь воздвигаетъ, копыта могучія въ бѣшенствѣ зыбля,
Всадникъ же въ прахъ изъ сѣдла полетѣлъ; вотъ Іола могучій
Катиллъ пронзаетъ, великаго духомъ, оружьемъ и тѣломъ;
Колетъ Герминія, коему русые волосы только
Кроютъ главу, да и плечи открылъ, знать и ранъ не боится:
Такъ выставляетъ себя; сквозь сіи-то широкія плечи
Пика проходитъ, дрожа, и сгибаетъ воителя раной.
Черная кровь отовсюду струится, свершаютъ убійства,
Споря мечемъ, и прекрасной въ бою домогаются смерти.

Въ самой же битвы срединѣ летаетъ стрѣлой Амазонка;
Къ битвѣ плечо обнаживъ, луконосная мчится Камилла.
Нынѣ упругіе дротики дланью во множествѣ сыплетъ,
Тяжкую нынѣ сѣкиру въ рукахъ неустанно вращаетъ.
Лукъ золотой за плечами звенитъ и доспѣхи Діаны:
Если, въ сраженьи отбитая, временемъ вспять устремится,

Лукъ обращаетъ, бѣгущая, стрѣлы врагамъ посылая.
Спутницъ избранныхъ дружина при ней и Ларина дѣвица,
Тулла и мѣдный топоръ заносящая въ битвахъ Тарпея;
Все Италійки, на службу избранныя дивной Камиллой,
Почести ради и помощи доброй на войнахъ и въ мирѣ.
Словно Ѳракійскія оныя льдяный покровъ Ѳермодонта
Зыблютъ коньми, за щитомъ расписнымъ, Амазонки, сражаясь:
Кличетъ ли ихъ Ипполита, Мавортова-ль Пенѳесилея
Въ бой колесницу стремитъ, и съ великимъ тутъ воемъ и громомъ
Женскія рати ярятся, щиты луновидные движа 7).

Дѣва свирѣпая! кто же былъ первымъ и кто былъ послѣднимъ
Грозной низринутъ и много ли тѣлъ ты во прахъ низложила?
Клитія сынъ раньше прочихъ погубленъ, Эвней, что великой
Пикой въ открытыя выстрѣлу перси насквозь былъ прострѣленъ.
Крови ручей изрыгая, падетъ и кровавую почву
Блѣдный грызетъ и ворочаетъ онъ, умирающій, рану.
Слѣдомъ Пагаса и Лирія: первый, пока собираетъ
Возжи, на лошади зыблясь споткнувшейся, другъ же, покамѣстъ
Онъ подскакалъ и падущаго дланью крѣпитъ безоружной,
Оба стремглавъ низвергаются. Къ симъ прилагаетъ Амастра,
Сына Гиппотова, издали мчится съ направленнымъ древкомъ
Вслѣдъ Гарпалику съ Тереемъ, Хромію и Демофоонту.
Сколько десницею мощною дротовъ дѣвица пустила,
Столько Фригійскихъ мужей полегло; вотъ Орнитъ въ непривычномъ
Скачетъ доспѣхѣ, на Япигѣ къ ловамъ однимъ пріученномъ.
Плечи широкія шкурой, въ дубравѣ съ вола совлеченной,
Онъ осѣняетъ, главу же великое горло и волчьи
Челюсти кроютъ: блестятъ вкругъ висковъ бѣлоснѣжные зубы;
Спаръ земледѣльческій держитъ въ рукѣ, посреди ополченій
Носится витязь и воиновъ цѣлой главой превышаетъ.
Мчится къ нему и смятенную рать безъ труда пролетѣвши,
Бьетъ копіемъ и надъ вражеской грудію такъ возглашаетъ:
«Или ты думалъ, Тирренъ, что въ дубравахъ звѣрей ты гоняешь?
День наступаетъ, что женскимъ оружьемъ великую вашу
Гордость низложитъ, но впрочемъ немалую славу къ родимымъ
Призракамъ ты отнесешь, отъ десницы Камиллиной павшій!»
Тутъ Орсилоха и Бута, двоихъ исполиновъ Троянскихъ,

Дѣва сразила, но Бута ударила пикою сзади
Между брони и шелома, гдѣ всадника свѣтятся плечи,
Къ шуйцѣ прикрѣпленный щитъ гдѣ у вражьей груди повисаетъ.
Кругомъ великимъ за ней Орсилоха летѣвшаго въ полѣ,
Кругомъ тѣснѣйшимъ избѣгнувъ, гонящаго гонитъ Камилла.
Вотъ сквозь шеломъ и сквозь черепъ великую дѣва сѣкиру
Въ мужа просящаго, много молящаго дважды вонзаетъ,
Выше привставъ на конѣ; теплымъ мозгомъ лицо оросилось 8).

Ей повстрѣчался и встрѣчей внезапной испуганъ коснѣетъ
Авна, сѣдого жильца Апеннинскаго сынъ ратоборецъ,
Въ родѣ Лигуровъ не худшій, пока выручали обманы.
Видя, что бѣгствомъ отъ битвы уже невозможно спастися,
Ниже царицы напоръ отвратить, на него обращенный,
Тотчасъ умомъ и лукавствомъ обманъ замышлять начинаетъ.
Такъ говоритъ: «что же дивнаго въ томъ, если лошади мощной,
Женщина, вѣришь? про бѣгство забудь, одинаково съ нами
Твердой довѣрься землѣ и въ сраженіи пѣшемъ мужайся.
Вскорѣ узнаешь, пустая кого возвеличила слава».
Молвилъ, она-жъ разгорясь и обидой возженная лютой,
Спутницѣ лошадь вручаетъ и съ равнымъ оружьемъ предстала,
Пѣшая, мечъ обнаживъ, со щитомъ нерасписаннымъ въ длани.
Воинъ же, видя, что лесть удалась, улетаетъ поспѣшно;
Возжи, бѣглецъ, обратилъ и уносится въ чистое поле,
Быструю лошадь свою острогами желѣзными муча.
«Слабый Лигуръ, возносящійся всуе душою надмѣнной!
Козни родимыя тщетно, хитрецъ! ты сегодня замыслилъ.
Ложь не доставитъ тебя невредимымъ ко лживому Авну».
Такъ-то промолвивъ, крылатая дѣва могучей стопою
Коннаго вмигъ обгоняетъ и спереди бразды схвативши,
Сходится съ нимъ и отъ вражеской крови отмщенье взимаетъ
Столь же легко, какъ съ высокаго камня священная птица,
Ястребъ, на крыльяхъ помчавшись, подъ небомъ хватаетъ голубку;
Держитъ ее и терзаетъ онъ жертву когтями кривыми;
На землю кровь по эѳиру и вырванный пухъ упадаютъ 9).

Взоромъ сіе не лѣнивымъ людей и боговъ насадитель
Съ выси небесъ созерцая, сидитъ на вершинѣ Олимпа.

Туска родитель Тархона въ свирѣпую конную битву
Нынѣ стремитъ и великими гнѣвами духъ подстрекаетъ.
Вотъ и въ убійства, и въ полкъ отступающій витязь на борзомъ
Мчится конѣ и различною рѣчью отрядъ возбуждаетъ;
Кличетъ по имени каждаго, въ битву разбитыхъ воротитъ:
«Что за смятенье безстыдныхъ и вѣчно лѣнивыхъ объяло
Васъ, о Тиррены? какая же трусость умомъ овладѣла?
Женщина робкихъ женетъ и толикую рать обращаетъ!
Въ дланяхъ желѣзо къ чему и безсильные дротики держимъ?
Вотъ для любви не лѣнивы, для оныхъ ночныхъ состязаній
Или, какъ Вакховы хоры загнутая флейта сзываетъ
Къ шумнымъ пирамъ и къ сосудамъ на трапезѣ тучной стоящимъ.
Тутъ-то любовь, тутъ усердіе, жребій пока возвѣщаетъ
Жрецъ благосклонный и въ рощи высокія жертвы зовутъ васъ».
Молвитъ и въ битвы средину, погибнуть съ другими готовый,
Гонитъ коня и на Венула, бѣшеный, прямо стремится;
Съ лошади снятаго недруга мощной десницей схватилъ онъ,
Держитъ на лонѣ врага и съ великою силой увозитъ.
Кликъ до небесъ возстаетъ, обращаетъ все войско Латиновъ
Взоры на битву: уносится по полю пламенный Тархонъ,
Мужа съ оружіемъ мча; вотъ съ его-жъ непріятельской пики
Ломитъ верхушку и плѣннаго колетъ въ открытыя части,
Смертнаго мѣста ища, непріятель же, тщетно противясь,
Держитъ у горла десницу и силой препятствуетъ силѣ.
Словно въ полетѣ высокомъ, какъ змѣя плѣненнагоноситъ
Сизый орелъ и сжимаетъ онъ лапы и когти вонзаетъ,
Змѣй же израненный тщетно волнистые движетъ извивы,
Всей чешуею щетинясь, и пастью шипя кровожадной,
Кверху встаетъ, но орелъ тѣмъ не менѣе согнутымъ клювомъ
Недруга лютаго мучаетъ, воздухъ крыломъ ударяя.
Такъ-то добычу свою изъ Тибурскаго воинства Тархонъ
Радостно мчитъ; воеводы примѣру и счастью ревнуя,
Скачутъ Меоны. Тогда-то Аррунтъ, обреченный судьбами,
Быстрой Камиллы ища, и коварствомъ и дротомъ сильнѣйшій,
Мчится за ней, для попытки удобной поры выжидая.
Въ цѣломъ сраженьи куда-бъ ни пустилась могучая дѣва,
Скачетъ туда же Аррунтъ и безмолвно по слѣду несется.
Мужа низвергнувъ, куда бы съ побѣдой она ни вернулась,
Юноша тотчасъ туда же тайкомъ обращаетъ поводья.

Доступы тѣ и другіе пытая, со всѣхъ онъ обходитъ
Дѣву сторонъ и надежную пику свирѣпый колышетъ.

Тутъ и Хлорей, обреченный Кибелѣ и древле священникъ,
Въ латахъ Фригійскихъ далеко блисталъ, выдаваясь доспѣхомъ;
Мокраго гналъ онъ коня, что въ попонѣ застегнутой златомъ,
Точно какъ въ перьяхъ драгой чешуею мѣдяной сверкаетъ.
Самъ, иноземной горя багряницей и пурпуромъ яснымъ,
Стрѣлы Гортинскія слалъ, напрягающій Ликіи древо.
Лукъ золотой за плечами звенитъ, шлемъ златой же вѣнчаетъ
Мужа главу, а хламиду онъ желтую въ складкахъ шуршащихъ
Туго подъ грудью узломъ затянулъ изъ блестящаго злата;
Въ шитой туникѣ, въ расшитомъ онъ варварскомъ ногъ одѣяньи.
Онаго дѣва увидѣвъ, во храмѣ ли Трои доспѣхи
Мыслитъ повѣсить, въ добычу-ль златую сама нарядиться,
Только сего лишь единаго въ цѣломъ сраженіи выбравъ,
Гонитъ охотница, мчась безъ оглядки чрезъ цѣлое войско,
Женскимъ пристрастьемъ къ добычѣ и къ ризамъ прекраснымъ пылая.
Тутъ, улучивъ наконецъ для удара внезапнаго время,
Дротикъ Аррунтъ потрясаетъ и вышнихъ онъ такъ умоляетъ:
«Высшій изъ всѣхъ и Соракта священнаго Фебъ покровитель!
Паче другихъ прославляемъ тебя, для тебя-то снѣдаетъ
Пламя сосновый костеръ и сильны благочестіемъ нашимъ,
Въ угольяхъ многихъ слѣды оставляемъ, тебя почитая!
Дай же, отецъ! посрамленіе снять съ ополченія Тусковъ!
Дай, всемогущій! Не дѣвичьихъ латъ, не трофея съ бѣжавшей,
Ниже добычи иной домогаюсь, побѣды другія
Славу доставятъ; отъ нашего-бъ только оружія пала
Лютая эта чума и согласенъ безславнымъ вернуться
Въ отчія страны». Услышалъ его и мольбы половину
Фебъ даровать положилъ; половину по вѣтру разсыпалъ.
Смертью внезапной сразивъ, чтобъ низвергнулъ онъ въ полѣ Камиллу,
Это молящему далъ, но чтобъ родину славную узрѣлъ
Не далъ сего и по воздуху голосъ развѣяли Ноты.
Вотъ, какъ посланное дланью копье по вѣтрамъ засвистало,
Тутъ обратили умы и къ царицѣ направили очи
Вольски удалые всѣ, а царица не чуетъ ни звона,
Ниже воздушной струи, ни стрѣлы по эѳиру летящей,

Пика доколѣ подъ правый открытый сосецъ прилетѣвши,
Сѣла и дѣвственной крови, глубоко вонзясь, напилася.
Въ страхѣ подруги сбѣжались, царицу падущую дѣвы
На руки вземлютъ, бѣжитъ раньше прочихъ Аррунтъ устрашенный.
Радости полнъ и боязни, копью не дерзаетъ ужъ болѣ
Онъ довѣрять, ниже выстрѣлу дѣвы подвергнуться смѣетъ.
Точно какъ волкъ, непріятельскихъ стрѣлъ убѣгая грядущихъ,
Тотчасъ же въ горы высокія мчится проселками быстро,
Пастыря стада убивъ иль вола ниспровергнувъ большого.
Лютый вину дерзновенную знаетъ и хвостъ боязливый
Къ чреву, согнувъ, прижимаетъ и въ темныя дебри уходитъ.
Такъ и Аррунтъ сотрясенный скорѣе тутъ съ глазъ убѣгаетъ,
Бѣгствомъ довольный, и въ полчища онъ середину вмѣшался.
Дѣва рукой умирающей дротикъ влечетъ, но вонзилось
Въ ребра глубоко и въ ранѣ стоитъ неподвижно желѣзо.
Падаетъ, кровью истекшая; смертью смыкаются лютой
Хладныя очи, съ лица исчезаетъ румянецъ багряный.
Тутъ, умирая, къ единой изъ сверстницъ, ко Аккѣ любезной
Молвитъ царица, ее же вѣрнѣйшей всѣхъ прочихъ считала,
Съ коей заботы дѣлила; такую-то рѣчь говоритъ ей:
«Акка, сестра! до сего не слабѣла, теперь же сражаетъ
Горькая рана меня и чернѣетъ во мглѣ вся окрестность.
Ты же скачи и послѣднія Турну снеси порученья:
Пусть замѣститъ онъ меня и отъ града Троянъ отгоняетъ.
Нынѣ прости». Съ этимъ словомъ поводья она покидаетъ,
Долу невольно скользя, и совсѣмъ охладѣвъ, разрѣшаетъ
Тѣло свое понемногу; безсильную выю склонила,
Мертвую клонитъ главу... Упадаетъ на землю оружье,
Слышится стонъ и душа, негодуя, къ тѣнямъ понеслася.
Тутъ-то, внезапно поднявшись, во звѣзды златыя ударилъ
Кликъ несказанный. Свирѣпствуетъ бой надъ убитой Камиллой;
Разомъ сбѣгается тутъ все стѣсненное множество Тевкровъ,
Князи Тирренскіе, конница вся Аркадійца Эвандра 10).

Тривіи стражъ между тѣмъ ужъ давно на вершинѣ сосѣдней
Опія сѣла и смотритъ безстрашно свирѣпую битву.
Издали только узрѣла средь витязей ярыхъ и клику
Смертью плачевной сраженную въ битвѣ кровавой Камиллу,
Стонъ испустила и рѣчи такія отъ самаго сердца:

«Горе! жестокую, дѣвица! слишкомъ жестокую кару
Ты получила, оружьемъ затронуть дерзнувшая Тевкровъ.
Не было въ помощь тебѣ, что въ лѣсахъ одинокая вѣчно
Ты почитала Діану, что стрѣлы ты наши носила!
Впрочемъ царица твоя не безславною дѣву оставитъ
Даже и въ смерти самой, не безъ имени эта кончина
Между народами будетъ, не будешь ты слыть неотмщенной.
Тотъ, кто свирѣпою раною тѣло твое изобидѣлъ,
Смертью искупитъ вину». Подъ сосѣдней горою высокой
Былъ изъ земли сотворенный курганъ исполинскій Деркенна
Древняго князя Лаврентскаго, падубомъ частымъ покрытый.
Къ оному въ быстромъ полетѣ прекрасная дѣва примчавшись,
Стала и съ холма высокаго ищетъ убійцу Аррунта.
Видя, какъ духомъ ликуетъ и всуе несчастный гордится,
«Что», говоритъ, «отвращаешь шаги? нѣтъ, сюда обратися,
Къ намъ, обреченный, иди и Камиллы достойную кару
Примешь сейчасъ. О ничтожный! Діаны-ль стрѣлою погибнешь?»
Молвитъ она и беретъ изъ Ѳракійскаго тула златого
Быструю стрѣлку и лукомъ могучимъ ее напрягаетъ.
Долго тянула, пока, изогнувшись вдвоемъ, не сошлися
Роги лука и касалися обѣ руки одинакȯ:
Шуйца желѣза стрѣлы, а сосца тетива и десница.
Тутъ и свистанье стрѣлы роковой черезъ воздухъ звенящій
Разомъ почуялъ Аррунтъ и засѣвшее въ тѣлѣ желѣзо.
Мужа сего полумертваго, стонъ издающаго смертный,
Въ прахѣ безвѣстномъ поляны друзья, позабывъ, покидаютъ,
Нимфа же крылья стремитъ и къ Олимпу воздушному мчится.

Первая дрогнетъ царицы лишенная конница Вольсковъ,
Рутулы въ страхѣ мѣшаются, самъ Атинатъ отступаетъ.
Въ бѣгство вожди, въ-разсыпную бѣгутъ безначальные вои;
Мѣстъ безопасныхъ ища, ужъ ко стѣнамъ коней обращаютъ,
Ниже Дарданцевъ идущихъ и недругамъ гибель несущихъ
Копьями могутъ сдержать, ниже полкъ имъ противупоставить.
Нѣтъ, на плечахъ ослабѣвшихъ уносятъ спущенные луки;
Четвероножною скачкою пыльное поле копыта
Зыблютъ безъ устали, черною тьмой наступаетъ на городъ
Прахъ возмущенный и, дланями груди свои поражая,
Жены со стѣнъ ко свѣтиламъ заоблачнымъ плачъ посылаютъ.

Кто и въ ворота отверстыя первымъ успѣлъ протѣсниться,
Оныхъ свирѣпая давка нестройной толпой угнетаетъ.
Смерти избѣгнуть не могутъ они, но у самаго прага
Въ стѣнахъ родимыхъ своихъ, посрединѣ жилищъ безопасныхъ
Духъ испускаютъ, пронзенные; прочіе входъ замыкаютъ,
Ниже дорогу союзнымъ открыть, ниже въ городъ дерзаютъ
Взять умоляющихъ. Тутъ зачинается жалкая бойня
Двери оружьемъ стрегущихъ и къ нимъ на оружье бѣгущихъ.
Вотъ на глазахъ у родни, матерей передъ плачущимъ сонмомъ,
Частью въ отвѣсные рвы, угнетаемы натискомъ страшнымъ,
Катятся кучами; часть, обезумѣвъ и выпустивъ бразды,
Бьется въ ворота, о твердыя ихъ вереи ударяясь.
Самыя жены въ минуту послѣдняго боя съ оплотовъ
(Къ родинѣ учитъ любовь и примѣръ веледушной Камиллы)
Камни кидаютъ поспѣшно, жезлами изъ твердаго дуба
Ратнымъ мечамъ подражаютъ, коломъ обожженнымъ дерутся,
Въ гибель стремятся и первыми пасть за отчизну желаютъ.

Турна въ дубравахъ межъ тѣмъ изумленьемъ неслыханнымъ полнитъ
Вѣстница Акка и князю смятеніе злое приноситъ.
Вольскія силы разбиты и пала въ сраженьи Камилла,
Недругъ нахлынулъ свирѣпый и, помощь отъ Марта пріявши,
Всѣмъ завладѣлъ и подъ самыя стѣны опасность подходитъ.
Турнъ обезумѣлъ и Зевсовой силой враждебною движимъ,
Бросилъ холмы занятые и дикія дебри покинулъ.
Только ушелъ онъ изъ глазъ и поляной широкой пустился,
Тотчасъ родитель Эней, въ отпертую тѣснину вступивши,
Горный хребетъ перешелъ и изъ лѣсу тѣнистаго вышелъ.
Такъ-то ко стѣнамъ поспѣшно дружинами всѣми несутся
Оба врага и немного уже отстоятъ другъ отъ друга.
Только дымящійся прахомъ Эней предъ собою увидѣлъ
Путь и ужъ издали зритъ ополченье Латинское въ полѣ,
Тутъ признаетъ и Энея свирѣпаго Турнъ подъ бронею,
Шагъ пѣхотинцевъ и ржаніе коней могучихъ заслыша.
Тотчасъ на битву сошлись бы и сѣчу затѣяли снова,
Еслибъ въ Иберское плесо усталыхъ коней не направилъ
Розовый Фебъ, исчезающій день темнотой замѣняя.
Тутъ же подъ городомъ стали и станы валами обводятъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Паррасія—городъ въ Аркадіи, откуда былъ родомъ Эвандръ.

2) Эѳонъ—конское имя. Значитъ по-гречески огненный.

3) Слово Аргирипы напоминаетъ Аргосъ, прежнее царство Діомеда. Гора Гарганъ въ Калабріи. Подъ звѣздой Минервы разумѣется воздвигнутая Минервой буря, въ которой погибъ Аянтъ Локрійскій. Бури, по мнѣнію древнихъ, зависѣли отъ звѣздъ. При мысѣ Кафереѣ на островѣ Эвбеѣ разбились во время своего возвращенія на родину многіе Греческіе корабли. Протеевы столпы были въ Египтѣ. Протей—морское божество, по мнѣнію Грековъ жившее у Египетскаго берега. Далѣе говорится о смерти Агамемнона, царя Микенскаго, убитаго женой и ея любовникомъ. Инахъ былъ древнѣйшій царь Аргоса.

4) Авфидъ протекалъ въ царствѣ Діомеда.

5) Падусой назывался каналъ, проведенный изъ Пада и шедшій черезъ Равенну.

6) Привернъ былъ столицей Вольсковъ.

7) Ѳермодонтъ протекалъ въ Каппадокіи, родинѣ миѳическихъ Амазонокъ которыя ранѣе жили будто бы во Ѳракіи и Скиѳіи. Ипполита царица Амазонокъ, вышедшая замужъ за Аѳинскаго царя Ѳесея. Пенѳесилея,—другая ихъ царица, сражавшаяся будто бы съ Ахиллесомъ и имъ убитая подъ Троей.

8) Япигъ означаетъ коня изъ Япигіи или Апуліи (въ Южной Италіи). Подъ воломъ, убитымъ въ дубравѣ, слѣдуетъ разумѣть дикаго или по крайней мѣрѣ полудикаго вола. Спаромъ именовался дротикъ, употреблявшійся поселянами.

9) Лигуры слыли народомъ лживымъ и коварнымъ.

10) Хлорей въ качествѣ Азіятца носилъ штаны. На горѣ Соpактѣ почитался Аполлонъ. Почитатели его въ извѣстные дни ходили босикомъ по горящимъ угольямъ и, какъ увѣряли древніе, не обжигались.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.

Три стиха, находящіеся послѣ молитвы Аррунта и стиха: «Фебъ даровать положилъ» и пр. считаютъ подозрительными, впрочемъ намъ кажется, что они идутъ къ дѣлу.

При описаніи смерти Камиллы послѣ первой половины стиха «Мертвую клонитъ главу» и пр. слѣдуютъ полтора стиха, которые не совсѣмъ удобопонятны въ подлинникѣ и можетъ быть не принадлежатъ Виргилію или не были имъ докончены.

Также не совсѣмъ складенъ въ подлинникѣ стихъ, помѣщенный въ описаніи нападенія на городъ и послѣ стиха: «Самыя жены и пр.».

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Только лишь Турнъ сокрушенныхъ въ несчастномъ сраженьи
Латиновъ
Видитъ безсильными, клятву скорѣй чтобъ велѣли исполнить,
Очи къ нему чтобъ направили, непримиримый, желаетъ,
Духъ надмѣвая свирѣпый, подобно какъ на полѣ Пунскомъ
Оный, пораненный въ грудь нестерпимой охотника раной,
Къ битвѣ готовится левъ наконецъ: отрясаетъ онъ съ выи
Гриву густую и недруга лютаго дротикъ вонзенный
Зубомъ безстрашнымъ крушитъ и кровавою пастью рыкаетъ.
Такъ и возженному Турну безуміе въ грудь проникаетъ;
Вотъ приступилъ онъ къ Латину и такъ, разъяренный, глаголетъ:
«Нѣтъ замедленія въ Турнѣ! отъ словъ отступать да не смѣютъ
Тевкры трусливые или отъ клятвы своей отрекаться.
Вотъ выступаю! Неси же святыню, отецъ! и завѣты
Съ ними твори: или дланію въ Тартаръ подземный отправлю
Я бѣглеца Азіатскаго; сидя, смотрите, Латины!
Общую всѣхъ клевету какъ желѣзомъ единый разрушу,
Иль побѣжденныхъ возьметъ и Лавинію въ жены получитъ».

Оному рѣчью спокойною такъ царь Латинъ отвѣчаетъ:
«Юноша, духомъ великій! Насколько меня ты суровой
Доблестью сей превосходишь, настолько же мнѣ осторожнѣй
Слѣдуетъ быть и случайности всякія взвѣшивать долго.
Давна родителя царство имѣешь и многіе грады,

Взятые войнами; есть и у насъ и богатство, и дружба;
Есть и другія безбрачныя въ Латіи, въ полѣ Лаврента,
Тоже хорошаго рода. Дозволь, какъ ни тяжко для слуха,
Вымолвить нынѣ безъ лести и выслушай самъ со вниманьемъ:
Дочь изъ былыхъ жениховъ ни единому мнѣ не годилось
Въ жены отдать: такъ и боги и всѣ человѣки твердили.
Дружбой къ тебѣ пересиленъ, родной убѣждаемый кровью,
Также и грустной супруги слезами всѣ узы порвалъ я,
Отнялъ невѣсту у зятя, войну нечестивую началъ.
Съ этого дня, знаешь самъ ты, какія несчастья и рати
Я испыталъ и какія ты самъ претерпѣлъ злоключенья.
Дважды разбитые въ битвѣ великой, едва защищаемъ
Валомъ надежды Италіи; кровію нашей теплѣетъ
Тибра потокъ и бѣлѣетъ костями великое поле.
Что же мнѣ дѣлать? Какое безуміе умъ затмѣваетъ?
Если, тебя потерявъ, соглашуся въ державу принять ихъ,
Лучше-жъ, спасая тебя, прекращу состязаніе это.
Что же и сродные Рутулы, что же и прочіе скажутъ
Грады Италіи, если на смерть (да не сбудется слово!)
Сродника выдамъ, и брака и дщери просящаго нашей?
Вспомни различные жребіи сѣчъ, надъ отцомъ престарѣлымъ
Сжалься, могучій, что въ древнихъ Ардейскихъ стѣнахъ пребывая
Нынѣ далече груститъ». Никакимъ не смягчается словомъ
Турнова ярость, но болѣе пышетъ, леченьемъ острится.
Только промолвить возмогъ, таковую онъ рѣчь начинаетъ:
«Эту объ Турнѣ заботу, молю, наилучшій! для Турна-жъ
Ты отложи и дозволь мнѣ для славы пожертвовать жизнью.
Есть и у насъ копіе и желѣзо не слабою сѣемъ
Дланью, отецъ! И отъ нашей руки можетъ кровь заструиться.
Матерь богиню вотще призоветъ, чтобы въ облакѣ женскомъ
Бѣглаго спрятала, въ сумракѣ станетъ напрасно скрываться!» 1)

Плачетъ царица межъ тѣмъ, устрашенная битвы грядущей
Жребіемъ грознымъ и пылкаго зятя, полмертвая, держитъ:
«Турнъ! заклинаю слезами моими и если Аматы
Слава тебѣ дорога; ты единая дряхлой надежда,
Ты для несчастной покой, у тебя честь и царство Латина;
Весь царскій домъ на тебя одного опирается нынѣ.

Только объ этомъ молю: въ рукопашномъ бою не сражайся!
Жребій, въ сраженіи семъ для тебя предназначенный нынѣ,
Онъ же назначенъ и мнѣ: въ тотъ же мигъ этотъ свѣтъ ненавистный
Горькая кину и плѣнницей зятя Энея не узрю».
Матери слово услышавъ, слезами Лавинія дѣва
Жаркія щеки кропитъ; ей огнемъ опаляетъ ланиты
Дѣвичій стыдъ и горящій по цѣлому лику разлился.
Словно Индійскую кость если пурпуромъ красятъ багровымъ,
Словно какъ бѣлыя лиліи съ розой смѣшавшись алѣютъ,
Краски дѣвица такія лицомъ бѣлоснѣжнымъ являла.
Онаго страсть возмущаетъ и, впившись въ невѣсту очами,
Жаждетъ сильнѣе войны и въ немногихъ словахъ отвѣчаетъ:
«Плачемъ и стономъ, молю, и такимъ злополучнымъ предвѣстьемъ
Къ тяжкому Мартову спору идущаго ты не напутствуй,
Матерь! меня; невозможно ужъ Турну опасность отсрочить.
Вѣстникъ Идмонъ! отнеси эту вѣсть ко владыкѣ Фригійцевъ,
Витязю врядъ ли пріятную: только лишь первая въ небѣ
Мчась на колесахъ румяныхъ младая заря заалѣетъ,
Тевкровъ на Рутуловъ пусть не ведетъ, пусть оружье утихнетъ
Тевкровъ и Рутуловъ; собственной дланью войну разрѣшимъ мы.
На полѣ этомъ супруга Лавинія будетъ добыта».

Вымолвивъ рѣчи такія, скорѣй во-свояси приходитъ,
Проситъ коней и на ржущихъ взирая въ душѣ веселится.
Оныхъ Пилумну сама Ориѳія дала въ награжденье,
Снѣгъ бѣлизной посрамлявшихъ, полетомъ же вѣтеръ летучій.
Стали возницы поспѣшные вкругъ й ласкаютъ удалыхъ,
Хлопаютъ согнутой дланью и выи косматыя чешутъ.
Самъ же блестящую златомъ и свѣтло-златымъ орихалкомъ
На плечи броню надѣлъ и пріялъ остальные доспѣхи:
Мечъ свой и щитъ и рогатый шеломъ подъ багряною гривой.
Мечъ-то родителю Давну самъ богъ огневластный содѣлалъ,
Стикса водой остудивъ раскаленное къ битвамъ желѣзо.
Слѣдомъ стоявшую въ домѣ подъ тѣнью великой колонны.
Тотчасъ съ великою силой великую пику схватилъ онъ,
Актора, князя Аврунковъ, доспѣхъ и дрожащую зыблетъ,
Такъ вопія: «о копье, никогда не призванное всуе!
Нынѣ приблизилось время! Тебя носилъ Акторъ великій,

Турнова нынѣ десница несетъ; дай же тѣло низринуть,
Мощною дланію дай разорвать и сорвать мнѣ кольчугу
Фрига того полумужа и прахомъ власы опозорить,
Теплымъ желѣзомъ завитые, миррой текущіе цѣнной!»
Такъ-то безумствуетъ витязь, отъ цѣлаго яраго лика
Искры летятъ и сверкаетъ въ очахъ свирѣпѣющихъ пламя.
Точно мычанія первыя волъ передъ боемъ великимъ
Страшныя шлетъ и рога смертоносные, гнѣвный, пытаетъ,
Въ пень упираясь древесный и воздухъ ударомъ тревожа,
Или, песокъ разсыпая, къ свирѣпой готовится битвѣ 2).

Турна не менѣе тутъ въ материнскомъ доспѣхѣ ужасный
Къ битвѣ себя подстрекаетъ Эней и на гнѣвъ возбуждаетъ.
Радуясь боемъ условленнымъ споръ прекратить злополучный,
Блѣдныхъ товарищей онъ утѣшаетъ и грустнаго Юла,
Рокъ возвѣщая друзьямъ, а посламъ повелѣлъ онъ Латину
Ясный отвѣтъ передать и назначить законы для мира.

Горныя выси едва лишь обрызгалъ сіяніемъ новымъ
Родшійся день, какъ изъ бездны великой уже выбѣгаютъ
Солнцевы кони и свѣтъ изъ высокихъ ноздрей выдыхаютъ.
Поле для боя подъ стѣнами града Лаврента размѣривъ,
Рутуловъ мужи и Дардановъ витязи спѣшно готовятъ.
Вотъ очаги посрединѣ и общимъ богамъ дерновыя
Требища строятъ, иные же воду и пламя приносятъ,
Лимомъ одѣтые, кудри свои осѣняя вербеной.
Строй выступаетъ Авзоновъ, рѣкой копьеносной струится
Онъ изъ наполненныхъ вратъ; вотъ и цѣлое воинство Тевкровъ
Вмѣстѣ съ Тирренскою силой въ доспѣхахъ стремится различныхъ,
Такъ же себя ополчая, какъ еслибъ суровая звала
Мартова битва. Межъ тысячей многихъ начальники сами
Златомъ одѣтые носятся, пурпуромъ гордымъ сверкаютъ:
Родъ Ассараковъ Мнесѳей и могучій Азилъ воевода;
Тутъ же Мессапъ конеборецъ, Нептуна священное племя.
Знакъ получивъ, въ отдѣленье свое каждый полкъ отступаетъ;
Острыя копья вонзаютъ въ песокъ и щиты прислоняютъ.
Жадныя жены межъ тѣмъ и толпа безоружная черни

Вмѣстѣ съ недужными старцами башни и кровли построекъ
Всѣ облѣпили, иные-жъ верхи у воротъ занимаютъ 3).

Съ холма Юнона межъ тѣмъ, что теперь ужъ Албанскимъ зовется
(Въ оные дни не имѣла гора ни названья, ни славы),
Смотритъ могучая, станъ созерцая и обѣ дружины:
Тройскихъ мужей и Лаврентовъ, и городъ великій Латина.
Къ Турновой тотчасъ сестрѣ обратилась, богиня къ богинѣ,
Коей подвластны озера и звонко текущія рѣки.
Оной эѳира властитель высокій достоинство это,
Юпитеръ, вмѣсто отнятаго дѣвства во вѣкъ предоставилъ:
«Нимфа, потокамъ краса и любезная нашему сердцу!
Знаешь, что я лишь тебя между всѣми Латинками, кои
Неблагодарнаго ложа великаго Зевса коснулись,
Всѣмъ предпочла и охотно бы въ небѣ тебя помѣстила.
Горе познай же свое, чтобъ потомъ ты меня не винила.
Сколько возможно мнѣ было, насколько могучія Парки
Вамъ побѣждать дозволяли, и Турнъ и градъ берегла я.
Нынѣ при рокѣ неравномъ сражается, вижу, воитель;
Вижу, что день роковой и враждебная сила подходятъ.
Боя и мира сего не хочу я и видѣть, Ютурна!
Ты, если брату несчастному что либо въ помощь имѣешь,
Дѣйствуй, дозволено! Можетъ быть бѣдные этимъ спасутся».
Только сказала, какъ слезы Ютурна изъ глазъ проливаетъ,
Трижды, четырежды дланью прекрасную грудь поразивши.
«Плакать не время!» Юнона Сатурнія горестной молвитъ:
«Дѣйствуй скорѣе и брата отъ смерти спаси, если можно,
Иль ужъ войну возбуди и разбей договоръ заключенный;
Я отвѣчаю за все». Произнесши сіе, покидаетъ
Рѣчью смущенную, раною горькой пронзенную въ сердцѣ.

Вотъ и цари: на тяжелой громадинѣ въ четвероконной
Ѣдетъ Латинъ колесницѣ, его же священныя кудри
Чистаго злата двѣнадцать блестящихъ лучей окружаютъ,
Дѣду въ подобіе солнцу, а Турнъ на четѣ бѣлоснѣжной
Дротиковъ пару съ широкимъ желѣзомъ въ десницѣ сжимаетъ.
Вотъ и родитель Эней, основаніе Римскаго рода,

Звѣзднымъ пылаетъ щитомъ и небесными латами блещетъ.
Рядомъ Асканій, вторая надежда великаго Рима.
Въ станы вступаютъ уже, въ одѣяніи жрецъ бѣлоснѣжномъ
Веприцы чадо щетинной съ нестриженнымъ агнцемъ двузубымъ
Къ мѣсту принесъ и къ пылающимъ ихъ алтарямъ приближаетъ.
Къ солнцу встающему недруги набожно очи направя,
Сыплятъ муку соляную и шерсти верхушки желѣзомъ
Жертвамъ на главахъ срѣзаютъ, алтарь изъ патеръ поливая.
Тутъ богомольный Эней съ обнаженнымъ оружіемъ молвитъ:
«Солнце свидѣтелемъ ставлю и землю сію призываю,
Ради которой толикія могъ претерпѣть я работы.
Ты, всемогущій отецъ, ты, супруга Сатурнія, слушай!
Кротче, богиня! чѣмъ прежде, молю; ты, Мавортъ знаменитый,
Всякія войны, отецъ, что своимъ божествомъ направляешь!
Рѣки зову и ручьи и какія въ эѳирѣ высокомъ
Есть божества и какія подъ синимъ находятся понтомъ.
Если случайно достанется Турну Авзону побѣда,
Должно разбитымъ мужамъ отступить ко Эвандрову граду;
Выйдетъ отсюда Асканій и впредь никакою войною
Тевкры не будутъ грозить и желѣзомъ страны не затронутъ.
Если-жъ Викторія Марта ко мнѣ обратить согласится,
Что вѣроятнѣйшимъ чту: пусть меня небеса оправдаютъ!
Тутъ Дарданидамъ Италовъ подвластными быть не заставлю,
Ниже себѣ буду царства искать; пусть на равныхъ законахъ
Оба могучіе рода союзъ заключатъ неразрывный.
Жертвы придамъ и боговъ: тесть Латинъ пусть оружіемъ правитъ,
Власть сохраняя обычную, мнѣ же Дарданцы воздвигнутъ
Градъ для житья и даруетъ Лавинія городу имя» 4).

Такъ-то глаголетъ Эней, а затѣмъ и Латинъ начинаетъ,
Къ небу смотря и ко звѣздамъ небеснымъ направя десницу:
«Въ томъ же, Эней! и землей обѣщаюсь, и моремъ, и небомъ,
Родомъ двоякимъ Латоны и Яномъ ручаюсь двуликимъ,
Силой подземныхъ боговъ и святилищемъ тяжкаго Дита;
Слышитъ сіе и Отецъ, что перуномъ союзы скрѣпляетъ.
Вотъ къ алтарямъ прикасаюсь, огнемъ и богами клянуся,
Мира сего и завѣта что въ вѣкъ не нарушатъ Латины,
Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, что волю мою никакія

Силы не склонятъ, хотя бы и землю въ моря обратили,
Сушу потопомъ размывъ, хоть бы съ Тартаромъ небо смѣшали.
Точно сей скипетръ» (въ десницѣ по случаю скипетръ имѣлъ онъ)
«Новою зеленью впредь не одѣнется, тѣни не дастъ онъ
Послѣ того, какъ въ лѣсахъ, отъ роднаго ствола отдѣленный,
Мать потерявши, и рукъ и волосъ чрезъ желѣзо лишился,
Нѣкогда древо, теперь же искусникъ красивою мѣдью
Вкругъ обложилъ и владыкамъ Латинскимъ вручилъ для ношенья» 5).

Такъ-то и рѣчью такой межъ собою союзъ закрѣпляли
Въ сонмы начальниковъ прочихъ; затѣмъ посвященный законно
Скотъ надъ огнемъ заколаютъ и нѣдра изъ тѣлъ полумертвыхъ
Тащатъ жрецы и тяжелыми блюдами жертвенникъ давятъ.
Битва же Рутуламъ эта давно ужъ неравной казалась;
Разными чувствами воины всѣ ужъ давно возмущались,
Нынѣ тѣмъ болѣе, видя обоихъ и съ силой неравной.
Ихъ подкрѣпляетъ и тихой стопой къ алтарю подходящій
Турнъ съ умоляющимъ сходный, съ очами смотрящими долу;
Щеки опали, по лику цвѣтущему блѣдность разлилась.
Только Ютурна сестра увидала, что слышатся чаще
Рѣчи такія и рознятся люду смущеннаго мысли,
Рутуловъ сильныхъ въ средину, пріявшая образъ Камерта,
Родомъ отъ предковъ великаго, коему отчая доблесть
Красила имя, да впрочемъ на битвахъ и самъ былъ храбрѣйшимъ,
Тотчасъ она замѣшалась и зная, что слѣдуетъ дѣлать,
Сѣетъ различные слухи и воиновъ такъ упрекаетъ:
«Или не стыдно, о Рутулы! нынѣ за всѣхъ и столь мощныхъ
Душу одну выставлять? неужели мы силой не равны
Или числомъ? вотъ глядите: предъ вами всѣ Тевкры, Аркады,
Рать роковая Тирреновъ, Этруски враждебные Турну.
Если сразимся, на насъ на двоихъ одного не придется,
Онъ-то къ небеснымъ, небеснымъ себя алтарямъ посвятившій,
Славой своей сопричислится, вѣчно живя въ разговорахъ,
Мы же, утративъ отечество, гордымъ владыкамъ послужимъ:
Мы, что теперь въ этомъ полѣ безъ дѣла сидимъ и коснѣемъ».
Рѣчью такой воспаляются души воителей юныхъ,
Дальше и дальше ползетъ по рядамъ поколебленнымъ ропотъ.
Сами Лавренты невольно смущаются, сами Латины.

Тѣ, что надѣялись кончить войну и спастись отъ несчастій,
Нынѣ сраженья желаютъ, хотятъ, чтобъ разстроилась сдѣлка.
Турна судьбу злополучную цѣлое войско жалѣетъ.

Тутъ-то иное и бо́льшее строитъ Юнона богиня;
Знаменье съ неба даетъ, что сильнѣе всего возмутило
Души Италовъ и дивомъ внезапнымъ сердца обмануло.
Въ небѣ летая сіяющемъ, сизая Зевсова птица
Рой устрашала прибрежный и эту звенящую кучу
Сонма крылатаго; вдругъ по эѳиру, къ водамъ устремившись,
Крупнаго лебедя лютый въ когтяхъ искривленныхъ уноситъ.
Умъ обратили Италы къ сему, а пернатые бѣгство
Тотчасъ прервали и съ кликомъ помчались (и видѣть-то дивно!);
Перьями воздухъ темнятъ и орла на вѣтрахъ обступивши,
Тучей тѣснятъ сотворенной, пока и врагами, и самой
Тяжестью ноши сраженъ, изъ когтей онъ не выпустилъ жертву
Въ рѣку сосѣднюю, самъ-же взлетѣлъ и подъ облакомъ скрылся.
Знаменье тотчасъ же Рутулы громкимъ привѣтствуютъ воплемъ,
Длани на бой ополчивъ, а Толумній авгуръ восклицаетъ:
«Вотъ это знаменье, вотъ, что нерѣдко желалъ я увидѣть!
Да, принимаю, боговъ признаю! Мною, мной предводимы,
Копья хватайте, несчастные, коихъ пришлецъ беззаконный
Ратью страшитъ, словно птицъ этихъ робкихъ и брегъ вашъ родимый
Силою грабитъ, но въ бѣгство и онъ обратится, и въ бездны
Парусъ направитъ и скроется; дружно отряды сплотите!
Вашего князя плѣненнаго силой, бойцы! защищайте!»
Молвилъ и прыгнулъ впередъ и въ мужей онъ противуположныхъ
Выстрѣлилъ вдругъ. Зашумѣло свистящее древо и воздухъ
Вѣрнымъ полетомъ сѣчетъ; тутъ сейчасъ же и кликъ и смѣшались
Разомъ дружины, смятеньемъ внезапнымъ сердца распалились.
Мчится копье: супротивъ девять братьевъ стояло прекрасныхъ,
Славная коихъ Гилиппо, отъ Тусковъ рожденная крови,
Мужу Аркадскому, молвятъ, единая столькихъ родила.
Вотъ одному между ними, гдѣ поясомъ шитымъ сжималось
Витязя чрево, гдѣ пояса стороны пряжка кусала,
Юношѣ красному тѣломъ и въ ясныхъ блиставшему латахъ
Ребра пронзаетъ копье и на желтый песокъ полетѣлъ онъ.

Братьевъ же храбрый отрядъ, воспаляемый горемъ внезапнымъ,
Частью мечи обнаженные, частью же мѣткія копья
Въ руку хватаетъ и слѣпо стремится; на встрѣчу могучимъ
Рати Лаврентовъ бѣгутъ, а съ другой стороны приливаютъ
Тевкры, Агильцевъ толпа и щиты расписные Аркадовъ.
Всѣми единая страсть овладѣла къ желѣзу и спору;
Вмигъ алтари растащили, по цѣлому небу несется
Буря мятежная копій и дождь поливаетъ желѣзный.
Чаши и головни мещутъ, бѣжитъ самъ Латинъ престарѣлый;
Сдѣлку нарушенной видя, боговъ оскорбленныхъ уноситъ.
Прочіе въ бой колесницы стремятъ или разомъ на добрыхъ
Скачутъ коней и съ мечами нагими на помощь несутся.
Тутъ-то Мессапъ и царя и одеждой покрытаго царской
Туска Авлеста, стараясь скорѣй договоръ уничтожить,
Борзымъ пугаетъ конемъ; повалился Тирренъ, отступая;
Бѣдный, на жертвенникъ онъ, за спиною стоявшій, наткнулся;
Палъ и главой и плечами; съ оружьемъ сейчасъ налетаетъ
Ярый Мессапъ, копіемъ исполинскимъ молящаго много
Сверху съ коня поражаетъ и рѣчи такія глаголетъ:
«Вотъ получилъ! эта жертва безсмертнымъ пріятнѣе будетъ!»
Тотчасъ сбѣжались Италы и теплое тѣло раздѣли.
Встрѣчу бѣжитъ Кориней, головню съ алтаря ухвативши;
Мужу Эбису, бѣжавшему тоже съ мечемъ занесеннымъ
Пламенемъ ликъ опаляетъ; брада засвѣтилась густая,
Гарью запахло; межъ тѣмъ наскочилъ онъ и самъ, и хватаетъ
Лѣвою дланью власы у смущеннаго недруга витязь;
Сильно колѣномъ давя, прижимаетъ къ землѣ и сквозь ребра
Твердымъ желѣзомъ разитъ; Подалирій же пастырю Алсу,
Въ первыхъ рядахъ сквозь свистящія стрѣлы летѣвшаго въ битву,
Гонится вслѣдъ и желѣзо нагое заноситъ, но пастырь
Лобъ пополамъ у врага и уста съ подбородкомъ могучей
Рубитъ сѣкирой и латы разбрызганной кровію краситъ.
Оному тяжкій покой и желѣзный тутъ сонъ подавляетъ
Томныя очи и вѣчною тьмой застилаются взоры.

Набожный царь между тѣмъ выставлялъ безоружную руку,
Шлема лишенный, и къ воинамъ громко своимъ восклицалъ онъ:
«Что вы? куда? что за распря внезапная вспыхнула снова?

О, удержите же гнѣвъ! заключенъ договоръ и законы
Всѣ постановлены: я лишь единый могу состязаться.
Дайте-жъ сразиться и страхъ отложите: союзы десницей
Я утвержу. Эти жертвы ужъ Турна вручили Энею».
Между такими словами и витязя рѣчью такою
Вотъ на крылахъ и со свистомъ къ Энею стрѣла прилетаетъ,
Чьей неизвѣстно десницей и чьимъ неизвѣстно усильемъ.
Кто бы толикую Рутуламъ славу, случайность ли, богъ ли
Въ ту пору не далъ, сокрыта великаго честь умышленья,
Ниже Энеевой раной похвасталъ потомъ хоть единый.

Турнъ лишь увидѣлъ врага уходящаго съ поля и воевъ
Тройскихъ смятенье, внезапной надеждой опять воспалился;
Проситъ и коней, и мечъ, и могучимъ прыжкомъ, горделивый,
Вотъ ужъ въ повозку мелькнулъ; собираетъ онъ возжи руками;
Многихъ великихъ мужей предаетъ, пролетая, онъ смерти:
Многихъ полмертвыми катитъ, густыя толпы колесницей
Давитъ могучій и копья чужія въ бѣгущихъ кидаетъ.
Точно порой при холодныхъ источникахъ Гебра возставшій,
Въ щитъ свой кровавый ударитъ Мавортъ и коней разъяренныхъ,
Бой возбуждая, спускаетъ, они же въ полянахъ открытыхъ
Нота быстрѣй и Зефира летятъ, отъ копытъ завываетъ
Крайняя Ѳракіи область, вокругъ черный ужасъ воздвигся,
Гнѣвы, засады свирѣпыя, спутники бога несутся;
Такъ-то въ средину сраженья коней Турнъ удалый направилъ;
Потомъ дымящихся гонитъ, скача по тѣламъ злополучнымъ
Недруговъ, горько погибшихъ: кровавой росою копыта
Быстрыя брызжатъ, смѣшавшійся съ кровью песокъ попирая.
Вскорѣ Сѳенела кончинѣ предалъ и Ѳамирія съ Фоломъ:
Этихъ вблизи, а Сѳенела-то издали, издали же бьетъ онъ
Двухъ Имбрасидовъ: и Главка, и Лада, которыхъ самъ Имбрасъ
Въ Ликіи выкормилъ встарь и оружіемъ равнымъ украсилъ:
Пѣшими-ль руки сплетать иль вѣтры обгонять скакунами.

Съ края другого Эвмедъ въ середину убійства несется,
Племя, въ бояхъ знаменитое, древняго мужа Долона.
Именемъ дѣду, руками и духомъ отцу подражаетъ.

Сей, чтобъ лазутчикомъ ночью во станы Данаевъ проникнуть,
Нѣкогда коней Пелида дерзнулъ попросить въ награжденье.
Недруга мощный Тидидъ за такое его дерзновенье
Иначе тутъ наградилъ и забылъ онъ Ахилловыхъ коней.
Издали въ полѣ открытомъ врага усмотрѣвъ, Италіецъ
Дротикомъ легкимъ въ него сквозь пространство великое цѣлитъ;
Слѣдомъ коней удержалъ и, спрыгнувъ съ колесницы высокой,
Къ падшему онъ и къ полумертвому мчится, ногой придавляетъ
Выю врагу, а десницею мечъ извлекаетъ и ясный
Въ горлѣ глубокомъ окрасивъ, такія слова возглашаетъ:
«Вотъ тебѣ поле, Троянецъ! его же оружьемъ искалъ ты!
Мѣряй Гесперію тѣломъ! такую награду получатъ
Ратью дерзнувшіе Турна задѣть, такъ-то стѣны воздвигнутъ!»
Оному въ спутники, пикой ударивъ, Асбита даруетъ,
Тутъ же Хлорея, Сибарія бьетъ, Орсилоха, Дарета,
Съ выи коня непокорнаго падшаго рядомъ Ѳимета.
Словно Эдонца Борея какъ яростный духъ надъ глубокимъ
Воетъ Эгеемъ и къ берегу съ шумомъ торопятся волны;
Гдѣ налегаютъ вѣтры, устремляются по небу тучи;
Такъ-то и Турну, дорогу сѣкущему, полкъ уступаетъ;
Рати бѣгутъ обращенныя, онъ же въ напорѣ стремится;
Гриву летящаго вѣтеръ противный, свистя, развѣваетъ.
Тутъ-то Фегей не стерпѣлъ, разъяреннаго натискъ увидя,
Кинулся прямо къ нему и сквозь пѣну грызущія бразды
Морды летящихъ коней обращаетъ десницею мощной.
Тащится вслѣдъ, за хомутъ ухватясь, а въ открытаго пика
Мчится огромная, ломитъ у мужа кольчугу двойную,
Входитъ и грудь оцарапавши, крови отвѣдала вражьей.
Онъ же, закрывшись щитомъ, ко врагу поспѣшилъ обратиться,
Шелъ и, на мечь полагаясь, его изъ ноженъ извлекалъ онъ.
Вдругъ колесо несчастливца и ось устремленная Турна
Ницъ повергаютъ и на землю стелютъ, а Турнъ ударяетъ
Между шеломомъ его и вершиной кольчуги Троянской,
Голову вмигъ отрубилъ, самого же во прахѣ покинулъ 6).

Эти убійства, пока совершаетъ въ поляхъ побѣдитель,
Вѣрный Энея Ахатъ между тѣмъ и Мнесѳеи знаменитый
Съ юнымъ Асканіемъ вмѣстѣ во станы кроваваго вводятъ.

Длиннымъ копьемъ подкрѣпляя и ту, и другую онъ ногу,
Все же ярится и хочетъ стрѣлу, сокрушенную въ ранѣ,
Вырвать сейчасъ и леченья скорѣйшаго требуетъ витязь;
Рану широкимъ мечемъ пусть разрубятъ, и нору откроютъ
Скрытой стрѣлы и скорѣе вождя на сраженье отпустятъ.
Вотъ ужъ поспѣлъ передъ всѣми драгой Аполлону Іапидъ,
Чадо Іасово, коего нѣкогда Фебъ возлюбивши,
Самъ всѣ искусства давалъ, всѣ свои Аполлонъ дарованья;
Онъ и авгурство сулилъ и киѳару, и быстрыя стрѣлы.
Сынъ, безпокоясь о жизни больного родителя старца,
Знаніе травъ предпочелъ и врачебное выбралъ искусство,
Тихою мудростью этой безъ славы владѣть предпочелъ онъ.
Гнѣвно зубами скрипя, на великую пику опершись,
Витязь стоялъ, окруженный Іуломъ и сонмищемъ многимъ,
Къ ихъ нечувствительный слезамъ. Храня Пеонійскій обычай,
Старецъ, одежды свои подобравъ, поспѣшаетъ и много
Дланью цѣлебной своей и могучими травами Феба
Всуе трудится; напрасно десницею дряхлой желѣзо
Онъ шевелитъ и изъ раны клещами упорными тянетъ.
Счастья Фортуна не дастъ, не поможетъ ему и учитель,
Фебъ Аполлонъ, а въ поляхъ лютый ужасъ все болѣ и болѣ
Множится тутъ и ужъ ближе подходитъ: ужъ пылью одѣлось
Небо надъ ними, ужъ воины скачутъ и въ самые станы
Частые дротики падаютъ; идетъ подъ облако горькій
Воевъ дерущихся кликъ, подъ жестокимъ Мавортомъ падущихъ.

Тутъ-то Венера, скорбя о бѣдѣ незаслуженной сына,
Съ Иды Кретейской, родимая, стебель диктамна срываетъ,
Съ крупной листвою уже и покрытый пурпуровымъ цвѣтомъ.
Эта трава, говорятъ, небезвѣстна и козамъ дубравнымъ,
Если застрянутъ у нихъ во хребтѣ быстрокрылыя стрѣлы.
Оной Венера взяла и туманомъ лицо закрывая,
Мчится домой; симъ растеньемъ въ сосудѣ сіяющемъ влагу,
Тайную силу влiявъ, настояла; прибавила соки
Здравой амброзіи къ ней и пахучей она панакеи.
Этой-то влагою рану мочилъ многолѣтній Іапидъ,
Дива не вѣдая; вдругъ убѣгаетъ изъ цѣлаго тѣла
Всякая боль, пресѣкаются токи кровавые въ ранѣ;

Длани послѣдуя, собственной волей стрѣла выпадаетъ;
Силы по прежнему въ мощные члены героя вернулись.
«Мужу оружье скорѣй! что стоите?» Іапидъ внезапно
Тутъ закричалъ, возбуждая на недруговъ первый дружину.
«Нѣтъ, не людской это помощью, нѣтъ, не врачебнымъ искусствомъ
Сдѣлалось нынѣ; тебя не моя сохранила десница:
Бо́льшій Энея женетъ и на бо́льшее дѣло подъемлетъ».
Онъ же, не сытый убійства, во злато сейчасъ заключаетъ
Обѣ икры; не терпя замедленья, копьемъ ужъ сверкаетъ.
Вотъ, какъ и щитъ при боку и бронею рамена покрыты,
Обнялъ Асканія князь, окруживъ отовсюду руками;
Сына цѣлуетъ сквозь шлемъ и такія онъ рѣчи вѣщаетъ:
«Доблести, отрокъ! и правымъ трудамъ отъ меня научайся!
Счастью, увы, отъ другихъ. Нынѣ эта десница въ сраженьи
Будетъ тебя защищать и къ наградѣ вести величайшей;
Ты же, смотри! какъ созрѣетъ уже созрѣвающій возрастъ,
Помни о семъ; пусть тебя, какъ помыслишь о подвигахъ кровныхъ,
Къ битвамъ отецъ подстрекаетъ Эней вмѣстѣ съ Гекторомъ дядей».
Вымолвивъ рѣчи такія, великій изъ вратъ выбѣгаетъ,
Страшную пику тряся. Вмѣстѣ съ нимъ ополченіемъ тѣснымъ
Мчатся Анѳей и Мнесѳей и, покинувши станы, стремится
Вся остальная толпа. Тутъ густымъ закрывается прахомъ
Поле отъ взоровъ, дрожитъ бѣготней возбужденная почва 7).

Видитъ отъ вала противнаго Турнъ устремленные сонмы;
Видятъ Авзоніи всѣ и по самымъ костямъ пробѣгаетъ
Страхъ ледяной. Прежде всѣхъ услыхала Ютурна, ужасный
Топотъ признала и въ трепетѣ лютомъ назадъ обратилась.
Мчится Эней, увлекая соборище пыльное полемъ.
Къ берегу точно, какъ лопнетъ гроза, устремляется туча
Бурныхъ пучинъ супротивъ; о увы! у оратаевъ бѣдныхъ
Чуютъ давно и трепещутъ сердца; разрушенье дубравамъ,
Нивамъ несетъ избіенье и все предъ собой сокрушаетъ;
Ей предтекаютъ и къ берегу съ шумомъ вѣтры прилетаютъ;
Такъ воевода Ретейскій въ противуположныя рати
Воинство ярое мчитъ; вотъ ужъ строится каждый и въ клинья
Сила скопляется; тяжкаго рубитъ Ѳимбрей Осирида,
Бьетъ Эпулона Ахатъ, а Мнесѳеемъ Архетій низринутъ;

Валитъ Уфента Гіантъ; самъ Толумній падетъ прорицатель,
Первую пику въ дружины враждебныя храбро пустившій.
Къ небу подъемлется кликъ и чредой обращенные въ бѣгство
Рутулы въ пыльномъ побѣгѣ Дарданамъ хребты показуютъ.
Самъ же Эней не почтилъ никого межъ бѣгущими смертью,
Въ битву прямую ни съ кѣмъ не вступалъ, ни стрѣлявшихъ тревожилъ;
Турна единаго онъ средь густаго и темнаго праха
Ищетъ и жаждетъ, единаго требуетъ Турна на битву.

Тутъ-то Ютурна могучая, страхомъ смущенная многимъ,
Брата возницу Метиска средь самой ѣзды съ колесницы
Сбила рукой и далеко упавшаго ось покидаетъ.
Стала сама и волнистыя возжи въ рукахъ обращаетъ,
Всѣмъ представляя Метиска: доспѣхомъ и гласомъ и тѣломъ.
Черная словно богатаго мужа усадьбу большую
Ласточка вкругъ облетаетъ и въ сѣняхъ высокихъ мелькаетъ,
Мелкую пищу сбирая и снѣди для чадъ говорливыхъ.
Нынѣ притворы пустынные, нынѣ пруды оглашаетъ
Звономъ своимъ, такъ и Нимфа Ютурна сквозь полчища вражьи
Гонитъ коней, колесницею быстрою всѣхъ обѣгая.
Недругу буйнаго брата то здѣсь, то ужъ индѣ покажетъ,
Въ бой же вступить не дозволитъ и въ сторону быстро умчится.

Храбрый Эней тѣмъ не менѣе въ бѣгѣ извилистомъ рыщетъ,
Мужа ища, и сквозь войско разбитое голосомъ громкимъ
Турна взываетъ, но сколько онъ разъ непріятеля видѣлъ,
Коней крылатыхъ полетъ одолѣть быстрымъ бѣгомъ пытаясь,
Столько же разъ колесницу назадъ обращала Ютурна.
Горе! что дѣлать? различнымъ напрасно волнуется пыломъ;
Въ разныя стороны думы различныя духъ увлекаютъ.
Въ князя Мессапъ, что случайно два гибкіе дротика въ шуйцѣ
Несъ быстроногій, желѣзо на тонкія древки надѣвши,
Кинулъ однимъ и нацѣлившись вѣрнымъ ударомъ направилъ.
Сталъ Анхисидъ и, щитомъ закрываяся, тѣло сжимаетъ,
На ногу сѣвъ, но однако верхушку шелома задѣла
Быстрая пика и съ темени гривы концы оборвала.
Тутъ воздвигается гнѣвъ и такимъ нападеньемъ затронутъ,

Видя притомъ, что умчалися въ сторону кони съ повозкой,
Многое къ Зевсу и къ требищу клятвы нарушенной молвивъ,
Ринулся въ полкъ наконецъ и ужасный помогою Марта,
Тутъ безъ различія лютое онъ возбуждаетъ убійство,
Местью влекомый, и все отпускаетъ поводья у гнева.

Кто-жъ изъ безсмертныхъ печальнаго столько, кто песнью убійства
Разныя скажетъ и гибель мужей, коихъ на поле целомъ
То Рутуліецъ теснитъ, то воитель Троянскій чредою
Бьетъ безпощадно; въ такомъ ли смятеньи велелъ ты столкнуться
Юпитеръ! двумъ племенамъ, на союзъ вековой обреченнымъ?

Рутула тотчасъ Сукрона (сраженіе это впервые
Тевкровъ напоръ задержало) немного съ нимъ дела имевшій
Въ бокъ поражаетъ Эней и туда, где скорейшая гибель
Мечъ прогоняетъ свирепый: сквозь ребра, сквозь груди заграду.
Съ лошади павшему Тевкру Амику и брату Діору
Пешій противится Турнъ: одного длинной пикою встретилъ,
Яснымъ другого мечемъ и враговъ отсеченныя главы
Онъ, на повозку повесивъ, текущія кровью увозитъ.
Следомъ Талона разитъ и Танаиса съ мощнымъ Кеѳегомъ,
Разомъ всехъ трехъ и Онита печальнаго съ ними отправилъ.
Сыномъ онъ былъ Эхіоновымъ, матерь его Перидія.
Тутъ же изъ Ликіи посланныхъ братьевъ съ полей Аполлона
Бьетъ онъ и съ ними Менета, вотще не любившаго боевъ.
Рода Аркадскаго юношу; около рыбистой Лерны
Трудъ и жилище непышное были; не зналъ онъ величья
Сильныхъ мужей и на нивахъ наемныхъ трудился родитель.
Словно какъ въ рощу съ различныхъ сторонъ устремляется пламя,
Въ лесъ изсушенный жарами и въ звонкій лавровый кустарникъ
Или въ побеге летучемъ съ высокихъ хребтовъ низвергаясь,
Реки далеко грохочутъ и съ пеною къ понту несутся,
Все предъ собой истребляя, сему-то подобно и эти,
Турнъ и Эней черезъ воинство ломятся: ныне-то, ныне
Гневомъ волнуются; мнится, ужъ скоро воителей лопнутъ
Крепкія груди, теперь-то всей силой великою бьются!
Дарданъ Муррана, и дедовъ и прадедовъ гордаго сонмомъ,

Родъ выводившаго свой ото всѣхъ властелиновъ Латинскихъ,
Камнемъ и смерчемъ утеса великаго внизъ головою
Вонъ изъ повозки извергъ и въ поляхъ протянулъ подъ упряжкой.
Катятъ колеса его, прикасаются частымъ копытомъ
Быстрые кони, хозяина прежняго видно забывши.
Рутулъ идущему Гилу и въ гнѣвѣ вопящему грозно
Ринулся встрѣчу и пику въ високъ позлащенный нацѣлилъ.
Шлемъ пролетѣвши, въ пробитомъ мозгу засѣдаетъ желѣзо.
Ниже тебя, о Креѳей, между Граями всѣми сильнѣйшій,
Турну десница изъяла тогда; не спасли и Купенка
Боги его, какъ нагрянулъ Эней: подъ желѣзо подставилъ
Грудь злополучную, бѣдному щитъ не помогъ мѣднобронный.
Видѣло тутъ и Эола Лаврентское поле, какъ въ битву
Ринулся онъ и широко спиною песокъ покрываетъ.
Гибнетъ могучій, его-жъ не смогли Арголійцевъ фаланги
Въ битвѣ свалить, ни Пріамова царства Ахиллъ разрушитель.
Здѣсь-то положенъ предѣлъ: подъ высокою Идою домъ твой,
Домъ знаменитый Лирнесса, могила же въ полѣ Лаврентскомъ.
Всѣ обратились на битву полки, всѣ Латинскіе мужи,
Всѣ Дарданиды, Мнесѳей воевода съ удалымъ Серестомъ,
Тутъ же Мессапъ конеборецъ и мощный Азилъ и Этрусковъ
Сильныхъ фаланга и конный отрядъ Аркадійца Эвандра.
Всякій старается самъ за себя, напрягая всю силу;
Нѣтъ ни отсрочки, ни отдыха; бьются въ сраженьи великомъ 8).

Матерь прекрасная тутъ посылаетъ желанье Энею
Къ стѣнамъ Лаврента идти и все войско подъ городъ сосѣдній
Двинуть скорѣй, поразивъ неожиданнымъ страхомъ Латиновъ.
Турна покамѣсть ища, черезъ всѣ онъ дружины проходитъ,
Взоры туда и сюда обращая, внезапно увидѣлъ
Городъ, сраженью толикому чуждый и кары лишенный.
Тотчасъ же вспыхнуло сердце при мысли о подвигѣ бо̀льшемъ.
Тотчасъ Мнесѳея зоветъ и Сергеста съ удалымъ Серестомъ,
Главныхъ вождей, и курганъ занимаетъ, къ нему же и прочихъ
Тевкровъ бѣжитъ легіонъ; ни щитовъ не слагая, ни копій,
Стали толпой. На холму возвигаясь межъ ними, вѣщаетъ:
«Пусть исполненьемъ приказа не медлятъ: вѣдь Юпитеръ съ нами!
Ради рѣшенья внезапнаго дѣломъ никто чтобъ не мѣшкалъ!

Нынѣ же городъ, причину войны и все царство Латина,
Если не примутъ узды и разбитые слушать не станутъ,
Я разорю и дымящійся за̀мокъ сравняю съ землею.
Что-жъ? или ждать мнѣ, покамѣстъ захочется храброму Турну
Силу мою испытать и опять, побѣжденный, сразится?
Граждане! здѣсь голова, здѣсь войны средоточіе гнусной!
Пламя несите скорѣй и огнемъ добивайтеся правды».

Молвитъ начальникъ, они же, душами равно состязаясь,
Строются клиномъ и къ городу тѣсной громадой несутся.
Лѣстницы вдругъ появились, внезапное пламя сверкаетъ;
Мчатся къ воротамъ иные и стражу Латинскую рубятъ;
Лукъ напрягаютъ другіе и стрѣлами воздухъ туманятъ.
Самъ же въ переднемъ ряду ко стѣнамъ простираетъ десницу
Славный Эней и великимъ онъ гласомъ царя упрекаетъ.
Вышнихъ въ свидѣтели ставитъ, что вновь заставляютъ сражаться;
Дважды солгали Италы, второй договоръ разорвали.
Тутъ возстаетъ несогласіе гражданъ испуганныхъ въ сонмѣ;
Градъ отворить убѣждаютъ одни и пришельцамъ Троянскимъ
Двери открыть и царя самого на забрала ужъ тащатъ.
Стрѣлы другіе несутъ и къ защитѣ стѣны приступаютъ.
Точно въ скалѣ продолбленной засѣвшихъ внимательный пастырь
Пчелъ отыскалъ и ужъ горькимъ имъ дымомъ жилище наполнилъ;
Тутъ суетятся смущенныя рати, по станамъ вощанымъ
Бѣгаютъ шумно и громкимъ жужжаньемъ себя подстрекаютъ.
Духъ вредоносный подъ кровли идетъ: вотъ ужъ ропотомъ тихимъ
Камни пустые звучатъ, дымъ на воздухъ свободно выходитъ.

Тутъ изнемогшимъ Латинамъ еще прибавляется горе,
Горестью страшной что цѣлый ужъ городъ въ конецъ сокрушило.
Съ кровли царица едва подходящихъ враговъ усмотрѣла,
Видя, что на стѣны лѣзутъ и пламя на крыши несется,
Силы же Рутульской нѣтъ, никого изъ воителей Турна,
Мыслитъ, что юноша бѣдный въ свирѣпомъ бою ужъ погибнулъ.
Тутъ-то внезапнымъ отчаяньемъ сердце себѣ воспаливши,
Кличетъ себя всѣхъ несчастій причиной, виной и главою;
Многое рекши въ безуміи, бѣшенствомъ движима лютымъ,

Царскія ризы багряныя рветъ, обреченная смерти;
Узелъ для смерти позорной отъ балки спускаетъ высокой.
Гибель сію злополучныя только узнали Латинки,
Первая кудри златыя Лавинія горестной дланью
Вмѣстѣ съ лицомъ розоцвѣтнымъ терзаетъ; затѣмъ и другія
Вопятъ безумствуя; плескомъ далеко дворецъ завываетъ.
Вскорѣ несчастная вѣсть по всему ужъ расходится граду;
Падаютъ души, въ растерзанныхъ ризахъ идетъ повелитель,
Рокомъ жены сокрушенъ и погибелью цѣлаго царства;
Прахомъ земнымъ оскверняетъ волнистыя кудри сѣдыя;
Много себя онъ винитъ, что не принялъ Дарданца Энея
Раньше несчастій толикихъ, въ зятья что не взялъ добровольно.

Въ крайнихъ полянахъ межъ тѣмъ подвизаяся, Турнъ ратоборецъ
Робкихъ и скудныхъ враговъ ужъ лѣнивѣе по полю гонитъ,
Меньше и меньше довольный коней утомившихся бѣгомъ.
Оному страхи неясные воздухъ текучій приноситъ:
Вопли и смѣшанный гулъ и наставили чуткія уши
Звуки глухіе изъ града и ропотъ, добра не сулящій.
«Горе! какое-жъ несчастіе города стѣны смущаетъ?
Что тамъ за вопли въ тылу отъ далекаго града несутся?»
Такъ говоритъ и бразды удержалъ и стоитъ какъ безумный.
Мощному тотчасъ сестра, что наружность возницы Метиска
Взявъ на себя, и конями и броздами правила брата,
Спѣшно такія слова изрекла: «Турнъ, туда устремимся
Мы за врагомъ, гдѣ побѣда намъ первая путь указуетъ.
Есть и другіе, десницею градъ защитить что съумѣютъ.
Гонитъ Италовъ Эней и кровавыя битвы заводитъ;
Что же? свирѣпою дланью и мы непріятелей сгубимъ;
Съ поля, не меньше сразивъ, и съ неменьшей удачей вернемся».
Князь на сіе говоритъ . . . .
«Охъ! вѣдь давно ужъ узналъ: и тогда, какъ впервые лукавствомъ
Сдѣлку, сестра! ты разстроила, въ эту войну замѣшавшись,
Ниже теперь насъ обманешь, богиня! но съ яснаго неба
Кто-жъ ниспослалъ и такіе труды испытать заставляетъ?
Или чтобъ бѣднаго брата жестокую смерть ты узрѣла?
Ибо куда обращусь и какое мнѣ средство осталось?
Зрѣлъ я своими очами ко мнѣ вопіявшаго горько

Друга Муррана, любезнѣй кого не осталося мужа,
Какъ умиралъ онъ великій, великою раной сраженный.
Палъ злополучнѣйшій Уфентъ, позора сего чтобъ не видѣть;
Тевкры и тѣломъ вождя и доспѣхомъ отбитымъ владѣютъ.
Или и домы низвергнуть (лишь это одно остается)
Ихъ допущу и десницею Дранкову ложь не разрушу?
Тылъ обращу и бѣгущаго Турна Авзонія узритъ?
Развѣ ужъ такъ тяжело умереть? вы добрѣй окажитесь
Маны! ко мнѣ, если вышнихъ любовь отъ меня отвратилась.
Праведнымъ призракомъ лучше и винамъ такимъ непричастнымъ
Къ вамъ низойду и достойнымъ своихъ прародителей славныхъ».

Только сказалъ онъ сіе, какъ летитъ черезъ полчища вражьи
Сакъ на дымящейся лошади, вражеской раненъ стрѣлою
Прямо въ лицо и несется и кличетъ по имени Турна:
«Турнъ! на тебя вся надежда теперь, пожалѣй же о кровныхъ!
Блещетъ громовымъ оружьемъ Эней и грозится низринуть
Зaмковъ верхи Италійскихъ и гибели ихъ предоставить.
Вотъ и огни ужъ на кровли летятъ; на тебя обращаютъ
Очи и взоры Латины, не знаетъ ужъ самъ повелитель,
Съ кѣмъ онъ союзъ заключитъ и кого назоветъ онъ зятьями.
Кромѣ того и Амата, вѣрнѣйшій твой другъ, отъ десницы
Собственной пала и въ ужасѣ свѣта и солнца бѣжала.
Тамъ у воротъ лишь единый Мессапъ съ Атинатомъ отважнымъ
Терпятъ напоръ, обступаютъ кругомъ Дарданидовъ фаланги
Ратью густой и мечами нагими желѣзная нива
Грозно щетинится, ты-жъ колесницу въ пустыняхъ вращаешь».
Тутъ онѣмѣлъ, подавляемый зрѣлищемъ бѣдствій различныхъ,
Турнъ удалой и стоитъ неподвиженъ; бушуетъ жестокій
На сердцѣ стыдъ и безуміе съ горемъ сліянное лютымъ;
Тутъ же свирѣпая страсть и сознаніе доблести прежней.
Только разсѣялись тѣни и свѣтъ для ума возвратился,
Тотчасъ зѣницы горящія на стѣны буйный направилъ;
Ставъ на своей колесницѣ, на городъ глядитъ онъ великій.
Вотъ между ярусовъ вьется огнемъ и ужъ къ вышнему небу
Пышетъ струистый языкъ и высокою башней владѣетъ,
Башней, которую самъ онъ изъ связанныхъ выстроилъ бревенъ,
Ей и колеса подставивъ и мостъ на вершинѣ повѣсивъ.

«Жребій, сестра! жребій силу беретъ, не задерживай долѣ!
Ринусь, куда небеса и Фортуна жестокая кличетъ.
Грудью съ Энеемъ сойтись рѣшено, все горчайшее вынесть
Даже до смерти самой! Рѣшено и ужъ болѣ не узришь
Брата безславнымъ, сестра! дай яриться мнѣ яростью этой!»
Рекъ и спрыгнувъ съ колесницы скорѣй довѣряется полю;
Вотъ сквозь враговъ онъ, сквозь стрѣлы летитъ и сестру покидаетъ
Грустную въ битвѣ и быстрымъ полетомъ полки разрываетъ.
Словно какъ съ темени горнаго камень сорвался великій,
Коего вихремъ снесло или дождь, устремившійся въ бурѣ
Ливнемъ подмылъ иль годами подрыло коварное время:
Мчится въ великомъ стремленьи съ обрыва свирѣпая глыба;
По полю прядаетъ тяжко, людей и стада и дубравы
Вмѣстѣ съ собой увлекая; такимъ-то и Турнъ черезъ рати
Мчался ко стѣнамъ градскимъ и туда, гдѣ обильнѣйшей кровью
Почва напитана, воздухъ великій гдѣ копьями свищетъ.
Машетъ рукой и великимъ притомъ восклицаетъ онъ гласомъ:
«Рутулы! будетъ ужъ вамъ, удержите оружье, Латины!
Чтобъ ни случилося мнѣ отвѣчать, мнѣ единому должно
Мерзкій завѣтъ искупить и желѣзомъ рѣшить это дѣло».
Всѣ отступаютъ предъ нимъ и пространство ему очищаютъ.

Тутъ-то Эней прародитель, какъ Турново имя услышалъ,
Стѣны покинулъ и вышніе города за̀мки оставилъ;
Всѣ презираетъ задержки и всѣ забываетъ работы;
Радостно мчится и въ лютомъ оружіи страшно грохочетъ,
Словно Аѳонъ или Эрикъ великій иль тотъ, что въ блестящихъ
Падубахъ шумъ издаетъ и челомъ бѣлоснѣжнымъ гордяся,
Къ ясному небу восходитъ, отецъ Апеннинъ знаменитый
Въ запуски Рутулы тутъ и Трояне и всѣ Италійцы
Очи свои обратили: и тѣ, что вершины оплотовъ
Ратью щитили и тѣ, что тараномъ низы разбивали.
Съ плечъ низлагаютъ оружіе, самъ тутъ Латинъ изумился,
Видя, какъ въ разныхъ рожденные странахъ вселенной сошлися
Вмѣстѣ великіе мужи и споръ разрѣшаютъ желѣзомъ 9).

Оные-жъ витязи, только очистилось на полѣ мѣсто,
Быстро идутъ и ужъ издали копья великія кинувъ,
Марта заводятъ, щитами сшибаясь и мѣдью звенящей;

Стонетъ земля, вотъ мечами могучими частыя руки
Множатъ удары двойные, сливаются доблесть и случай.
Такъ-то на Силѣ великой, на высяхъ ледяныхъ Табурна,
Къ битвѣ свирѣпой, широкіе лбы обративъ другъ ко другу,
Два соступились вола; отбѣгаютъ и пастыри въ страхѣ;
Скотъ онѣмѣлый недвижимъ стоитъ и не знаютъ телицы,
Кто повелителемъ будетъ лѣсовъ, кто начальникомъ стада.
Оные съ силою многой взаимныя раны наносятъ;
Бьются, рога упирая, и кровью обильною моютъ
Выю и плечи себѣ; завываютъ мычаніемъ рощи.
Такъ-то воитель Троянскій и витязь неистовый Давновъ
Бьются щитами, великій наполнился грохотомъ воздухъ.
Юпитеръ, самъ уравнявши вѣсовъ одинакія чашки,
Держитъ и жребій различный бойцовъ на вѣсы возлагаетъ.
Смотритъ, кого бой осудитъ, чье бѣдствіе чашку наклонитъ.
Ринулся вдругъ, безнаказанно выполнить мня, и всѣмъ тѣломъ
Турнъ подымается мощный, и мечъ высоко воздвигая,
Рубитъ герой. Завопили и Трои и Рутулы въ страхѣ,
Очи направя къ бойцамъ, но внезапно крушится коварный
Витязя мечъ и кипящаго въ самомъ ударѣ покинулъ.
Только на бѣгство надежда. Помчался подвижнѣе Эвра,
Чуть лишь пустую узрѣлъ рукоять и безсильную руку.
Молвятъ, что въ часъ, какъ на битву спѣшилъ и на двухъ запряженныхъ
Коней садился, забылъ онъ родителя Давна желѣзо;
Взялъ въ торопяхъ злополучный оружье возницы Метиска.
Долго оно, убѣгали пока оробѣлые Тевкры,
Князю служило, но чуть лишь коснулось доспѣховъ Вулкана,
Тотчасъ же смертный булатъ словно ледъ сокрушился ничтожный
Разомъ однимъ: только блещетъ обломокъ въ пескѣ золотистомъ.
Тутъ, обезумѣвъ, въ различныя стороны Турнъ убѣгаетъ;
Круги невѣрные онъ то туда, то сюда заплетаетъ.
Тевкры его съ двухъ сторонъ окружили оградою тѣсной;
Съ третьей великое блато, высокія стѣны съ четвертой [10]).

Турна не тише Эней, хоть стрѣлой замедляемы лютой
Временемъ слабнутъ колѣна, отъ службы своей отрекаясь,
Гонится вслѣдъ, за ногой бѣглеца ногу быструю ставя.

Точно, какъ если оленя отыщетъ, рѣкой запертого
Иль огражденнаго страхомъ багряныхъ и трепетныхъ перьевъ,
Псомъ и бѣгущимъ и лающимъ хитрый пугаетъ охотникъ.
Тотъ же, засадой смущенъ и высокимъ удержанный брегомъ,
Тысячу тропъ испытаетъ и кинетъ, а бодрый Умбріецъ
Гонитъ, зіяя, вотъ, вотъ ужъ возьметъ и какъ будто схвативши,
Челюсти щелкнутъ, но тщетнымъ обманутъ ловецъ угрызеньемъ.
Тутъ подымается кликъ несказанный; и бреги и плесо
Вкругъ завываютъ, смятеніемъ цѣлое полнится небо.
Онъ и бѣжитъ и съ мольбой обращается къ Рутульскимъ воямъ,
Кличетъ по имени каждаго, мечъ принести заклинаетъ.
Смертью напротивъ Эней и немедленнымъ мщеньемъ грозится,
Если приблизится кто-либо, робкихъ еще устрашаетъ,
Градъ разорить обѣщая, и раненный вслѣдъ поспѣшаетъ.
Пять совершили круговъ и еще описали ихъ столько-жъ,
Мчася туда и сюда: не пустыхъ вѣдь наградъ, не игорныхъ
Ищутъ они, но о жизни и крови стязуются Турна 11).

Дикая маслина съ горькой листвою и Фавну святая
Тамъ находилася встарь, для пловцевъ досточтимое древо.
Тамъ обычайно дары, изъ волненья спасясь, прибивали
Богу Лаврента и вѣшали ризы свои по обѣту.
Впрочемъ, святого ствола не уваживъ нисколько, Трояне
Сняли его, чтобы на полѣ имъ безъ помѣхи сражаться.
Тамъ-то и стала Энеева пика, туда долетѣла
Въ мощномъ полетѣ и въ корень вонзившись, глубоко засѣла.
Вотъ навалился и хочетъ руками желѣзо исторгнуть
Мужъ Дарданидъ и настигнуть копьемъ бѣглеца, если бѣгомъ
Онъ не настигнетъ. Тогда, обезумѣвъ отъ ужаса, Рутулъ:
«Фавнъ! умоляю, спаси, ты, земля», говоритъ онъ, «святая!
Пику врага удержи, если честь вамъ всегда воздавалъ я,
Тевкры-жъ напротивъ войной алтари уничтожили ваши».
Молвилъ и бога не тщетной молитвой на помощь позвалъ онъ,
Ибо, трудившись не мало и крѣпкимъ задержанный корнемъ,
Древа объятій не могъ никакими тутъ силами мощный
Дардановъ князь разомкнуть. Вотъ, покамѣсть онъ силится тщетно,
Снова въ Метисковомъ образѣ Давново чадо Ютурна
Къ мѣсту бѣжитъ и оружье забытое брату приноситъ.

Это Венера нашла черезъ-чуръ дерзновеннымъ для Нимфы,
Идетъ сама и копье изъ глубокихъ корней исторгаетъ.
Стали, оружье прiявши и храбростью новою сильны.
Сей довѣряетъ мечу, копiемъ крѣпокъ недругъ высокiй.
Другъ противъ друга стоятъ, запыхавшись отъ Мартова спора.

Вѣчной Юнонѣ межъ тѣмъ всемогущiй владыко Олимпа
Такъ говоритъ, созерцая изъ облака сизаго битву:
«Гдѣ же конецъ мы положимъ, жена! что еще остается?
Знаешь сама, что Эней мѣстный богъ; не отвергнешь, что небу
Онъ обреченъ и судьбами ко звѣздамъ возвыситься долженъ.
Что-жъ затѣваешь и въ облакѣ хладномъ зачѣмъ ты коснѣешь?
Смертнымъ оружiемъ бога прилично ли въ битвѣ безчестить
Или утраченный мечъ (безъ тебя не дерзнула-бъ Ютурна)
Мужу опять возвращать, побѣжденнаго мощь умножая?
Брось наконецъ и на наши, супруга, склонись увѣщанья,
Да не грызетъ молчаливую горе такое и самъ я
Частой докуки отъ сладостныхъ этихъ устенъ да не вижу.
Дѣло къ концу ужъ приходитъ. Тѣснить на землѣ и на морѣ
Дардановъ ты возмогла и зажечь несказанную битву,
Домъ опечалить Латиновъ и браки смѣшать со слезами.
Дальше идти запрещаю!» Такiя-то молвилъ онъ рѣчи;
Такъ-то богиня Сатурнiя съ видомъ покорнымъ глаголетъ:
«Ради того, что извѣстно твое мнѣ хотѣнье, великiй!
Нынѣ и Турна и землю покинула я противъ воли.
Иначе въ домѣ эѳирномъ одну бы меня не нашелъ ты,
Доброе-ль, злое-ль терпящей, но въ войскѣ-бъ теперь я стояла;
Пламенемъ злымъ препоясана, Тевкровъ на гибель влекла бы.
Я сознаюсь, что внушила Ютурнѣ злосчастному брату
Помощь подать и что все для спасенья его разрѣшила,
Кромѣ однако стрѣлы, кромѣ выстрѣловъ съ лука тугого.
Въ этомъ Стигiйскiй свидѣтелемъ неумолимый источникъ
Ставлю тебѣ: для боговъ лишь сiя существуетъ святыня.
Нынѣ-жъ на все соглашаюсь, соскучившись бой покидаю.
Дай лишь одно, никакимъ не противное рока законамъ;
Латiемъ нынѣ молю и величiемъ нашего рода:
Бракомъ счастливымъ когда ужъ союзъ укрѣпить долженствуютъ,
Буди, но вмѣстѣ законы свои и уставы смѣшавши,

Пусть же туземцы стариннаго имени тутъ не утратятъ;
Троями имъ или Тевкрами ты не вели прозываться
Или языкъ измѣнять или даже одежду родную.
Латій, Албанскія царства пускай чрезъ столѣтія будутъ,
Доблестью пусть Италійскою Римлянъ возможетъ порода;
Сгибла, такъ дай же погибнуть и съ самымъ названіемъ Троѣ!» 12)

Ей, улыбаясь, сказалъ и людей и вещей сотворитель:
«Зевса ты вправду сестра и второе Сатурново чадо:
Гнѣва потоки толикіе нынѣ подъ сердцемъ вращаешь!
Впрочемъ вотще устремленную ярость смири же, супруга!
Дамъ по желанью; тобой побѣжденъ, уступаю охотно.
Рѣчь Авзонійцы родную и старый обычай удержатъ,
Имя по прежнему будетъ, лишь кровью одной и породой
Тевкры вольются въ Италовъ, обрядовъ и жертвъ имъ прибавя,
Образъ единый пріимутъ и всѣ сотворятся Латины.
Племя сіе, что отъ смѣшанной крови Авзонской возникнетъ,
Ты благочестьемъ людей и боговъ превзошедшимъ увидишь.
Нѣту народа такого, чтобъ столько-жъ тебя возвеличилъ».
Тутъ согласилась Юнона и съ радостью мысль измѣнила;
Съ неба сошла вслѣдъ за тѣмъ и покинула синюю тучу.

Кончивъ сіе, самъ съ собой замышляетъ иное родитель:
Хочетъ отъ братняго боя скорѣй удалить онъ Ютурну.
Молвятъ, что есть двѣ чумы, подъ названьемъ слывущія лютыхъ;
Бурная Ночь ихъ обѣихъ и съ Тартарской оной Мегерой
Разомъ троихъ родила, одинаково всѣхъ повязала
Змѣевъ извивами злыхъ и свистящія крылья дала имъ.
Зевса предъ трономъ онѣ и на прагѣ свирѣпаго князя
Часомъ являются, ужасъ будя для несчастнѣйшихъ смертныхъ,
Если ужасную смерть и болѣзни боговъ повелитель
Хочетъ наслать или ратью виновные грады смущаетъ.
Съ высей воздушныхъ изъ сихъ тутъ единую быструю мощный
Зевсъ ниспослалъ, чтобъ Ютурнѣ предвѣстіемъ лютымъ предстала.
Оная мчится и на землю вихремъ летучимъ стремится
Словно сквозь тучу желѣзо, тугимъ напряженное лукомъ,
Въ битвѣ что Парѳъ удалой, смертоноснымъ снабженное ядомъ,

Пареъ ли, Кидонъ ли стрѣлу неисцѣльную въ недруга кинулъ.
Свищетъ она и текучій туманъ невидимкой проходитъ.
Такъ и рожденная Ночью помчалась, къ землямъ направляясь.
Войско узрѣвъ Иліона и рати великія Турна,
Въ малую птицу богиня свирѣпая вмигъ сократилась:
Въ ту, что порой на курганахъ высокихъ, на скалахъ пустынныхъ
Ночью сидитъ и во тьмѣ непріятная мракъ воспѣваетъ.
Образъ такой-то принявъ, передъ Турновымъ, мерзкая, ликомъ
Носится съ шумомъ и крыльями хлопаетъ, щитъ задѣвая.
Оному члены внезапная слабость и дрожь разрѣшаетъ;
Дыбомъ поднялись власы и пресѣкся отъ ужаса голосъ 13).

Лютую издали только по свисту и крыльямъ узнала,
Рветъ распущенныя косы несчастная Нимфа Ютурна,
Щеки ногтями сквернитъ и ударами грудь поражаетъ.
«Что же мнѣ дѣлать теперь? чѣмъ же Турнъ! чѣмъ, сестра! помогу я!
Что для меня злополучной осталось? какимъ же искусствомъ
Жизнь я твою продолжу? воспротивлюсь ли звѣрю такому?
Нѣтъ, покидаю войну: не страшите меня, не страшите
Птицы поганыя! крылій удары и такъ понимаю;
Слышу могильные звуки, свирѣпые чую приказы
Мощнаго Зевса; такъ вотъ чѣмъ меня награждаетъ за дѣвство!
Вѣчная жизнь для чего же дана, для чего же людскую
Отняли участь? могла бы толикія скорби окончить
Нынѣ же я и сопутствовать брату несчастному къ Манамъ.
Дали безсмертье, но развѣ мнѣ что-либо сладостнымъ будетъ,
Братъ! безъ тебя? о какая-жъ настолько глубокая пропасть
Сможетъ раскрыться, богиню къ тѣнямъ чтобъ отправила дольнимъ!»
Такъ говоритъ и главу покрываломъ лазурнымъ обвила,
Громко стеня, и въ потокѣ глубокомъ богиня сокрылась.

Идетъ Эней на врага и копьемъ исполинскимъ сверкаетъ,
Древомъ великимъ герой и свирѣпою грудью вѣщаетъ:
«Что же? какая задержка еще и куда уклонишься?
Днесь не ногами, но лютымъ оружіемъ спорить должны мы.
Всѣмъ обернись, если хочешь; спасайся, какъ знаешь, отъ смерти,
Духъ и искусство насколько властны; подъ высокія звѣзды

Ты на крылахъ поспѣшай, замыкайся въ пещерахъ подземныхъ».
Врагъ, потрясая главу: «не твои устрашаютъ, свирѣпый!
Рѣчи кипящія; боги смущаютъ и Юпитеръ недругъ!»
Только и молвилъ всего и взглянулъ онъ на камень великій,
Камень великій, старинный, по случаю въ полѣ лежавшій;
Пашни границей служилъ и разсуживалъ распри о нивахъ.
Шесть бы отборныхъ съ трудомъ возложили его на рамена
Сильныхъ мужей, каковые землей порождаются нынѣ,
Онъ же поспѣшной рукой ухватилъ и въ Энея нацѣлилъ,
Выше вставая и бѣгомъ могучимъ герой возбужденный.
Тутъ не узналъ онъ себя, ни бѣжавшимъ, ни къ недругу шедшимъ,
Ниже десницу поднявшимъ и движущимъ камень великій.
Ноги дрожатъ и сгущается кровь отъ ледяного страха,
Такъ, что и самый тотъ камень, сквозь воздухъ пустой устремленный,
Даже пространства всего не прошелъ и ударомъ не грянулъ.
Словно во снѣ, какъ холодный усталыя очи закроетъ,
Ночью покой, тутъ нерѣдко въ мечтахъ вожделѣнное бѣгство
Мы зачинаемъ вотще и въ срединѣ усилій внезапно
Падаемъ слабые; тутъ ни языкъ не речетъ, ни довлѣютъ
Силы знакомыя; рѣчь и слова не выходятъ изъ горла;
Такъ-то и Турну, какимъ онъ усильемъ побѣды не ищетъ,
Лютая дѣва удачи не дастъ. Между тѣмъ возникаютъ
Разныя на сердцѣ мысли; на Рутуловъ смотритъ, на городъ;
Страхомъ смущается, видя копье занесеннымъ, трепещетъ;
Какъ отступить—онъ не знаетъ, не знаетъ, какъ съ недругомъ биться,
Ниже своей колесницы не зритъ и возницы Ютурны.
Въ коснаго славный Эней копіемъ обреченнымъ сверкаетъ,
Мигъ улучивши очами, и цѣлымъ онъ тѣломъ подъемлясь,
Издали выстрѣлилъ. Такъ ни махиною кинутый грозной
Камень не свищетъ большой, ни отъ молніи самой подобный
Трескъ не расходится въ воздухѣ. Мчится, какъ черная буря
Пика, свирѣпую гибель неся, разверзаетъ покровы
Брони тройной и щита семислойнаго крайнюю доску;
Свищетъ и прямо въ средину бедра. Упадаетъ пронзенный,
Ногу свою подогнувъ, надъ поляною Турнъ исполинскій
Рутулы стонъ воздвигаютъ великій и цѣлая разомъ
Вкругъ завываетъ гора и грохочетъ по рощамъ высокимъ.
Онъ же, смиренно моля, устремляетъ и взоръ и десницу:
«Да, заслужилъ, сознаюсь, и на жребій не жалуюсь», молвитъ;

«Пользуйся счастьемъ твоимъ, но сѣдого отца если можетъ
Тронуть кручина тебя, то молю (вѣдь имѣлъ же и самъ ты
Старца такого Анхиса) надъ Давновой старостью сжалься!
Или меня иль по крайности свѣта лишенное тѣло
Кровнымъ отдай. Побѣдилъ ты и видѣли нынѣ Авзоны
Турна, простершаго длани. Твоя и Лавинія дѣва!
Горшаго ты не твори». Тутъ стоитъ подъ оружьемъ удалый
Витязь Эней и очами взираетъ и длань укрощаетъ.
Больше и больше уже начиналъ онъ, замедленный, жалкой
Рѣчью смягчаться, какъ вдругъ на высокомъ плечѣ увидалъ онъ
Поясъ злосчастный и пряжки блеснули знакомыя эти,
Отрока ноша Палланта, его же свирѣпою раной
Турнъ умертвилъ и доспѣхомъ тогда-жъ опоясался вражьимъ.
Дарданскій витязь, какъ взоромъ на памятникъ лютаго горя
Тутъ насмотрѣлся, отъ фурій вспылалъ и ужасенъ во гнѣвѣ,
Яро воскликнетъ: «какъ! ты ли, моихъ одѣянный доспѣхомъ!
Нынѣ уйдешь отъ меня? Нѣтъ, Паллантъ сею раною, Паллантъ!
Губитъ тебя и отъ крови преступной отмщенье взимаетъ!»
Такъ говоря, подъ враждебною грудью желѣзо скрываетъ
Яростный князь, у того-жъ разрѣшаются холодомъ кости,
Слышится стонъ и душа, негодуя, къ тѣнямъ понеслася.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эней былъ спасенъ подъ Троей Венерою, которая унесла его раненнаго въ облакѣ.

2) Ориѳія—жена Борея, владѣтеля лучшихъ коней. Орихалкомъ называли поэты какой-то миѳическій драгоцѣнный металлъ, дороже золота.

3) Лимомъ назывался священный передникъ жрецовъ; Вербеной называлась трава, взятая со святого мѣста.

4) Марика нимфа, мать Латина, происходила отъ солнца. Викторія есть богиня побѣды или лучше сказать олицетворенная побѣда.

5) Подъ двоякимъ родомъ Латоны разумѣются Аполлонъ и Діана.

6) О Долонѣ и его смерти разсказано въ Иліадѣ. Эдоны—Ѳракійскій народъ, а Борей представлялся Грекамъ вѣтромъ, дующимъ изъ Ѳракіи. Эгейское море тоже, что Архипелагъ.

7) Диктамнъ встрѣчается въ нашихъ садахъ. Научное его имя есть Диктамнусъ Фраксинелла. Его цвѣты сильно пахучи.

8) Лерна—озеро и рѣка въ Арголидѣ на границахъ Аркадіи. Вѣтви лавра

сильно трещатъ на огнѣ. Подъ двумя Ликійскими братьями разумѣются Кларъ и Ѳемонъ, о которыхъ сказано въ девятой книгѣ Купенками назывались жрецы у Сабиновъ. Лирнессъ—городъ въ Троадѣ.

9) Рѣчь идетъ о той вершинѣ Апеннина, на которой стоялъ храмъ Зевса Апеннина.

10) Сила гора и лѣсъ въ Бруттіи, въ южной Италіи. Табурнъ другая гора въ южной Италіи.

11) Умбрійскіе псы (Умбрія—область въ средней Италіи) славились между охотниками.

12) Юнона напоминаетъ Зевсу, что цари Латиновъ происходятъ тоже отъ Сатурна.

13) Фуріи Аллекто и Тисифона служатъ по временамъ Юпитеру. Напротивъ того, третья Фурія, то-есть Мегера, всегда находится въ аду. Кидонъ—житель города Кидоніи на Критѣ. Фурія обратилась въ сову.

Есть и въ этой пѣсни сомнительныя мѣста, но такъ какъ она по всему вѣроятію была отдѣлана менѣе всѣхъ прочихъ, то и трудно судить, что въ ней могло принадлежать Виргилію и что нѣтъ.

ОПЕЧАТКИ.

стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8.	Таинство	Таинства
13.	тещутъ	тешутъ
19.	двухъязычныхъ	двуязычныхъ
21.	подавитель	подаватель
23.	называемою	называемаго
28.	Тенецъ	Тенедъ
—	Долоны	Долопы
29.	покамѣстъ	покамѣсть
33.	заколол̧ъ	закол̧алъ
35.	стѣны	стогны
36.	Деифабовъ	Деифобовъ
38.	противъ	противу
39.	Богини	Башни
41.	слетавшія	слетѣвшія
47.	Это	Этого
54.	люду	люда
56.	Фебу	Феба
68.	гненутъ	гнетутъ
77.	жертвѣ	жертвы
—	Нина	Нынѣ
78.	тѣлъ	тѣмъ
92.	кормилица	кормилицѣ
94.	Кирена	Кирены
97.	далеко	недалеко
110.	жребій	жребіи
137.	Парѳеноней	Парѳенопей
138.	Денфобъ	Деифобъ
139.	Денфобъ	Деифобъ
140.	иной	оной
150.	Денфобъ	Деифобъ
151.	долѣе	долгое

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
стр.	
157. земля	заря
167. жезломъ обозженнымъ	коломъ обозженнымъ
— коломъ иль жезломъ	жезломъ иль коломъ
180. станѣ	станы
181. градомъ	градамъ
182. мѣста	мѣстъ
183. Эликтры	Электры
201. Янигъ. Янииговъ	Япигъ. Япиговъ
203. Калкъ	Каикъ
209. Дамъ	Дастъ
219. требницъ	требищъ
225. мѣднобранныхъ	мѣднобронныхъ
237. Теворонтомъ	Теѳрантомъ
257. одинокіе	одинакіе
282. Турнъ	Турна
284. сонмы	сонмѣ

ОГЛАВЛЕНІЕ.